

РУССКАЯ
ПОЭЗИЯ
ДЕТЯМ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
ДЕТЯМ

***РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
ДЕТЯМ***

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

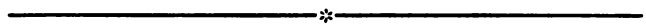
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

***РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
ДЕТЯМ***

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1989

ББК 84.Р1
Р 89

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

*Вступительная статья,
составление, подготовка текста,
биографические справки и примечания
Е. О. ПУТИЛОВОЙ*

Редактор Д. М. Климова

Р $\frac{4702010102-006}{083(02)-89}$ 428—88

ISBN 5—265—01070—X

© Издательство
«Советский писатель», 1989 г.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ДЕТЯМ

Детская литература — и проза, и поэзия — гармонически сочетает в себе два понятия: круг детского чтения и собственно литература для детей. Первое понятие издавна было неизмеримо шире второго: начиная с конца XVIII века к детскому чтению все чаще стали относить произведения (в адаптированном виде, в пересказах, а затем и полностью), изначально обращенные не к детям, а к взрослым читателям. Так, прочно вошла в круг детского чтения поэзия Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, В. В. Маяковского, А. Т. Твардовского, а также произведения многих русских, советских и зарубежных прозаиков — список тут был бы безграничен.

Вместе с тем в истории русской литературы, в частности русской поэзии, очень рано стало выделяться такое специфическое явление, как поэзия для детей, то есть стихи, сознательно, направленно писавшиеся в расчете на детского читателя. В ходе своего развития русская поэзия для детей постепенно, особенно после Октября, обретала самостоятельность как характерная ветвь поэзии в целом. В настоящем издании представлен дооктябрьский ее период.

1

«Начало искусства слова — в фольклоре» — эта, ставшая крылатой, фраза М. Горького в полной мере приложима к детской поэзии. Задолго до появления первых книжных стихов широкое распространение в русской народной поэзии получили детские песни, «стихи», присловья, потешки, пестушки. «Многие произведения детского фольклора перешли к детям так давно, что память об этом утратилась,— писала О. И. Капица,— относительно других этот переход совершился во времена недавние...»¹ Создававшийся веками в недрах фольклорной устной культуры, менявшийся, обогащавшийся, утрачивавший что-то на разных этапах

¹ Капица О. И. Детский фольклор. Л., 1928. С. 9.

истории, детский поэтический репертуар лишь частично дошел до нашего времени. Он продолжает жить в своих естественных формах в памяти и исполнении все новых поколений детей, мам, бабушек. Став, благодаря записям и публикациям, достоянием книги, в читательском восприятии он уподобился литературе.

Устная детская поэзия обладает своими неповторимыми специфическими качествами, которые характеризуют ее как органическую часть самобытной фольклорной культуры в целом. Многие исследователи справедливо определяли своеобразие детского фольклора прежде всего его педагогической направленностью. «Опираясь на большой опыт народной педагогики,— пишет Э. С. Литвин,— исполнители детского фольклора неизменно учитывали особенности восприятия детей, проявляли глубокое понимание интересов ребенка, умели считаться с его возрастом. В область детского фольклора входили и переходили только такие произведения, тематика которых соприкасалась с задачами воспитания, с интересами детской аудитории, а форма была доступна ребенку определенного возраста... Изучая народное творчество для детей, можно убедиться, с какой тонкостью здесь учтены и закреплены в образе и слове общенародные наблюдения над психологией детства».¹

Русский классический детский фольклор творился и в наиболее полной и естественной форме жил в деревне. Органичны и многосторонни его связи с основами и специфическими особенностями традиционного крестьянского труда и быта, семейных отношений, представлений о мире, с богатейшими традициями живой крестьянской речи.

Наиболее общее (и, пожалуй, универсальное) свойство традиционного детского фольклора — это его непременная включенность в многообразную повседневную жизнь детей.

Начиная с колыбельных песен ребенок по-своему активно воспринимает живое песенное слово, приобщаясь к мелодии, к ритму музыки. В таких своеобразных «младенческих» жанрах, как пестушки и потешки, впервые для ребенка слово выступает в нерасторжимом единстве с движениями, хотя и элементарными, но организованными, запрограммированными. Самый характер связи слов и движений здесь различен. Пестованья («тютюшканья») — поглаживание по телу, подбрасывание и подхватывание, другие движения, ритмически упорядоченные, составляющие некоторый физический комплекс, — сопровождаются музыкой, движением стиха, почти обязательной игрой слов. В потешках, напротив, определяющим началом оказываются слова, не только организованные ритмически и рифмой, но и сложившиеся в сюжетное повествование или в диалог, движения же пальцев и рук словно бы оживляют, воплощают пропеваемый «сюжет». «Ладушки», «Сорока-ворона» — это

¹ Литвин Э. С. К вопросу о детском фольклоре // «Русский фольклор: Материалы и исследования». М.; Л., 1958, Т. 3. С. 97.

образцы самого первого, детского «эпоса», в которых есть и драматическая событийность, и нравственные уроки.

С того момента, когда ребенок расстается с колыбелью и вовлекается в общую жизнь, он оказывается погруженным почти целиком в коллективный быт, в коллективное общение детей. Наиболее яркой формой такого общения является игра. Игровой песенный (или стихотворный) фольклор естественно занимает значительное место в детском репертуаре. Самая структура многих детских песенок и стихов обусловлена порядком, «техникой» игры и ее элементов: таковы тексты, сопровождающие игры в «палочку-выручалочку», в «горелки», «кулючки», «волка и гусей», «коршуна»; таковы популярные в прошлом детские хороводные игры с персонажами — животными, птицами, пчелами и т. д.

Будучи включенным в разные игры, составляя обязательный элемент вступления почти в каждой игре (считалки), детский фольклор и сам в отдельных своих жанровых разновидностях выступает как более или менее законченная игра: таковы дразнилки — своеобразный способ борьбы, сведения счетов, установления внутриколлективных отношений при помощи традиционных стихов, формул. К ним примыкают стишки-остроты и присловия на разные типовые случаи. В этом же ряду можно рассматривать «сидячие» игры, смысл которых почти целиком заключен в их словесном элементе и сводится к тому, что играющие не должны ошибиться в ответах, в выборе слов и т. п.

По существу, исполнение детьми ряда популярных в их среде песен, которые не привязаны к каким-либо играм или действиям, также представляет собой вид самостоятельной игры. Сюда относятся песенки-сказки, песни кумулятивные, повествовательные, юмористические, «небыличные».

Доля участия детей в празднествах, обрядах различалась в зависимости от характера обрядов. В некоторых календарных обрядах она была велика. Группы детей были главными исполнителями зимних колядок. Дети активно участвовали в праздниках встречи весны и других. В позднем крестьянском быту отдельные обряды перешли почти целиком в детский обиход, а вместе с ними в детском фольклоре закрепились соответствующие тексты. То же произошло с некоторыми песнями магического характера — обращениями к солнцу, дождю, радуге:

Уж ты радуга-дуга,
Поведи меня в луга...

Таким образом, основной массив детского традиционного фольклора органически соединяет в себе поэзию и игру. Такие внехудожественные связи, вообще присущие традиционному фольклору, нисколько не умаляют поэтических достоинств, но придают ему как искусству особую окраску. Все дело в том, что художественное богатство текста, многообразии заключенных в нем значений и оттенков, эффект его эстети-

ческого воздействия в более или менее полной степени обнаруживаются в процессе живого исполнения в естественной обстановке, при наличии всех компонентов, в том числе и «внешних», включая живое пространство исполнения, «воздух» среды, всю совокупность поведения участников, их внешний вид, «реквизит», реакцию слушателей, все множество возникающих импровизационных подробностей, не говоря уже об особенностях самого исполнения — пропевания или выкрикивания, выговаривания текстов. Просто читая тексты, мы многое теряем, и лишь некоторое знание внепоэтического окружения текста позволяет восполнить этот пробел. Разнообразие жанров детского фольклора соотносится с разнообразием бытового назначения, а вместе с тем каждому возрасту соответствуют свои виды фольклора, с возрастом происходит смена репертуара, проявляется тяготение к другим жанрам, которые, в свою очередь, различаются по содержанию, по образности. Сказанное в полной мере относится и к поэтическим фольклорным произведениям для детей, которые сверх того обладают и рядом специфических особенностей.

Мы вправе говорить о художественном мире детского фольклора в его отношении к действительности как о некоем едином целом. Мир этот представляет собой поэтическое единство, образованное причудливым переплетением реальности и вымысла, обыденного и необычного. Окружающая крестьянских детей реальность в различных ее проявлениях неизменно напоминает о себе в песнях, стихах, считалках. Изображаемое всегда заключено в хорошо знакомые ребенку пространственные и предметные рамки (луг, речка, мельница, улица, баня, изба, сад, печь и т. д.). Столь же знаком и привычен набор реалий быта (колыбель, лапти, горшок с кашей, калачи и пряники). Детской поэзии близки трудовые заботы земледельца, с надеждой ожидающего весны; она знает мотивы нужды, грозящего голода. Вполне реален подбор персонажей из мира природы — никакой экзотики: кот, голубок, коза, петух...

Все дело, однако, в том, что реальность эта, как бы густо ни насыщала она песни и стихи, почти никогда не остается в своем обыденном состоянии, но настойчиво и успешно преобразуется, в результате оказывается включенной в специфический фольклорно-образный мир. Преобразование идет по нескольким линиям. Одна из них — поэтическая идеализация привычных предметов, придание им необычного вида, небывалой ценности и красоты, отмеченных богатством и яркостью: колыбель — золотая, постель — пуховая, одеяло — соболиное. При этом и сам «герой» меняет свой облик: крестьянский младенец превращается в богатого, ему уготовано счастливое будущее, его окружают «мамушки» и «нянюшки». Поэтизация обыденного может происходить и без непременно перевода в иной социальный статус: поэтически возвышается то, что окружает крестьянского ребенка, происходит открытие для него

красоты обыденного мира — горшка с кашей, лаптей, ложки, гнущейся от густого киселя.

Другой путь преобразования — сказочные превращения и уподобления. Упоминаемые в песнях самые обыкновенные звери, птицы, насекомые неизменно обретают сказочные формы: они уподобляются людям или оказываются даже сильнее людей, творят человеческие дела либо совершают нечто необыкновенное. Мир природы одновременно приближен к жизни и сознанию ребенка и в то же время обладает фантастическими возможностями — но вполне соразмерными детскому восприятию. И сами дети оказываются способными на то, чтобы совершить необыкновенное: остановить дождь, вызвать солнце, отправить на отдых зиму. В песнях и стихах необычайное происходит с самыми простыми предметами и персонажами. «Домашний» характер необычайного подчеркивает их достоверность, одновременно с этим обычное поднимается на уровень высокой поэзии:

Жаворонки, прилетите,
Красну вёсну принесите...

В детском фольклоре есть жанры, где «естественность» необычайно нарушается, где оно выступает в нарочито заостренной форме, «вывернутым» и потому заведомо неправдоподобным. Так называемые «небыличные» песни — о похождениях комара или блохи, о звериных свадьбах, о животных-щеголях и т. д. — представляют собою образчики фольклорного юмора с элементами сатиры, обращенной к миру людей.

Характерная особенность детского фольклора — острое ощущение художественной природы языка, увлечение словесной игрой, стремление к выявлению забавного, яркого в звучании слова. Отсюда — обилие рифмовки, острых созвучий, повторов, «выдуманных» слов:

Трынцы,
Волынцы,
Пяты́й,
Мяты́й,
Шохман,
Тыкинть...

Словесные игры в полной мере торжествуют в считалках, сама функция которых не требовала от текстов логической завершенности и связного смысла, но встречаются и в текстах самых разных жанров:

Выбегла дубина
С мальчиком в руках,
А за ним тулупчик
С бабой на плечах...

Таким образом, словесная игра, «заумь» возникли и с блеском проявили себя в детском фольклоре задолго до появления в литературе. Впоследствии, в руках больших мастеров, словесная игра стала одним из самых выразительных приемов.

Но, конечно, не только этот прием — свидетельство близости «авторской» поэзии для детей и поэзии народной. Они кровно связаны по самым главным линиям, в первую очередь тем, что детская литература также сочетает искусство с педагогикой. Детская литература вобрала в себя, сохранила и продолжает развивать самые ценные открытия фольклора. По-прежнему один из самых излюбленных жанров детского стиха — колыбельная; по-прежнему поэты сочиняют для детей загадки, потешки, считалки, заклички; по-прежнему видное место занимает игровая поэзия. Приходят новые формы, жизнь диктует новое содержание, но народная поэзия, как чистый и неиссякаемый источник, питает и будет питать поэзию для детей.

2

Начало зарождения книжной поэзии для детей относится к первой трети XVII века. Едва ли не первой книгой, в которой появились стихи, обращенные к детям, явился «Букварь» 1634 года, составленный «трудами и тщанием Василия Бурцева и прочих соработников» (через три года вышло второе его издание).

В этом и в других букварях и азбуковниках первой трети XVII века молитвы и материалы чисто учебного назначения перемежались обращениями к ученику, чаще всего в стихотворной форме. В них содержалась проповедь норм поведения для отрока, обосновывалась некая программа жизни. Первой, najważнейшей добродетелью утверждалось слепое послушание; главным орудием воспитания служил страх физического наказания:

Малым розга березовая ко воуменю,
Старым же жезл дубовый ко подкреплению;
Млад убо не может без розги учити,
Той же без жезла старый не может ходити.

Корень учения в XVII веке был, действительно, горек:

Сад новый аще
водами поится, цветет,
и овощ от него родится;
учения корень горек есть,
плоды же его
суть сладки.

Постепенно рядом с угрозой наказания в книгах все чаще возникал совершенно другой — притягательный стимул, который призван был сделать для отрока желанным и учение, и суровые житейские правила: поэтическое слово.

Та же самая, по форме, проповедь стала приобретать совсем другие черты; происходило это тогда, когда за безликой массой учеников автор начинал видеть человека при его первых жизненных шагах, в тот благодатный период, когда он больше всего способен воспринять брошенное в почву зерно: «К мягкому воску чисто печать воображается, Также учение во младости крепче вкореняется». В проповеди появлялось указание на высокую цель учения: «И тако достигнеши мудрых совета И будеши истинный сын света». Уже не страхом и не слепым повиновением должен был руководствоваться ученик, а любовью к учению; самый процесс учения нашел выражение и закрепился в образной метафоре: «Аки сладкую реку пити...»

Внутренний пафос проповеди и обращения к ученику, отроку, требовал выразительного поэтического слова. Найденные и закреплённые художественные формулы: «аки мед во устех», «аки сладкий мед кушает», сравнение детской натуры с «мягким воском» украшали и обогащали проповедь.

Как известно, в большой степени уклад жизни людей XVI — XVII веков отразил «Домострой». В этом своде жизненных правил серьезное внимание уделялось и периоду детства. Своеобразной поэтической вариацией этого памятника явился анонимный «Виршевой Домострой», написанный в середине XVII века. Здесь периоду детства в общем своде правил уделялось чуть ли не главное внимание. Характерен подзаголовок: «Наказание от некоего отца к своему сыну, Дабы он подвизался о добрых делах выну». В наставлениях отца — любовь («Тебе, свету возлюбленному, моему чаду, Аки цветущему винограду») и забота о душевном и телесном здоровье сына. Первое условие душевного здоровья — внутреннее совершенствование: «И не ходити бы тебе по чужим забралом, Промышляти бы тебе душевным своим ралом». Смысл изречения в том, что сын не вправе растрчивать себя без пользы, а должен употреблять время на то, что может обогатить его самого, на то, чтобы «возделывать», «вспахивать» свою душу. Праведное служение богу, скромность, терпимость к тем, кто обижен судьбой («А слепа и хрома и всякого никого не укорити»), доброта — вот идеалы, к которым призывает отец сына. В стихах возникают образы матери («Мати бо твоя родила тя в печалях И всегда нощию о тебе скорбела И со всяким усердием о тебе болела») и отца («Да и аз грешный, отец твой, многое попечение имел, Такжеже всегда сердцем о тебе скорбел...»). «Виршевой Домострой» концентрирует многие мотивы, идеалы и представления о главных чертах человека. Открытые

назидательность и морализирование уступают здесь место эмоциональному и образному слову.

Из многих произведений XVII века, обращенных к юному читателю, выделяются книги Кариона Истомина (середина XVII — 1717 или 1720), которого по праву называют первым русским детским писателем.¹ Все то, что для ученика могло казаться лишеным смысла и требовало лишь зубрежки под страхом наказания, в стихах Кариона обретает ясность, простоту и одухотворенность: он предлагает увидеть гармонию и красоту именно в том, что открывается ученику и в самом процессе обучения.

Грамматика учит знати,
Глаголати и писати благо.
Грамматику, душе, слыши,
писмена в ней изучивши.
Обзри смыслом аз и буки,
емли перо в твои руки.

(Из книги «Полис»)

Лучшим созданием Кариона стал его «Лицевой букварь». Можно считать, что в этой книге совершилось открытие одной из важнейших специфических особенностей детской литературы: наглядности. Наглядность стала впоследствии присуща не только учебной книге, но и художественной, вплоть до нашего времени (взять хотя бы, к примеру, «Веселое путешествие от „А“ до „Я“» С. Маршак).

Карион построил свой «Букварь» в традициях древнерусской книжности. Каждой букве он отводил отдельную страницу, давал большое картинное изображение буквы заглавной, рядом с ней шли скорописные буквы на разных языках, под ними — картинки, названия которых начинались с данной буквы, а еще ниже — стихи к этим изображениям. Карион ставил перед собой нелегкую задачу: объединить в небольшом стихотворении, казалось бы, совершенно далекие друг от друга предметы. Здесь и проявилось его мастерство. Сближение и противопоставление вещей имело одну цель: дать обобщенную картину мира и отношений в нем. Возникало чудо поэзии, понятия и предметы приобретали новый смысл.

¹ См.: Бабушкина А. Очерк истории детской литературы // «Хрестоматия по детской литературе». М., 1940. С. 10; Бабушкина А. История русской детской литературы. М., 1948. С. 40; Сетин Ф. Зарождение русской детской литературы. М., 1978, С. 73.

Киты суть в морях,	кипарис на суше,
юный, отверзай	в разум твоя уши.
В колесницу сядь,	копием борися,
конем поезжай,	ключем отоприся.
Корабль на воде,	а в дому корова,
и кокошь в требу,	и людем здорова.

(Из «Лицевого букваря»)

Карион выявлял разнообразные возможности каждой буквы — видовые, звуковые, смысловые; круг как бы замыкался. Но, переходя от буквы к букве, ученик совершал путешествие, в результате которого усваивал не только азбуку, но и множество понятий познавательного и нравственного характера. «Лицевой букварь» становился своеобразной поэтической энциклопедией.

Весело и свободно делал он наставления в своем стихотворном переложении «Домостроя»: учил есть «помалу, чего доведется», при этом поучая: «Не разгребай на блюде рукою... И не обляжь на стол, не колышь ногою». Давал первые уроки этикета: «Еще сие юнии да знают: Шапкую носа да не отирают». Напоминал: «Очи, нос, уста отирати платом. В посмех не молвити с отцем и братом». Лет через двадцать об этом поведает книга «Юности честное зеркало» (1717). Вызвала сенсационный интерес глава, рассказывающая о том, «Како младый отрок должен поступать, когда оный в беседе с другими сидит»: «В первых обрежь свои ногти, да не явится, яко бы оные бархатом обшиты. Умой руки и сиди благочинно, сиди прямо, и не хватай первый в блюдо, не жри, как свинья... не сопи, егда яси... ешь что перед тобой лежит, а инде не хватай... Над яствою не чавкай... и головы не чеши, не проглотя куска, не говори... Около своей тарелки не делай забора из костей, корок, хлеба и прочего...»¹ Как будто и те же советы, но насколько наставник в лице Кариона кажется этичнее, мягче, интеллигентнее.

Карион охотно шел навстречу привилегиям детства: он понимал, что у ребенка есть потребность в игре. Осуждая игру в кости и карты на деньги, он поощрял те игры, которые доставляют веселье и приносят физическое удовольствие. Соблюдая дистанцию между старшими и младшими, с равным уважением обращаясь к последним: «О человецы вси и юные дети!», он указывал на непреложные обязанности юности: «Умнословна бо душа в человеце. Учится долг всяк в своем веце» (т. е. в определенном возрасте). Живое лицо начинающего жить человека, и не только мальчика, но и девочки, видится со страниц «Домостроя» Кариона Истомина.

¹ «Юности честное зеркало». Спб., 1767. С. 56—57.

В русской литературе для детей XVIII века поэзия надолго уступила место прозе. Большое количество возникших при Петре школ потребовало увеличения учебно-прикладных книг, нужны были всяческие руководства для молодых людей — по правилам поведения, этикету и т. п. Все большее распространение получала переводная литература. Особенным успехом пользовались переводы византийских и западноевропейских рыцарских романов; из рук в руки переходили повести: «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Петр — Златые ключи», «Александрия». Начиная с XVII и особенно в XVIII веке в круг детского чтения входили басни Эзопа, «Дон-Кихот» Сервантеса, сказки Перро, «Путешествие Гулливера» Свифта.

Обогащению и расширению кругозора растущего человека способствовала характерная для литературы XVIII века форма назидательной беседы наставника с учеником, отца с детьми. Начало здесь положил перевод политико-нравоучительного романа Франсуа Фенелона (1661—1715) «Приключения Телемака, сына Улиссова». Странствия Телемака и его старшего друга воспитателя Ментора, чье имя стало нарицательным, их беседы вовлекали читателя в круг разнообразных знаний о многих странах и явлениях окружающего мира. Форма беседы стала характерной для многих произведений русской детской литературы XVIII века, такова, к примеру, известная книга Андрея Болотова «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одной госпожей и ее детьми» (1776).

Со временем просветительский характер такого рода книг, связанный с влиянием идей Руссо и его романа «Эмиль, или О воспитании» (1762), начал уступать место назойливому морализированию, ограниченной назидательности. Появляются многочисленные «Разговоры...»: «Разговоры благоразумной наставницы с благовоспитанными воспитанницами», «Детское училище, или Нравоучительные разговоры учительницы с ее знатными разных лет ученицами» (1764), «Письма матери сыну о праведной чести и к дочери о добродетелях, приличных женскому полу», «Зеркало добродетели» (1794) и т. п. Круг добродетелей, которые должен был постичь ребенок, был чрезвычайно ограничен: речь шла в основном о послушании и благонравии.

На совершенно другой уровень был поднят разговор о том, какими чертами должен обладать растущий человек, в стихотворениях русских поэтов-классицистов второй трети XVIII века. Здесь наметилась определенная тенденция — средствами поэзии способствовать воспитанию будущих воинов, будущих художников, деятелей просвещения. Обращаясь к подросткам, к юношеству и видя в них будущих граждан, поэзия выдвигала новые критерии: она утверждала культ разума, высокого достоинства, скромности, образованности, личного мужества.

«Письмо к девицам г-же Нелидовой и г-же Борщовой» А. П. Сумарокова — не только дань восхищения успехами воспитанниц Смольного института на школьной сцене, их разнообразными талантами, увлеченностью искусством. В воспитании и образовании подобного рода поэт видит залог будущего: в первую очередь надежду на просвещенное потомство.

В «Послании к российским питомцам свободных художеств» Я. Б. Княжнина успехи в живописи связываются с общей культурой художника:

Но чтобы вечности в бессмертный храм войти,
Талант единый слаб к свершению пути,
Когда, не озарен пространством просвещеньем...
...Он в дикости своей пребудет укреплен.

Автор приводит в пример живописцев образованных, владеющих секретами других искусств и наук. Но даже достигнув права называться творцом, художник должен подняться еще на более высокую ступень. «Напредь талантов всех нам нужен человек» — вот та вершина, сравнения с которой не выдерживает чиновная лестница: «Не занимаясь вовек о рангах спором, Рафаел не бывал коллежским ассессором». И окончательный вывод: «Но духом кто велик — велик и без чинов».

«Послание...» Княжнина написано в высоком одическом стиле, торжественно звучит его голос наставника, обращающегося к своей пастве:

О вы, которые под сению спокойства
Стремитесь открывать вам небом данны свойства,
Питомцы росские художеств и искусств...

Столь же торжественно, почти однотипно начинается «Ода седьмая» М. Н. Муравьева: «О вы, которые хотите Вступить под бранны знамена!». Тех, кому посвящает оду Муравьев, ждет совсем другое поприще, у них иные цели и задачи. Но и здесь главное место занимают мысли о первостепенном для человека:

Но прежде чем в сраженьях мчиться,
Довлеет, други! научиться
Собой самим повелевать...
Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души...

С начала 1770-х годов в русской поэзии получает развитие сентиментализм. На место культа разума приходит культ «естественного человека», происходит открытие человеческой души, ее эмоциональной, внутренней жизни. Время детства в свете этих новых настроений стало

привлекать особое внимание. Именно ребенок, с его невинными радостями, с его чистотой, неспорченностью и безмятежностью, стал считаться мерилom утрачиваемых с возрастом необратимых ценностей. Во многих стихотворениях период детства приобретает особенный характер, это как бы некий остров, отъединенный от материка — мира взрослых. Два мира рисуются по контрасту: на одной стороне — цветущие оливы, утехи, ангельская любовь, благополучие, на другой — скука, пороки, тернии, зло и страсти. Поэзия любитсЯ детством:

Ты мил мне, мил, дитя, среди своих утех;
Весенняя роса твой плач, Аврора — смех.

Неизбежная утрата этого счастливого состояния младенческой души вызывает грусть, скорбь у поэта:

Но небеса лазурны
Уж начали синеть,
И вскоре ветры бурны
Начнут кругом шуметь.
Полуденны часы приблизатся, настанут.
Тоскливый зной придет, из туч перуны грянут.

(М. М. Херасков. «К дитяти»)

Мотив этот варьируется у других поэтов:

О возраст радостный! о лета дорогие,
От коих так, как дым, бегут печали злые!
Не чувствуешь ты бурь ярящихся страстей.
Придут они, придут, как выдешь из детей.

(П. И. Голенищев-Кутузов. «Пятилетнему мальчику»)

Постепенно этот мотив осложняется новым. В стихотворениях начинает появляться призыв к активному началу; на смену пассивной констатации — «все равно это случится», «все равно это неизбежно» приходит идея необходимости готовиться к будущей «взрослой» жизни так, чтобы не быть застигнутым врасплох, чтобы суметь устоять перед ее соблазнами, пороками и страстями.

Скачи теперь, играй, не зная непогоды;
Когда же зрелые твои наступят годы,
То, как невинен ты в младенческий твой век,
Так в лета мужества будь честный человек!

(П. И. Голенищев-Кутузов. «Пятилетнему мальчику»)

Поэзия начинает приближаться к быту ребенка, к его играм, развлечениям, взаимоотношениям с родителями. Делаются первые попытки от обобщенных картин детства перейти к описанию конкретной обстановки, к живым зарисовкам, к картинкам семейной жизни. В атмосферу детской комнаты, детских забав вводит стихотворение Г. А. Хованского «Послание к детям Николушке и Грушеньке». Все чаще появляются стихотворения типа: «К моему маленькому сыну», «К моему племяннику», «К юному другу». Культ любви к родителям, нежная забота о ребенке, его досуге, о его радостях начинают все больше занимать поэзию. Ребенок наделяется способностью сильно и глубоко чувствовать, в его лексиконе появляются новые, небывалые прежде слова и понятия:

Покинутый тобой, всего лишился я;
Ты, маменька, была вселенная моя.

Так начинается стихотворение Н. С. Смирнова (псевдоним «Номохон») «Покинутое дитя». Как бы ни предписывалось отроку в произведениях XVII века почитание родителей, сопоставление маменьки со вселенной там было бы невозможным. Оставшись наедине со своим горем и скорбью, осиротевший ребенок ощущает всю силу утраты:

Ты радость всю мою с собою увезла,
Отрада вся моя одна лишь ты была...
...Расстался я с душою,
Остался сиротою...

...И солнышко теперь луч светлый скрыло свой.
По маменьке грустит природа вся со мной.

Картину детства в его неповторимом очаровании, с его благотворным влиянием на поздний возраст, уже утративший радость жизни, рисует и большое стихотворение И. И. Дмитриева «К младенцу».

Если говорить о книгах, непосредственно обращенных к ребенку, то первой надо назвать переведенную А. С. Шишковым «Детскую библиотеку» немецкого писателя-педагога Иоахима Генриха Кампе. Содержание ее, в основном, составляли рассказы из детской жизни. У нас есть замечательное свидетельство одного из читателей этой книжки, С. Т. Аксакова: когда ему, вероятно пятилетнему или шестилетнему ребенку, попала в руки «Детская библиотека», он пришел в полное восхищение и выучил наизусть сразу же все детские песни, помещенные там. Но и в пору создания повести «Детские годы Багрова-внука», в конце 50-х годов XIX века, он считал «Детскую библиотеку» «лучшею детскою книгою» и снова перечислял ряд стихотворений, которые и в

зрелые годы помнил наизусть, а лучшим из них считал «Николашину похвалу зимним утехам».¹

В стихотворениях из «Детской библиотеки» автор погружается в атмосферу детской жизни, в круг подлинно детских переживаний, идет ли речь о колыбельной песенке, которую поет девочка, укачивая свою куклу, или о веселых забавах мальчуганов. Энергией движения, подлинного веселья наполнена «Песенка на купанье». Голос бесстрашного вожака влечет за собой ватагу ребят, обещая им радость, веселье и удовольствие. Полон жизни герой стихотворения «Николашина похвала зимним утехам». Глазами ребенка смотрит автор на мир, в котором открывается так много интересного. Картины деревенского вечера, празднования святок, описание веселых зимних игр — все это неизменно пользуется успехом у детского читателя.

Конец XVIII века ознаменовался появлением первого русского журнала для детей — «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789) Издателем его был известный просветитель, книгоиздатель и писатель Н. И. Новиков (1744—1818). Цель и название журнала он видел в том, чтобы способствовать воспитанию «добрых граждан», помочь развитию тех чувств, без которых «человек в жизни благополучен и доволен быть не может». В соответствии с такой программой в произведениях русской и переводной литературы, печатавшихся на страницах журнала, читателям внушалась ненависть к тирании и рабству, превозносились преданность и верность дружбе, честность в делах, великодушие, трудолюбие; подвергались осуждению и осмеянию праздность и чванство, невежество, зазнайство и т. п. Основное место в журнале занимала проза — повести, научные очерки и заметки, пьесы, рассказы, деловые статьи и т. д. Стихов было гораздо меньше. Но именно здесь, в «Детском чтении для сердца и разума», рядом с первой своей повестью «Евгений и Юлия» и переводами опубликовал свои стихи Н. М. Карамзин. В этих стихотворениях читателю открывался неведомый ему еще мир природы, с которой неразрывно связана духовная жизнь человека. Явления природы соответствуют настроению человека («Зефир со мной играет, Меня утешить хочет; Печаль мою развеять Намерен непременно»), сливаются с миром его души. Мотивы чувствительной нежной дружбы, скоротечности жизни и вызываемые этим чувства скорби, исповедь души — все это по-новому влияло на юного читателя. Карамзин не случайно печатал эти стихи в «Детском чтении...»: журнал представлялся ему одним из важнейших источников первоначального воспитания.

По его убеждению, детская душа очень рано способна испытывать самые глубокие ощущения; чем раньше они коснутся ребенка, тем большее влияние могут оказать на формирование души нежной, отзывчивой

¹ См.: Аксаков С. Т. Собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 361.

и чувствительной. «Много читателей впоследствии доставил Карамзин и себе и другим, подготовив этим „Детским чтением“», — заметил позднее В. Г. Белинский.¹

В богатстве своих возможностей детская жизнь предстала и в поэзии А. Ф. Мерзлякова. Его «Хор детей маленькой Наташе» содержал некую полемику с теми, кому пора детства казалась недостойной внимания, обыденной, заурядной. Своеобразным оппонентом автора в стихотворении выступает маленький мальчик-резонер, уверенный, что интересными могут быть только сказки и сказочные герои. Цель автора — доказать, как велико его заблуждение:

Быль скажу вам неотложно,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать.

Содержанием этой «были» становится описание одного дня маленькой Наташи. День этой девочки до отказа заполнен: занятия, игры с подругами; то она в обществе родителей, то с маленьким братом, то с гостями. Пленяя своих подружек, Наташа должна пленить и читателя этого стихотворения как некий идеал милой, простой, непосредственной девочки. Мерзляков очень удачно композиционно выстраивает свое стихотворение: оно представляет собой как бы маленькую пьеску, где хор детей отделяет друг от друга каждую следующую новую сценку. Так создается разнообразное и цельное представление о том, что знает, что умеет, как ведет себя в разных обстоятельствах эта прекрасная девочка.

Но если Наташа дана автором в ее поступках и поведении, то другая героиня Мерзлякова — Аннушка («От Аннушки маменьке при подарке альбома») — предстает в ее сердечных движениях, в ее чувствах. Размышляя, чем одарить маменьку в день ее рождения, девочка рассказывает о том, что составляет для нее главную ценность. Мы узнаем о ней много такого, о чем литература в поэзии для детей еще не говорила. «Радость, душа моя, Совесь и разум мой!» — обращается она к маменьке.

Ты дала, маменька!
Мыслям движение,
Сердцу — влечение
К доброму, лучшему...

¹ Белинский В. Г. О детских книгах. Подарок на новый год. Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей. Детские сказки дедушки Иринея // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 106—107. В дальнейшем: Белинский В. Г. О детских книгах.

В стихотворении как бы противопоставляются «Света сокровища, Тленные, низкие» трепетным и благодарным порывам дочери. Выбирая подарок имениннице, девочка довольна не только тем, что у книжечки «Краюшки в золоте, Крышка узорчата, Листики розовы». Главное доставить душевное удовольствие маменьке: книжечка должна статьместилищем ее записей — и только о добрых делах ее, только о радостях. Стихотворение это и по своей внутренней направленности, и по стилю дань сентиментализму, «чувствительному воспитанию»; вместе с тем образ девочки, созданный здесь, один из самых глубоких в литературе XVIII — начала XIX века.

4

Как ни интересны были опыты А. С. Шишкова и особенно А. Ф. Мерзлякова, они носили еще эпизодический характер. Блистательный расцвет поэзии в первой трети XIX века как будто не коснулся стихотворений для детей. Но поэзия И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина вносила огромные перемены в круг детского чтения. Сам Пушкин не предназначал ни одного своего произведения специально для детского чтения. Но, как писал В. Г. Белинский, «никто, решительно никто из русских поэтов не стяжал себе такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых... читателей, как Пушкин, потому что мы не знаем на Руси более нравственного, при великости таланта, поэта...».¹ Через много десятилетий наша современница А. А. Ахматова свидетельствует: хотя «Сказки», вступление к «Руслану» и десятки его стихов не были созданы для детей, «этим произведениям волею судеб было предназначено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми».²

Свое особое место в истории детской литературы занимает В. А. Жуковский — не только балладами, «Спящей царевной», «Сказкой об Иване-царевиче и сером волке», но и трактатом «Что такое воспитание» (1848). Будучи многие годы воспитателем и дочерей своей сестры Е. А. Протасовой, и царских детей, он в своей четко выстроенной системе воспитания отводил большую роль книге. «Хорошие книги, — писал он, — вернейшие друзья честного человека и настоящие советники государей».³ Став отцом и придя к убеждению, что в жизни человека «степень отца самая высшая», он написал стихи, похожие на фольклорные пестушки и потешки. Для него это была часть воспитательной программы, которой он преследовал определенную цель: дать своим детям, живущим в Германии, образцы русского языка и русской поэзии.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 342—343.

² Ахматова А. Соч. М., 1986. Т. 2. С. 218.

³ Жуковский В. А. Соч. СПб., 1885. Т. 6. С. 372.

В этих стихотворениях Жуковский словно predetermined то, что впоследствии стало школой поэзии для детей. Его стихи для самых маленьких насыщены действием: двенадцати и даже восьми строк хватает, чтобы создать живую картинку, маленькую пьеску («Птичка», «Котик и козлик»). Для читателей постарше открывается более сложный мир, зовущий пристально приглядеться к его краскам, вслушаться в его музыку («Жаворонок»). И, наконец, поэт вовлекает ребенка в царство причудливой фантазии («Мальчик-с-пальчик»).

Однако в 20—30-е годы XIX века едва ли не главенствующее место занимала ремесленная, основанная на утилитарном морализировании поэзия и проза для детей в лице таких плодовитых и популярных авторов, как В. Бурьянов, П. Фурман и особенно Б. М. Федоров, в стихах которого Белинский обнаружил лишь «отвлеченные сентенции», «дурман резонерства» и «варварские вирши».¹ По мнению Н. А. Добролюбова, поэзия Федорова для детей лишена нравственного содержания: везде идеалом оказывается «милый, благонравный мальчик, в котором виден будущий Молчалин».²

Работая в «Отечественных записках», Белинский рецензировал выходившие в конце 30-х годов книги для детей. Иногда это были заметки в полстраницы, иногда более серьезный и пространственный отклик. В 1840 году в «Современнике» Белинский напечатал статью «О детских книгах. Подарок на Новый год. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей.— Детские сказки бабушки Ириней (В. Ф. Одоевского)», в которой не только наиболее полно обобщил многие свои размышления о состоянии литературы для детей, но и предложил целую программу на будущее.

Для Белинского период детства — важнейший. Путь ребенка от того момента, когда он начинает только лепетать первые слова, есть, по Белинскому, не что иное как «бесперывное формирование, делание, становление (*das Werden*) полным человеком, для полного наслаждения и обладания силами своего духа, как средствами к разумному счастью».³

Широко известна формула Белинского: «Воспитание — великое дело: им решается участь человека».⁴ Поэтому так претит ему «воспитание светское», равно как и «воспитание мещанское»: и то и другое одинаково убивает в детях все живое, естественное, натуральное. Словно подтверждая эту мысль, рисует картину светского воспитания детей

¹ Белинский В. Г. Три розы: Книжка для детей, изданная Б. Федоровым. 1840 // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 279—281; Сто новых детских повестей, с нравоучениями в стихах. (1845) // Там же. Т. 9. С. 24—27.

² Добролюбов Н. А. Стихотворения для детей от младшего до старшего возраста (1856) // Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 311.

³ Белинский В. Г. О детских книгах. С. 88.

⁴ Там же. С. 79.

в стихотворении «Детский бал» Н. Д. Хвошинская (1848). Как рано знают девочки и мальчики, что такое тщеславие, зависть и вражда! В них убиты искренность, свежесть чувств.

Наряд их стáреет, неловок, им нейдет!..
Но что я говорю? Сам крошечный народ
Не засмеется ль надо мною?

С чего мне вздумалось жалеть о них? Они
Так полно счастливы, как будто ночи, дни
Об этом только и мечтали;
Так смело счастливы, что не один наряд,
Но всё: движенье, речь, улыбку, смех и взгляд —
Заране будто изучали.

Белинский убежден: первоначальное воспитание должно строиться так, чтобы «видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человека, который мог бы впоследствии быть тем или другим, не переставая быть *человеком*». ¹ В гармоничном и разнообразном процессе формирования человека детской литературе отводится большая роль: «Книги, которые пишутся собственно для детей, должны входить в план воспитания, как одна из важнейших его сторон». ² Пренебрежение общества к детской книге для Белинского не кажется случайным: оно — результат пренебрежения и общества и семьи к детской жизни. Детская жизнь в глазах тех и других не имеет никакой самостоятельной ценности. «Не белая доска душа младенца, а дерево в зерне, человек в возможности!» ³ Для него ребенок — индивидуальность, и, развивая мысли о том, как надо воспитывать детей, Белинский предъявляет особые требования именно к детской книге. По его мнению, именно книга должна стать посредником между ребенком и жизнью, именно она должна представить ребенку жизнь, но не в искаженном, а в настоящем виде, во всем ее очаровании и во всей ее неумолимой суровости — и сделать это обязательно «сообразно с детским понятием».

Чем же отличается «детское понятие»? На протяжении всей статьи Белинский глубоко исследует особенности детского восприятия, детской психики, жизни детской души. Он убежден: в отличие от взрослых «дитя не требует выводов, доказательств и логической последовательности, ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любит идей: ему нужны истории, повести, сказки, рассказы». Любовь детей ко всему фантастическому и образному для Белинского свидетельство заложенного в них чувства поэзии. Но чтобы говорить образами с детьми, надо подняться высоко, «надо если не быть поэтом, то, по край-

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 83.

ней мере, быть рассказчиком и иметь фантазию живую, резвую, радужную...»¹

Ограждая детскую литературу от многочисленных ремесленников, считающих это поприще деятельности для себя наиболее легким, Белинский высказывает идею, которая вылилась со временем в афоризм: «должно *родиться*, а не *сделаться* детским писателем». Сумма качеств, отличающих детского поэта, безмерно велика: тут требуется особый душевный склад, «душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески простодушная», тут нужен ум возвышенный и образованный, тут нужна «живая поэтическая фантазия» и еще многое другое и, наконец, важнейшее: «любовь к детям, глубокое знание потребностей и оттенков детского возраста». Чтобы говорить образами с детьми, «надо самому быть взрослым ребенком», конечно, не в «пошлом значении этого слова...»²

Исподволь, с конца 40-х годов, на страницах детских журналов стали появляться стихи, надолго полюбившиеся читателям. Стихи эти не были высокого качества, но они первыми ответили потребности ребенка услышать и сказать о себе. Настоящую популярность приобрели «Сиротка» К. А. Петерсона («Вечер был; сверкали звезды...»), «Птичка» Элизы Эльген («Птичка над моим окошком...»), «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...» Ф. Б. Миллера, «Птичка» А. А. Пчельниковой («А, попалась птичка, стой!...»). В этих стихотворениях все было понятным и близким сознанию и восприятию ребенка, все персонажи знакомы — из жизни, из сказки, все ситуации вызывали живой эмоциональный отклик. Стихи легко запоминались, их переключивали на музыку, они переходили в детскую игру.

Потребности детей в комическом ответили две очень быстро распространившиеся в русском переводе (имена переводчиков остались неизвестны) книжки: «Про Гошу-Долгие-Руки» и «Степка-Растрепка».³ Интересное сопоставление «Гоши-Долгие-Руки» со «Степкой-Растрепкой» сделал в «Записных книжках» (1915) много десятилетий спустя А. Блок. В отличие от автора «Степки-Растрепки», обладающего художественным, нигде не переходящим меры воображением, автор «приключений Гоши, напротив, не знает никакой меры, и воображение его напоминает балаганного деда». В «Гоше» он замечает и пошлости в тексте, и погрешности в переводе, и много вульгарного (при этом не отказывая книге в некоторой талантливости).

Вопреки расхожему мнению критики, в «Степке-Растрепке» Блок отмечает художественное воображение, легкость и выразительность сти-

¹ Там же. С. 93.

² Там же.

³ С конца 50-х годов в издательстве М. О. Вольфа вышло восемь книг под грифом «Текст автора „Степки-Растрепки“». О причастности к этим книгам Д. Д. Минаева см. наст. изд., примеч. 128.

ха, «тонкость стихотворца в умении выбирать слова», говорит о разнообразии размеров, о приемах «вроде внутренней рифмы» («Нет, супу не хочу я, нет, из ложечки не проглочу я, нет!»). Многое в Степке напоминает ему театрального Петрушку (а в том, что дети любят Петрушку, несмотря на то, что он все время обманывает и творит всякие пакости, Блок убежден): и увлекательная «быстрота перехода от причины к следствию», и пленительное несоответствие преступлений героя (не мылся, не причесывался, не стриг ногтей, ходил гулять в дождь и ветер, играл со спичками и т. п.) грозным «эксцентрическим» наказанием. Так же как в Петрушке, «народный умный дух жил в „Степке“». Книга кажется ему не только занятой, но и «очень смелой и жизненной».¹

О популярности «Гоши...» и «Степки...» есть много свидетельств. «У меня в детской уже росла горка моих собственных книжек,— вспоминает М. Добужинский,— они начинались со «Степки-Растрепки», «Гоши-Долгие-Руки».² В списке любимых книг детства у А. Бенуа на первом месте «Степка-Растрепка».³

С середины 40-х годов жизнь ребенка, подростка начинает все больше привлекать внимание самых разных авторов, рассматриваться с разных сторон. В течение нескольких лет в журнале «Звездочка», предназначенном для «благородных воспитанниц институтов» (редактором и издателем его была А. О. Ишимова), постоянно публиковал прозу и стихи для детей известный ученый Я. К. Грот. Откровенно дидактичные стихи его должны были, как объяснял он сам много позднее, «служить к пробуждению в подрастающем поколении добрых чувств и благородных стремлений».⁴ Автор выступал как сторонник «порядка» во всех сферах деятельности («Во всем порядок ты устрой В вещах твоих, в делах вседневных...»), учил видеть высший источник человеческого благополучия в труде («Без усилий, без терпенья не бывал никто велик...»), горячо защищал преимущества жизни деревенской перед городской («Письмо из деревни»), противопоставлял мнимым ценностям подлинные.

На другом художественном уровне мотивы детства возникают в поэзии А. А. Фета, А. Н. Майкова, И. С. Никитина. В стихотворениях Фета особенным теплом согрето изображение детской. Как будто на детском рисунке, крупным планом расположены полные очарования картинки: поздний вечер, нежится кот, сонный мальчик на ковре, рядом с ним игрушки, за окном буря («Кот поет, глаза прищуря...»). И

¹ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 269—272; см.: Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 68—69.

² Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 14.

³ См.: Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 1. С. 242.

⁴ Грот Я. Стихи и проза для детей. Спб., 1891. С. 2.

картинки как будто пришли в движение: утро после снегопада, мальчик смотрит во двор, и все, что совершается в природе, родственно и близко ему. Кто-то хорошо знакомый, добрый, «тороватый» развесил на ветвях иней, убрал «белой, пухлой ватой» кусты, устроил для мальчика праздник («Мама! Глянь-ка из окошка...»). Поэзия природы и поэзия детства составляют здесь неразрывное целое.

Хрестоматийными стали и поныне печатаются во всех книгах для детского чтения многие стихотворения Майкова, опубликованные им в журнале «Подснежник». Издателем и редактором его был брат поэта, Владимир Николаевич Майков. Он привлек к участию в «Подснежнике» Н. А. Некрасова, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, А. И. Гончарова; здесь печатались, с большим пониманием отобранные, современная проза, поэзия, очерки истории, переводы.

В отличие от предшествующей поэзии, где взрослые находились в страшном отдалении от ребенка, в стихотворениях Фета, Майкова, Никитина они приблизились, персонифицировались, приобрели свой статус: не просто неопределенные «старшие», «родители», а бабушки, дедушки, папы, мамы. Ожили окружающие ребенка предметы и игрушки. Вместо сказочного кота из колыбельных песен появился кот домашний. Вместо страха и почитания явились любовь, привязанность. Зазвучал детский смех, обнаружились детские печали и радости, восторги и слезы. Приоткрылась дверь в неведомый прежде мир.

В стихах Майкова всё крупно, ярко, всё в движении. Если летний дождь — то ослепительный («Золото, золото падает с неба!..»), если весна — то как герой-победитель («По небу блеск, на земле торжество!..»), если сенокос — то во всю ширь («Пахнет сеном над лугами...»), если лес, то без полутонов («А красных мухоморов ряд Что карлы сказочные спят...»). Вместе с тем в его детских стихах звучат уже и мотивы горя, страдания («Мать»), мотивы смерти («Мать и дети»).

Заметным явлением в детской жизни стала книга «Родное слово» К. Д. Ушинского (1864), которого по праву называли отцом русской педагогики. Задуманное Ушинским как учебное пособие для первоначального обучения отечественному языку, «Родное слово» не только открыло детям широкий круг представлений и понятий, связанных с окружающим миром, но и стало одной из первых книг для детского чтения, построенного в определенной системе. Наряду с произведениями из народного творчества Ушинский, одним из первых, напечатал в своей книге рассказы и стихи, написанные специально для детей. К работе в «Родном слове» он привлек педагога Л. Н. Модзалевского. Дружба их началась в Смольном институте, где Ушинский исполнял обязанности инспектора, а Модзалевский вел уроки русского языка и словесности.

Поэзия Модзалевского соответствовала широкой программе «Родного слова» не только своим содержанием. О чем бы ни писал он —

о песне соловья, о приходе весны, об играх и делах детей,— это были стихи, рассчитанные на определенного читателя. Наибольший успех выпал на долю его стихотворения «Дети! В школу собирайтесь...». Трудно даже сказать, какая магия есть здесь в первых двух строчках, но и спустя сто лет, обращаясь к малышам, Н. Гернет и В. Конашевич назвали свою известную книжку-картинку «Дети! В школу собирайтесь...». Стихотворение Модзалевского, может быть, больше, чем какое-либо другое, шло в русле взглядов и представлений Ушинского, для которого природа служила как бы примером трудолюбия и непрестанной деятельности. Из шестнадцати строк — двенадцать о том, как трудится все живое: «С ношей тащится букашка, за медком летит пчела...» Ощущение гармонической связи между жизнью людей и природы («Рыбаки уж тянут сети, На лугу коса звенит...») придает стихотворению неувядаемую прелесть.

5

И все же говорить о поэзии для детей как о явлении литературы было бы преждевременно. Еще не произошло по-настоящему открытия ребенка, он еще всерьез не заинтересовал литературу.

Сопоставляя взрослых и детей по чистоте нравственного чувства, Н. А. Добролюбов отдавал предпочтение детям: они «несравненно нравственнее взрослых. Они не лгут (пока их не доводят до этого страхом) <...> они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейских предрассудков. Они сближаются со сверстниками, не спрашивая, богат ли он, ровен ли им по происхождению <...> Да, мы должны учиться, глядя на детей, чтобы достигнуть видения истинного добра и правды». Добролюбов убежден: главная задача — развитие в ребенке «внутреннего человека». Обращаясь к взрослым, он ратовал за то, чтобы они «перестали презирать природу детей», перестали считать их «неспособными к восприятию убеждений разума». Более того: «надо пользоваться теми внутренними сокровищами, которые представляет нам натура дитяти. Многие из этих природных богатств нам совершенно неизвестны».¹

Процесс демократизации литературы, обращение к судьбе «маленького человека» в «Повестях Белкина» Пушкина, «Шинели» Гоголя, «Бедных людях» Достоевского сказались на новом, переломном этапе развития детской литературы. Начиная со второй половины XIX века для русской литературы стало характерным пристальное внимание к миру ребенка. Вместе с трилогией Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество»,

¹ Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» Н. И. Пирогова) // Собр. соч. М., 1962. Т. 1. С. 513.

«Юность») и книгой С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» в литературу пришел новый герой — ребенок и стало очевидным, что мир его чувств, строй его мыслей, история формирования его характера — это огромная область, дающая богатейший материал художнику.

Толстой впервые увидел и выявил три первоначальных этапа в жизни начинающегося человека и показал, насколько существенно отличаются они друг от друга, насколько суверенен каждый этап, насколько он несет только ему присущие особенности. Вслед за Толстым и Аксаковым с необычайной страстностью начали писать о детях Ф. М. Достоевский, А. И. Левитов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, а позднее — А. П. Чехов, А. С. Куприн, В. Г. Короленко. В литературе открывалась новая, еще никем по-настоящему не открытая страна детства человека. Читатель увидел, насколько безгранично богат мир Николенки Иртеньева. В изображении Толстого детская любовь оказалась еще более способной на решимость и страдание, чем любовь взрослых («Кавказский пленник»). На самом раннем этапе жизни в герое Аксакова, Сереже Багрове, проявляются необычайной силы привязанность к матери, обостренное, страстное чувство природы; детский ум, детское сердце несут в себе источник чистоты, справедливости, правды, благородства.

Несколько позднее Толстой сформулирует возникшую потребность, необходимость отдать «все свое» детям, с тем чтобы вытащить «самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях».¹ Работая над своей «Азбукой» (1872), Толстой хотел создать совершенно новую книгу для детей, которая ответила бы им на множество вопросов о явлениях окружающей жизни и стала бы для них источником художественного и нравственного воспитания. Главную мысль книги он видел в том, чтобы «воспитывая, образовывая, развивая (...) достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты, добра».² Как бы в параллель к этим словам, Д. Н. Мамин-Сибиряк скажет: «Детская книга — это весенний луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодатную почву семян».³

Новый этап в поэзии для детей начинается с творчества Н. А. Некрасова, с его «Стихотворений, посвященных русским детям». Еще до этого цикла, и помимо него, пристальное внимание к самым разным сторонам детской жизни стало органичным, характерным для поэта («Мороз, Красный нос», «Саша», «Плач детей», «Школьник»). Некрасов постоянно видел в ребенке будущего человека, он понимал пору детства не только как время забав и радостей, но и как время настоящего

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1928. Т. 62. С. 130.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1928. Т. 21. С. 321.

³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 554.

мужания, настоящей подготовки к самостоятельной, наполненной большой целью жизни

Обращаясь к детям, Некрасов как бы продолжил традиционную и характерную для литературы XVIII века форму разговора наставника с ребенком, но наполнил ее совершенно новым содержанием. В поэме «Железная дорога» резко сталкиваются разные представления о наставничестве папеньки-генерала, предпочитающего держать ребенка в неведении и не «смущать детское сердце» зрелищами неприглядных сторон жизни, и «автора», считающего, что с ребенком нужно говорить честно, нужно доверять ему. Взрослый не только открывает перед ребенком страшные картины труда тех, кто строил железную дорогу, но и учит, наставляет его, дает ему уроки на будущее. Отсюда его постоянные обращения к Ване:

Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!..
...Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

В поэме «Дедушка» вернувшийся из ссылки декабрист не просто отвечает на пытливые вопросы мальчика: из его ответов вырастает, по существу, программа воспитания и образования человека, способного продолжить путь служения народу.

В стихах Некрасова полноценным героем предстал крестьянский ребенок, полный обаяния, образом своей жизни противостоящий праздному существованию барских детей, но и страдающий от непосильного труда, лишенный подчас светлых сторон детства. С подлинной любовью Некрасов рисует в «Крестьянских детях» жизнь крестьянского ребенка. Автор вступает в полемику со сложившимся стереотипом в отношении к его герою:

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей»,—
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.

Стихотворение построено как ряд наплывающих друг на друга картин, где детство крестьянского ребенка, лишенное праздной неги и принуди-

тельного обучения, слитое с жизнью природы, кажется таким богатым и счастливым. Но, поворачивая «другой стороною медаль», автор включает совсем иные картины, а именно они вызывают в душе у него

Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Шесть «Стихотворений, посвященных русским детям» дают представление о том, насколько хорошо поэт знал фольклор и предшествующую детскую литературу, ее образы, ее темы, ее героев. И здесь традиционные, привычные формы он наполнил новым содержанием. Совершенно переосмысливается им столь распространенная в литературе для детей тема сиротки. Вместо прежнего представления — «коли бедна ты — будь покорна, послушна, терпи...» — возникло совсем другое, вызванное и новым временем, и новыми веяниями. Кроме нарядов и сластей в тележке у дядюшки Якова («Дядюшка Яков») появляются прежде небывалые вещи:

Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!..
...Книжки не ценны:
По гривне штука —
Деткам наука!

Добрый и прозорливый дядюшка Яков дарит сиротке Феклуше не пряник, как сделал бы раньше, а книжку, вкладывая в этот подарок очень важный смысл: «Коли бедна ты, так будь ты умна!»

Совершенно переосмысливает Некрасов известный сказочный сюжет «про медведя». Вместо привычного ленивого, неуклюжего, неповоротливого и подчас добродушного Мишки возникает образ «генерала Топтыгина»; безобидные сказочки про сонного обитателя леса наполняются социальным содержанием, вводя ребенка в быт и нравы российской действительности.

Юный читатель узнавал так много — не мимоходом, а глубоко и разносторонне — о крестьянской жизни, о ее поэзии и драматизме, о неразрывной связи ее с природой.

Драматические события лежат в основе стихотворений «Пчелы» и «Соловьи». Причина беды в одном случае — стихийное бедствие: пчела едва не погибает от наводнения, в другом — грубое вмешательство человека в жизнь природы, когда напуганные силками и сетями соловьи покидают рощу. И хотя, казалось бы, пчелы и соловьи несут совершенно разные функции — пчела кормит человека, а соловей вроде

никакой реальной пользы не приносит, только лишь поет,— утрата духовная оказывается не менее губительной, чем материальная.

Пришла,— рассказывал наш дед,—
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

(«Соловы»)

Читатель не может не проникнуться сознанием: природа — это и его вторая жизнь, без нее его существование станет обедненным, тоскливым, убогим.

В стихотворениях для детей Некрасов создал образы удивительных людей — умных, добрых, щедрых на выдумку, богатых душой. Дядюшка Яков, прохожие, пленяющие мастерством и байками крестьянских детей, смекалистый и добрый человек, который научил, как спасти пчел, и, наконец, дедушка Мазай. До страсти любящий свой болотистый, низменный край, он настоящий поэт, связанный с жизнью природы самыми прочными и надежными узами. Стихотворение про Мазая — одно из самых увлекательных в поэзии для детей: все здесь рассчитано на реакцию ребенка, все должно вызвать его эмоциональный отклик. Тоску по современному деду Мазая выразил Н. Рубцов в стихотворении «Про зайца»:

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого...

В русле некрасовских традиций развивалась поэзия для детей А. Н. Плещеева, И. З. Сурикова с характерными для нее мотивами деревенской природы, крестьянского труда, картинами жизни ребенка — с ее горькими и радостными сторонами.

Как к очень серьезной и важной части своей работы относился к стихам для детей Плещеев. Он был постоянным автором многих детских журналов — «Детского чтения», «Родника», «Игрушечки» и особенно «Семьи и школы», любовно и внимательно подготовил к изданию сам несколько своих книг для детей. Детство для Плещеева — лучшая пора жизни, пора чистых радостей, дружбы, светлых надежд, но и первых тревог. Создавая разнообразные картины детской жизни, Плещеев выводит ребенка в широкий мир, дает ему понять и почувствовать, что в жизни есть свой драматизм, рядом с радостью существует горе, солнце может смениться ненастьем. Маленький попрошайка находит сочувствие только у такого же обездоленного, как он («Нищие»);

в описание уютной обстановки теплого дома, где царит веселье, где всем хорошо, врываются совсем другие мотивы, напоминая и взрослым и маленьким, что за окном вьюга и что на свете есть беда, сиротство, одиночество («Зимний вечер»); обещая много утешительного больному ребенку, дед не может ответить на главный вопрос: скоро ли вернется мама, которой уже нет, и скорбное молчание деда окрашивает все стихотворение грустью и печалью, ставит под сомнение все ожидания лежащего в жару ребенка («Ожидания»). Автор готовит ребенка к сознанию: «Бурь еще немало впереди, быть может». Взрослые в стихотворениях Плещеева любят детей. Детский смех, детская ласка заставляют их забыть свои недуги, усталость, печали, возраст. Но в любви этой есть уже и своя требовательность: она осмыслена духовной заботой.

Настоящий апофеоз любви к детям — стихотворение «Старик». Во всех книгах для чтения, во всех хрестоматиях из него выбирается лишь одна часть: «Дедушка, голубчик, сделай мне свисток...» Стихотворение должно быть возвращено читателю полностью, только тогда он поймет и оценит всю его глубину, весь его лиризм. Чем-то «Старик» перекликается с некрасовским «Дедом Мазаем»: оба героя преданно любят и знают свой край, оба они не существуют вне природы. Но жизнь плещеевского дедушки более тихая, сосредоточенная на чем-то внутреннем, своем. Жаль, что многие поколения детей, помнящие наизусть часть стихотворения, не знают грустного и светлого конца:

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем:
«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.
И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком.

Конец этот внятно говорит о том, что не исчезают, оставляют вечный след человеческое обаяние, бескорыстие, доброта.

Пленительные образы бабушек, дедушек все больше становятся завоеванием детской поэзии, в частности поэзии Сурикова. В его стихотворениях это и мудрая бабушка Маланья («Клад»), и старый пчеловод дед Клим («Дед Клим»): от них дети получают драгоценные уроки на будущее. Поэт немногословен, но и кратко обрисованный портрет деда Клим так выразителен, что позволяет увидеть человека, который прожил жизнь в труде, без суетных желаний, стремясь лишь быть полезным людям.

Деда взор так тих и ясен,
Точно светлый летний день...

Знать, чиста душа у деда,
Жизнь прожита не греша,
Что на божий мир он ясно
Смотрит — добрая душа!

Множеством сюжетных нитей поэзия Сурикова связана с поэзией Некрасова: раннее сиротство в крестьянской семье, утрата привилегий детства, вместо которых — непосильный труд. Об этом одно из самых проникновенных стихотворений Сурикова — «Зимой»:

Снег стелется в поле. Из рощи дитя
Санишки с валежником тащит, кряхтя,
И вязнет в сугробах, из сил выбиваясь.

Маленький герой Сурикова выступает в ореоле самых высоких нравственных представлений: он уже готов и способен не только разделить горе отца, потерявшего хозяйку дома, но и вообще снять с него непосильные заботы:

Я стану лелеять и нянчить сестру
И с ранней зарею вставать поутру;
Потом подрасту и возьмусь за работу.
Зачем мне собою отца тяготить?

Для поэзии Сурикова также характерно стремление повернуть «другой стороною медаль», показать детство крестьянского ребенка с самых разных сторон. Три стихотворения: «В ночном», «На реке», «У пруда» — это три разные картины, где детство предстает во всем его обаянии, где крестьянский ребенок сочетает в себе и подлинно поэтическое, и трезвое, даже горестное восприятие жизни.

Автор журналов «Детское чтение», «Детский сад», «Воспитание и обучение», «Игрушечка», Суриков много сделал для развития стилистики, поэтики детского стиха. Для поэзии Сурикова не характерна сложная метафоричность, предельно простыми средствами он создает образную картину мира, где все живет деятельной жизнью, где все взаимосвязано:

В небо тучка набежала,
Мелкий дождик сеет...
В поле травка показалась,
Поле зеленеет.

(«Весна»)

Особое место в русской поэзии заняло его стихотворение «Детство» («Вот моя деревня...»). Автор рисует всего две картины: дневные шалости героя с товарищами и вечер дома, в избе. Картины выписаны так крупно, зримо, с таким эмоциональным подтекстом, что этот, как будто однообразный, мир становится безгранично большим. День приносит безоглядную радость общения с природой и друзьями, а в бедной деревенской избе, освещенной лишь огоньком светца, где все расставлено по местам — мать сидит за прялкой, дед плетет лапти, а бабка рассказывает сказки, — рождается настоящая поэзия. Стихотворение передает те главные, изначальные чувства и понятия, которые формируют человека, служат ему опорой на всю жизнь.

6

На 70—90-е годы пришелся период расцвета журналистики для детей. Исследовательница детской литературы А. П. Бабушкина замечает: «Живой интерес к детской литературе самых широких общественных кругов вызвал к жизни огромное количество детских журналов. В России никогда не было так много детских журналов, как в конце XIX века»¹. Журналы были разными и по своим задачам, и по направлению, и по художественному уровню, и по составу авторов. Своей широкой просветительской программой, демократической направленностью, художественной взыскательностью выделялись петербургские и московские журналы «Детское чтение» (1869—1918), «Родник» (1882—1917), «Игрушечка» (1886—1912), «Маяк» (1909—1918). Журналы различались и возрастной ориентацией. Так, для маленьких существовали отдельные журналы — «Малютка» (1886—1917), «Для малюток» (1889—1891), «Детский друг» (1904—1907), было специальное издание «Задушевного слова» для младшего возраста (1876—1917).

Журналы для детей делали великое дело: они становились самыми активными посредниками между писателем и ребенком, они открывали и стимулировали возможность проявиться той огромной тяге к работе для детей, которая подспудно накапливалась в литературе.

Вместе с тем рост журналов вызвал к жизни полемику о задачах и герое детской литературы, о ее специфике. В противовес мнению о том, что детская литература должна иметь преимущественно образовательный характер, возникло и укрепилось убеждение в главенствующей роли ее воспитательного и художественного начала. Мысли многих передовых педагогов полнее всего сформулировал известный педагог В. П. Острогорский. Он снова, через пятьдесят лет, повторил за Белинским главное его положение о том, что дети живут прежде всего чувст-

¹ Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М., 1948. С. 405.

вом, что их духовной пищей является фантазия, и поэтому ребенку так нужна яркая образная книга: именно она способна заложить в душе растущего человека тот фундамент, «на котором строится храм человечности. В этом храме он всю жизнь молится, там почерпывает свое внутреннее святое святых, силу, веру и надежду, энергию и совесть»¹. Огромную роль книги в первоначальном воспитании ребенка, силу и значение первых художественных впечатлений утверждали многие писатели.

В 70—80-е годы расширяется круг авторов, пишущих для детей. Казалось бы, такой далекий от проблем детства поэт, как Д. Д. Минаев, один из ведущих сатириков журнала «Искра», редактор сатирического журнала «Гудок», издает в начале 80-х годов книги для детей старшего возраста «Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах» и «Народные русские сказки для детей в иллюстрациях» (обе — в его поэтической обработке), для самых маленьких — «Новые новинки — книжки да картинки», «Теплое гнездышко», публикует десятки стихов в журналах «Задушевное слово» и «Игрушечка». В колыбельных песенках, азбуках, в образах храбрых наездников и маленьких тружеников поэт открылся читателю в новом для себя качестве: он глядел на мир словно глазами ребенка и говорил на близком и понятном ему языке.

Постоянными авторами в журналах для детей становятся А. Л. Боровиковский, А. К. Михайлов, Д. Л. Михаловский, Д. Н. Садовников, К. М. Фофанов, С. Д. Дрожжин, К. К. Случевский, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, С. М. Городецкий и многие другие.

В стихотворениях для детей все больше вторгаются социальные мотивы, становится видно, как расширяется круг детской деятельности, детских представлений. Беспощадной резкостью поражают картины жизненных контрастов, нарисованные в поэзии Михайлова («Дети нищих», «Щепки»), в его стихах, посвященных детству, возникают новые мотивы. Как будто тот же, что и у Плещеева, господский дом, та же за окном вьюга, те же нянины сказки. Но громче звучит тревога няни о тех, кто страдает сейчас, рядом, сегодня, и тревога эта захватывает и сердце ребенка:

Но не слушал я, что ждало
Разных сказочных бойцов,—
Мысль моя перелетала
В избы бедных мужиков...

(«Вечер зимний, вечер скучный...»)

В полном своем тексте совершенно иначе читается большое стихотворение Михайлова «Школа», которое обычно в «Родном слове» Ушинского и во всех книгах для детского чтения печаталось сокращенно.

¹ Острогорский В. Детей воспитывает в чтении художник — человек и литератор // «Педагогический листок». 1895, № 1. С. 12.

Совсем другой смысл приобретает его название: школа оказывается тем заповедным местом, где дети не только получают знания, но и узнают правду о жизни, где они должны подготовить себя к деятельному будущему: Михайлов создает образы проповедников, людей, отдающих свою жизнь высокой цели. В его стихах звучит

Голос честный, говорящий
Вам о правде, о труде,
О любви к несчастным ближним,
Погибающим в нужде.

(«Школа»)

Новый взгляд на то, чему надо учить, что проповедовать, о чем писать детскому читателю, определил и содержание, и направление издания, предпринятого Случевским под названием «Книги моих старших детей». В десяти вышедших книжках поэт, никогда раньше не писавший для детей, обращается к юному читателю с исторической прозой, останавливаясь на наиболее примечательных явлениях русской и мировой истории, с рассказами из жизни леса, растений, животных. Из стихотворений, помещенных в этих «Книжках», лишь два-три написаны специально для них, остальные Случевский выбрал из прежних своих публикаций, но именно этот выбор и говорит о желании поэта представить перед детьми картину мира в ее движении, борьбе, в непрестанном напряжении. Изображает ли он тучи в виде двух врагов, вступивших в поединок («Две тучи»), создает ли образ певца, отдавшего песням всю душу («Бандурист»), рисует ли раннее утро в деревне: «Огонь, огонь! На небесах огонь!» («Рассвет в деревне»), все поднимается на высшую точку своего существования, бытия, возможностей. С какой экспрессией и силой изображен «ужасный час» жары, заставляющей прийти в оцепенение все живое: и лист, и траву, и зверя. И каким контрастом звучат слова о человеке, какой ореол могущества приобретает он, оказавшийся сильнее и природы, и зверя:

А в поле труд! Обычной чередой
Идет косьба; хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,
Другого слова нет его назвать...
...Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

(«Полдневный час»)

Конец стихотворения открывает еще один, важнейший аспект разговора с детьми: аспект преемственности представлений об ответственности и долге. Об этом же стихи «Памяти отца» и «Дубок».

Разнообразными мотивами наполнились стихи о природе. «Мир природы ближе и доступнее неиспорченной детской душе, чем живущим обок с нею людям», ибо на взрослых жизнь успела «положить свою более или менее тяжелую руку», — писал поэт А. А. Коринфский. Вводить ребенка в этот «вечно живой, ни на миг не смолкающий, полный неподдельной красоты, не уча поучающий мир» — одна из первых задач писателя, а тем более поэта, «желающего говорить с будущими людьми»¹.

Как будто традиционные мотивы — смена времен года, сельские работы, прилет и отлет птиц — все это окрашивается в поэзии более личным чувством, природа воспринимается как основа жизни, где сосредоточено самое главное: труд и праздник, гармония и источник творчества. Дрожжин, кажется, переложил в стихи самые сильные впечатления жизни, начиная с деревенского детства. Первая борозда, пашня, доля бедняка, деревенская изба с ее неизбывной нуждой, ясные зореньки, пора сенокоса — все это одновременно и в природе, и в нем самом: «Настала чудная пора! Свалилась с плеч моих гора...». Не случайно Дрожжин назвал свои книги: «Родная деревня», «Четыре времени года. Сельская идиллия для детей». Незатейливые, но мелодичные стихи И. А. Белусова (привлекшие особенное внимание композиторов), рисующие картины зеленеющего поля, прогретого солнцем леса, мира «птичек-синичек», «ласточек сизокрылых», легко запоминались, становились первоначальной азбукой природы для ребенка.

Гораздо более сложные поэтические мотивы вошли в детскую литературу с пейзажной лирикой Бунина. Многие стихи Бунин опубликовал впервые в журнале «Детское чтение» и в книгах, изданных для детей: «Под открытым небом», «Стихи и рассказы», «Полевые цветы». Примечателен отзыв Горького о книге «Под открытым небом»: «Хорошие стихи, ей-богу! Свежие, звучные, в них есть что-то детски-чистое и есть огромное чутье природы»².

Публикуя одни и те же стихи в изданиях для детей и для взрослых, Бунин почти всегда вносил коррективы в «детские» стихи. Вероятно, для того, чтобы сделать какое-то явление понятней, ближе, чтобы возникала какая-то ассоциативная связь, он объединял стихи в циклы («Летние песни», «После дождя», «Дома», «Из песен о весне»), почти всегда давал стихам название. Вместе с тем, и это хочется подчеркнуть, есть случаи, когда публикация в детском журнале служила эталоном, когда именно к ней, после ряда вариантов, возвращался поэт, создавая окончательную редакцию («Крещенская ночь» и др.). Стихи Бунина открывали детям огромный мир — полные жизни картины природы, увиденной в ее естественной красоте, в ее необыкновенном разнообразии, в том ошуше-

¹ Коринфский А. Д. Садовников и его поэзия. СПб., 1900. С. 87.

² Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954. Т. 28. С. 68.

нии счастья, которое она дает человеку. Поэзия эта поднимала читателя на совершенно иную ступень восприятия, она требовала от него высокой эстетической культуры, духовной зрелости.

7

Рядом с поэзией, выведившей ребенка далеко за пределы чисто «детского мирка», существовала и даже получила особенное развитие с конца 1880-х годов поэзия, рассчитанная на камерное звучание. Трудно и, вероятно, неправомерно проводить параллель между произведениями для детей и тем, что характеризовало большую литературу 80—90-х годов. В эти годы целостная картина мира, создаваемая литературой предшествующей, в какой-то мере терялась, становилась дробной. Гораздо приглушенной звучала гражданская тема в поэзии, будущее выглядело в ней расплывчатым, неопределенным, в стихах появились мотивы скорби, разочарования, обманутых надежд, сетования на жизнь, на судьбу.

Ничего похожего в литературе для детей не было. Мир здесь «уменьшался» иначе. На страницах детских журналов появилось множество котятков, ангелочков и фей, всяческих «жужуток», «амишек», «мордашек». Литература подобного рода, как заметил впоследствии Ю. Н. Тынянов, «отбирала из мира небольшие предметы в тогдашних игрушечных магазинах, самые мелкие подробности природы: снежинки, росинки, как будто детям предстояло всю жизнь прожить в тюремном заключении, именуемом детской, и иногда только глядеть в окна, покрытые этими снежинками, росинками, мелочью природы». Стихи ориентировали детей на такую жизнь, где нужно «как можно меньше двигаться, как можно меньше любопытствовать, поменьше всем интересоваться»¹.

Да, действительно, страницы, особенно таких журналов, как «Малютка» и «Задуманное слово», были заполнены картинками, изображавшими нарядных, с ангельскими и кукольными личиками, с неподвижными огромными глазами изысканных маленьких барышень и кавалеров. Это словно бы им предназначались стихи:

Полкан и Жучка, сын их тоже,
Пошли по городу гулять,
Надели все, что подороже,—
Другим собачкам показать.

Но среди этой массовой продукции возникали стихи, которые трогали своим настоящим чувством и становились любимыми для многих поколений детей. Таково, например, стихотворение И. Косякова про маму («Все она»), таково и стихотворение, которому суждена была особая

¹ Тынянов Ю. Корней Чуковский // «Детская литература». 1939, № 4. С. 24.

жизнь,— «В лесу родилась елочка» Р. А. Кудашевой. В начале XX века еще одна ее книжка пользовалась громадным успехом: «Бабушка Забавушка и собачка Бум». Поэтесса очень хорошо уловила тягу ребенка к смешному, комическому, невероятному. Долгое время имя Кудашевой было совершенно неизвестно читателю, и даже такой тонкий знаток поэзии, как С. Маршак, считал «Бабушку Забавушку» принадлежащей к полулубочной поэзии. Так же, как «Степка-Растрепка», она нравилась ему своей «хорошей традицией. Фольклорной. Проверенной временем»¹. О существовании Кудашевой стало известно лишь перед войной, в 1940 году. В конце 50-х она выпустила, на материале старых стихов, три книжки.

На протяжении чуть ли не всего существования «Задушевного слова» из номера в номер печатались веселые стихи К. Льдова, но его юмор был слишком замешен на дидактике, и сегодня все его стишки, где действуют «Саши-замарашки» и «Коли-бездельники», кажутся несколько пресными. Однако в лучших своих стихах он владел искусством смешного. Множество стихов для детей на страницах «Задушевного слова» опубликовала Л. А. Чарская².

Постепенно на поэтических страницах «Детского чтения», «Задушевного слова» (для старшего возраста), «Игрушечки» определилось направление, связанное с именами А. А. Коринфского, С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, А. М. Федорова, Г. А. Галиной. В их стихах, обращенных к детям, отсутствовали свойственные их «большой поэзии» мотивы неверия, пессимизма, скорби. Именно в детях эти поэты видели возможное осуществление своих несостоявшихся надежд, именно с детьми связывали светлые упования. Отсюда и ощущение своей миссии — учителей, проповедников, наставников:

Детский мир... Как страстно эта нива
Пахарей и сеятелей ждет!
Сейте, други! Светлой правды семя
По весне сторицею взойдет!..

(А. Коринфский. «Детский мир»)

Дружно, дети, выше, выше
По заветным ступеням,
В царство знанья, в царство света,
В царство радости и счастья,
К утешеньям и трудам.

(С. Фруг. «Детство»)

¹ «Две беседы С. Маршака с Л. К. Чуковской» // Маршак С. Собр. соч. М., 1971. Т. 7. С. 583.

² Поэзия занимает вторичное место в ее работе: в детскую литературу Чарская вошла как прозаик, автор множества романов и повестей.

В стихотворении Федорова «Сыну» появляется новый очень важный мотив: Бесконечно любя своего маленького сына, автор желает, чтобы жизнь ребенка «была легка», но слово это, казалось бы такое однозначное, приобретает совершенно неожиданный смысл:

Легка не праздностью, не негою беспечной,
А светлой правдою своей,
Любовью к истине, сияющей и вечной,
Борьбой за счастье людей.

Труд, служение людям, готовность к испытаниям — вот те ценности, которые провозглашает поэзия, обращаясь к детям. Характерно в этом смысле стихотворение Фруга о нежной березе, которая изнемогала от града и ветра, меж тем как рядом с ней стояли «чуждые невзгодам, чуждые печали» сосны и ели. И лишь когда пришла весна,

Поняла березка, что недаром были
Ей даны невзгоды осени суровой:
Тот, кого ни разу скорби не томили,
Кто не ведал в жизни горя и мученья,
Не узнает сладких радостей спасенья.

(«Меж сосной и елью осенью глухою...»)

Вместе с тем большинство стихотворений этих поэтов — и щедрая дань детству, которое пока что очерчено заповедным кругом: «Ни гроз в нем, ни метелей!». В поэзии Коринфского злые метели бушуют только за пределами уютной комнатки и не мешают ни безмятежным снам ребенка, ни играм. И даже Мороз добр, ласков и пленителен, когда он обещает мальчику и всем детям ясный день, солнце, терема, палаты, дворцы («Белый дед»).

Забавы, шалости, развлечения по-прежнему остаются незабываемой привилегией детства, и в поэзии Галиной, Фруга, Коринфского много стихов шуточных, веселых, игровых. Стихи Фофанова, Полонского, писавших для детей в восьмидесятые годы, вводили ребенка в мир более сложных поэтических ассоциаций, действительность в них причудливо переплеталась с фантастикой, ребенку предлагался непривычный по форме стих («Триолет» Фофанова, «Лесные чары» Полонского).

Конец XIX и начало XX века — период в русской поэзии, связанный с развитием и утверждением символизма, — меньше сказался на поэзии, обращенной к детям. Напротив, как раз именно детство подчас и возвращало поэта из надземных, потусторонних сфер на землю, заставляя его убеждаться в ее реальном, конкретном существовании. Характерно в этом смысле стихотворение Бальмонта «Детство»:

Как прелестен этот бред,
 Лепет детских слов.
 Предумышленности нет,
 Нет в словах оков.
 Сразу Солнце и Луна,
 Звезды и цветы.
 Вся вселенная видна,
 Нет в ней темноты.
 Всё что было — здесь сейчас,
 Всё, что будет — здесь.
 Почему ж ты, Мир, для нас —
 Не ребенок, весь?

Характерно и то, что в поэзии для детей Бальмонт очень редко прибегал к привычному для него громоздкому ряду метафорических определений, украшений, эпитетов. Создавая детские стихи, он был гораздо строже в выборе художественных средств и, так же, как Бунин, для детских изданий создавал новые варианты: достаточно сопоставить отдельное издание «Фейных сказок» и журнальную публикацию в «Детском чтении» (она имела другое название: «Светлый мир»). Конечно, и в детских стихах Бальмонта хватало и туманного, и надзвездного, но многое было обращено к детскому фольклору, многие сюжеты «дописаны» в духе детских представлений. Разрабатывая, например, известный сюжет о зайчике и охотнике, поэт делает свое дополнение: зайныка должен оставаться для детей вечно живым:

Зайныку белого вьюга бережет,
 Зайныку полночь в обиду не дает.
 Зайныку белого ежели убьют,
 Что же нам песенки веселые спют!

(«Зайныка»)

Особое место среди детских журналов занимал журнал «Тропинка» (1906—1912), который как бы сознательно не претендовал на широкое участие в общественной жизни, а создавал и оберегал свой замкнутый

мирок. Журнал был на редкость красиво оформлен: рисунки к материалам делали чаще всего И. Я. Билибин, М. В. Нестеров, П. С. Соловьева (псевдонимом Allegro она пользовалась только для стихов). Не в пример другим журналам, где стихам обычно отводилось немного места, здесь основное место занимали стихотворения, поэмы, сказки в стихах. Здесь царила высокая культура стиха и понимание ребенка. «Тем-то и дорога «Тропинка»,— писал К. Чуковский,— что в ней таится эта возможность: как-то по-новому, без тени насилия и лганья подойти к ребенку»; многие стихи словно написаны, словно «пропеты» детьми, и «Тропинка» только «почтительно вслушивается и, главное, верит им, верит в этот мир детских видений и страхов».¹

Самыми веселыми чудесами наполнялись стихотворения Городецкого: месяц и солнце, как в детской игре, считались друг с другом; весна принимала участие в хороводе, колдун оказывался растяпой. Легко и свободно разговаривал поэт с многоцветным, шумным и деятельным миром природы:

Здравствуй, весенняя первая травка!
Как распустилась? Ты рада теплу? —

(«Здравствуй, весенняя первая травка!..»)

нежно и ласково с ребенком:

Ты устала? Я ласкаю.
Веет вьюга? Я с тобой.

(«Зимняя колыбельная»)

Но поэт не только ласков с ребенком. Он призывает его включиться в эту деятельную жизнь:

Солнце светит над тобою,
Скачет заяц за водою,
Пашет пахарь за рекою,
Ночка дремлет под горою.
Подымись
Да потрудись.

(«Просыпайся!»)

Давно уже стало привычным и обязательным во всех учебных пособиях по истории детской литературы относить творчество издательницы журнала «Тропинка» Поликсены Соловьевой (Allegro) к разряду явлений отрицательного порядка. На самом деле этот установившийся

¹ Чуковский К. Матерям о детских журналах. Спб., 1911. С. 36.

стереотип не соответствует истине. У Соловьевой, действительно, хватало стихов мистических, с преувеличенной экзальтацией. Но рядом с ними были и такие, которые прочно вошли в литературный обиход, постоянно перепечатывались в книгах для детского чтения. Стихи живые, отмеченные поэтическим вкусом, наблюдательностью, веселые и легкие. Нельзя современного читателя лишать такого, скажем, стихотворения, как «Ночь и день»:

Ночь зимой — как черный кот,
День — как серенькая мышь.
Но весна, весна идет,
Ярко, звонко каплет с крыш.

И вот финал этого неизбежно счастливого круговорота:

Исчезают тьма и тишь,
И теперь наоборот:
Ночь — как серенькая мышь,
День — большой, блестящий кот.

В этом же ряду стоят и «Подснежник», и «Мошки», и «Орехи»; бесспорно интересны ее постоянные, в конце журнала, отделы загадок, ребусов, шуток.

9

Поэзия для детей все больше открывала читателю большой, разнообразный, не ограниченный в своих представлениях мир. Для поэзии М. А. Пожаровой самым главным в этом мире было ощущение причастности человека ко всему живому:

Вглядись, подумай, вслушайся:
Ты больше не одна!
Друзей дарит бесчисленных
Лесная глубина.

(«Девочка в лесу»)

Со стихами Пожаровой в поэзию вошло ощущение праздничности, волшебства; природа в ее стихах добра и отзывчива, она охотно открывает свои загадки и тайны человеку. Поэтесса М. Л. Моравская писала: Пожарова «воспитывает душу ребенка, не пытаясь его поучать», ее стихи «обо всем, что близко ребенку», главное в них «чувство любви, доброты и жалости». ¹ Герой Пожаровой проходит путь от первого тихого

¹ Моравская М. Бубенчики М. Пожаровой // «Ежемесячный журнал». 1915, № 11. С. 312.

разговора с деревом и травкой до зрелого, большого и открытого обращения к родной земле:

С твоей улыбкой, с твоим страданьем,
С твоим дыханьем
Сливаюсь я...

(«Край родной»)

Для другого поэта — М. И. Цветаевой — характерна напряженная внутренняя жизнь ее маленькой героини. Детство у Цветаевой — «целый мир грядетез радостных наук»:

Дети — это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ.

(«Мирок»)

В рецензии на первые книги Цветаевой («Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь») молодая М. С. Шагинян обратила внимание на разделы, посвященные детям: «Детство», «Деточки», «Дети растут», и заметила: «Тут она положительно хрестоматийна; некоторые из ее стихов так и просятся в хрестоматию как превосходные образцы поэзии для детей». Особенно она отметила стихотворение «У кровати» («Там, где шиповник рос аленький...»): это колыбельная песенка, «вернее — картинка, не имеющая себе равной в русской литературе».¹

В маленькой героине Цветаевой открывается страстная впечатлительная натура, проявляющая себя во всем: в игре, в богатой фантазии, в первой любви, в радости и в горе. «Ах, этот мир и счастье быть на свете...», «О золотые времена, Где взор смелей и сердце чище!..» И потому расставанье с детством представляется трагедией:

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всё запрет!
Так с милым детством я прощаюсь, плача,
В пятнадцать лет.

(«В пятнадцать лет»)

Еще с одной стороны мир открывался ребенку в голосах пролетарских поэтов: Е. Е. Нечаева, Ф. С. Шкулева. В их стихах (они печатались в журналах «Детский друг», «Детское чтение», «Юная Россия», «Путеводный огонек») тоже много строк о природе, но картины

¹ Шагинян М. Самая настоящая поэзия // «Приазовский край». 1911, 3 октября. (Цит. по публикации Е. Шагинян — «Вопросы литературы». 1983, № 12. С. 205.)

природы не мыслятся здесь без других картин — подневольного детства, того детства, где

Голод томительный, труд непосильный,
Иго насилья и зла...

(Е. Нечаев. «Ночь»)

В стихотворениях Шкулева знакомые ребенку понятия наполняются новым для него значением. Дуб становится опорой для всех, кто нуждается в помощи, великан, образ которого принадлежал только сказке или былине, приобретает облик крестьянина, рабочего, кузнеца... В стихах Нечаева и Шкулева возникают образы людей, вступивших на путь борьбы за счастье людей («Встреча» Нечаева, «Кузнец», «Наборщик» Шкулева), звучат призывы, обращенные к детям, следовать их пути («Будешь вовек ты человек» Шкулева).

Порвать пути ребячества, вырваться из «детской», обрести самостоятельность, жить активно, отчаянно, интересно — об этом, быть может впервые, заговорила в своей поэзии Моравская. Герои ее стихов делятся на тех, кто боится мамы из-за того, что «Разорваны штанишки и волосы в пыли», и тех, кто томится в скучной «детской», кому надоела излишняя опека взрослых. Пусть попытка Гриши («Беглец») бежать кончается неудачей, а сам он неловкий и маленький (похожий на чеховского героя из «Мальчиков»), но все это освещено в стихотворении добрым светом, увидено любящим и восхищенным взглядом сестренки, в глазах которой он все равно герой. Очарование «детской» полностью разрушено: герою Моравской там душно, тоскливо, одиноко. Это важное и глубокое содержание ее поэзии отметил критик А. Гизетти: «Большим и простым, неподдельным пониманием одинокой детской души проникнуты ее стихи».¹ Но стихи — веселые, автор не только грустит с героем, но и подтрунивает над ним, идет ли речь о человеке или о «меньших братьях» в циклах «Звери обиженные» и «Звери веселые».

Закономерно, что именно в это время появились стихи Саши Черного, появился поэт, который, казалось, узнал все стороны детской жизни, забрался во все уголки, все высмотрел и выбрал себе героя — озорного выдумщика, неутомимого и неугомонного, как ветер. Поэт, которому для встречи с детством не надо было преодолевать никаких дистанций:

Тук! Я новенькая книжка.
Что глядишь во все глаза?
Здавствуй, мальчик, стрижка-брижка,
И шалуныя егоза!

(Посвящение к сб. «Жар-птица»)

¹ Гизетти А. Три души. Н. Львова, А. Ахматова, М. Моравская // «Ежемесячный журнал». 1915, № 12. С. 149.

Казалось, трудно было бы даже представить, что поэт, известный своими сатирическими стихами, мрачноватыми, горькими, желчными, может с таким светлым чувством, с такой безоглядной щедростью писать стихи для детей. Но даже находясь в эмиграции, Саша Черный последнюю свою опору находил в детях, в детской улыбке, в детском сообществе: «Спасибо за улыбку, французское дитя!»

Ощущение себя ребенком не покидало его никогда. Это про себя он писал так:

Он хоть взрослый, но совсем такой, как вы:
Любит сказки, солнце, елки,—
То прилежнее он пчелки,
То ленивее совы.

(«Детям»)

Детство предстает здесь не в портретах героев, а в постоянной активной деятельности: то это игра, то занятия, то купанье в речке, то озорство — словом, вечное движение. Стихи передают этот ритм, этот безудержный веселый темп детской жизни:

В небе белые овечки...
Гу! Я дунул и прогнал.
Разболтал волну на речке,
Ветку с липы оборвал...
Вею-рею!
Раскачал все фонари!
Дую-вею!
Кто за мною? Раз, два, три!

Это из «Песни ветра», но так и не поймешь — то ли это про ветер, то ли про мальчишку. Среди этого движения возникают и паузы, и, когда речь пойдет о какой-нибудь крохе, у которой пропал ее мишка, или о Катюше, наступает время нежных чувств, подлинной лирики:

На дворе мороз,
В поле плачут волки,
Снег крыльцо занес,
Выбелил все елки...
В комнате тепло,
Печь горит алмазом,
И луна в стекло
Смотрит круглым глазом.
(«Про Катюшу»)

В последнем стихотворении Саши Черного выражена его мечта о чуде, о таком волшебном дне, когда все дети Земли могли бы собраться вместе в общий хоровод и объединиться в одном порыве:

Завертеться б, закружиться,
Сразу всем остановиться,
Отдышаться всем на миг —
И поднять веселый крик.

Ведь у детей так много общего:

Все любят сласти, игры и сказки,
Все лепят и строят — подумай, дружок.
У каждого ясные детские глазки,
И каждый смеется и свищет в свисток.

(«Дети»)

И все же, вероятно, не случайно собранным в одну книгу своим стихам Саша Черный дал название «Детский остров». Остров, конечно, намного шире комнаты, даже дома, даже города. Но остров тоже ограничен в пространстве и отделен от материка. Для Саши Черного этот остров, свободный для детской справедливой жизни и детской фантазии, оставался пока еще плодом доброго вымысла, сказочной утопии.

Оценивая работу для детей А. А. Блока, С. А. Есенина, В. Я. Брюсова, некоторые исследователи указывали, что их попытки писать для детей не принесли удачи. Думается, что это не так. К примеру, известный исследователь детского фольклора Г. Виноградов называет Брюсова среди тех поэтов, которые участвовали «полностью или не вполне осознанно в желании обогатить наличный считалочный репертуар своим вкладом», и видит в этом «благородном соревновании ... плодоносные зерна».¹ Это о стихотворении «Детская» («Палочка-выручалочка, Детская игра...»). Не только это стихотворение, но и многие другие: «Зайчик» и «Ворона» Блока, «Поет зима — аукает», «Береза», «Черемуха» Есенина стали хрестоматийными. Обращение к поэзии для детей было для этих поэтов не эпизодическим, а серьезным и насущным делом в их творческой работе.

Уже в самый последний год своей жизни, в рецензиях на детские спектакли, Блок высказал мысли, свидетельствующие о его глубоком понимании специфики детского восприятия и самой сути детства. Он и в самом себе искал то состояние души, при котором взрослые люди

¹ Виноградов Г. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. С. 129.

становятся как дети, когда у них «открываются глаза, и они видят все вокруг по-новому, они видят самые души вещей, и вещи, и животные, и растения говорят с ними на понятном языке».¹ Эти поиски были для Блока необычайно важны, ибо он убежден: «художником имеет право называться только тот, кто сберег в себе вечное детство».²

Подытоживая более чем трехвековой период развития детской поэзии, можно сделать некоторые выводы. Стихотворения многих крупных поэтов (Майкова, Дрожжина, Бунина, Бальмонта, Есенина), первоначально опубликованные в детских изданиях, позднее становились достоянием всей поэзии, вошли в фонд «большой» литературы, и это обстоятельство позволяет иначе посмотреть на вопрос о взаимодействии «взрослой» и «детской» литературы. До сих пор считалось, что существует только один вид взаимодействия, при котором детская литература пополняется и расширяется введением в круг детского чтения произведений, изначально обращенных к взрослому читателю. Однако мы вправе говорить и об обратном влиянии, об обратном взаимодействии, которое подтверждается первой публикацией многих стихотворений сначала в издании для детей и лишь позднее в изданиях для взрослых. Существенным является и тот факт, что подчас из многих вариантов окончательным становился вариант из издания для детей (к примеру, стихотворение Сурикова «Горе», «Крещенская ночь» Бунина).

Несомненно также и другое: стихи для детей читали, любили и запоминали наизусть, на них вырастали многие поколения людей,— об этом прямо свидетельствуют воспоминания литераторов, художников, композиторов. Об этом говорит и человеческая память. Примеров того, как на всю жизнь запоминались детские стихи, можно привести великое множество. Находясь далеко от России, Цветаева для эпитафии к циклу «Стихи сироте» (1936) взяла строчки из стихотворения К. Петерсона «Сиротка». По сей день можно встретить людей, помнящих наизусть стихи из «Задуманного слова», из «Детского чтения», «Родника»: часто источником служат здесь не только журналы и книги, а скорее бабушки, которые на этих журналах выросли.

От этого наследия нам отказываться нельзя. В статье «О наследии и наследственности в детской литературе» (1933) С. Маршак слишком сурово оценил работу большинства детских дореволюционных журналов и их литературную продукцию.³ Эта точка зрения получила широкое распространение во многих работах современных исследователей детской литературы. Но не только среди исследователей. Представление о том, что дореволюционная литература для детей устарела и

¹ Блок А. О «Голубой Птице» Метерлинка // Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 417.

² Там же. С. 415.

³ Маршак С. Собр. соч. М., 1971. Т. 7. С. 279—312.

полностью изжила себя, что она олицетворяет собой уходящий в прошлое мир, возникало часто и у тех людей, которые на этой литературе не только выросли, но и любили ее. Вот характерное признание (время, о котором идет речь, начало 20-х годов, герою лет пятнадцать): «... Я окончательно почувствовал себя взрослым и, посоветовавшись с Петей, решил провести чистку собственной библиотечки... Там были книги и издания, меня компрометировавшие. Я уничтожил несколько повестей Лидии Чарской и Клавдии Лукашевич, те самые, которые я еще недавно обливал постыдными слезами. Полетела в огонь милейшая Желиховская, туда же было решено отправить комплекты журналов «Золотое детство» и «Задушевное слово». Не без грусти перелистали мы любимые когда-то журналы. Так сгорели в печке последние улики детства».¹

Лучшие из представленных в настоящем издании стихотворений вошли в золотой фонд детской поэзии. Многие, быть может, останутся достоянием истории. Но все они жили, все они долгое время составляли постоянный и устойчивый круг детского чтения («улики детства»). Стихи эти являются нашим культурным наследием, без которого представление о русской поэзии было бы неполным, недостаточным, одностронним.

Следующий этап в развитии поэзии для детей, поэзии, связанной определенными традициями с дореволюционной, но во многом новаторской, начинается уже после Октября.

Е. Путилова

¹ Штейн А. Второй антракт. М., 1976. С. 26.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Колыбельные

1

Ходит Сон по сенюшкам,
А Дремота по крыльцу.
Сон, сын Дремы,
Дрему спрашивает:
«Где мне, Дрема,
Колыбель дитя найти?»
А мое ли-то дитя
Во высоком терему,
Во высоком терему,
В шитом браном пологу,
На серебряном кругу.
На серебряном кругу
Люля точенная,
Люля точенная,
Позолоченная,
Кольца, пробойца
Серебряные.
У мово ли у дитя
И постелюшка мягка,
И постелюшка мягка,
Что пуховенькая.
У мово ли у дитя
Одеялечко тепло,
Одеялечко тепло,
Соболиное.

2

Уж ты котя, коток,
Котя серенький лобок,
Приходи, котя, коток,
На печурочке поспать,
На печурочке поспать,
Мне Володю качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Шубку новую куплю,
Шубку плисовую,
Шапку бархатную.
— Мне не надо, коту,
Шубки плисовой,
Шапки бархатной;
Только надо мне, коту,
Корки с мяконькой,
Только надо мне, коту,
Со сметанкой молочка.

3

Бай-бай-бай,
Поди, Бука, под сарай,
Саше спать не мешай!
Уж ты, Сашенька, усни,
Угомон тебя возьми.

4

Баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок,
Потащит во лесок,
Под ракитовый кусток.

Баю-баюшки-баю,
 Я про гулюшек спою.
 А люлюшки, люлюшки,
 Прилетели гулюшки,
 Стали гули ворковать,
 Стали думать и гадать,
 Как Сереженьку качать.
 Стали гули говорить:
 «Чем Сереженьку кормить —
 Или сосочку с рожком,
 Или кашку с молочком?»
 А гулюшка белая
 По камушкам бегала,
 По камушкам бегала
 Да Сереженьку звала.
 Уж ты, гуля, не гуди,
 Сереженьку не буди.

О лю-лю, мое дитяtko,
 Лю-лю, лю-лю.¹
 Спи-тко, усни, дитя материно,
 Спи-тко ты, дитяtko, с богом, со Христом.
 Все ласточки спят и касаточки спят,
 Куницы спят и лисицы спят,
 Соколы спят и соболи спят,
 Нашому <Ванечке> спать жо велют.
 Для чего-зачем <Ванечке> не спать?
 Ласточки спят все по гнездышкам,
 Касаточки спят все по кустичкам,
 Лисицы спят все по подкустичкам,
 Куницы спят все по норочкам,
 Соколы спят все по гнездышкам,
 Соболи спят где им сдумалось,
 Маленькие детки в колыбелочках спят.
 Спи-тко, <Ванечка>, и милашенька,
 Спи-ко, ребенок дорогой, ненаглядный, золотой.

¹ Припев «Лю-лю, лю-лю» повторяется после каждого стиха.— *Ред.*

Спи-тко подоле, выростёшь поболе.
Выростёшь велик — станут девушки любить,
Станут девушки любить, станут молодушки хвалить.
Станёшь в школу ходить, станёшь книжки учить.
Выучишьсё в книге, станёт батюшко женить,
Станёшь свататься к невестам, станёшь слыть женихом.

7

Уж ты петя-петушок,
Золотой гребешок!
Что ты рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Сене спать не даешь?
Ты тогда Сеню буди,
Когда солнышко взойдет,
Когда солнышко взойдет,
Роса наземь упадет.

Пестушки

8

Тянушки-потянушки,
На зайку потягунушки,
На Сашу растунушки,
Поперек толстунушки,
Вдоль долгунушки,
Ножки ходунушки,
Ручки хватунушки,
Глазки глядунушки.
Носок — сморчок,
Роток — говорок,
Умок — разумок,
Ушки — слушки
Моей матушки.
Батюшки-разбатюшки!

Тюшки, тютюшки,
 Овсяны лепешки,
 Пшеничный пирожок,
 На опаре замешан,
 Высокохонько взошел,
 У старухи-то ушел,
 У старика-то убежал.

А тари-тари-тари!
 Куплю Маше янтари;
 Останутся деньги —
 Куплю Маше серьги;
 Останутся пятаки —
 Куплю Маше башмаки;
 Останутся грошики —
 Куплю Маше лож(и)ки;
 Останутся полушки —
 Куплю Маше подушки.

Ехали гусары, гусары, гусары,
 Ехали уланы, уланы, уланы,
 Ехали казаки, казаки, казаки
 По гладенькой дорожке,
 По гладенькой дорожке,
 По кочкам, по кочкам,
 По кочкам, по кочкам,
 По ухабам, по ухабам, по ухабам,
 По мостику, по мостику, по мостику —
 Бух в ямку!

Едет-гонит на пегом коне
 К дедушке — по репку,
 К бабушке — по мяконький хлеб.
 Шагом, шагом, шагом,
 Хлюнькой, хлюнькой, хлюнькой,
 Рысью, скоком,
 Тпру! Приехали!

А ту-ту, ту-ту,
 Я на елочке расту.
 Ветер елку укачал,
 Я с елочки упал.
 Я упал на пенек,
 Стал пригожий паренек.

Скок-поскок,
 Молодой дроздок,
 По водичку пошел,
 Молодичку нашел.
 Молодиченька
 Невеличенька,
 Сама с вершок,
 Голова с горшок.
 Шу вы! полетели,
 На головушку и сели.

— Мишка, Мишка, где штанишки?
 — Потерял, потерял,
 У девчонок на орешки
 Променял, променял.—

Мама била, била, била
По ушам, по ушам:
— Подавай сюда штанишки!
— Не подам, не подам!

16

Три-та-та, три-та-та!
Вышла кошка за кота.
У кошки лепешки,
У кота пирожки.
Ходит кот по лавочке,
Ведет киску за лапочку.
Ходит кот по лавочке,
Продает булавочки,
Тому-сему продает,
А Сашеньке так дает.

Потешки

17

Ладушки, ладушки!
Где были? — У бабушки.
Что ели? — Кашку.
А что пили? — Бражку.
Каша маслѣнька,
Бражка сладѣнька,
Бабушка добрѣнька.
Пѳпили, поели,
Домой полетели,
На головку сели,
Ладушки запели.

18

Сорока, сорока
Была белобока,
Кашку варила,
Гостей созывала.

57

На порог скакала,
Гостей поджидала:
Не едут ли гости,
Не везут ли каши?
Едут гости,
Везут каши:
Кашки немножко,
На красной на ложке.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не досталось:
Он сам мал,
Крупы не брал,
По воду не ходил,
Воды не носил,
Дрова не рубил,
Печки не топил,
Каши не сварил.
Шу вы, полетели!

19

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками: топ! топ!
Глазками: хлоп! хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает.

Обрядовые. Заклички

20

Сею-вею, подсеваю,
С Новым годом поздравляю —
Со скотом, с животом,
Со пшеничкой, с овсецом.

58

Ты хозяин-мужичок!
Полезай в сундучок,
Доставай пяточок —
Нам на орешки,
Вам на потешки.
Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой!

21

Жаворонки, прилетите,
Красну вёсну принесите.
Нам зима-то надоела,
И весь хлеб у нас поела,
И дрова все пожгла,
И солому всю пожгла,
Молоко всё унесла.

22

Чувиль-виль-виль, жаворóночек!
Принеси весну на своем хвосту,
На сохе, бороне,
На ржаной копне,
На овсяном снопе.

23

Весна красна! На чем пришла?
На сошечке, на бороночке,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку.

24

Солнышко,
Распеколнышко,
Не пеки за реку,
Пеки к нам на реку!
Как у нас на печи
Калачи горячи!

Солнушко, вёдрушко,
Выглянь в окошечко.
Твои детки плачут,
По камушкам скачут,
Хлебца есть хочут.

Дождик, дождик, пуще!
Дам тебе гущи,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка,
Дам и хлебца каравай —
Сколько хошь понужай.

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Рязань,
Богу молиться,
Христу поклониться.
Я убога сирота,
Запирала ворота
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком.

Уж ты радуга-дуга,
Поведи меня в луга,
Там лук, чеснок,
Киселя горшок,
Каша масляная,
Ложка крашенная.

Ложка гнется,
Сердце бьется,
Нос трясется,
Душа радуется,
Глаза выскочить хотят.

29

Коршун, коршун, колесом,
Твои дети за лесом,
Курица в амбаре,
Петух на базаре.

30

Чайца, чайца,
Поддай свои яйца,
На тебе голыш,
Куда хошь полетишь.

31

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба!

Считалки и жеребьевые сговорки

32

— Заяц белый,
Куда бегал?
— В лес по лыки.
— Чего делал?
— Цепы драл.

61

- Куда ножик клал?
- Под корыто.
- Кто украл?
- Родивон.
- Поди вон.

33

Огурец, огурец,
Не ходи на тот конец,
Там волки живут,
Тебе ноги подшибут.
Я не тятькин сын,
Я не мамкин сын,
Я на елке рос,
Меня ветер снес,
Я упал на пенек.
Поди водить, паренек.

34

Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили —
Не читать, не писать,
Только по полу скакать.
Я скакала, я скакала,
Себе ноженьку сломала,
Меня маменька ругала
И за доктором послала.
Доктор едет на свинье,
Балалайка на спине.
Балалайка загремит —
Меня доктор забранит.
Балалайка не гремит —
Меня доктор не бранит.

Раз, два, три, четыре,
 Жили мушки на квартире.
 К ним повадился сам-друг,
 Крестовик, большой паук.
 Пять, шесть, семь и восемь,
 Паука мы вон попросим:
 «К нам, обжора, не ходи».
 Ну-ка, Мишенька, води.

Ехал Ваня из Казани,
 Полтораста рублей сани,
 Пятьдесят рублей дуга,
 Мальчик девочке слуга.
 «Ты, слуга, подай карету,
 А я сяду и поеду,
 Ты, слуга, подай метлу,
 Я в карете подмету.
 Ты, слуга, подай лимон
 И выкатывайся вон».

Первѣнчики,
 Дружѣнчики,
 Трынцы,
 Волынцы,
 Пятый,
 Мятый,
 Шохман,
 Тыкинъ,
 Выкинъ,
 Которые
 Яловые,
 Свѣрчик,
 Пѣрчик,
 Воронец,

Пьявка,
Жук.
Родивон,
Выйди вон.

38

Перводан,
Другодан,
На колоде угадал.
Пятьсот судья,
Пономарь лодья,
Катерина тетка,
Щебелева плетка.
Он сам щебелек,
Шелковый поясок.
Шишел,
Вышел,
Дегтерь — вон!

39

Тани, Вани,
Что за вами,
За железными столбами?
Мальчик,
Стульчик,
Сам корольчик,
Позвени-ка в колокольчик.
Тим-бам,
Я копеечку подам!
Копеечка велика,
Калачей напекла,
Калачи горячи,
Изгорели все в печи.
Приехали торгаши,
Расхватили калачи,
А один торгаш
Съел последний калач.
Пришел Родивон,
Закричали: «Выйди вон!»

64

Аты-баты — шли солдаты,
 Аты-баты — на базар.
 Аты-баты — что купили?
 Аты-баты — самовар.
 Аты-баты — сколько стоит?
 Аты-баты — три рубля.
 Аты-баты — кто выходит?
 Аты-баты — ты и я.

Катилася торба
 С высокого горба.
 В этой торбе
 Хлеб, пшеница.
 С кем ты хочешь
 Поделиться?

На золотом крыльце сидели
 Царь, царевич,
 Король, королевич,
 Сапожник, портной.
 Скажите, пожалуйста,
 Кто вы такой?
 Говори поскорей,
 Не задерживай
 Добрых и честных людей.

Дора, Дора, помидора,
 Мы в саду поймали вора.
 Стали думать и гадать,
 Как же вора наказать.

Мы связали руки, ноги
И пустили по дороге.
Вор шел, шел, шел
И корзиночку нашел.
В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки —
Что угодно для души?

Игровые

44

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Стой подоле,
Гляди в поле,—
Едут там трубачи
Да едят калачи.
Погляди на небо —
Звезды горят,
Журавли кричат:
«Чу-чу, убегу».
Раз, два, не воронь,
А беги, как огонь.

Ярка — не ярка,
Баран — не баран.
Серая овечка не женится,
Дай сенца — обьягнится.

45

Гори, гори жарко,
Приехал Захарка,
Сам на кобылке,
Жена на тележке,
Детки в санках,
В черных шапках.

- Заинька серенький, где ты был?
- В огороде, барин мой, в огороде, душа мой.
- Чем тебя, зайнька, били, чем тебя, серенький, били?
- По спине-то кулаками, по бокам-то кирпичами.
- Чай ты, зайнька, схоронился, чай ты, серенький,
схоронился?
- Некуда, барин мой, некуда, душа мой.
- Чай ты, зайнька, во плетень, чай ты, серенький,
во плетень?
- Плетень — паутень, вот и запутаюсь.
- Чай ты, зайнька, во бороздку, чай бы ты, серенький,
во бороздку?
- Бороздка узка, а я, зайнька, низка.
- Чай бы ты, зайнька, во овес, чай бы ты, серенький,
во овес?
- Овес колосистый, а я, зайнька, голосистый.
- Чай бы ты, зайнька, во пшеничку, чай бы ты, серенький,
во пшеничку?
- Пшеничку будут жать, а мне некуда бежать.
- Чай бы ты, зайнька, во лужка, чай бы ты, серенький,
во лужка?
- Лужка будут косить, меня, зайньку, ловить.

Баба сеяла горох —
 Прыг-скок, прыг-скок!
 Обвалился потолок —
 Прыг-скок, прыг-скок!
 Баба шла, шла, шла,
 Пирожок нашла,
 Села, поела,
 Опять пошла.
 Баба стала на носок,
 А потом на пятку,
 Стала русского плясать,
 А потом вприсядку!

Золотые ворота,
 Проходите, господа!
 Перва мать пройдет,
 Всех детей проведет.
 Первый раз прощается,
 Второй раз запрещается,
 А на третий раз
 Не пропустим вас!

Шла торговка мимо рынка,
 Спотыкнулась о корзинку.
 В этой маленькой корзинке
 Есть помада и духи,
 Ленты, кружева, ботинки —
 Что угодно для души?
 Что хотите, то берите,
 Губки бантиком держите,
 «Да» и «нет» не говорите,
 Черно с белым не берите...
 Вы поедете на бал?

50. МОЛЧАНКА

Кошка сдохла,
 Хвост облез,
 Кто промолвит,
 Тот и съест —
 Сорок амбаров
 Сухих тараканов,
 Сорок кадушек
 Соленых лягушек,
 Сорок ковшей
 Зеленых соплей.
 Молчанка началась,—
 Чок, чок!
 Двери на крючок.

51

Кысонька-мурысонька,
Где была? — У бабушки.
Что пила-ела? — Сыр, маслицо.
Оставила ли мне? — Оставила.
Где масло? — В криночке.
Где криночка? — На полочке.
Где полочка? — В избушке.
Где избушка? — На озере.
Где озеро? — Быки выпили.
Где быки? — На гору ушли.
Где гора? — Черви выточили.
Где черви? — Гуси съели.
Где гуси? — На луг убежали.
Где луг? — Девки выкосили.
Где девки? — Замуж вышли.
Где мужики? — На войну ушли.

52

Стучит-брячит по улице,
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке
Туды ж по дорожке.
— Куды, Фома, едешь,
Куды погоняешь?
— Сено косить.
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— На что тебе молоко?
— Ребяток поить.

Пошел козел по лыки,
Коза по орехи.
Козел пришел с лыками,
Козы нет с орехами.
«Добро же ты, коза!
Нашлю на тя волков».
Волки нейдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же вы, волки!
Нашлю на вас люди».
Люди нейдут волков бить,
Волки нейдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же вы, люди!
Нашлю на вас дубье».
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут волков брать,
Волки нейдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же ты, дубье!
Нашлю на тебя огонь».
Огонь нейдет дубье жечь,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут волков брать,
Волки нейдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же ты, огонь!
Нашлю на тебя воду».
Вода нейдет огонь тушить,
Огонь нейдет дубье жечь,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут волков брать,
Волки нейдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же ты, вода!
Нашлю на тя быков».
Быки нейдут воду пить,
Вода нейдет огонь тушить,
Огонь нейдет дубье жечь,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут волков брать,

Волки найдут козу драть,
Козы нет с орехами.
«Добро же вы, быки!
Нашлю на вас ножи».
Ножи найдут быков колоть,
Быки найдут воду пить,
Вода нейдет огонь тушить,
Огонь нейдет дубье жечь,
Дубье нейдет людей бить,
Люди найдут волков брать,
Волки найдут козу драть.
Нет козы с орехами.
«Добро же вы, ножи!
Нашлю на вас камни».
Камни пошли ножи тупить,
Ножи пошли быков колоть,
Быки пошли воду пить,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел дубье жечь,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли волки стрелять,
Волки пошли козу драть,
Пришла коза с орехами.

54

Жил-был у бабушки
Серенький козлик.
Вот как! Вот как!
Серенький козлик!
Бабушка козлика
Очень любила.
Вот как! Вот как!
Очень любила!
Вздумалось козлику
В лес погуляти.
Вот как! Вот как!
В лес погуляти!
Напали на козлика
Серые волки.
Вот как! Вот как!
Серые волки!

Оставили бабушке
Рожки да ножки.
Вот как! Вот как!
Рожки да ножки.

55

Жил Кутырь да Мутырь,
Жил посереди степца,
Накопил себе стожок сенца.
Пришли к нему баран да овца,
Подъели стожок сенца.
Не сказать ли опять с конца?

56

Пришел медведь к броду,
Бултых в воду!
Уж он мок, мок, мок,
Уж он кис, кис, кис,
Вымок,
Выкис,
Вылез,
Высох,
Встал на колоду —
Бултых в воду!
Уж он мок, мок, мок...

57

У попа была собака,
Он ее любил,
Она съела кусок мяса —
Он ее убил.
И в землю закопал,
И на камне написал:
У попа была собака,
Он ее любил... и т. д.

Гуси-лебеди летели,
В поле банюшку доспели.
Коростель полкí мостил,
Таракан дрова рубил,
Комар по́ воду ходил,
В грязи ноги увязил,
Он не вытащил,
Глаза вытарашил.
Блоха поднимала,
Живот надорвала.
Муха банюшку топила,
Пчелка воду наносила,
Оса щёлок щелочила,
Блошка парилася,
Да запарилася —
С полкá грянулася,
Об пол вдарилася,
На ушат ребром попала,
Изувечилася,
Изуродовалась:
Что без пальца рука,
Без мизинца нога.
«Охи, охи, не могу,
Потяните за ногú!»
Муха подскочила,
Ножку подломила,
В предбанник понесла,
На рогожку поклала.
Завопила тут блоха:
«Вы подайте мне дьячка,
Да запéчного сверчка,
Отпевать грешnú рабу,
Черну блóху во гробу!»
Жучки ямку рыли,
На погост носили,
Блоху хоронили,
Сверчки отпевали,
Блоху провожали.

Чигарики-чок-чигары,
 Комарики, мухи, комары.
 Чигарики-чигарок,
 Повалился комарок
 Со дуба на пенье,
 На сыро коренье.
 Прилетели мухи,
 Мухи-горюхи,
 Подхватили комарочка,
 Доносили до дубочка,
 Посадили на дубок,
 Под зелененький листок:
 Сиди, отсиживайся!

Уж ты жор-журавель,
 Разудалый молодец!
 По мельницам ездил,
 Диковинки видел:
 Козел муку мелет,
 Коза подсыпает,
 А маленьки козляточки
 В амбарах гуляют,
 Муку загребают.
 Два кочета, два рябые,
 Горох молотили,
 Две курицы, две красные,
 С току волочили,
 Бабушку кормили.

А барашки, круты ножки,
 В скрипочку играют,
 Две вороны, стары жоны,
 По горнице ходят,
 Две другие, молодые,
 Под скрипочку пляшут.
 А сороки-белобоки
 Пошли примечати:
 Ногами-то топ-топ,
 Глазами-то хлоп-хлоп.

— Тўру, тўру, пастушок,
 Калиновый подожок,
 Куда стадо гонишь?
 — От моря до моря,
 До красного города.
 Во городе именины,
 На именинах дуб стоит,
 На дубу сова сидит.
 Сова-то мне теща,
 Воробушек шурин,
 Глаз-то прищурил;
 Воробья-то жена
 Пирогов напекла,
 Воробей-то за пирог,
 А я ему палкой в лоб.
 Пей, воробастый,
 Не лазь в бочку,
 Отдай нашу дочку
 За нашего князя.
 У нашего князя
 Трое ворот,
 Шелком обиты,
 Бумагой покрыты.
 Калитки за калитками,
 Столбы точенные,
 Позолоченные.
 Вот и сказке конец,
 Кто споет, тот молодец.

Из-под вязу, вязу,
 Из-под дубу, дубу
 Бежит зайнько,
 Горностаинько,
 Ножки длинные,
 Ушки коротенькие.
 — Ты куда, заяц, бежишь,
 Куда, серый, спешишь?

— Мне некогда стоять,
Мне время бежать.
Мне теперь не до вас,
У нас свадьба завелась —
Молодец женится,
Девушка замуж идет,
Молодец — дворянин,
А девушка — барышня.

63

Ульяна, Ульяна,
Садись-ка ты в сани,
Поедем-ка с нами
Во нову дерсвню;
Во новой деревне,
Во старом селенье
Много див увидишь:
Куручка в сережках,
Петушок в сапожках,
Козел в новых портах,
Коза в сарафане,
А бык во кожәне,
Утка в юбке,
Селезень в жерельях,
Корова в рогоже —
Нет ее дороже!

64

Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота.
Выбегла дубина
С мальчиком в руках,
А за ним тулупчик
С бабой на плечах.
Кнут схватил собаку
Парить мужика,

А мужик со страху
Бац под ворота.
Деревня закричала:
«Мужики горят!»
Сарафаны с бабам
На пожар спешат.

Дразнилки

65

Андрей-воробей!
Не гоняй голубей,
Гоняй галочек
Из-под палочек.
Не клюй песок,
Не тупи носок!
Пригодится носок
Клевать колосок.

66

Коля, Коля, Николай,
Бросил шубу под сарай,
Шуба вертится,
Коля сердится.

67

Иван-болван,
Кочерыжку ковал,
Да не выковал,
На базар выносил,
По три денежки просил,
Да не выпросил.

77

Катя, Катя, Катюха,
 Запрягла петуха,
 Петух заржал,
 На базар побежал.

Как по речке, по реке
 Ехал рыжий на быке.
 Рыжий красного спросил:
 — Чем ты бороду краси́л?
 — Я не краской, не помазкой,
 Я на солнышке лежал,
 Кверху бороду держал.

Скороговорки

Пришел Прокоп — кипит укроп,
 И при Прокопе кипит укроп.
 И ушел Прокоп — кипит укроп,
 И без Прокопа кипит укроп.

Свинья тупорыла,
 Весь двор перерыла,
 Вырыла полрыла.

Ехал Грека через реку,
 Видит Грека в реке рак,
 Сунул Грека руку в реку,
 Рак за руку Греку цап.

Прибаутки

Коси, коса, пока роса,
 Роса долой, коса домой.
 Коса любит лопатку,
 Лопатка — песок,
 Косец — пирожок,
 Еще каши горшок,
 Толокна ему мешок,
 Еще брюковки
 На филипповки,
 Еще редьки хвост
 На великий пост.

Семечки — Сенечке,
 Прянички — Танечке,
 Орешки — Микешке,
 Жамульки — Окульке,
 Оладушки — бабушке,
 Старичку — табачку,
 А Ванюшке-дружку
 В рученьки по пирожку.

В. Ф. Бурцев

75. <ИЗ «БУКВАРЯ»>

Сия зримая малая книжица,
 По реченному алфавитица,
 Напечатана бысть по царскому велению
 Вам, младым детем, к научению.
 Ты же, благоумное отроча, сему внимай,
 От нижния степени на вышнюю восступай
 И не леностне и не нерадиве учися,
 И дидакала своего всегда блюдися,
 И не супротивляйся ему в добрых ни в чем,
 Найпаче преклони ему выю свою во всем.
 Потом научишися от него божественному писанию
 И вси людие воздвоятся твоему к нему повиновению.
 И тако достигнеши мудрых совета
 И будеши истинный сын света.
 Ничто же убо вящи божественного повеления,
 Также ничто же дражае добрастного учения.
 Паче же сего словесней нашей души
 Ты же, младый отроче, крепко сему внуши.
 К мягкому воску чисто печать воображается,
 Тако же учение во младости крепце вкореняется.
 Сего ради во младых ногтеш учению прилежи.
 И всякое детское мудрование от себя отложи.
 Аще научиши себя во младости,
 То будет ти покой и честь во старости.
 И тако хвалим будешь ти от всех,
 И да будут словеса твои аки мед во устех.
 И тем творца своего и бога воспрославивши
 И душу свою честну пред ним предпоставивши.

<1634>

Савватий

76. <ИЗ «НАСТАВЛЕНИЯ УЧЕНИКУ»>

Князю Михаилу Никитичу Одоевскому

...Аще и двоестрочие слогається,
но обаче от того же божественного писания избирається.
Того ради достоит сие поучение почасту прочитати,
чтобы ко учению крепостне прилежати
и леность и нерадение от себя отревати,
яко леность и нерадение всякое благое дело,
паче же всего губит душу и тело.
Бодрость же и тщание много добра сотворяет,
понеже сию бессмертную нашу царицу горé возвышает.
Зде же тебе, зримому нами ученику,
и всем таяжде всякому возрасту реку:
подобает вам учение любити,
аки сладкую реку пити,
понеже учение добро и похвално есть при всех,
аще получиши его во младых ногтєх.
Того ради достоит ти о сем не нерадети,
но упразднившемуся прилеж(анія) мудрости не умети.

Како и что учнем писати к твоей младости?
Не тако бо бывает лепо учение в старости.
Яко же и мягкому воску чисто печать воображается,
зело и учение от младых ногтєй крепостне во ум
вкореняється.

Симеон Полоцкий

77. <ИЗ «УВЕЩАНИЯ»>

Хощеши, чадо, благ разум стяжати —
тщися во трудех выну пребывати.
Временем раны нужда есть терпети,
ибо тех кроме бесчинуют дети.
Розги малому, бича болшим тебе,
а жезл подрастающим при нескудном хлебе.

Та орудия глупых исправляют,
плоти целости ничтоже вреждают.
Розга ум острит, память возбуждает
и волю злую в благо предлагает...

...Красота плоти многих погубляет,
а язва тоя душу удобряет.
Лепота души велми есть спасенна,
создавшему ю богу возлюбленна.
Ту же обычно учение вводит,
а умный детищ в чести мнозей ходит.
Вы же, о чада, труд честный любите,
еже полезно, того ся держите.
Знающе, яко аще ся труждати
тяжко, но легко труды плодов жати.
И раны, яже добро содевают,
вам не мерзостны в детстве да бывают.
Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте,
та суть безвинна, тех не проклинайте
И рук яже вам язвы налагают,
ибо не зла вам, но добра желают.
Делеса злая весма отревайте,
но добрым сердца ваша прилагайте.
Сие же слово за дар благ возьмите,
не злословте ми, но благословите.
И иже вам благих всяческих желаю,
кончя, к благодати всяцей увещаю.

⟨1679⟩

78—80. *⟨ИЗ «ВЕРТОГРАДА МНОГОЦВЕТНОГО»⟩*

1

⟨ИЗ ЦИКЛА «НРАВ»⟩

* * *

Древо старое трудно пресаждати,
такожде нравы старых изменяти.

* * *

Древо младое удобно клонится,
так юноша всяческим учится.

РОЗГА

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
розга буйство из сердец детских прогоняет.

УЧЕНИЕ

* * *

Долгим путем водит словом поучаяй,
кратким наставляет образ делом даяй.

* * *

Яко же любезни суть прекраснии цветы,
такое научении всем приятни дети.

* * *

Не тако чювства улаждают цветы,
якоже отца искуснии дети.

〈1680〉

Карион Истолин

81. 〈ИЗ «ЛИЦЕВОГО БУКВАРЯ»〉

Д

Добра учиться
постигнет того
И в диадимах
разсмотрителством
Домом ли жити —
всякому знати
Сего бо ради
да лести в мире
Дороги спрашай,
ходяй повсюду,

кому есть охота,
райская доброта.
в благой жизни славни
аще благодравни.
требно домостройство,
своих вещей свойство.
люди разум стяжут,
злобою не свяжут.
обычаем внемли,
всяк никогда дремли.

К

Како кто хошет
в первых вещей сих
Киты суть в морях,
юный, отверзай
В колесницу сядь,
конем поезжай,
Корабль на воде,
и кокошь в требу,
Отложи присно
колокол слушай,

видом си познати,
будешь то писати:
кипарис на суше,
в разум твоя уши.
копием борися,
ключем отоприся.
а в дому корова,
и людем здорова.
тщеты, недосуги,
твори в небе други.

<1692>

82. <ИЗ «ДОМОСТРОЯ»>

Сию дщицу взяв в десницу,
Что и помни стихи словни,
Мал и старый в разум правый.

1

О человецы вси и юные дети!
Потщитесь вы благий нрав имети,
Учения зде краткого внемлите,
честь себе, славу в бозе восплодите.
Умнословна бо душа в человеце,
учитися долг всяк в своем веще.
Аще же свята нрава та навькнет,
повсюду богу песнь сладку воскликнет.
Кто не радеет, не делавш ленится,
за безчинство той и бити годится,
Да не навькнет душа та измлада
всякой срамоты и греховна яда.

2

От сна скоро встав, яко сотворенный,
бога помяни, яко в то вчиненный.
Крест свят образуй на себе рукою,
моли же и зри творца пред собою.
Елико мощно, держи ум и мысли,
сует к соблазну в то время не числи.

С молитвою же умыйся, одейся,
главу почесав, мый уста, не смейся;
И родителем чинно поклонися,
приятством ко всем в дому си явися.
Дева ли, отрок сице не содеет,
ударений седьм за то възьимеет.

Поклонов 30

3

Кто ясти имать, достоин внимати:
молитву прежде тщися богу воздати,
Кушай по малу, чего доведется,
поядши испий, егда поднесется.
Брашны, питием юн не тяготися,
словом, вежством всем честен явися.
Не обращайся легкомысленно вскоре,
при честных людех не глаголи в споре
И не разгребай на блюде рукою,
не обляжь на стол, не колышь ногою.
Презревшу си, удара три дати,
да не смеяся будет срам зевати.

Поклонов 15

4

Еще и сие юнии да знают:
шапкою носа да не отирают,
И одежд своих честными руками
поглаживати перестанут сами.
Очи, нос, уста отирати платом,
в посмех не молвити с отцем и братом.
Мокроты своей пред кем не поверзи,
отвратясь, притри, никого тем мерзи.
В постели уды срамны прикрывай
и спи на боках, честно везде бывай.
Аще кто о сем глупостию въздремлет,
всегда по пяти ударов да возьмет.

Поклонов 150

5

Но и возрастным юных назирати,
ради отрады дать время играти.
Игра же детям приличная буди,
да не вредятся очи их и груди:

Мечик и кубарь, городи и клетки,
бегают, плетут, ловят, мешут сетки,
Костми и карты в денги возбранити,
за кратбу лаяв, всегда тья бити.
Меж себе и с кем те да не бранятся,
без всякаго зла кротки да творятся.
За срамны слова и всяко бесчинство
и старому знать осмь ран в единство.

Поклонов 300

6

Наук изрядством Карион дети вся дарит,
в приятность иеромонах и старым говорит
Истомин, чтоб благоумни все того смотрели,
науку и страх в должности имели.
Ударений кто дати не восхошет,
винный, поклоны творя, да не ропшет.
Душеспасенно всем обучение,
в домовом, ратном деле строение.
Измлада бо кто сего не научится,
разумна суца везде быти приходится.
В противность смысла людем война, рати,
в бозе надежда бесстрашием стати.

Карион хуждший хотящим словеса
иеромонах Истомин написа
Седьмь тысящ двесте четвертаго лета
генваря луны мирозданна света
сие издадесея.

Январь 1696

Ф. П. Поликарпов

83. <ИЗ «БУКВАРЯ»>

Всякий человек в письме поучайся,
Во службу богу измлада отдайся.
Кто бо учится слагать с охотою,
Языки многи ины речет добротою,

Угодство людем в мудрости содеет,
Приятство оный везде возымеет.
Ленивые же за праздность биятся,
Грехов творити всегда да блюдутся.

⟨1701⟩

Л. Ф. Магницкий

84. ⟨ИЗ «АРИФМЕТИКИ»⟩

Прииме, юне, премудрости цветы,
разумных наук обтицая верты.
Арифметике любезно учися,
в ней разных правил и штук придержися.
Ибо в гражданстве к делам есть потребно,
лечити твой ум, аще числит вредно.
Та пути в небе решит и на мори,
еще на войне полезна и в поли.
Обще всем людем образ дает знати,
дабы исправно в размерах ступати.
О ней ты цвети как крин благовонный,
равно и к другим наукам будь охотный.

⟨1708⟩

⟨Из виршей выголексинских старообрядцев⟩

85

Увеселение есть юноши премудрость,
в ней же пребывающа не примет скучность.
Смирение юного велми украшает,
чистота в премудрости зело позлащает,
Удобрит любомудра житие покорно,
егда пребывает той в любви незазорно.
Беда велика юным, своя их тем воля,
откуда приходит им зазорна неволя.
Добро есть учащимся страх божий имети,
ум и руце в молитве ко богу воздети,
Да в добро учении себе позлащают,
в смирении покой, мир, радость стяжавают.

1710-е годы

87

Неизвестный автор

86. <ИЗ «ВИРШЕВОГО ДОМОСТРОЯ»>

*Наказание от некоего отца к сыну своему,
дабы он подвизался о добрых делах выну*

Тебе, свету возлюбленному, моему чаду,
Аки цветущему винограду,
От меня, отца, крепкое наказание.
Наказую тя, чадо, после своего живота:
Да будет тебе душевная и телесная чистота.
И не ходити бы тебе по чужим забралом,
Промышляти бы тебе душевным своим ралом
И доволну быти своими оброки,
Да не будеши слыти некоторыми пороки.
И всегда бы тебе до церкви господни приходяти,
И божественная словеса благоумне внимати,
И во время того святаго пения молчати,
И царство небесное во уме своем помышляти,
И до конца бы церковного пения не исходити,
И во уме своем твердо и непоколебиму быти,
И никогда же бы тебе пустошных словес говорити,
И уст своих и языка таковым глаголанием не сквернити,
И пред добрыми людьми вежливо говорити,
А слепа и хрома и всякого никого не укорити.

...Добро убо и похвално пред добрыми людьми,
Ты же умом своим и мыслию внемли:
Аще кто отца своего и матер слушает,
Таковый аки семидален хлеб вкушает.
Аще ли кто рождших своих раздражает,
Таковый на всяк ден аки оцет с желчию вкушает.
И сия моя словеса напиши на сердечных скрыжалех:
Мати бо твоя родила тя в печалех,
И всегда нощию о тебе скорбела,
И со всяким усердием велми о тебе болела.
Да и аз грешный, отец твой, многое попечение имел,
Такожде всегда сердцем о тебе скорбел,
Как бы тебя в добре и непорочне воспитати
И, воспитав, доброму же учению вдати...

...И по божией милости с материею твоею мы тебя
воспитахом,
И добрый талант и разум тебе вдахом.
И ныне в возрасте своем и уме совершенно
Да напишется добро имя твое в книзе верне.
И ты мене, грешнаго отца своего, не забуди
И часто ко гробу моему приходиши готов буди...

Первая половина XVII в.

А. П. Сумароков

87. ПИСЬМО К ДЕВИЦАМ Г-ЖЕ НЕЛИДОВОЙ И Г-ЖЕ БОРЦОВОЙ

Девыцы, коим мать — Россійская Паллада,
Растуши во стенах сего преславна града,
Где Петр
Развеял грубости, как некий бурный ветр,
Где та, когда она на троне возблистала,
Покровом муз и вас и славой росской стала,
Наука с разумом соделала союз,
О вы, питомицы возлюбленные муз,
Парнасским пением доволя нежны слухи
И восхищая в нас умы, сердца и духи,
Примите от меня,
Вещающа хвалу вам, девы, не маня,
Наполненного к вам почтением отличным,
Кто не был никогда на свете двуязычным,
Письмо сие!
Во истине перо омочено мое.
Никто ничем того, конечно, не докажет.
Привычка вас в игре толико вознесла,
Наука никогда привычкой не росла.
И кто то скажет:
Удобно подражать без смысла естеству?
А смыслом мы одним подобны божеству.
И чем его в нас боле,
Тем больше можем мы не покоряться воле,
Без воспитанья в нас
Творящей всякий час
Негодный беспорядок.

И часто человек без воспитанья гадок.

А вы

И все товарищи по воспитанью ваши,

Живущи на берегах Невы,
Заслуживаете к себе почтенья наши.

Явите и другим
Своим сестрам драгим,
Нелидова, Борщова,
Письмо без лестна слова!

Свидетельствуйте им: кому приятна честь,
Не станет никому стихи тот ложью плесть.
Бесчестен автор той, кто чтит и сеет лесть.
Свидетельствуйте то сестрам своим любезным
И прилепившимся к геройским драмам слезным,

Играющим в трагедии моей,
Хотя мне видети того не удалось,
Со Иппокреною их действие лилося,
Как Рубановская в пристойной страсти ей
Со Алексеевой входила во раздоры,

И жалостные взоры
Во горести своей,
Ко смерти став готовой,
В минуты лютого часа
С Молчановой и Львовой
Метала в небеса.

Арсеньева, цветя, век старый избирает,
Служанку с живостью Алымова играет,
Под видом Левшиной Заира умирает.

Скажите им,
С почтением моим,

И дочерям Талии и дочерям Мельпомены,
Что если б из земли восстал от гроба недр
И рассточенные свои он собрал члены,
Восхитился б, то зря в России, мудрый Петр,
Воздел бы на небо свои тогда он руки,
Во совершенстве зря хитрейший вкус науки,
Возвысил бы герой со радостью глас:
«В России Геликон, на севере Парнас».
С какой бы радостью, подобно райску крину,

Среди дворянских дочерей
Не в образе царей,
Но в виде матерей
Он зрел Екатерину!

Она садила сей полезный вертоград,
Коликих вами ждет с Россиею сей град
И счастья и отрад!
Предвозвещения о вас мне слышны громки,
От вас науке ждем и вкусу мы награда
И просвещенных чад.
Предвижу, каковы нам следуют потомки.
Блаженна часть твоя, начальница Лафон,
Что ты орудие сих дев ко воспитанью
И венценосице к отличному блистанью!
Лафонше это вы скажите без препон.
Скажите Бецкому: сии его заслуги
Чтут россы все и все наук и вкуса други
И что, трудясь о сем, блажен на свете он.
(1774)

Я. Б. Княжнин

88. ПОСЛАНИЕ К РОССИЙСКИМ ПИТОМЦАМ СВОБОДНЫХ ХУДОЖЕСТВ

О вы, которые под сению спокойства
Стремитесь открывать вам небом данны свойства,
Питомцы росские художеств и искусств,
Изобразители и наших дел и чувств,
Которы, Рубенсам, Пигаллам подражая,
Возносите свой дух, к их славе доступая,—
Крепитесь в ревности то свету показать,
Что не единою победой помрачать
Своих соперников россияне удобны.
Минервы подданны ко всем делам способны.
Явите в Севере талантом вы своим
И славу Греции, и чем гордится Рим.
Оставьте по себе торжественны творенья,
Одолевающи и время изнуренья.

Но чтобы вечности в бессмертный храм войти,
Талант единый слаб к свершению пути,
Когда, не озарен пространном просвещеньем,
Гордясь одним собой, гнушаяся ученьем

И самолюбием навеки ослеплен,
Он в дикости своей пребудет укреплен.
Не виден в грубости небесный оный пламень;
И сам алмаз в коре есть тот же дикий камень.

Науки, знания все сродны меж собой:
Небесны чада, все назначены судьбой,
В жилище брэнностей переселясь от века,
На крыльях мудрости возвысить человека.

Старайтесь, жертвуя небесным сим сестрам,
Вы, юноши, снискать блистание дарам,
Чем вас украсила обильная природа,
Для чести ваша и русского народа.
Напрасно будете без помощи наук
Надежду полагать на дело ваших рук:
Без просвещения напрасно всё старанье,—
Скульптура — кукольство, а живопись — маранье.
И чтоб достигнуть вам до славной высоты,
Искусства видны где бессмертны красоты
И где дух творческий натурою владеет,
Где мрамор говорит и душу холст имеет,
Сравняйтесь с знанием великих вы людей;
А без того иных к успеху нет путей.
Художник навсегда останется бесславен,
Художник без наук ремесленнику равен.

Не воображайте вы себе, чтобы Апелл
Лишь только кистию одной владеть умел.
Списатель естества, премудрости любитель,
Он в красках философ и смертных просветитель,
Победоносного царя достойный друг,
О имени его гремит доньше слух.
Героев дружество — художникам верх славы;
Ту честь исправленны приобретают нравы,
Что должно и наук для вас важнее быть.
Наука первая — уметь на свете жить.
Она единая искусства в свет выводит,
При жизни славу им она одна находит
И, украшая их, творит блаженным век.
Напредь талантов всех нам нужен человек.
Таланта не познав за дикостью незрима,
Бежит все общество от странна нелюдима.

Чтоб зданья привлечь ко внутренним красам,
Не должно ль, чтоб и вход приманчив был очам?

Не редко то виной художников роптанья,
Которые, хотя имеют дарованья,
Но, не умея себе приятностей снискать,
Почтенья в обществе не могут привлекать
И, всюду принося одну с собою скуку,
Присутствием мучат всех и сами терпят муку.
Почто в несчастьи за то винить людей,
Что счастья за талант не видим в жизни сей?
Почто роптать на рок, живя в плачевной доле?
Почтенье заслужить от света в нашей воле.
Не мните также, чтоб почтение обрести,
Нужна бы вам чинов степенна честь.
Не занимаясь вовек о рангах спором,
Рафа́ел не бывал коллежским ассессором.
Животворящею он кистию одной
Не меньше славен стал, как славен и герой.
Художник, своему способствуя незнанью,
Желает чина лишь вдобавок дарованью
И льстится звуками предлинных в титуле слов;
Но духом кто велик — велик и без чинов.

<1782>

М. Н. Муравьев

89. ОДА СЕДЬМАЯ

О вы, которые хотите
Вступить под бранны знамена!
Вы очи ваши обратите
На ваши трудны бремена.
Прелестно в виде нам ироя
Скакать впреди гремяща строя
И битвы чин устроить;
Но прежде чем в сраженьях мчиться,
Довлеет, други! научиться
Собой самим повелевать.

Вождем своим повиноваться,
Уметь сносить и не роптать,
С свободной жизнью расставаться —
Вам всё то должно испытать.
А срамный шаг исполнь позора,
Не дрогни вражеского взора,
Рази иль буди поражен;
Вокруг тебя перуны стонут,
В крови их ратоборцы тонут,
А ты будь храбростью возжжен.

На день военна неустройства,
Когда ты все дела сочтешь,
Явится более иройства,
Как сколько в повестях прочтешь.
В тот день, как бури завывают,
И пламень жерла изливают,
И устремится меч на меч,
Природа вся изнемогает,
А смертный храбрость собрегает
И не робеет в поле лечь.

Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души:
Исправи ум, настави руки
И лишню буйность потуши.
Товарищ Фабиев гордился,
Но сам собою осудился,
Презрев диктаторскую власть;
Не ограждаясь боле валом,
Минуций шел за Аннибалом
Во неминуему напасть.

<1775>

М. М. Херасков

90. К ДИТЯТИ

Играй, дитя, играй в глазах у некой мамки;
Верти кубарик твой, ставь карточные замки.
Твой замок рушится, и ждет тебя лоза,
Учительская ждет угрюмость и гроза.

Дней наших на заре мы все благополучны,
Но утро, пролетев, часы приносит скучны.

Ах! Для чего не ввек
Бывает на земле младенцем человек?
О скуке зрелых лет мы не были б известны,
Вкушали б радости в невинности небесны;
Не заражали бы пороки нашу кровь;
Имели б ангельску друг к другу мы любовь;
Не терны бы вокруг нас, цвели бы вокруг оливы!
Мы в жизни миг один в младенчестве счастливы.
Ты мил мне, мил, дитя, среди твоих утех;
Весенняя роса твой плач, Аврора — смех.

Зефиры тихо веют,
Младенчик, вокруг тебя;
Они тебя лелеют,
Цвет юности любя.
Но небеса лазурны
Уж начали синеть,
И вскоре ветры бурны
Начнут кругом шуметь.

Полуденны часы приближатся, настанут.
Тоскливый зной придет, из туч перуны грянут.
Когда б в младенчестве остался вечно ты,
Мирской бы не узнал тоски и суеты;

Не знал бы попечений,
Толико скучных нам;
Ни бедственных сердцам
Любви не знал мучений;

И ближних ты своих как ангел бы любил;
Не знал бы, что есть зло, и ты бы счастлив был.
Где страсти царствуют, нет дней безбурных тамо,
Младенцы на земле благополучны прямо.

<1816>

Г. А. Хованский

91. ПОСЛАНИЕ К ДЕТЯМ НИКОЛУШКЕ И ГРУШЕНЬКЕ

Резвись, Николушка, пока еще есть время!
Играй в объятиях ты маменьки своей;
Пройдет младенчество, и вскоре бедствий бремя
С летами удалит всё счастье жизни сей.

Играй в воланчики, греми своей гремушкой,
С сестрицей маленькой катайте мячик свой!
Ручонками держась, вы бегайте друг с дружкой;
Вкушайте счастливый невинный век золотой!

Я вижу, Грушенька от всей души хохочет,
Что братец мячиком катает невпопад;
Николушка в сердцах в нее мяч бросить хочет;
Попал... у бедненькой полился слезный град.

Не плачь, мой друг! Утри свои ты глазки
И братца накажи, явя свой тихий нрав!
За зло плати добром, кажи ему ты ласки
И знай, что в свете сем кто силен, тот и прав!

Но ах! Что вижу я? Брат слезы проливает,
Ручонку милую целует у тебя.
Довольно уж сего: Николушка страдает...
Целуйтесь, ангелы, друг друга век любя!

⟨1795⟩

Н. С. Смирнов

92. ПОКИНУТОЕ ДИТЯ

Песенка

Покинутый тобой, всего лишился я;
Ты, маменька, была вселенная моя.
Оставшись здесь, страдаю:
Одну тебя любя,
Я вздохами считаю
Минуты без тебя.
Расстался я с душою,
Остался сиротою:
Нет маменьки моей!
Нет маменьки моей!

Ты радость всю мою с собою увезла,
Отрада вся моя одна лишь ты была.
Я плачу и вздыхаю
По маменьке моей;
Тоскуя, вспоминаю
Те дни, как был я с ней.

Расстался я с душою,
Остался сиротою:
Нет маменьки моей!
Нет маменьки моей!

И солнышко теперь луч светлый скрыло свой,
По маменьке грустит природа вся со мной.

Сокрылись все веселья,
Не стало здесь утех;
В слезах и в огорченье
Оставила ты всех.
Расстался я с душою,
Остался сиротою:
Нет маменьки моей!
Нет маменьки моей!

Услышь, услышь мой плач и жалостью тронись!
О маменька! Сюда скорее возвратись.

Останься здесь со мною,
С тобой хочу лишь жить.
Мне свет лишь мил тобою...
Ах, нет!.. тому не быть!
Расстался я с душою,
Остался сиротою:
Нет маменьки моей!
Нет маменьки моей!

<1795>

П. И. Голенищев-Кутузов

93. БАЮКАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, Дуняша, будь покойна,
Бог тебя да сохранит!
Будь щедрот его достойна!
Он покров тебе и щит.
Я тебе, мой друг, пою:
Баю-баюшки-баю!

Ни о чем ты не радеешь,
Можешь сладкий сон вкушать;
А как вырастешь, созреешь,
Утешай отца и мать,
Сколько можешь в жизнь твою.
Баю-баюшки-баю!

Твой отец тебя лелеет,
Не жалеет он труда;
А когда он поседет,
Нянчай ты его тогда.
Вспомни службу ты мою,
Баю-баюшки-баю!

Добротелью душевной
Больше красься, чем лицом;
Я в мольбе моей вседневной
Всех отца прошу о том.
А тебе, мой друг, пою:
Баю-баюшки-баю!

<1794>

94. ПЯТИЛЕТНЕМУ МАЛЬЧИКУ

Ты скачешь, рэзвишься и бегаешь, Петруша,
Заботой, мыслями спокойствие не руша;
Не знаешь скуки ты, не знаешь ты сует
И мнишь, что счастливей тебя на свете нет.
О возраст радостный! о лета дорогие,
От коих так, как дым, бегут печали злые!
Не чувствуешь ты бурь ярящихся страстей.
Придут они, придут, как выдешь из детей.
Скачи теперь, играй, не зная непогоды;
Когда же зрелые твои наступят годы,
То, как невинен ты в младенческий твой век,
Так в лета мужества будь честный человек!

<1795>

А. С. Шишков

95 КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ ПОЕТ АНЮТА, КАЧАЯ СВОЮ КУКЛУ

На дворе овечка спит,
Хорошононько лежит.
Баю-баюшки-баю.
Не упрямится она,
Но послушна и смирна.
Баю-баюшки-баю.
Не сердита, не лиха,
Но спокойна и тиха.
Баю-баюшки-баю.
Щиплет ходючи траву
На зеленом на лугу.
Баю-баюшки-баю.
Весела почти всегда
И не плачет никогда.
Баю-баюшки-баю.
Ласки к ней отменной в знак,
Гладит ту овечку всяк,
Баю-баюшки-баю.
Так и ты, душа моя,
Будь умна и хороша,
Баю-баюшки-баю.
Если хочешь, чтоб любя
Все лелеяли тебя.
Баю-баюшки-баю.

⟨1773⟩

96. ПЕСЕНКА НА КУПАНЬЕ

Ребята, нам в поле
От солнца сгореть,
Дня жарка мне боле
Нет мочи терпеть.
Мы можем собраться
В другой раз сюда;
Купаться, купаться
Теперь черед.

Вон мягкой травой
Покрыт бережок,
И там под водою
Я вижу кусток;
Туда раздеваться
Скорее пойдем,
Плескаться, плескаться
Водою начнем.

Кто дале не смеет,
У краюшка стой;
А кто не робеет,
Ступай тот за мной.
Не бойтесь, идите,
Здесь омутов нет;
Смотрите, смотрите,
Как Миша плывет.

По самые груди
Иду в глубину.
Эй, добрые люди,
Прощайте: нырну.
Какое приволье
Купаться в реке!
Раздолье, раздолье,
В таком холодке.

Смотрите, Петруша
Плывет на спине;
А там вон Андрюша
Верхом на бревне.
Эй, брат, не свалися
С коня своего;
Держися, держися,
Приляг на него.

Взгляните, кружками
Здесь в кучке стоят,
И воду руками
Полощут, мутят.
Какие же визги
У них и содом!
А брызги, а брызги
Летают кругом!

Ах, вон там две утки
Близ кустика ждут,
За ними малютки
Их дети плывут:
Равняется с крошкой,
А быстро глядит:
За мошкой, за мошкой,
Смотри, как бежит.

А там, где пасéчник,
Овечки лежат,
Составя веночек
Вкруг малых ягнят.
И зверю и птице
По жарким толь дням
К водице, к водице
Приятно, как нам.

Ну полно купаться,
Я бел и легок;
Пора одеваться,
Пора на лужок.
На милой муравке
Хочу полежать;
По травке, по травке
Хочу пробежать.

〈1773〉

97. ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ НАТАША

Наташа смирная не хочет
С Петрушей начинать игру,
И, как о том он ни хлопочет,
Не может преклонить сестру.
В великую его досаду
Приводит таковой отказ,
И хочется ему хоть раз
С ней вместе пробежать по саду.
Но, зря ее упорну в том,
Угрозы к просьбам приобщает,
Дубину толстую хватает,
На коей ездил он верхом.

И, к большому Наташе страху,
Ударить бедную с размаху
Грозит по голове... И ах!
Что только в шутку затевает,
То, будучи в таких сердцах,
На самом деле исполняет.
Свершился жалостный удар:
Наташин крик в саду раздался,
Петруша страшно испугался,
Простыл тотчас в нем прежний жар,
И вместо гневного движенья
Явились слезы сожаленья.
Упал он к сестриним ногам,
Словами нежными ласкает,
Целует ту, и, плача сам,
Ее он плакать унимает:
«Сестрица, душенька, прости!
Виновен я перед тобою;
Возьми дубинку и отмсти,
Ударь меня два раза тою».
В слезах Наташа вопиет:
«Ах нет, голубчик, братец, нет.
Раскаянья твоего довольно,
Тому нельзя уж пособить,
А ведая, как это больно,
Я не могу тебя так бить!»

⟨1773⟩

98. НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и в стуже
Мне не хуже:
В зимний холод
Всякий молод,
Все игривы,
Все шутливы —
В долгу ночьку
К огонечку

Все сберутся,
Стары, малы,
Точат балы
И смеются.
А как матки
Придут святки,
Тут-то грохот,
Игры, хохот;
О, какие
Тут дурные
На игрище
Есть личищи!
А плутишкам
Ребятишкам
Там и нравно,
Где забавно,
Где пирушки,
Где игрушки
И где смехи,
Скачки, пляски,
Песни, сказки,
Все утехи.
А снежки-то?
Ком, свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А салазки?
Эй, ребята!
По подвязке
Надо с брата.
Привяжите,
Ну! везите:
Едем в Питер.
Я пусть кучер,
Вы лошадки
Резвоноги —
Прочь с дороги!
Держи право!
Ай, ребятки!
Ну уж bravo!
Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночки;
Не видали,

Как часочки
Пролетали.
Только ль дела,
Что катайся?
Чем изволишь
Забавляйся:
От ученья
За веселье,
От веселья
За ученье.
Всяко время
Мне не бремя,
И зимою,
Как весною,
Слава богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу.

<1785>

99. НИЩЕНЬКАЯ

1

Я нищая, везде брожу,
Без матери живу одна,
Кусочек хлеба лишь прошу,
Подайте мне, я голодна!
Услышьте стон плачевный мой,
Мне только минуло шесть лет.
Ах, сжальтесь, сжальтесь надо мной:
Есть хочется, а хлеба нет!

2

Я ведаю, хотя мала,
Что в свете надобно терпеть;
Но мало так еще жила!
Не дайте рано умереть.
Не дорогого стоит вам
Сиротку бедну накормить,
И Некто, вон — живущий там,
За то вам может заплатить.

Коль нелюб вам мой скромный глас,
 Извольте, стану петь, играть;
 Моим печальным видом вас
 Я не желаю огорчать;
 Когда лью слезы из очей,
 Меня все гонят, шлют домой;
 Внемлите песенке моей:
 Ах, дайте, сжальтесь надо мной!
 <1827>

Н. М. Карамзин

100. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ МЕЛАНХОЛИКА

Зима свирепая исчезла,
 Исчезли мразы, иней, снег;
 И мрак, всё в мире покрывавший,
 Как дым рассеялся, исчез.

Не слышим рева ветров бурных,
 Страшивших странника в пути;
 Не видим туч тяжелых, черных,
 Текущих с севера на юг.

Весна с улыбкою приходит;
 За нею следом мир течет.
 На персях нежная Природы
 Играет, резвится Зефир.

Дождь тихий с неба к нам лиется
 И всё творение живит;
 В полях все травы зеленеют,
 И луг цветами весь покрыт.

Уже фиалка распустилась,
 Смиренно под кустом цветет,
 Амброзией питает воздух;
 Не ждя похвал, благотворит.

На ветвях птички воспевают
Хвалу всещедрому творцу;
Любовь их песни соглашает,
Любовь сердца их веселит.

Овечки кроткие гуляют
И щиплют травку на лугах;
В сердцах любовь к творцу питают —
Без слов его благодарят.

Пастух играет на свирели,
Лежа беспечно на траве;
Питаясь духом благовонным,
Он хвалит красоту весны.

Везде, везде сияет радость,
Везде веселие одно;
Но я, печалью отягченный,
Брожу уныло по лесам.

В лугах печаль со мною бродит.
Смотря в ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее.

Творец премудрый, милосердый!
Когда придет весна моя,
Зима печали удалится,
Рассеется душевный мрак?

1788

101. АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ СТИХИ

А. А. Петрову

Зефир прохладный веет,
И, Флору оставляя,
Зефир со мной играет,
Меня утешить хочет;
Печаль мою развеять
Намерен непременно.
Зефир! напрасно мыслишь
Меня развеселить,
Мне плакать не давая!

Ты ж в сердце не проникнешь:
Моя же горесть в сердце.
Но если ты намерен
Мне службу сослужити,
Лети, Зефир прекрасный,
К тому, который любит
Меня любовью нежной;
Лети в деревню к другу;
Найдя его под тенью
Лежащего покойно,
Ввей в слух его тихонько,
Что ты теперь услышишь:
«Расставшись с тобою,
Чего не думал сделать?
Рассматривал я призму,
Желая то увидеть,
Что Ньютонову душу
Толико занимало —
Что Ньютоново око
В восторге созерцало.
Но ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Ньютонова дара
Совсем я не имею;
Что мне нельзя проникнуть
В состав чудесный света,
Дробить лучей седличных
Великого светила.
Я Ньютона оставил.
Читая философов,
Я вздумал философом
Прослыть в ученом свете;
Схватив перо, бумагу,
Хотел писать я много
О том, как человеку
Себя счастливым сделать
И мудрым быть в сей жизни.
Но ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что дух сих философов
Во мне не обитает;
Что я того не знаю,
О чем писать намерен.
Вздыхнув, перо я бросил.

Шатаюсь по рощам,
Внимая Филомеле,
Я Томсоном быть вздумал
И петь златое лето.
Но ах! мне надлежало
Тотчас себе признаться,
Что Томсонова гласа
Совсем я не имею —
Что песнь моя несносна.
Вздохнув, молчать я должен.
Теперь брожу я в поле,
Грущу и плачу горько,
Почувствуя, как мало
Талантов я имею.
Зефир, Зефир прекрасный!
Лети в деревню к другу,
Найди его под тенью
Лежащего покойно,
Ввей в слух его тихонько,
Что ты теперь услышал.

1788 ?

102. ВЗДОХ

Месяц восходит, месяц прекрасный,
Тихий, любезный спутник земли;
Сребряный, ясный свет изливает,
Нежно блистает в чистых водах.

В счастья, в мире, в тихом весельи
Я наслаждался светом твоим,
Месяц прекрасный! здесь с Альциндором
В роще дубовой ночью сидев.

Чувства из груди в грудь преливались,
Нежные чувства дружбы, любви.
Нет Альциндора!.. Тисы над гробом
Юного друга томно шумят.

⟨1789⟩

103. НА СМЕРТЬ ДЕВИЦЫ **

Вчера здесь роза расцветала,
Собою красила весь луг;
Но ныне роза в зной увяла —
Краса ее исчезла вдруг.

Куда, Элиза, ты сокрылась
Толь скоро от друзей твоих?
Вчера ты с нами веселилась,
Быв в цвете майских дней своих.

Но вдруг, Элиза, увядаешь —
Болезни зной пожег твой цвет,
Глаза со вздохом закрываешь...
Я слезы лью — Элизы нет!

Любив здесь в жизни добродетель,
Ты ею красила себя;
Теперь наш бог и благодетель
Осыплет благами тебя.

Друзья умершей! не печальтесь;
Она в объятиях отца.
Отрите слезы, утешайтесь!
Ее блаженство без конца.

<1789>

И. И. Дмитриев

104. К МЛАДЕНЦУ

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
С завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь
И ниже во кротком сне
Грусти, ах! не постигаешь,
День и ночь знакомой мне.

Лишь проснешься, прибегают
С нежной радостью в очах
Мать, отец — тебя лобзают
И качают на руках.

Все в восторге пред тобою,
Всех ты взоры веселишь,
Коль улыбкой их одною
Или взглядом подаришь.

Чувство горести бессильно
Долго дух твой возмущать,
Приголубь тебя умильно
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожит;
А уста уже смеются —
О незлобный, милый вид!

Но, увы! дни быстро мчатся;
Вступишь в возраст ты другой.
Рок и страсти ополчатся,
И прости твой век златой!

Ах! я опытом то знаю;
Сколько я сердечных слез
Проливал и проливаю,
Сколько муки перенес!

Смерть родных и сердцу милых,
Страсти, немощь, хлад друзей..
Часто в мыслях я унылых
Жизни был не рад моей.

Но скреплюся, и отселе,
Если снова загрущу,
При твоей я колыбеле
Томно сердце облегчу.

Так! твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зрак
Пролиют мне в грудь отрады
И души рассеют мрак.

О невинность! ты как гений
Шлешь целение сердцам!
Я хоть несколько мгновений
Был теперь невинен сам.

И давно погибшу радость
В бедном сердце ощутил.
Милый ангел мой! ты младость
Хоть на час мне возвратил.

〈1792〉

Неизвестный автор

105. К ОСЬМИЛЕТНЕМУ МАЛЬЧИКУ

Веселись, мой друг сердечной,
Чужд заботы и трудов!
В нашей жизни скоротечной
Терний больше, чем цветов.

Все невинные забавы
В полной радости вкушай;
В жизни ты не знал отравы;
Для тебя повсюду рай.

Куклы, дудочки и скрипки,
Барабан гремящий твой
Уж конечно без ошибки
Не поссорятся с тобой.

Все в слепом повиновенье,
Хоть солдатом целый полк;
И в одном твоём владенье
Не терзает агнцев волк.

О, когда бы ты подоле
Мог остаться таковым!
Но случится поневоле
Повстречаться с роком злым.

С детства радость вся увянет;
Вдруг и скука у ворот.
Не увидишь, как настанет
Время скорбей и забот.

Но чтоб в горестной судьбине
Обрести себе покой,
Сколько весел ты поныне,
Столько честен будь душой.

⟨1806⟩

А. Ф. Мерзляков

106. ХОР ДЕТЕЙ МАЛЕНЬКОЙ НАТАШЕ

Хор

О Наташа,
Радость наша,
Добрый маленький дружок,
К нам скорее, к нам в кружок.

Здесь игрушки,
Здесь подружки
Все свою Наташу ждут,
Все ей песенки поют.

Что же в песнях про Наташу,
Что поют про радость нашу?
Что соседи все об ней
Говорят в урок детей?
Тише, сядем все... ни слова!
Быль для маленьких готова!
 Быль такая
 Дорогая,
 Золотая,
Кою, может быть, один
В околотке нашем целом
Не поймет соседский сын;
Да за то на свете белом
И упрямей нет его!
О бог с ним! Что до того!

Пусть он слушает у няни
О походах, чудесах
Сына глупенького Вани,
О русалках, о змеях;
Как Ягая в ступе мчится,
Заметая след метлой;
Как полунощной порой
Ведьма на луче катится,
Чтоб напасть на русский дух;
Как изба ее вертится
На куриных ножках вокруг...
Вы смеетесь!.. Как же можно,
Не смеясь, слушать вздор!
Ну, довольно. Дети! сбор!
Не толкайтесь, осторожно!
Быль скажу вам неотложно,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать...
Киньте игры, не шумите;
Что спою вам, затвердите.
Только солнышко взойдет
И в окошечко блеснет,
Где покоится Наташа:
«Пробудися, радость наша!»
Вдруг малюточка вспорхнет,
Приумоется беленько,
Приосанится скоренько,
С няней к образу идет
И мольбу творцу приносит
(Детский голос слышит он!).
Вот крестится — крест большой
Скромно, чинно совершает,
Вкруг глазами не гуляет;
За родимого поклон,
За родимую другой,
За сестриц и братца просит,
Чтобы бабенька была
Век здорова, весела,
Чтобы дедушкина старость
В ней нашла покой и радость,
Чтобы бог ума ей дал
И в добре бы укреплял.

О Наташа,
Радость наша!.. *и проч.*

Помолилася Наташа,
Должно к маменьке сходить;
Но смиреннько, радость наша,
Чтоб ее не разбудить!
С добрым утром привечает
Ручки, глазки лобызает,
И садится возле ней
С книжкой маленькой своей!
О, когда б вы услышали
Их сердечный разговор!
О, когда б вы увидали,
Как малютки милой взор
Во очах своей родных
Ловит чувства свята:
Скромность, нежность, простоту —
Всю душевну красоту!

О Наташа,
Радость наша!.. *и проч.*

Тут от утренней работы
Усладить свои заботы
К милой тятенька идет.
«Что учила ты, Наташа?
Чем утетишь, радость наша?
Кто гостинец мой возьмет?»
— «Я, я! тятенька, но прежде
Мой послушаем урок!
Если знаю!..» — и в надежде
Вдруг летит, как голубок.
Вот уж карточки приносят
И на столик перед ней
Положили!.. Если спросят,
Отвечай, мой друг, смелей!
Здесь под *азом* — астрономы,
Там, где *буки* — барабан;
Пред *глаголем* — вьются гномы;
В *како* — крепость Кериман;
Там Султан-усач пред *словом*
На диване спит шелковым.

Все деревья, все цветы,
Звери, птички и народы —
Все тут области природы,
Все вселенной красоты...
И сама с пером Наташа —
Утешенье, радость наша!

О Наташа,
Радость наша!.. *и проч.*

А видали ль, как Наташа
При гостях себя ведет?
Покажися, радость наша!
Только спросят, вмиг идет!
Не робеет, не дичится;
Светлый взор! Свободный вид!
Знает молвить, поклониться,
С тихой радостью глядит.
В светлом алом одеянье,
Так, как пчелка по цветам
Собирать не мед — ласканье,
Вкруг летает по рукам;
Спросят — скромно отвечает,
Что прикажут — исполняет,
А без спросу — ни на час!
«Потанцуй!» — забыв игрушки,
Вдруг берет гремушку в ручки
И, головкой наклонясь,
Тихо, вежливо, игриво
Или горлинкой тоскливой,
Или ласточкой кругом,
Прямо, в сторону, бочком
Пред собранием вертится...
«Спой-ка песенку!» В тот миг,
Не дождавшись слов других,
У Наташи песнь родится:
«На дворе овечка спит
И тихохонько лежит!
В поле бабочка летает,
В поле пищу собирает;
Стрекоза всегда шумит
И нигде не посидит;
Я не буду так болтлива,
Так, как бабочка, игрива;

Как овечка, я смирна,
Буду вежлива, умна!»

О Наташа,
Радость наша!.. *и проч.*

А видали ли Наташу
Посреди семьи своей?
Как обступит радость нашу
Круг веселеньких детей!
От прелестной Катерины
Все до Сонюшки младой —
Вереницы голубины
Или шумных пчелок рой —
Все вокруг ее играют,
Все занять ее желают,
Все малютку веселят,
Ловят, носят и кружат.
Не упряма, не ленива
И ничуть не прихотлива,
Всех готова веселить,
Ласкам ласками платить...
Вдруг... смотрите... где девалась?
Где Наташа? Ах, помчалась
В ближний, милая, покой,
Братец где ее меньшей
На руках у няни болен.—
«Ах, Николенька не волен
С нами вместе поиграть!..
Хоть займем его игрою!»
Что я вижу пред собою?
Можно ль кистию земной
Мне картину написать!
Добры ангелы, спуститесь
И на страже станьте здесь;
На невинность преклонитесь,
Лейте благодать от небес!
Лейся мир, покой, отрада!
Веселите мать чада!
Друг ко другу преклонясь
И ручонками сплетясь,
Будто птенчики младые
Под крылом своей родные
Лобызаются стократ,

Улыбаются, смеются,
Дружка дружку щекотят;
То все к маменьке привьются,
То от ней все прочь бегут;
То все к бабеньке собором,
То все к дедушке со спором;
То рассыплются все вдруг...
А Николенька за ними
Рыщет — глазками одними!..
Все тут были!.. где ж теперь?..
Тютю!.. нет! — оборотился...
Ищет там и здесь!.. сгрустился.
Глазки плачут... настезь дверь.
Стук и хохот — все влетели,
Закружились, зашумели;
Глазки снова засветлели;
Всё выиграло пред толпой:

И ручонки,

И ножонки,

И головка... весь не свой!
Улетел бы!.. Трудно няне
Удержать его в руках!..
Но довольно, перестанем!
Лишняя резвость, лишний страх!
Все замолкли, утишились,
Близ Николеньки садились.
Ты не весел, милый друг!
Погорюем же с тобою,
Распрощаемся с игрою.
Спи, мой братец, усыпись
И здоровым пробудись!
Вот вам, миленьки сестрицы,
Быль сказал, не небылицы,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Пусть любезная Наташа,
Пусть подружка будет наша
Век здорова, весела,
Всем родным своим мила!

О Наташа,

Радость наша,

Добрый маленький дружок,

К нам скорее, к нам в кружок.

Здесь игрушки,
Здесь подружки
Все свою Наташу ждут,
Все ей песенки поют.

⟨1811⟩

107. ОТ АННУШКИ МАМЕНЬКЕ ПРИ ПОДАРКЕ
АЛЬБОМА

Маменьке миленькой,
Красному солнышку,
Сизой голубушке,
Ангелу нежному,
Верно-надежному,
Чадохранителю,
Слабья младости
Путеводителю
В день нашей радости,
В день именин ее,—
Дочь ее Аннушка
Что скажет матушке?..
Всё мое — всё твое!
Чем дарить милую,
Тешить родимую?
Злато блестящее,
Камни восточные,
Ткани персидские —
Всё проходящее,
Если б имела я,
Всё принесла бы к родной!..
Радость, душа моя,
Совесь и разум мой! —
Так бы я молвила,
К милой склонясь на грудь.—
Все драгоценности,
Света сокровища,
Тленные, низкие,
Ах, нет! не будут ввек
Должной наградою
Тихой, заботливой
Матерней нежности,
Скорбей и горестей —
Немощей тягостных!..

Долг святой дочери
К милым родителям,
В жизни сей, в будущей,—
Долг неоплатный есть!
Ты даровала мне
Жизнь и дыхание;
Ты даешь более —
Мне воспитание!
Ты была помочью,
Первым учителем
Рук моих, ног моих,
Взоров и голоса!
Ты дала, маменька!
Мыслям движение,
Сердцу — влечение
К доброму, лучшему,—
К богу парение!..
Всё мое — всё твое;
Что же принесть тебе?
Тешить родимую?
Пусть бы пропела я,
Пусть бы для радости
В час поплясала я:
Разве для маменьки
Это подарочек?
Сердце ей надобно!
Сердце — какое же?
Доброе, милое,
Так, как у ней самой!..
Пусть бы сказала я
Слово приветливо:
В сердце и много есть,—
Речь изменяет мне!
Что же мне выдумать?..
Маменька, душенька,
Вот мой подарочек!
Вот тебе книжечка,
Краюшки в золоте,
Крышка узорчата,
Листики розовы!
В этой ты книжечке
Утром и вечером,
Кинув все хлопоты,
Скромно записывай

Все твои радости,
Чувства любезные,
Добры дела твои,
Нам в поучение,
Себе в утешение!
Только лишь радости!
Горю здесь места нет.
Чур... чтоб и не было!..
Пусть же вся жизнь твоя,
Милая маменька,
Будет, как книжечка:
Краюшки в золоте,
Крышка узорчата,
Листики розовы
Все поисписаны
Счастьем, веселием,
Дружбой, любовью,
Чад благодарностью!!!

⟨1815⟩

Б. М. Федоров

108. ЗАВТРА

(Подражание немецкому)

Завтра! завтра! не сегодня —
Так ленивцы говорят.
Завтра — всё я делать рад.
Хоть в день праздника господня!
А сегодня отдохну.
Завтра свой урок начну,
Завтра не хочу лениться!
Завтра надо потрудиться!
Нынче жмурки иль лото;
Завтра кончу то и то.

Вот суждение какое!
Для чего же не теперь?
Завтра сделаешь другое,
Нынче это сделай. Верь,
Что на каждый день есть дело.

Что поспело, то созрело,
Что ты сделал, то с концом,
Вижу я и поздравляю;
А что сделаешь потом? —
Я того, дружок, не знаю.

Если кто нейдет вперед,
Тот назад идет — наверно;
День за днем вся жизнь пройдет
Невозвратно и мгновенно.
Быстро каждый час летит,
Дале, дале время мчит!
То лишь наше, что имеем,—
И своим назвать мы смеем
Настоящий только час.
Будущий — сокрыт от нас.

Каждым часом настоящим
В жизни пользоваться знай.
Мигом дорожи летящим,
Завтраму не доверяй.
Коль до завтра ты отложишь,
Что сегодня сделать можешь,
Будешь часто горевать,
Не в пору поднимешь бремя!
Наша жизнь — есть срочно время,
Праздно времени не трать!

<1828>

109. МОРОЗ

Ой, ой, ой! как мороз
Все окошки занес!
Опушил, опахнул
Будто белым крылом,
А местами сверкнул
Серебристым цветком.

Ветви пальм, целый лес
Он на стекла нанес,
Честь искусству его!

Здесь тепло; нужды нет.
На дворе каково?
Там он колет и жмет.

Покажись-ка туда?
Я пойду, не беда!
Русский любит мороз.
С ним родился, растет
И румянее роз
На морозе цветет.

Студено, холодно,
Только любо оно.
Светлоокой струей
Дым из труб вверх летит,
Из-под быстрых саней
Снег хрустит и крутит.

Нагулялся, друзья!
Позаиндевел я.
А спасибо зиме:
С ней свежей и бодрей,
Пободрей, поживей,
Веселей на уме!

<1828>

Ф. А. Туманский

110. ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичу,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетаая,
Как бы молилась за меня.

<1827>

В. А. Жуковский

111. ОСТРОВ

Цветет и расцветает
Мой милый островок;
Там веет и летает
Душистый ветерок.

Сплела там роща своды;
В тени их тишина;
Кругом покойны воды,
Прозрачные до дна.

Там знойными лучами
День летний не палит;
Там сладостно листьями
Прохлада шевелит.

Там звезды ясной ночи
Сквозь темный свод древес
Глядят, как будто очи
Блестящие небес.

Пленительно сквозь сени
Луна сияет там,
Раскидывая тени
Дерев по берегам.

Там гении крылаты
Играют при луне,
Льют листьев ароматы
И плещутся в волне.

Там нас встречает радость;
Там все забавы нам:
Подруга наша младость
Играет с нами там.

<1831>

1

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поет;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты;
Там и поешь ты
Песню свою.

2

КОТИК И КОЗЛИК

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясет бородою.

3

ЖАВОРОНОК

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
— Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны;

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь божий мир здесь вижу я,
И славит бога песнь моя

4

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

(Сказочка)

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки;
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он,
И ночью там спал он.
С зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
В свою одноколку
Из легкой скорлупки
Потом запрягал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые.
К нему золотые
Цикады слетались
И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами.

Ночную ж порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,

На луг благовонный
С лампадой зажженной
Лазурно-блестящий
К малютке являлся
Светляк; и сбирался
К нему вкруговую
На пляску ночную
Рой Эльфов летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких былинках,
В перловых купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпление,
Под пляску, под пенье,
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда, под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой
Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной
Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...

.....

1851

К. А. Петерсон

116. СИРОТКА

Вечер был; сверкали звезды;
На дворе мороз трещал;
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже! — говорил малютка, —
Я прозяб и есть хочу;
Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?»

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту;
Приютила и согрела
И поесть дала ему;

Положила спать в постельку —
«Как тепло!» — промолвил он.
Запер глазки... улыбнулся...
И заснул... спокойный сон!

Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Также не оставит бог!

<1843>

Я. К. Грот

117. ЗИМНЕЕ ВЕСЕЛЬЕ

Коле

Братцы! Мороз на дворе,
Русский, трескучий мороз!
Ели блестят в серебре;
Эй, берегите свой нос!

Снова над глубиоу реки
Пол нам готов ледеяной.
Братцы! подвяжем коньки —
Кто молодец, тот за мной!..

Ты что ворчишь там в углу?
Сидя за печкой, прозяб!
Ляг же ты греться в золу:
Старых не надо нам баб.

В руки по палке, друзья!
Мячик возьмем — и за ним,
По льду, как вьюга, скользя,
Взапуски все побежим!

Или по зеркалу льда
Вензели станем писать...
Нуте ж, скорей, господа!
Долго ль еще мне вас ждать?

<1845>

118. ТРУД

Дети, надобно трудиться:
Бог нас создал для труда;
Лишь от праздности родится
Часто горе и нужда.

В жизни лучшие мгновенья
Покупаются трудом;
Сладкий час отдохновенья
Лишь усталому знаком.

Цвет здоровья возвышает
Прелесть всех житейских благ;
Тот полней его вкушает,
Кто проводит век в трудах.

Не в богатстве счастье наше;
Но кому же нищета
И ее лохмотья краше,
Чем достаток, плод труда?

У прилежного веселье
Украшает дом и стол;
Скуку лишь дарит безделье;
Праздний голоден и — гол.

Тот, кто хочет доброй славы,
Должен хлеб свой в поте есть:
Не за игры и забавы
Достается людям честь.

Без усилий, без терпенья
Не бывал никто велик;
Труд — источник возвышенья,
Счастлив, кто к нему привык.

Дети, дети, не лениться!
Труд всегда приносит плод:
Будешь смолоду трудиться —
Встретишь старость без забот.

(1845)

119. ПОРЯДОК

Во всем порядок ты устрой —
В вещах твоих, в делах вседневных;
Тогда согласие и покой
Найдешь ты в помыслах душевных.

Кто мудрым славится — смешон,
Когда порядка он не любит;
«И миг нам дорог!» — учит он,
А сам часы напрасно губит;

Затем что в собственном дому
Он как чужой нередко бродит,
И где бы только взять ему,
Он ищет, ищет — не находит!

Заботы есть; но тут одну
Упустит он, а там другую;
На память он кладет вину,
Но я то иначе толкую:

Семи хоть пядей будь во лбу —
Когда порядка ты не знаешь,
Так разве сделаешь в гробу
Всё то, что делать затеваешь.

Март 1846

120. К ДРУГУ

Вчера ты, милый брат,
Журил меня недаром.
Прости: я виноват,
Хотя и спорил с жаром.
Нет, всякий твой совет
Приму я впредь с любовью...
О! мы дадим обет,
Напечатленный кровью:
Друг в друге одобрять
Лишь истинно благое,
Но строго осуждать
Все низкое и злое.
Презрен будь тот из нас,
Кто правдой оскорбится
Иль кто льстецом хоть раз
Из друга стать решится.
Ах! путь добра тяжел!
Для слабых нас так нужно,
Чтоб к трудной цели шел
Товарищ с нами дружно;
Чтоб там, где скользок путь,
Он поддержал нас в пору,
А где случится крут,
Нашел бы в *нас* опору.
О! мы обет дадим...
Когда нас будет двое,
Бодрее совершим
Мы странствие земное!

<1846>

121. ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Спасибо, друг! Ты описал
Мне занимательно и живо
Блестящий ваш столичный бал.
«Так было весело!» Не диво,
Что ты без усталости плясал.
Но, веришь ли, в моей пустыне
Я не завидую тебе.
Ах, если б ты со мной был ныне!
Здесь, в нашей маленькой избе,
Есть всё, чего душа желает:
Картины, ноты, вдоволь книг;
День незаметно пролетает,
Не знаю скуки ни на миг.
Когда к занятиям нет охоты —
Довольно есть утех вокруг:
Бросаю кисти, книги, ноты,
Бегу к реке на мягкий луг...
О, приезжай к нам: в чистом поле
И у меня найдешь ты бал.
Великолепнее и боле
Всех городских палат мой зал.
В нем тьма цветов: как яркие, пестры!
Они дороже и пышней
Поддельных тех, что наши сестры
Танцуя носят меж кудрей.
Нет недостатка в освещенье:
С утра на своде голубом
Горит здесь люстра — загляденье!
А к ночи бездны свеч на нем.
Здесь есть оркестр — как он чудесен!
Друг милый! Весь он состоит
Из громких жаворонка песен...
О, приезжай!.. уж бал открыт:
Под звон воздушных флейт в полянах
Игриво пляшут ветерки...
О, приезжай! в нарядных тканях
Уж вальсируют мотыльки!

<1846>

122. ЖЕЛАНИЕ

Да не будет слава
Идолом моим!
Жажда хвал — отрава!
Ей ли отдадим

В жертву — жизни сладость
И души покой?
Нет, пусть лучше радость
Будет идол мой —

Светлая, святая
Радость чистых душ!
Ею обладая,
Мудрый счастлив муж.

⟨1854⟩

В. Ф. Одоевский

123. УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Встань поутру, не ленись!
Мылом вымойся, утрись.
Кто растрепан, не умыт,
Тот собой людей смешит.

Зубы, десны крепче три,
И снаружи и снутри;
Чистым гребнем причешишь,
Да и богу помолишь.

Долго спать тебе не впрок,
Лишь забудешь ты урок;
Ты за книжку — повторить,
А уж начали звонить.

Знай заранее, что́ взять,
Времени чтоб не терять.
В класс когда идти велят,
Тут уж некогда искать.

То забыл налить чернил,
То пера не очинил;
Книжку бросил без пути,
А потом и не найти.

Но в порядке что лежит,
Под руку само бежит.
В классе быть, так не зевать,
А стараться понимать!

Кто зевает? — негодяй;
Ты ему не подражай.
Слышишь новое — смекни,
Да в тетрадке отчеркни.

Поленился, пропустил —
Смотришь, завтра позабыл.
А написано — прочтешь,
Лучше в толк себе возьмешь.

<1847>

124. РУКОДЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ну, подруженьки, скорее!
Солнце красное взошло,
За работу мы дружнее,
Пока время не ушло!
 Помолись, потрудись,
 Только знай не ленись!
 Без нужды проживешь, } (2)
 Да добра наживешь.

Чтоб добра себе прибавить,
Надо в жизни работать,
Всё самим уметь направить
И другим не докучать.
 Что за стыд! как не знать
 Ни кроить, ни стирать?
 Я и платье скрою, } (2)
 И рубашку сошью.

У хозяйки все поспело,
Только надо присмотреть;

Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуместь.
Что за стыд! как не знать,
Что обедать подать?
Я и хлеб испеку,
Да и кашку сварю. } (2)

У плохой хозяйки в доме
Ходят дети босиком.
Не в порядке, не в приборе,
Все разбросано кругом;
Всюду сор, всякий вздор,
Для хозяйки позор;
Этак дом не сберешь,
И концов не сведешь. } (2)

Если любит кто трудиться,
Вправе тот и отдохнуть,
Погулять и порезвиться,
Да и в книжку заглянуть.
Что за стыд! как не знать
Ни читать, ни писать?
Я и книжку прочту,
Да и счет подведу. } (2)

Станем дружно мы трудиться
И друг другу помогать!
Надо многому учиться,
Чтобы что-нибудь да знать.
На других погляжу,
Да свой ум приложу,
И чего не смогу,
То я в книжке найду. } (2)

Не страшна работе бедность;
Кто работает, тот сыт!
Кто к труду имеет резвость,
Бог того благословит.
Будем шить! будем мыть!
Будем деньгу копить!
И себе сберегу!
И родным помогу! } (2)

<1847>

125. ПЕСНЯ ПРИ ВХОДЕ В КЛАСС ПАРАМИ

Трах, та-рарах, тан-тан-тан,
Трах, та-рарах, тан-тан!
Время, время в класс собраться.
Не шуметь и не толкаться,
Не зевать по сторонам,
А садиться по скамьям.
Трах, та-рарах, тан-тан-тан,
Трах, та-рарах, тан-тан.
Враз!

〈1847〉

〈Элиза Эльген〉

126. ПТИЧКА

Кате Суходольской

Птичка над моим окошком
Гнездышко для деток вьет,—
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носку несет.
Птичка домик сделать хочет:
Солнышко взойдет, зайдет —
Целый день она хлопочет,
Но и целый день поет.
Ночь холодная настанет,
От реки туман пойдет,
Птичка-душенька устанет,
Спит и петь перестает;
Но чуть утро — птичка снова
Песню звонко заведет;
Весела, сыта, здорова,
И поет себе, поет.
Люди время убивают,
Время быстрое идет,
Птичка праздности не знает
И поет себе, поет.
Отчего ж она счастлива,
Отчего так весела?
Оттого что хлопотлива
И ленивой не была.

Надо утром помолиться,—
Для того она встает
Очень рано, там трудится
И в трудах поет, поет!

16 января 1850
Село Ясырки

Неизвестный автор

127—131. С Т Е П К А - Р А С Т Р Е П К А

1

СТЕПКА-РАСТРЕПКА

Ай да диво, что за грива!
Ай да ногти, точно когти!
Отчего ж он так оброс?
Он чесать себе волос
И ногтей стричь целый год
Не давал — и стал урод.
Чуть покажется на свет,
Все кричат ему вослед:
 Ай да Степка!
 Ай растрепка!

2

ПРЕСТРАШНАЯ ИСТОРИЯ О СПИЧКАХ

Была вечерняя пора,
Уехали все со двора;
А дома Катенька одна,
Поет и прыгает она
По комнатам, как стрекоза.
Вдруг ящичек ей на глаза.
«Какая милая игрушка!» —
Сказала про себя вертушка.
Открыла ящик, спички в нем.
Давай, как мама, их зажжем.
 Васюк и Машка, кошки,
 Тут протянули ножки

И говорят: «Катюша,
Ведь запретил папуша;
Мяу! мяу! что ты дуришь?
Оставь, оставь, не то сгоришь!»
Не слышит Катя кошек, нет,
Ее лишь тешит спичек свет,
Ах, ярко как они горят!
Вот на картинку бросьте взгляд —
Катюша прыгает, поет,
Что дело ладно так идет.
Васюк и Машка, кошки,
Тут поднимают ножки
И говорят: «Катюша,
Ведь не велит мамуша!
Мяу! мяу! что ты дуришь?
Оставь, оставь, не то сгоришь!»
Ах, Катя, спичек ты не тронь!
Вдруг платье обхватил огонь:
Горит рука, нога, коса
И на головке волоса;
Огонь проворный молодец —
Горит вся Катя наконец.
Васюк кричит и Маша:
«Горит Катюша наша!
Скорее помогите!
Тушить дитя бегите!
Мяу! мяу! сгорит, беда!
И не останется следа!»
Сгорела бедная она,
Зола осталась одна,
Да башмачки еще стоят,
Печально на золу глядят.
Не прыгают, не скачут
Васюк и Маша, плачут.
Где бедный папенька, мяу?
Где бедна маменька, мяу?
И плачут горько так об ней,
Что слезы льются как ручей.

ИСТОРИЯ О МАЛЬЧИКЕ, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ КУШАТЬ СУПУ

Толст, как кубарь, и круглолиц,
 Как полный месяц, был наш Фриц;
 Всегда здоров, румян и бел,
 Всё без разбора пил и ел.
 Раз как-то подают обед,
 А Фриц кричит: «Нет, супу, нет,
 Нет, супу не хочу я, нет!
 Ни ложечки не проглочу я, нет!»
 Смотри, на следующий день
 Упрямый Фриц ну точно тень.
 А всё кричит: «Нет, супу, нет,
 Нет, супу не хочу я, нет!
 Ни ложечки не проглочу я, нет!»
 На третий день — беда! беда! —
 Нет толстяку почти следа;
 Ослаб, ужасно исхудал,
 А всё ж, увидев суп, кричал:
 «Нет, супу не хочу я, нет!
 Ни ложечки не проглочу я, нет!»
 И на четвертый день все то ж,
 И Фриц на ниточку похож;
 В нем весу только золотник;
 В день пятый умер баловник.

АНДРЕЙ-РОТОЗЕЙ

Жил мальчик некогда Андрей,
 Престрашный-страшный ротозей;
 На крыши, облака, ворон
 Заглядывался вечно он;
 Что ж под ногами у него,
 Совсем не замечал того.
 Что тут мудреного, что всякой
 И называл его зевакой.
 Раз, голову назад закинув
 И рот порядочно разинув,
 Идет, не в добрый, видно, час,
 И с неба он не сводит глаз,

Навстречу ж шла ему собака,
И никого тут не случись,
Чтоб закричать: «Эй, берегись!
Разиня! берегись, зевака!»
Они столкнулись, и бух!
В грязь полетели оба вдруг.
В другой раз шел наш господин,
Как будто проглотил аршин:
На галок, что ли, он зевал
Иль звезды на небе считал,
Как знать? Ну только не приметил,
Что на пути он реку встретил
И что уже одной ногой
Повис над страшной глубиной.
Шагнув еще,— бултых! — упал
Ногами вверх — и ах, пропал!
Случайно рыбки над водой
Гуляли солнечной порой,
Но, испугавшись, поскорей
Убрались к маменьке своей.
Ну, да кого не удивит
Такой нечаянный визит?
Разиня дожил до беды,
Ему б не вылезть из воды,
Когда б два добрых мужика
Не вытащили дурака.
Смотрите, дети, кто такой?
Андрюша это иль другой?
Течет вода ему с волос
На шею, лоб, глаза и нос;
Течет из платья по рукам
И по прекрасным сапожкам.
Как он промок да как продрог!
Хороший же ему урок!
А рыбки наши? Вот оне;
Не посиделось им на дне;
Головку высунув, глядят
На мокрый мальчика наряд.
И рассмеялись,— ну, да он
И в самом деле был смешон:
Стоит, трясется и ревет,
А сумка дальше всё плывет.

ПЕТР-САМОЛЕТ

Когда дождик идет
 Или ветер ревет,
 То сидеть надо вам,
 Дети, всем по домам.
 Но совсем уж не так
 Думал Петя-дурак.
 Зонтик в руки он взял
 И под дождик удрал.
 Ах, как ветер ревет!
 Как деревья он гнет!
 И как зонтик он рвет!
 И Петрушу несет!
 Летит Петр далеко,
 Летит Петр высоко,
 В облака головой
 Он толкнулся, ой-ой!
 Шляпа вдруг сорвалась
 И над ним понеслась.
 И все дальше летят
 Петр и зонтик, и вряд
 Кто узнает, куда
 Унесло их! Беда!

⟨1849⟩

А. А. Пчельникова**132. ПТИЧКА**

Д е т и

А, попалась птичка, стой!
 Не уйдешь из сети;
 Не расстанемся с тобой
 Ни за что на свете!

П т и ч к а

Ах, зачем, зачем я вам,
 Миленькие дети?
 Отпустите полетать,
 Развяжите сети!

Д е т и

Нет, не пустим, птичка, нет!
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями...

П т и ч к а

Ах, конфет я не клюю,
Не люблю я чаю:
В поле мошек я ловлю,
Зернышки собираю...

Д е т и

Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке;
А у нас-то! в золотой
Будешь жить ты клетке!

П т и ч к а

О! Не бойтесь: в теплый край
Улечу зимою.
А в неволе — светлый рай
Будет мне тюрьмою.

Д е т и

Птичка, птичка! как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить:
Всё б тебя ласкали.

П т и ч к а

Верю, детки; но для нас
Вредны ваши ласки:
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки.

Д е т и

Правда, правда! птичка, ты
Не снесешь неволи...
Ну, так бог с тобой — лети
И живи на воле!

<1859>

1

РОЗА

Зовут меня розой.
Примите меня,
Я очень душиста
И цветом нежна.
По цвету и имя
Такое мне дали
И даже царицей
За пышность прозвали.

2

РЕПЕЙ

Репей я колючий,
Ко всем пристаю,
Расту при дороге,
У стенки стою.
Задеть меня платьем
Прохожий боится...
Нельзя ли хоть с вами
Репью подружиться?

3

ЛИЛИЯ

Я — лилия; с вами
я буду дружна;
Кротка и скромна я
И очень стройна;
Люблю, наклонившись,
В ручье поглядеться...
Позвольте мне с вами
В кружке повертеться!

РЕЗЕДА

Чуть видным кусточком
 Расту я всегда,
 И бедным цветочком
 Глядит резеда.
 Приятно лишь пахну
 Я, бедная травка,
 За это везде мне
 Знакомство и ласка.

⟨1860⟩

Ю. В. Жадовская**137. НИВА**

Нива, моя нива,
 Нива золотая!
 Зреешь ты на солнце,
 Колос наливая.
 По тебе от ветру,
 Словно в синем море,
 Волны так и ходят,
 Ходят на просторе.
 Над тобою с песней
 Жаворонок вьется,
 Над тобой и туча
 Грозно пронесется.
 Зреешь ты и спеешь,
 Колос наливая,
 О людских заботах
 Ничего не зная.
 Унеси ты, ветер,
 Тучу градовую;
 Сбереги нам, боже,
 Ниву трудовую!

1857

Ф. Б. Миллер

138—142. ПОДПИСИ К КАРТИНКАМ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ПЕРВОГО ВОЗРАСТА

1

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел зайчик погулять;
Вдруг охотник прибегает,
Из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой-ой-ой!
Умирает зайчик мой!

2

На базаре нет прохода:
Собралась толпа народа.
Там вприсядку без сапог
Мишка пляшет под гудок,
А на Мишеньке верхом
Обезьяна и с ружьем.
Вдруг она с него упала
И ногами заболтала,
Покатилась кувырком,
Завертелась колесом.
Дети смотрят на потеху
И катаются со смеху.

3

Вот идет старик седой,
Он несет мешок большой,
Шалунов в него сажает
И потом в реку бросает,
А уж рыбы там ребят
Переловят и съедят!
А журавль на то глядит
И, надувшись, говорит:
«Если б вы не баловали,
Вы сюда бы не попали».

Жил-был глупый мальчик Федя,
 Он пошел искать медведя,
 А медведь, разинув рот,
 Прямо на него идет.
 И рычит, и страшно воет,
 И когтями землю роет.
 Федя струсил, побежал,
 Зацепился,
 Покатился
 И упал,
 И ушиб пребольно ногу,
 А медведь ушел в берлогу;
 Видно, сыт он был тогда?
 А была бы тут беда!

«Няня, няня! посмотри-ка:
 Кто-то черный там с метлой
 На трубе сидит высоко,—
 Это, верно, домовой
 Или бука, злая штука...
 Страшно, няня, спрячь меня!»
 — «Нет, не бойся, то не бука:
 Бука сам боится дня.
 Буку днем никто не видит;
 Этот с виду хоть не чист,
 Да зато уж не обидит:
 Это только — трубочист».

1851

Ты приобрел сокровище земное,—
 К чему восторг? Ничтожно это всё!
 Ты потерял сокровище земное,—
 К чему печаль? Ничтожно это всё.
 Здесь на земле, как ты, ничто не вечно:
 Ищи того, что прочно, бесконечно.

⟨1858⟩

Хочешь ли счастьем земным всегда в тиши наслаждаться!
 Зависти в сердце не знай к тем, кто счастливей тебя,
 Сравнивай долю свою не с их завидною долей,—
 Сравнивай с долею тех, кто злополучней тебя.

⟨1858⟩

С. Т. Аксаков

Прощай, мой тихий, сельский дом,
 Тебя бежит твой летний житель,
 Уж снегом занесло кругом
 Твою пустынную обитель,
 Пруды замерзли, и слегка
 Ледком подернулась река.

Упорно спорил я с природой,
 Сражался с стужей, непогодой,
 Бродя по берегам реки,
 Бросая в глубь ее крючки;
 Напрасно вокруг метель кипела,
 Вода час от часу густела,
 Но и на мерзнувших червей
 Удил я сонных окуней.

Прощай, мое уединенье,
 Благодарю за наслажденье
 Природой скучною твоей;
 За карасей, за пескарей,
 За те отрадные мгновенья,
 Когда прошедшие виденья
 Вставали тихо предо мной
 С своею ясностью живой.

Октябрь 1856

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И — кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И — гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фэтон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстинки
Пауку из паутинки
Заказал!

147. ПЛЕМЯННИЦЕ

ПРИ ПОСЫЛКЕ СТАЛЬНЫХ ПЕРЬЕВ

Мой друг, дарю тебе я перья.
Перо не шутка, не игра;
По смыслу русского поверья
Перо сильнее топора.

Середина 50-х гг.

148. ДЕТСКАЯ ДОЛЯ

Детская доля,
Игры и воля,
Радость моя,
Милая Оля,
Детская доля —
Доля твоя.

Детская доля,
Рощи и поле,
Струйки ручья...
Милая Оля,
Детская доля —
Доля твоя.

Нега и холя,
Детская доля,
Радость моя,
Милая Оля,
Детская доля —
Доля твоя.

Детская доля,
Игры и воля,
Рощи и поле,
Нега и холя,
Струйки ручья...
Милая Оля,
Радость моя,
Детская доля —
Доля твоя.

Дедушка Оли,
Бабушка Оли
Любят ее

Боле и боле,
Милую Олю,
Счастье свое.

Старый же дядя,
Весело глядя,
Любит ее —
Новое время,
Новое племя,
Племя свое.

Середина 50-х гг.

Л. Н. Модзалевский

149. ПРИГЛАШЕНИЕ В ШКОЛУ

Дети! В школу собирайтесь,—
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь,—
Смотрит солнышко в окно!
Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела;
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг,
Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук!
Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тянут сети,
На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит!

<1864>

150. КОНЧИЛ ДЕЛО — ГУЛЯЙ СМЕЛО

За уроками давно
У окна дитя сидит,
И давно уже в окно
Солнце мальчика манит:

«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то солнцу в ответ:
«Нет, ясное солнышко, нет!
Теперь мне гулянье не впрок,—
Дай прежде окончу урок!»

Мальчик пишет и читает,
А на ветке, за окном,
Птичка звонко распевает
И поет все об одном:
«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то птичке в ответ:
«Нет, милая пташечка, нет!
Теперь мне гулянье не впрок,—
Дай прежде окончу урок!»

Мальчик все сидит за книгой
И в окно уж не глядит;
А ему давно из сада
Вишня красная твердит:
«Не довольно ли учиться?
Не пора ли порезвиться?»
А мальчик-то вишне в ответ:
«Нет, красная вишенка, нет!
Теперь мне гулянье не впрок,—
Дай прежде окончу урок!»

Кончил мальчик! В шляпе дело!
Книгу в столик положил,
Прыгнул в сад и крикнул смело:
«Ну-ка, кто меня манил?!»
Ему солнышко смеется,
Ему пташечка поет,
Ему вишенка, краснея,
Свои ветки подает.

(1864)

151. БОРЗЫЙ КОНЬ

Гоп-гоп! Ну, скачи в галоп!
Ты лети, конь, скоро-скоро
Через реки, через горы!
Все-таки в галоп — гоп-гоп!

Трух-трух! Рысью, милый друг!
Ведь сдержать-то станет силы,—
Рысью-рысью, конь мой милый!
Трух-трух! Не споткнись, мой друг!

⟨1864⟩

152. МОТЫЛЕК

«Расскажи, мотылек,
Чем живешь ты, дружок?
Как тебе не устать
День-деньской все порхать?»
— «Я живу средь лугов,
В блеске летнего дня;
Ароматы цветов —
Вот вся пища моя!
Но короток мой век —
Он не долее дня;
Будь же добр, человек,
И не трогай меня!»

⟨1864⟩

153. РЫБКА

Жарко... А в речке, в прибрежной тени,
Резвые рыбки стадами гуляют;
В свежих струях так свободно они
Ищут добычи иль вольно играют.
Вон, посмотрите, как рыбка одна
Бойко резвится у самого дня!
«Рыбочка-рыбка! Пожалуй, резвись,
Только стального крючка берегись:
С удочкой мальчик под ивой сидит
И за лесую прилежно следит!»
Рыбке не виден коварный крючок;
Лакомый вьется на ней червячок;
Быстро схватила насадку она,—
С нею нырнула до самого дна;
Мальчик проворно бедняжку подсек,
Дернул... «Эй, рыбка! — твой кончился век!»

⟨1864⟩

154. ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

На зимних полях не ищите цветов,—
Всю землю одел еще снежный покров;
Под снегом цветочкам тепло почивать;
Когда же малютки проснутся опять?
Не всё же морозы и вьюги одни,—
Придут к нам и теплые, красные дни:
Весна по полям всюду станет бродить
И рощу, и поле, и речку будить;
Она, разбивая льдяные оковы,
Холодные снимет с природы покровы,
Разбудит цветочки от зимнего сна,—
Проглянут малютки и скажут: «Весна!»

⟨1864⟩

155. ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ ВЕСНОЮ

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час:
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в сонной роще громко
Уж соловей запел.

Слети ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

⟨1864⟩

156. ЖАВОРОНОК

Серебристая трель,
Живая свирель,—
Ты звонко по воздуху льешься;
И сам за тобой
Поешь, и душой
За пташкой к солнцу несешься,
Всё к солнцу,
Всё к солнцу,
За облако к солнцу несешься.

1872

157. ВЕЧЕР

Звон вечерний раздаётся,
Спят долины в сладком сне;
Звездный свет отрадно льётся,
Навевая грезы мне...

В ком нет страха, нет сомненья,
Сладко спи до пробужденья,
А наутро вновь с зарей
Встань на подвиг трудовой!

24 декабря 1872

Тифлис

158. ПОД ЛИПОЙ

Пташечка летняя,
Еле заметная
В ветвях живет;
С раннего утрачка
Пташка-малюточка
Звонко поет.

Тут же, под липкою,
В травке, с улыбкою
Смотрит цветок,
С ясными глазками,
С яркими красками,
Сам с ноготок.

Около цветика
Бродит,— приметьте-ка,—
Пестрый жучок:
Вот он взбирается,
Лезет — старается
На стебелек...

Змейкой серебристою
Вьется под листвою
Там ручеек;
Поит он пташечку,
Липку, букашечку,
Травку, цветок.

⟨1878⟩

159. ПРОГУЛКА

Смело, братцы, в лес прохладный
Побежимте всей толпой;
Там, в тени его отрадной,
Веселись и песни пой!
Всё, что робкого пугает —
Темнота, и треск, и шум,—
В нас отвагу вызывает,
Возбуждает смелый ум.

Мы поем,— нам вторит эхо;
Примечаем след зверей;
Встретим волка — вот потеха!
Он бежит от нас скорей.
И медведь ленивый, сонный,
Нашей песнью пробужден,
Чуть слышит нас — проворно
Улепetyвает он.

⟨1878⟩

160. ВРЕМЕНА ГОДА

Как вернется к нам весна,
Чем подарит нас она?
— Цветами, цветами, цветами.

Ну, а летнею порой
 Чем богаты мы с тобой?
— Хлебами, хлебами, хлебами.
Лето быстро пролетит,—
 Чем же осень наградит?
— Плодами, плодами, плодами.
Вот зима катит как раз,
 Чем она засыплет нас?
— Снегами, снегами, снегами.
<1878>

161. ПОЯВЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Весна с улыбкой шлет привет
 Проснувшейся природе;
Всё после зимних бурь и бед
 Вздохнуло на свободе.
Бессильно зляся и ворча,
 Зима, старуха злая,
Бежит, от жаркого луча
 Под солнышком сгорая.
<1878>

162. СОЛОВЕЙ

Весны певец — соловушко
 Наш садик полюбил,
И там уж тепло гнездышко
 Для деточек он свил.
Лишь сядет красно солнышко,
 Лишь вечер настает —
Грустит-поет соловушко
 Всю ночку напролет...
И тихо мне мечтается,
 Ни слова на устах...
А он-то заливается
 В ореховых кустах!
О чем же так грустнехонько
 Тоскует наш певец?
Он плачет, что скорехонько
 Весне его конец.
<1878>

163. ВОРОБЬИ

Под тенью раскидистой ивы
Собравшись, как пчелы, в рой,
Слетелись со скошенной нивы
И громко трещат воробьи.
Однако же в их щебетанье,
Над синею гладью пруда,
Тревога слышна, совещанье
О том, что приходит беда:
Уж нечем им больше кормиться —
Хлеб убран и сад опустел, —
Так надо хоть тем поживиться,
Что счастье послало в удел.
И каждый с воробушком старым
Словцо перекинуть спешит:
Как лучше раскрыть под амбаром
Мешок с коноплей, что зашит?

⟨1878⟩

164. К СОЛНЦУ

Лучезарное светило!
Ты, взойдя на небеса,
Разом всё озолотило:
Горы, доли и леса!
От тебя бежит ненастье
Над проснувшейся землей:
На нее ты жизнь и счастье
Сыплешь щедрою рукой.
Ты для всех равно сияешь
С недоступной высоты,
Всех с любовью согреваешь
Ты дыханьем теплоты.
Оттого среди страданья
Жаждут все твоих лучей:
Человек — венец созданья
И былинка средь полей.

⟨1878⟩

165. ПЕСНЯ

Когда душа тоской полна,
Невольню нам поется,
И наша песня, как волна,
Неудержимо льется.

Когда в душе восторг кипит —
Приходит песня снова,
И громкий звук ее летит
До неба голубого.

И в светлой радости своей,
И в тяжком, лютом горе
Спешим мы в песне поскорей
Излиться на просторе.

⟨1878⟩

Н. А. Некрасов

166. КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар борода не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко,— часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий
(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека слыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — «Услышит, молчи!» —

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клади рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали.
По ней без числа.

Копатель канав — вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать,—
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,

Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагали и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лавке, где matka колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кvasу,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилаcь, а эта с обновой:

Сплела себе славный венок, —

Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.

Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,

Пора за работу, родной!»

Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.

Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнубить ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу»
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— «А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— «Так вон оно что! А как звать тебя?»
— «Власом».
— «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу.—
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!» —
— «Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
— «Смотри — умирает — смотри!»

Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

**167—172. СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ**

1

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу.
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего.
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельки, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утхи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накопили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девóчку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого,
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.

«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь — бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей, утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
«Будет вам пряников; нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
— Экой старик! Видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

1867

2

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну и летит,— ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут, сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им дó суши вехи поставили»,—
 Это он слово сказал!

Верить: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

 На бугре-то ни травочки,
Ну а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

1867

3

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— «Что ты? с мишкой?» — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»

— «Ну, садитесь!» — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирён,—
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...
Час проходит — нет ребят.
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в снях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая:
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»

Вздригнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.

А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах,
Бедные, отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту.
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»
Прибежали ямщики,
Подивились тоже;

Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

1867

4

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весной всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбежать лесами ему нипочем.

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — «А леший?» — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты:
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпадет дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— «Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!»

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет,—
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его—тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.

Мимо бревно суковатое плыло.
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас—до потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребяташек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, гребти не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил—и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... у-у-х...»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...»

1870

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей,—
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене,— тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам, —
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

—«А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете?»
—«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

1870

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

1

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он все понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

2

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин,—
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал все тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры,—
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы,— толпы...
У божьего храма
Сходились тропы,—

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

1873

А. Н. Майков

173. ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеєю
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалика...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет..
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

1
МАТЬ

«Бедный мальчик! Весь в огне,
 Всё ему неловко!
 Ляг на плечико ко мне,
 Прислонись головкой!
 Я с тобою похожу...
 Подремли, мой мальчик,
 Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик-с-пальчик...
 Нет! не хочешь?.. Сказки — вздор!
 Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
 Задремал мой крошка!..
Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
 Тише! Засыпает...
 Словно птенчик, всё в жару
 Губки открывает...»

«*Во сыром бору*» поет
 Мать и ходит, ходит...
 Тихо, долго ночь идет...
 Ночь уж день выводит —
 Мать поет... Рука у ней
 Затекла, устала,
 И не раз слезу с очей
 Бедная роняла...
 И едва дитя, в жару,
 Вздрогнув, встрепенется —
 «*Во темном-сыром бору*»
 Снова раздается...

Отклони удар, уйди,
 Смерть, с своей косою!
 Мать дитя с своей груди
 Не отдаст без бою!

Заслони́т средь всех тревог
 Всею душою своею
Жизни чудный огонек,
 Что затеплен ею!
И едва он засветил —
 Вдруг ей ясно стало,
Что́ любви, что́ чудных сил
 Сердце в ней скрывало!..

1861

2

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рой шумят
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

(1880)

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ*Посв(ящается) маленькой К—и*

Что это сделалось с городом нашим?
 Право, совсем не узнаешь его!
 Сдернута с неба завеса туманов,
 По небу блеск, на земле торжество!

С вербами идут толпы за толпами,
 Шум, экипажей ряды, пестрота,
 Машут знаменами малые дети,
 Лица сияют, смеются уста!

Точно какой победитель вступает
 В город — и все пробудилось от сна...
 Да, победитель! И вот ему птицы
 Словно уж грянули: «Здравствуй, Весна!»

1870

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
 Дети кричат и бегут за дождем...
 — Полноте, дети, его мы сберем,
 Только сберем золотистым зерном
 В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
 В песне душу веселя,
 Бабы с граблями рядами
 Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
 Мужички его кругом
 На воз вилами кидают...
 Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то няряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

179—181. <ИЗ ЦИКЛА «НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ»>

1

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

<1860>

МАТЬ И ДЕТИ

«Что ты, мама, беспрестанно
О сестрице все твердишь?
В лучшем мире наша Зоя —
Ты сама нам говоришь».

«Ах, я знаю, в лучшем мире!
Но в том мире нет лугов,
Ни цветов, ни трав душистых,
Ни веселых мотыльков».

«Мама, мама! В божьем небе
Божьи ангелы поют,
Ходят розовые зори,
Ночи звездные плывут».

«Ах, у бедной нет там мамы,
Кто смотрел бы из окна,
Как с цветами, с мотыльками
В поле развится она!..»

(1884)

ЛАСТОЧКА

(Народная новогреческая песня)

Ласточка примчалась
Из-за Бела моря,¹
Села и запела:
«Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весной пахнет!»

1858

¹ Белым морем нынешние греки называют Архипелаг.

182. СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры.
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой, —
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...

Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел!.. Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали, и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Всё напрасно!..

И поник он, и, в дремоте,
Видит, как в приемном зале —
Незадолго до похода —
В Тюльери стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемлют
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, вспыхивши, император,
«Князь, вы видите,—воскликнул,—
Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:
Император ваш — на что же
Он надеется, на что же?»

«Государь! — в ответ посланник.—
Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»

Он тогда расхохотался,
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...

Вспомнил он дворец петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. И днем и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их миллионы
Там в лесах... «Так вот что значит —
„Весь народ“!..»

И безнадежно
Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там, за синими лесами,
В необъятной этой дали.
(1873)

А. А. Фет

183

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

(1841)

184. РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
Берет свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком,—
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна,
Багряное перо.

Идет, не дрогнет под водой,
Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

⟨1858⟩

185. МОТЫЛЕК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой?

Дитя кудрявое, любимый нежный сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнь упить день один,
На солнце радостно играя.

Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
Замрет на западе далеком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесет меня потоком.

⟨1860⟩

186

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Неколючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
 Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
 Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки да и в гору
 Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
 «Ну, скорей гулять!»

9 декабря 1887
Москва

Я. П. Полонский

187. СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит Месяц?» —
Робко он меня спросил.

В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Все задремлет, все заснет».

И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной.

Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай — и поутру
Приходи и дай мне знать».

Солнце спит, а Месяц ходит,
Сторожит земли покой.
Завтра ж рано-рано к брату
Постучится брат меньшей.

Стук-стук-стук! — отворят двери.
«Солнце, встань — грачи летят,
Петухи давно пропели —
И к заутрене звонят».

Солнце встанет, Солнце спросит:
«Что, голубчик, братец мой,
Как тебя господь-бог носит?
Что ты бледен? что с тобой?»

И начнет рассказ свой Месяц,
Кто и как себя ведет.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.

Если ж нет — взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня
И дитя не поведет.

1841

188. ЕЛКА

1

На краю села, досками
Заколоченный кругом,
Спит покинутый, забытый,
Обветшалый барский дом.

За усадьбою в избушке
Няня старая живет,
И уж сколько лет — не может
Позабыть своих господ.

Все рассказывает внучку,
Как встречали господа
Новый год, Святую, Святки...
Как кутили иногда

И какие доводилось
Ей слышать в дому у них
Чудодейные сказанья
Про угодников святых.

Позабытая старушка
Пополам с нуждой живет,
За крупу, за хлеб, за масло
Зиму зимнюю прядет.

Внучек мал — сыра избушка —
И до самого окна
Вплоть до ставней, снежной бурей
С ноября заметена.

2

Ночь, мороз трещит, всё глухо,
Вся деревня спит; одна
Няня все торчит за прялкой,—
Пляшет тень веретена.

С догорающей светильней
Сумрак борется ночной,
На полатях под овчиной
Шевелится домовой.

Внук пугливо смотрит с печи,
Он вскосматил волоса,
Поднял худенькие плечи,
Локотками подперся.

«Бабушка!..» — «Чего, родимый?»
— «Наяву или во сне
Про рождественскую елку
Ты рассказывала мне?»

Как та елка в барском доме
Просияла, как на ней
Были звезды золотые
И гостинцы для детей.

Вот бы нам такую елку!
И сочельник недалек —
Только что это за елка
Мне все как-то невдомек?»

Порвалась у пряжи нитка;
Рассердилась и ворчит:
«Ишь, не спит! — про елку бредит,
Видно, голоден — блажит!»

Зачадясь, светильник гаснет,
Не жужжит веретено,
Помолясь, легла старуха,
Ночь белеется в окно.

«Бабушка!» — «Чего, родимый?» —
— «Ну, а где она растет,
Эта елка-то? Ты только
Расскажи мне, где растет!..»

«Где ж расти; растет в лесочке,
В ельнике растет... постой!..
Домовой никак проехал...
Тише!.. спи, господь с тобой!..»

Тишина; но в этой чуткой,
Боязливой тишине
Зреет замысел да кто-то
Бредит в жарком полусне.

3

Рождества канун — сочельник.
Вот, подтибривши топор,
К ночи, внучек старой няни
Пробрался в соседний бор.

Тени сосен молча стали
На дорогу выходить.
Он рождественскую елку
Ищет бабушке срубить.

Хочет бабушку под праздник
Разутешить, пир задать;
Верует он в эту елку,
Как в христову благодать.

Вот и месяц — засквозили
Сучьев сети и рога,
Свет его, как свет лампы,
Лег на бледные снега.

Смотрит мальчик — что за чудо!
Из-за темного бугра
Вышла, выглянула елка,
Точно вся из серебра.

Бриллианты на рогульках,
В бриллиантах — огоньки.
Дрогнул мальчик — от натуги
Кровь стучит ему в виски.

Не звезда ли — эта искра,
Превратившаяся в лед?
Ступит вправо — засверкает,
Ступит влево — пропадет.

Пораженный, умиленный,
Он стоит — и как тут быть?!.
Как рождественскую эту
Елку станет он рубить?!.

Месяц льет свое мерцанье,
В темном лесе ни гугу!
Опустив топор, присел он
Перед елкой на снегу.

И сидит, и слышит где-то,
Словно колокол гудет!
Это сон? иль это божья
Смерть под благовест идет?..

И рождественская елка
Перед ним растет, растет,
Лучезарными ветвями
Обняла небесный свод.

По ветвям ее на землю
Сходят ангелы; их клир
Песнь поет о слове вышних...
Всей земле готовит мир.

И тьма тем огненнокрылых
Ослепительных детей
Из ветвей глядят на землю
Мириадами очей.

Словно ждут — какое миру
Бог готовит торжество.
Смерть баюкает ребенка,
Сердцу снится рождество.

И упал из рук топорик,
И заснул бы он навек!
Да случайно мимо лесом
Ехал ихний дровосек.

Он встряхнул его, ругаясь,
И, свистя, отвез домой,
И очнулся бедный мальчик
На груди ему родной.

Долго был потом он болен,
Чем-то смутно потрясен,
Никому не рассказал он
Сна, который видел он.

Да и как бы мог он, бедный,
Всё то высказать вполне,
Что душе его сказалось
В полусмерти — в полусне...

⟨1873⟩

189. МИШЕНЬКА

1

С Мишенькой я был знаком
Будучи ребенком,
И тогда на вид он был
Сущим медвежонком.
Помню я, как он сидел
Около крылечка,
Как привязан был к столбу
За одно колечко.

Мишенька мой был — смешной,
Как собака тявкал,
Пил из плошки молоко
И губами чавкал.

И когда он от побой
Как ребенок хныкал,
Каждый Мишеньку дразнил
И над ним хихикал.

Опекун его — Фома —
Посреди соседей
Был известнейший кулак
И вожак медведей.
Из расчета не брал он
Мишенькиной шубы,
Только щупал иногда
Мишенькины зубы.

Вот мой Мишенька подрос,
Смотрит исподлобья,
Сиволапного отца
Принял он подобье;
Появились у него
Признаки таланта;
Стал вожак его держать
Хуже арестанта.

Подпилил ему клыки,
Губу пробуравил,
На горячую плиту
В сапогах поставил.¹
Учит Мишеньку вожак
(Палки не жалеет),
Как с похмелья на печи
Баба спину греет.

Как ребята на току
Горох молотили,
Как девицы хоровод
По селу водили.
Как с похмелья у него
Головушку ломит.
И за все за это в пост
Мишеньку скоромит...

¹ Сапоги или просто лапти надеваются при этом только на задние ноги.

Мишенька мой был не глуп,
Впрок пошла наука,
Не была ему трудна
Никакая штука:
Стал он лихо водку пить,
В ноги кувыраться,
Да плясать, да на миру
С шапкой побираться.

Вот по селам стал бродить
Мишенька с вожатым;
И доволен был Фома
Мишенькой косматым.
Раза по четыре в день
Высыпал он шляпу,
Ту, что Мишенька таскал,
Выворотя лапу.

Год прошел, приятель мой
Стал медведь медведем
(Мы, бывало, как ведут —
Далеко отъедем).
Раз он клячу испугал,
Так, что та помчалась
Как шальная, — три версты,
Глупая, брыкалась.

Что ты будешь делать! Шут
Косолапый, жалкий,
А как вдруг начнет реветь,
Да еще под палкой,
Лошади с испуга ржут
И бегут буренки,
Точно их, несчастных, бьют
По ногам девчонки.

К палке Мишенька привык,
И к избе, и к степи;
Но, как видно, не привык
Косолапый к цепи.
Чуть завидит синий лес —
Спрячет морду или
Взглядом просит, чтоб его
Погулять пустили.

Раз Фома зашел в село,
 «Омут» по прозванию,
 И в селе застал семик —
 Праздник по преданию.
 В кабаке горел огонь,
 Дело было на́ ночь.
 Заорали мужики:
 «Михаил Иваныч!

Михаил Иваныч к нам
 Жалует, ребята!
 Вот так барин! Ну-ка, брат!
 Ну-ка, толстопятей!
 Начинай, брат, начинай!»
 Все село сбежалось
 И, на Мишку глядячи,
 Со смеху каталось.

Отплясал, отмолотил
 Мишенька и шляпу
 Стал народу подносить,
 Выворотя лапу.
 Кто копейку, кто несет
 Грош за представленье,
 Мишке — честь и похвала,
 Фомке — угощенье.

Нагрузили так Фому,
 Что, когда он вышел
 За околицу, медведь
 В первый раз услышал,
 Как вожак, сжимая цепь,
 Сам с собой калякал;
 То кого-то проклинал
 И как будто плакал.

«Видишь, Мишенька,— сказал
 Мишеньке хозяин,—
 Как на месяце, в аду
 Мучается Каин...
 А за что? За то, что он
 Авеля спровадил.
 Так-то, Мишенька, мой друг,
 Так-то», — он наладил.

«А вон видишь — видишь, хвост...
Это, брат, комета,
Это значит — на мази
Представление света...
На престоле божества
Судия воссядет,
И тогда... что, брат, тогда?!
Что, брат!» — стал он ладить.

И вздохнул он, и себя,
Так сказать, не помня,
Мишеньке сказал: «А что?
Ведь и ты мне ровня!
Ведь и ты такой же, брат,
Забулдыга. Что ж я
На цепи тебя вожу?
Погуляй, тварь божья!»

Мишенька мой был не глуп
И, когда снимали
Цепь с него, стоял как пень,
Чуть глаза мигали.
Вот он высунул язык,
Точно умилился.
«Ну, гуляй!» — сказал вожак,
Да и повалился.

Захрапел Фома,— а он,
Получив свободу
(Точно дурня с головой
Окунули в воду),
Осторожно, не спеша
Передвинул ноги
И немного постоял
На краю дороги.

Мишенька соображал —
Дескать, чем тут пахнет:
Палкой или тумаком? —
Да как вдруг шарахнет
В сторону, как побежит!
Инда пыль скачками
Поднял — и пропал, как тень,
В роще за кустами.

Заяц выскочил, беглец
Зайца испугался
И подрал еще быстрее,
Наконец забрался
В глушь такую, что уже
Между вил да крючьев
И ползком пройти нельзя,
Не ломая сучьев.

Вот прилег он — хочет спать,
И никак не может:
Сердце бьется, страх берет
И восторг тревожит:
То сова над ним кричит
И его пугает,
То соловушка поет —
Сладко распевает.

Ночь прошла и — заглянул
День в лесную балку;
Дальше Мишенька бежит
Рысью вперевалку;
Слышит — дичью пахнет лес,
Видит — дебрь глухая.
«Здравствуй! — Мишенька ревет, —
Родина святая!»

Та же миновала ночь,
И вожак — очнулся,
Видит — цепь в руке, вскочил,
Вскрикнул, оглянулся.
Где же Мишенька?! Тю-тю!
Поминай как звали!
Бросился в село кацап —
Заревел с печали,

Заходил во все дворы,
Обежал все крыльца:
«Не видали ль вы его,
Моего кормильца?!»
Обошел поляну, лес,
Спрашивал, метался,
И — поймать или убить
Мишеньку поклялся.

Вот на родине своей
 Мишенька гуляет,
 Лапы вылизаны, и
 Губа заживает.
 Медвежата вокруг него
 С любопытством бродят,
 Медведихи чудаком
 Мишеньку находят.

Вот он сунул нос к родным,
 Те его прогнали
 И ученого шута
 Дурнем обругали;
 Мишенька мой закутил,
 То идет, то пляшет,
 То вдруг мух начнет ловить —
 Стоя, лапой машет.

Как он вел себя, могу
 Рассказать вам вкратце,
 У него нашлись друзья,
 Кумовья и братцы;
 Занимались болтовней,
 Соты воровали
 И на Мишеньке верхом
 Ловко выезжали.

Мишенька снопы таскал
 С овсяного поля,
 Раз корову ободрал,
 А когда неволя
 Заставляла, то смешил —
 Выворотя лапу,
 С жалкой миной представлял,
 Как носил он шляпу.

Раз задумал танцевать,
 Да и отличился,
 Спотыкнулся, в буерак
 С дамой покатился,
 Страшно выпачкал он ей
 Спину липкой глиной,
 И за это был при всех
 Выруган скотиной.

Но и году не прошло,
Мишенька косматый
Получил какой-то лоск
Темно-рыжеватый.
Стал грустить, повеся нос,
От друзей отбился,
Вот женился наконец
И — остепенился.

Вот зима пришла; живет
Мишенька в берлоге
И лежит как падишах,
Протянувши ноги.
Дети ползают по нем
И, молокососы,
Увальни,— а уж подчас
Задают вопросы.

«Кто дает нам шубки? кто
Светит над берлогой?»
— «Правда ли, что есть такой
Зверь — совсем двуногий?»
— «Правда ли, что ты мудрец?!»
И, прищуря глазки,
Мишенька на это им
Сказывает сказки.

Стало холодно, мороз
Дует к ним сквозь щели,
Много снегу намело
Возле их постели.
«Холодно! — ворчит жена.—
Ступай поработай!»
И бурчит он: «Ты сперва
Шубу мне заштопай!»

«Шуба шубой! а нельзя
Жить, мой друг, без дела».
Выполз Миша, принялся
За работу смело:
То в охапку загребет
Хворосту и — тащит,
То вдруг выворотит пень —
И глаза тарашит.

То начнет суки ломать —
По сугробам ходит.
Видит сам, что наконец
Дело дрянь выходит...
И опять ползет домой,
Грудь как печка пышет, —
Знать, с работы так тепло,
Он сопит и дышит,

Что погреться льнут к нему
И жена и дети,
И счастливее его
Нет на белом свете!
Но пришла к нему беда!
Шла беда в два срока —
Летом и зимой, и вот,
Вот уж недалёко...

4

Мишенька однажды встал
На заре, раненько.
Было на небе красно,
В воздухе тепленько.
Подрумянилась зима
И заметно чахла,
На проталинках кой-где
Уж весной пахло.

Вот и медвежата в лес
Выползают тихо,
Из берлоги им вослед
Смотрит медведиха.
Стал их папенька учить
Лазить, кувыркаться,
Подниматься на дыбы,
На кулачки драться.

И боролся с ними он,
И давал подножку,
Или лапой в снег валил,
Злил их понемножку.

Наконец и сам устал
И в лесной куртине
Развалился на снегу,
Точно на перине.

Вдруг он слышит: мать кричит,
Фырчат медвежата —
Мишенька вскочил, дрожит
(Трус он был когда-то).
Чу!.. слышалось в кустах
Звяканье цепочки.
Он на корточках присел,
Смотрит из-за кочки.

Видит, по лесу к нему
Человек шагает;
С ним двухствольное ружье,
И топор мелькает.
Батюшки! никак Фома —
Тот кулак ученый,
Что плясать его учил
На плите каленой.

Что, бывало, целый день
Школит, запекает,
Ну-ка он его опять,
Дурака, взнуздает!
Струсил Мишенька, Фома ж —
Смелый, черт! — краюшку
Кажет издали, принес
И вина козушку.

Трусит Мишенька, да тут
Мог бы струсить всякий,
Потому что будь медведь —
Кончилось бы дракой;
А ведь тут ружье, топор...
Мишенька смутился,
Тягу дать хотел, да вдруг —
Приостановился.

Думает: авось меня
Пощадит хозяин.
Тоже братом называл...
Что же он за Каин?

Да и как я с ним пойду...
У меня семейство.
Глядь! ружье наведено —
Это уж злодейство...

Мишенька отворотил
Морду... Бац! задела
Пуля за ухо. Тогда
Кровь в нем закипела
К неприятелю враждой
И любовью к милой:
И проникся дух его
Богатырской силой.

Грозный, стал он на дыбы,
Лезет на кацапа,
Раздувается вихор,
На отвесе лапа,
Кровью налиты глаза.
Фомка не зевает,
Вновь он метит Мише в лоб,
Глазом не мигает.

Видит он, хоть и не трус,
Эдакие страсти!
Подпиленные клыки
Засверкали в пасти.
Бац! он выстрелил, в плечо
Пуля угодила,—
Лезет на него сквозь дым
Мишенькино рыло.

Вот он выхватил топор,
Поднял... Затрещала
Голова, топор упал,
И ружье упало.
Мишенька царапнул так,
Что свалил кацапа;
Видно, тяжела в бою
Мишенькина лапа.

Так из прежнего шута
(Это ли мы скроем?)
Он на родине своей
Сделался героем.

И спаслась его семья
От цепей неволи.
Мишенька стал знаменит
И в лесу и в поле.

*1 марта 1873 г.
Спб.*

190. РОДНИК

Вдоль реки ступай, минуя
Бревна, щебень и тростник.
И найдешь ты возле ивы,
У холма, живой родник, —

Как кристалл прозрачно-чистый,
Из-под камня в летний зной
Льется он струей серебристой —
Освежительной струей.

Там зимой в мороз недаром,
У реки, затертой льдом,
Духи вьются легким паром
Над немолчным родником.

Лишь ему не страшны бури,
Ни жестокость холодов,
Ни невежество людское,
Ни тревоги городов.

Он один далек заразы
Пошлых дум и злых страстей,
Он один, как гений, светел, —
Приходи к нему и — пей.

6 ноября 1891

Борис — борись
И не ленись,
Будь добр, не горд,
Но волей тверд.

Люби людей,
Но их сетей
Ты избегай.
Будь с головой
И уповай
На разум свой.
Не лицемерь
И честен будь,
И в бога верь,
И не забудь
Беспечных дней
Весны твоей.

192—194. *〈ИЗ ДЕТСКОГО АЛЬБОМА〉*

1

БАРБОС

Он в корзинке на подушке сидит,
На хорошенькую куклу глядит.
Чтобы куклу ту вор не унес,
Сторожит ее косматый Барбос.
Подойдите-ка, попробуйте, к нему,—
Не советую, ребята, никому!

2

Вот-те на! Разбила чашку!
На кого бы мне солгать,
На Валетку иль на Машку?
Или просто убежать?
Лгать, хитрить да запирацца —
Это подло, говорят.
Нет, уж лучше мне признаться,
Пусть немножко побранят.

3

Не будите эту девочку,
Эту милую сироточку,
Она, право, не ленилася,
Только очень утомилася.

Спит, и снится ей: небесные
Ангелы стоят с указками,
Кажут буквы ей чудесные,
Поясняют буквы сказками.

Д. Д. Минаев

195

Гонялся кот за воробьями,
Попал в сугроб, и вот,
Как будто в белых панталонах,
Из снега вышел кот.

Стал лапки чистить зверь опрятный
День целый напролет.
И с той поры по снегу бегать
Уже не смеет кот.

<1882>

196

Как из лейки дождик льется,
А Бебе в саду смеется:
«Под дождем, как травка в поле,
Подрасту и я на воле».

<1882>

197

Внучка маленькая смело
Шляпку бабушки надела,
И облекся малый внук
В старый дедушкин сюртук,
Говоря: «Теперь мы будем,
Подражая старым людям,
На детей своих ворчать
И всех кукол распекать».

<1882>

Скачет маленький ездок
 Быстро так, что ветерок
 Не догонит ездока.
 Для него не глубока
 Даже встречная река,
 Для него не высока
 И огромная гора...
 Марш вперед, ура, ура!..
 Ни лесов, ни скал, ни гор,
 Ни потоков, ни озер
 Не боится наш ездок,
 Обгоняя ветерок.

〈1882〉

Не троньте майского жучка.
 За что его губить?
 Росу небес он пьет с листка,
 К цветку порхает от цветка;
 Ему не долго жить...
 Не троньте майского жучка!

〈1882〉

Зимы уж нет. Небесный свод
 Льет вешний, яркий свет...
 Весна идет, весна идет!
 И мы ей шлем привет.

〈1882〉

Слушает башмачник старый гусенят:
 «Башмачки, старик, нам сшей»,— они кричат.

«Ваша, гусенята, просьба безрассудна,
 В башмачках вам плавать будет очень трудно.

В башмачках не ходят лапчатые гуси,
Башмачков две пары сшил я для Маруси

И для крошки Вари... Вам же вечером
Или утром легче бегать босиком».

⟨1882⟩

202. ДВЕ ОВЕЧКИ

Две овечки подошли к окну,
Посмотри на них в окошко, дочка.
Белая овечка — это день,
Черная овечка — это ночь.
Если дети не ложатся спать,
Белая овечка горько плачет,
А овечка черная кусать
Их за то собирается и скачет.

⟨1882⟩

203

Воздух вечера чист.
Длинноногий айст
Высоко над деревней взвивается;
А ребята глядят
На него; у ребят
Звонкий крик в тишине вырывается.

Ах, когда б и у нас
Были крылья, сейчас
Как айст поднялись бы мы тоже
Через леса и поля,
А вернемся — земля
Нам покажется вдвое дороже...

1882

204. СТУЖА

Омрачился синий,
Ясный свод небес.
Стужа... зимний иней
Опушил весь лес...

Ни листка на ветке,
В теле дрожь у всех...
Помолитесь, детки,
Вы за участь тех,
Что в подобный холод
Не найдут угла...
Как кузнечный молот,
Бедность тяжела.

⟨1883⟩

205. В ДЕТСКОМ КРУГУ

Весной, в саду, в тени ветвей,
Бесшумно и в порядке,
Толпа разряженных детей
Играла на площадке.

Бедняжки! Уже с детских лет
Тщеславье им знакомо;
Их круг — в миниатюре «свет»,
Они везде как дома.

Наука их — хороший тон
И правила приличья;
Понятно им почти с пелен
Сословное различье.

Когда вмешался в их игру
Ровесник — бедный, видно, —
Как гость незванный на пиру,
Он встречен был обидно.

И дети начали тогда
Расспрашивать друг друга:
«Кто этот мальчик, господа?
Не нашего он круга.»

Что за манеры! Как мужлан,
Неловок... смотрит дико.
Ты нам не пара, мальчуган,
Кто твой отец, скажи-ка?»

«Кто мой отец? Он бедный врач,
Его уж нет на свете», —
Ответил мальчик: горький плач
Звучал в его ответе.

«Без устали трудиться рад,
Как сыну мне поверьте,
Увечных, раненых солдат
Он отнимал у смерти.

Под градом пуль, в дыму, в огне
Он их спасать старался
И — сам убит был на войне,
Я сиротой остался».

С ресницы мальчика слеза
Горячая скатилась,
И, в землю опустив глаза,
Толпа детей смутилась.

⟨1885⟩

206. СПИ, ДИТЯ

(Колыбельная песня)

Поздно. Свечка догорела...
Сладко до утра
Спи, дитя, закрывши глазки...
Спать давно пора.

В небе звезды льют сиянье
Чище серебра...
Спи, дитя, закрывши глазки...
Спать давно пора.

⟨1885⟩

207. КОГДА РЕБЕНОК НЕ ХОЧЕТ СПАТЬ

Скорей засни, засни, шалун!
Злой ветер на дворе шумит,
Злой ветер делается злей,
Когда шалун не спит.

А если ты не будешь спать,
Тогда ворвется он сюда
И унесет тебя с собой,—
Тебе грозит беда!

⟨1887⟩

208. ДАЙТЕ НАМ ДОРОГУ!

Сабля бьется на боку,
Щит есть и копье.
Всаднику такому
Славное житье!

Дайте нам дорогу!
Берегись! — кричу.
Я быстрее птицы
На коне скачу.

Чрез леса и горы,
Реки и моря...
Все меня боятся,
Как богатыря.

Стану заступаться
Я за всех сирот,
Защищая слабых,
Словно Дон-Кихот.

Этот добрый рыцарь
Полюбился мне —
И, как он, я еду
На своем коне,

При копье и сабле,
Со щитом в руке,
Выехавши с дачи
В поле налегке.

⟨1887⟩

Детство веселое, детские грезы,
Только вас вспомнишь — улыбка и слезы...
Голову няня в дремоте склонила,
На пол с лежанки чулок уронила,
Прыгает кот, шевелит его лапкой,
Свечка уж меркнет под огненной шапкой,
Двигается сумрак, в глаза мне глядит...

Зимняя вьюга шумит и гудит.

Прогнали сон мой рассказы старушки.
Вот я в лесу у порога избушки;
Ждет к себе гостя колдунья седая —
Змей подлетает, огонь рассыпая.
Замер лес темный, ни свиста, ни шума,
Смотрят деревья угрюмо-угрюмо!
Сердце мое замирает-дрожит...

Зимняя вьюга шумит и гудит.

Няня встает и лениво зеваает,
На ночь постелю мою оправляет.
«Ляг, мой соколик, с молитвой святою,
Божия сила да будет с тобою!..»
Нянина шубка мне ноги пригрела,
Вот уж в глазах у меня запестрело,
Сплю и не сплю я... лампадка горит.

Зимняя вьюга шумит и гудит.

Вечная память, веселое время!
Грудь мою давит тяжелое бремя,
Жизнь пропадает в заботах о хлебе,
Детство сияет, как радуга в небе...
Где вы — веселье, и сон, и здоровье?
Взмокло от слез у меня изголовье,
Темная даль мне бедою грозит...

Зимняя вьюга шумит и гудит.

7 ноября 1858

А. Н. Плещеев

210. НИЩИЕ

1

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движениях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

2

Карета шестеркой несется;
За нею пустился он вслед.
Но голос внутри раздается:
«Вот я тебе дам, дармоед!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не смог со слезой...
И дальше пошел горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилег
И видит, с котомкою мимо
Плетется седой старичок.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся! Хворенький, знать!»
— «Из города, дедушка. Худо
Мне, больно». — «Не хлеба ли дать?»

Не много набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть...»

И с братом голодным, что было
В котомке, он все разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идет...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймет!

<1861>

211. ОЖИДАНИЯ

Дед-старик в избушке бедной
Чинит ветхий невод свой;
На постельке рядом внучек
Весь в жару лежит больной.

«Все ненастье да ненастье,
Скоро ль кончатся дожди!» —
Говорит ребенок деду.
«Скоро, скоро, подожди!»

— «Скоро ль солнышко засветит,
Зашумит трава в степи,
Зашумят в лесу деревья?..»
— «Скоро, скоро, потерпи!»

— «Скоро ль с удочкой, как прежде,
Буду я сидеть все дни
Над прудом под тополями?»
— «Скоро, друг, повremени!»

— «Да когда же? Вот и маму,
Говорил ты тоже, дед,
Скоро к нам отпустят с неба,
А ее все нет как нет!»

И малютка недовольный
Замолчал, а дед-старик
Над разодранною сетью
Головой седой поник.

И по старческим морщинам
Тихо катится слеза...
Горе деда разглядели
Внука зоркие глаза.

И звучит ребенка слабый
Голосок еще грустней:
«Не дождусь я, видно, мамы —
Не дождусь и теплых дней!»

(1870)

212. ДЕТСТВО

Мне вспомнились детства далекие годы
И тот городок, где я рос,
Приходского храма угрюмые своды,
Вокруг него зелень берез.

Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повеет с соседних полей,
У этих берез, за церковной оградой,
Сойдется нас много детей.

И сам я не знаю, за что облюбили
Мы это местечко, но нам
Так милы дорожки заглохшие были,
Сирень, окружавшая храм.

Там долго веселый наш крик раздавался,
И не было играм конца;
Там матери нежный упрек забывался
И выговор строгий отца.

Мы птичек к себе приручали проворных,
И поняли скоро оне,
Что детской рукой рассыпаются зерна
Для них на церковном окне.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?..
Иные далёко, а те уж в могилах...
Рассеялась наша семья!

Один мне всех памятней: кротко светились
Глаза его, был он не смел;
Когда мы, бывало, шумели, резвились,
Он молча в сторонке сидел.

И лишь улыбался, но доброго взора
С игравшей толпы не спускал.
Забитый, больной, он дружился не скоро,
Зато уж друзей не менял.

Двух лет сиротой он остался; призрела
Чужая семья бедняка.
Попреки, толчки он терпел то и дело,
Без слез не едал он куска.

Плохой он работник был в доме, но жадно
Читал все и ночью и днем.
И что бы ни вычитал в книжках, так складно,
Бывало, расскажет потом.

Расскажет, какие на свете есть страны,
Какие там звери в лесах,
Как тянутся в знойной степи караваны,
Как ловят акулу в морях.

Любили мы слушать его, и казался
Другим в те минуты он нам:
Нежданно огнем его взор загорался
И кровь прилиwała к щекам.

Он, добрый, голодному нищему брату
Отдать был последнее рад.
И часто дивился: зачем те богаты —
А эти без хлеба сидят?

Что случилось с тобою? Свела ли в могилу
Беднягу болезнь и нужда?
Иль их одолел ты, нашел в себе силу
Для честной борьбы и труда?

Быть может, пустился ты в дальние страны
Свободы и счастья искать;
И все ты увидел, что стало так рано
Ребяческий ум твой пленять.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Все, все разбрелись вы, друзья...
Иные далеко, а те уж в могилах;
Рассеялась наша семья!

А там, за оградой, все так же сирени
Цветут и опять вечером
Малютки на старой церковной ступени
Болтают, усевшись рядком.

Там долго их говор и смех раздаются,
И звонкие их голоски
Тогда лишь начнут затихать, как зажгутся
В домах городских огоньки...

<1872>

213. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо вам, детки,—
Зимним вечером
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
«Поиграй нам, мама»,—
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль...» —
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

⟨1872⟩

214. В БУРЮ

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.

А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Темные качая.

И колючей веткой
Ель в стекло стучала,
Как стучит порою
Путник запоздалый.

Дождь шумел; раскаты
Слышались грома;
И гремел, казалось,
Он над крышей дома.

На малютку сына
Нежно мать глядела;
Колыбель качая,
Тихо песню пела:

«Ах! уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
Сладко в колыбели.

Ты, гроза господня,
Не буди ребенка:
Пронеситесь, тучи
Черные, стороной!

Бурь еще немало
Впереди, быть может,
И не раз забота
Сон его встревожит».

Спи, дитя, спокойно...
Вот гроза стихает;
Матери молитва
Сон твой охраняет.

Завтра, как проснешься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!

⟨1872⟩

215. ИЗ ЖИЗНИ

1

Из школы детки воротились;
Как разругали их мороз!
Вот у крыльца, хвостом виляя,
Встречает их лохматый пес.

Они погладили барбоску,
Он нежно их лизнул в лицо,
И с звонким хохотом взбежали
Малютки живо на крыльцо.

Стучатся в двери; отворяет,
С улыбкой доброй, няня им:
«Пришли! Небось уж захотелось
Покушать птенчикам моим!»

Снимает с мальчика тулупчик
И шубку с девочки она;
Черты старушки просветлели,
Любовь в глазах ее видна.

И, чмокнув няню, ребятишки
Пустились в комнаты бегом;
Трясется пол под их ногами,
Весь ожил старый, тихий дом!

Отец угрюм; он в кабинете
Всё что-то пишет. В спальне мать
Лежит больная; мигом дети
К ней забрались на кровать.

Вот мальчик, с гордостью тетрадку
Из сумки вынув, показал:
«Смотри-ка, мама, две странички
Я без ошибок написал!»

«А я сегодня рисовала,—
Сказала девочка,— взгляни,
Какая сосенка густая,
А возле кустики и пни.

Ведь всё сама я, право, мама,
Не поправлял учитель мне...»
И мать недуг свой забывает,
Внимая детской болтовне.

Встал и отец из-за работы,
Звонящий слыша голосок.
«Ну что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урок?»

Спрыгнув с кровати, вперегонку
Бегут они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезает
С его усталого лица.

И даже солнышко, казалось,
В окно смотрело веселей
И блеском ярким осыпало
Головки русые детей!

И птичка в клетке тесной, вторя
Веселым детским голосам,
Не умолкая заливалась
Как бы навстречу вешним дням!

Дед, поднявшись спозаранку,
 К внукам в комнату спешит;
 «Доброй весточкой утешить
 Вас пришел я,— говорит.—

Всё зимы вы ждали, детки,
 Надоела вам давно
 Осень хмурая с дождями;
 Посмотрите же в окно!

За ночь выпал снег глубокий,
 И мороз как в декабре;
 Уж впрягли в салазки Жучку
 Ребятишки на дворе».

И тормóшит дед раскрывших
 Глазки сонные внучат!
 Но на старого плутишки
 Недоверчиво глядят.

«Это,— думают,— нарочно
 Все он выдумал, чтоб мы
 Поскорей с постели встали;
 Никакой там нет зимы!»

«Полно, дедушка! Ты хочешь
 Засадить нас за урок,—
 Отвечает младший внучек,—
 Дай поспать еще часок!»

Рассмеялся дед — любимец
 Старика был этот внук;
 Хоть проказничал он часто,
 Всё ему сходило с рук.

«Ах лентяй! Еще не верить
 Смеешь ты моим словам...
 Марш сейчас с кровати, соня,
 И смотри в окошко сам!

Или нет... Ведь пол холодный,
 Босиком нельзя ходить,
 Донесу тебя к окошку
 На себе я, так и быть».

Вмиг вскарабкался на плечи
Мальчуган ему — и рад;
Пышут розовые щечки,
И смеется детский взгляд.

Поднял штору дед,— и точно!
Снег под солнечным лучом
Бриллиантами сверкает,
Отливает серебром..

«Слава богу! Слава богу!» —
Детки весело кричат.
И в уме их возникает
Уж картин знакомых ряд:

На салазках с гор катанье...
И катанье на коньках...
И рождественская елка
Сверху донизу в огнях!

«Ну вставайте же, лентяи,
Я уж кучеру сказал,
Чтоб ковром покрыл он сани
И Савраску запрягал.

Гостью-зимушку покатым
Мы встречать на хуторок;
Побегут за нами следом
И Барбоска и Дружок.

Ваших кроликов любимых
Там покормим мы, друзья,
И шагающего важно
С умным видом журавля.

Посмеемся над сердитым
И ворчливым индюком;
Всех коровушек мы с вами,
Птичий двор весь обойдем.

И покамест мы гуляем,
Самоварчик закипит...
И яичницу, пожалуй,
Дед потом вам смастерит».

Деду ждать пришлось недолго:
Не успел умолкнуть он,
На ногах уж были детки,
Позабыв и лень и сон.

Вот умылись и оделись
И смотреть бегут скорей,
Запрягает ли Савраску
Кучер дедушкин, Матвей.

Солнце яркое сияет
В зимнем небе голубом,
И равниной снежной мчатся
Сани, крытые ковром.

Визг и крик! Всему хохочут
Детки резвые до слез;
Обдает их снежной пылью,
Лица щиплет им мороз...

Двое в санках, рядом с дедом,
А один на облучке.
«Ну! — кричит. — Пошел, Савраска!
Скоро будем в хуторке?..»

Как ни счастливы малютки,
Но еще счастливей дед...
Словно с плеч его свалилось
Целых пять десятков лет!

⟨1873⟩

216. НА БЕРЕГУ

(Картинка)

Домик над рекою,
В окнах огонек,
Светлой полосой
На воду он лег.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошел и третий,
А его всё нет.
Ждут напрасно дети,
Ждет и старый дед.

Всех нетерпеливей
Ждет его жена,
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несется
Лодочка, на ней
Песня раздается
Все слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился
Весел и здоров!
В розказни пустился
Тотчас про улов.

В «морды» он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на щуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звезды с вышины,
Детям обещали
Радостные сны.

<1874>

217. ЗАВТРА

(Сценка из повседневной жизни)

Посвящается Ивану Петровичу Ларионову

Под окошком смуглый мальчик
Пригорюнившись сидит;
Перед ним раскрыта книжка,
Но в нее он не глядит.

Тихо в комнате... лишь слышен
Ровный маятника стук
Да мурлычет разжиревший
Кот, взобравшись на сундук.

Мать пошла к соседке в гости
Посидеть часок-другой;
Прикорнула няня, к печке
Прислонившись головой,

И упал с колен старушки
Недовязанный чулок.
Вот закрыл букварь малютка —
Знать, нейдет на ум урок.

Что мудреного! В окошко
Смотрит солнышко с небес;
Манит вдаль, в поля и рощи,
Их лазоревый навес!

Славно в поле! Там бумажный
Вьется змей под небеса
И товарищей веселых
Раздаются голоса!

Уж какое тут ученье!
Разве тут до букварей:
В голове одна забота —
Как бы в поле поскорей!

И не выдержало сердце
Грамотея моего:
Он вскочил... Блестят глазенки
Нетерпеньем у него.

Подойдя с боязнью к няне,
Заглянул он ей в лицо.
«Спит!» — сказал и осторожно,
Тихо вышел на крыльцо.

На дворе собаку Жучку
От конурки отвязав,
За ворота шалунишка
С нею бросился стремглав.

Миновал он огороды
И соседние сады...
Вот и поле! Мальчик думал:
«Завтра выучу склады!»

Няня старая проснулась;
Из гостей вернулась мать:
«Где же Вася? Ах ленивец!
Уж опять успел удрать!

Погоди же, на орехи
Я задам тебе потом;
С утра до ночи ты завтра
Просидишь за букварем!»

Няня старая вступилась
За любимца своего,
Хоть и знала, что не будет
Мальчугану ничего,

Что тогда лишь, как ребенка
Нету здесь, сурова мать:
«Посмотри-ка — на дворе-то
Нынче что за благодать!

Пусть побегает по воле:
Мал, глупенек паренек;
Подрастет, тогда не станет
Докучать ему урок;

В толк возьмет небось, что нынче
Людам грамота нужна;
А теперь пока милее
Букварей ему весна!»

Поздно вечером вернулись
Вася с Жучкой. На крыльце
Мать сидела, сокрушаясь
О пропавшем беглеце.

Вот вбежал он запыхавшись,
На колени к ней вскочил.
«Посмотри,— вскричал он,— мама,
Что жуков я наловил!»

Глазки радостью светились,
И, пунцовый как пион,
Хо́хоча, жуков на волю
Выпускал из шапки он.

Разноцветный на головке
У него венок пестрел;
Тот венок схватил он быстро
И на мать свою надел.

Замер выговор невольно
На устах ее. Она
Говорит себе: «Уж завтра
Распеку я шалуна!

А сегодня расцелую...»
И целует без конца,
И свести не может взора
С загорелого лица...

А старушка няня смотрит
В дверь с сияющим лицом
И грозит, смеясь лукаво,
Мальчугану букварем!

⟨1875⟩

218. СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу, как теперь я, добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О жите минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят.

На своем крылечке сидя каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечером;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
— «Дедушка, найди мне беленький грибок».

— «Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
— «Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— «Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые как лен.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихую стопой.

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем:

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечером...

<1877>

219. НЕНАСТЬЕ

(Картинка)

Приуныли детки, молча
На окне они сидят...
Обещала накануне
Отпустить их мама в сад;

Разбудить себя просили
Няню все они чем свет;
Тачку, грабли и лопаты
Подарил им старый дед,

И с внучатами хотел он
Грядки сам прийти копать.
Деток счастливых насилу
Уложила няня спать.

И всю ночь малюткам снились
Солнце, зелень и цветы
И копающего грядки
Деда добрые черты.

Что же детки приуныли,
Не слышать их голосов?..
Отчего печально в окна
Всё глядят они без слов?

Оттого, что небо тучи
Обложили всё кругом;
Скрылось солнышко, деревья
Грустно мокнут под дождем;

Оттого, что смолкли птички
И, от бури в свой приют,
В чашу темную, забившись,
Не щебечут, не поют.

Вот и старый дед явился —
И к любимцу своему
Дети бросились, желая
Горе высказать ему:

«Ну как дождик вплоть до ночи
Будет, дедушка, идти?
Ну как целый день придется
Просидеть нам взаперти?»

— «Что вы! мигом перестанет! —
Утешает старичок. —
А пока садитесь, детки,
Вот сюда ко мне в кружок;

Да послушайте, какую
Расскажу я сказку вам».
И обрадовались детки,
И уселись по местам.

Долго сказывал он сказки
Про лису, про колобок,
Да про квакушку-лягушку,
Да про мышкин теремок.

Жадно слушали малютки,
О ненастье позабыв;
Лишь одну он сказку кончит,
Все кричат наперерыв:

«Расскажи другую!» Деду
Становилось тяжело,
Но тогда ему на смену,
К счастью, солнышко пришло;

И негаданно-нежданно
Яркий блеск его лучей
Озарил седины деда,
Кудри мягкие детей.

Дед вскочил и, настезь окна
Растворив, вскричал: «Ну вот,
Говорил я вам, что мигом
Тучки ветер разнесет!

Посмотрите-ка, как славно
Вспрыснул дождичек листву
И алмазами усыпал
Посвежевшую траву.

Птички звонко распевают,
Рады солнечным лучам,
И цветы свои головки
Поднимают к небесам.

«Ну, теперь лопатки, тачку
Забирайте, да и в сад!»
Нет пределов восхищенью,
Крику, хохоту ребят.

Вот уж скачут, словно птички,
На сыром песке аллей!
И летят в лицо им брызги
С яркой зелени ветвей!

Вот уж песенка их в чаше
Беззаботная слышна...
Как и птичкам, детям нужны
Только солнце да весна!

«Дай-то бог, чтоб в вашей жизни,—
Тихо молвил старичок,—
Долгой радостью сменялись
Дни недолгие тревог!

Чтоб вы так же незаметно
Пережить те дни могли,
Как сегодня дождь и бурю,
Сказки слушая мои!»

<1877>

220. БАБУШКА И ВНУЧЕК

Под окном чулок старушка
Вяжет в комнатке уютной
И в очки свои большие
Смотрит в угол поминутно.

А в углу кудрявый мальчик
Молча к стенке прислонился;
На лице его забота,
Взгляд на что-то устремился.

«Что сидишь все дома, внучек?
Шел бы в сад, копал бы грядки
Или кликнул бы сестренку,
Поиграл бы с ней в лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы с вами, детки,
Побрела я на лужайку;
Дни такие стали редки.

Уж трава желтеет в поле,
Листья падают сухие;
Скоро птички-щебетуны
Улетят в края чужие!

Присмирел ты что-то, Ваня,
Всё стоишь сложивши ручки;
Посмотри, как светит солнце,
Ни одной на небе тучки!

Что за тишь! Не клонит ветер
Ни былинки, ни цветочка.
Не дождешься ты такого
Благодатного денечка!»

Подошел к старушке внучек
И головкою курчавой
К ней припал; глаза большие
На нее глядят лукаво...

«Знать, гостинцу захотелось?
Винных ягод, винограда?
Ну поди возьми в комодке». —
«Нет, гостинца мне не надо!»

— «Уж чего-нибудь да хочешь...
Или, может, напраказил?
Может, сам, когда спала я,
Ты в комод без спросу лазил?»

Может, вытащил закладку
Ты из святцев для потехи?
Ну постой же... За проказы
Будет внучку на орехи!»

— «Нет, в комод я твой не лазил;
Не таскал твоей закладки».

— «Так, пожалуй, не задул ли
Перед образом лампадки?»

— «Нет, бабуся, не шалил я;
А вчера, меня целуя,
Ты сказала: „Будешь умник —
Все тогда тебе куплю я...“»

— «Ишь ведь память-то какая!
Что ж купить тебе? Лошадку?
Оловянную посуду
Или грабли да лопатку?»

— «Нет! уж ты мне покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мне купи, бабуся,
В школу с ней ходить я буду».

— «Ай да Ваня! Хочет в школу,
За букварь да за указку.
Где тебе! Садись-ка лучше,
Расскажу тебе я сказку...»

— «Уж и так мне много сказок
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, расскажи мне
Лучше то, что вправду было.

Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я — какие земли
Есть за дальними морями...
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями.

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы...

И еще — как люди жили
Прежде нас и чем питались;
Как они не знали бога
И болванам поклонялись.

Рисовали тоже дети,
Много я глядел тетрадок, —
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко
И меня втащил учитель,
Говорит: „Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные,
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие“.

Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцелую
И каких тебе картинок
Распрекрасных нарисую!»

И впилась в лицо старушки
Глазки бойкие ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазах старушки слезы:
«Это божие внушенье!
Будь по-твоему, голубчик,
Знаю я, что свет — ученье.

Бегай в школу, Ваня; только
Спеси там не набирайся;
Как обучишься наукам,
Темным людом не гнушайся!»

Чуть со стула резвый мальчик
Не стащил ее. Пустился
Вон из комнаты, и мигом
Уж в саду он очутился.

И уж русая головка
В темной зелени мелькает...
А старушка то смеется,
То слезинку утирает.

⟨1878⟩

221

Огни погасли в доме,
И всё затихло в нем;
В своих кроватках детки
Заснули сладким сном.

С небес далеких кротко
Глядит на них луна;
Вся комнатка сияньем
Ее озарена.

Глядят из сада ветки
Берез и тополей
И шепчут: «Охраняем
Мы тихий сон детей;

Пусть радостные снятся
Всю ночь малюткам сны,
Чудесные виденья
Из сказочной страны.

Когда ж безмолвной ночи
На смену день придет,
Их грезы песня птички
Веселая прервет...

Цветы, как братьям милым,
Привет пошлют им свой,
Головками кивая,
Блестящими росой...»

⟨1880⟩

1

Картины далекого детства
 Порой предо мною встают...
 И вижу опять я знакомый,
 Весь в белых кувшинчиках пруд.
 Вокруг него темная чаща,
 Где сотни звучат голосов;
 И узкая вьется тропинка
 К нему между цепких кустов.
 То был уголок мой любимый
 В запущенном старом саду.
 Сюда с своей детскою думой,
 Бывало, всегда я иду.
 Под сень этих дубов могучих
 И трепетных белых берез
 Я детскую радость и слезы,
 В груди накипевшие, нес.
 И ласково так их вершины,
 Казалось, в ответ мне шумят,
 Что, слушая их, я каким-то
 Был сладостным чувством объят...

2

И «детскую» нашу я вижу...
 В углу с образами киот...
 Лампада пред ними... сиянье
 Вокруг она тихое льет.
 Давно меня спать уложили,
 Но я все не сплю и очей
 Свести не могу любопытных
 С молящейся няни моей.
 Крестьясь и вздыхая, старушка
 Кладет за поклоном поклон...
 И много она называла
 Мне близких и милых имен.
 Вот стала она на колени;
 Лицо ее мокро от слез.
 «О чем она плачет?» — невольно
 Во мне шевелился вопрос.

«Прости мне мои прегрешенья!» —
Дрожащие шепчут уста...
А я себе думаю: «Чем же
Она прогневила Христа?»

3

А вот и другая картина:
Морозная ночь и луна...
Равнина, покрытая снегом;
Немая вокруг тишина...
По гладкой, как скатерть, дороге
Мы едем в кибитке с отцом;
Надолго, быть может навеки,
С родным расстаюсь я гнездом...
Звенит под дугой колокольчик,
Полозья кибитки скрипят,
И ноет, болит мое сердце,
И слезы туманят мой взгляд
При мысли, что здесь уж не встречу
Поры я любимой своей,
Поры, когда выступит травка,
Журча засверкает ручей...
Что я не услышу ни шума
Знакомых берез и дубов,
Ни дышащих теплой любовью
И ласкою няниных слов...

(1882).

И. З. Суриков

223. ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася выюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долёй;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку,—
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватъ!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1866

224. ГОРЕ

Получил письмо от внука
Дедушка Федот;
Внук на фабрике прядильной
В Питере живет.

Что в письме том пишет внучек,
Нужно деду знать,—
Да письма-то не умеет
Сам он прочитать.

И выходит на крылечко
Дедушка Федот,
Сел с письмом и грамотея
С нетерпеньем ждет.

Время к вечеру подходит,
Скот идет с полей.
Вот пред дедом показался
Жданный грамотей.

Мальчик в беленькой рубашке
По селу идет.
Дед кричит ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вот!

Что тут пишет милый внучек,
Нужно мне узнать». —
Мальчик взял письмо и бойко
Принялся читать.

Дед нагнулся к грамотею,
Слушает его.
Пишет внук, чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит, —
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет,
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестерней,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий —
Годен он куда?

Много в том письме для деда
Горя и забот!
И заплакал горько, горько
Дедушка Федот.

И глядит тоскливо мальчик —
Тяжело ему;
Горе старого понятно
И его уму.

И поник головкой русой,
Опустил глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза.

<1872>

225. В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далеком неба
Зорька заалела,

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собрались дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише...
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонек разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

<1874>

226. У ПРУДА

У пруда, где верба
Стройная растет,
Девочка-малютка
Уток стережет.

Утки на свободе
Весело гогочут;
А в траве кобылки,
Прыгая, стрекочут.

Несколько избенок
Да господский дом
С садом запустевшим
Видны за прудом.

Ветхие сараи,
Темные овины
Смотрят так уныло,
Точно сиротины.

Пусто и безлюдно...
В поле весь народ:
Там теперь работа
Жаркая идет.

Бедная деревня
Тишиной объята,
Лишь хохочут где-то
Весело ребята.

Хочется малютке
Убежать скорей
В круг веселых, бойких
Сверстников-детей.

Думает: «Как птица,
К ним бы я слетала,
Да ходить отсюда
Мать не приказала...

Да! сиди здесь смирно,
Стереги утят;
А в лесу подружки
Бегают, шумят!..

Мне одной нельзя, вишь...
Что ж! Нельзя — не надо!»
И в глазах сверкнула
Девочки досада.

На лицо печали
Облако нашло...
Миг один — и снова
Личико светло.

Шепчет, улыбаясь:
«Глупая я, право!
Мать мне говорила:
Нам не до забавы.

Ведь учить худому
Не захочет мать...»
И чулок свой стала
Девочка вязать.

Только в ручках спицы
Ходят плохо что-то:
В голове другая
Началась работа.

Рой вопросов темных,
Рой бессвязных дум
Занимают детский
Неразвитый ум.

О житье домашнем
Думает малютка,
В нем одно понятно
Для ее рассудка:

То, что даже в праздник
Скуден их обед
И порою крошки
Хлеба в доме нет.

Часто плачут дети
И кричат упрямо:
«Мама! мы не ели!
Дай нам хлеба, мама!»

Мать с отцом трудятся
До поту лица;
Говорят: «Работе
Нашей нет конца.

Мы ложимся поздно,
А встаем до свету...»
Что же это значит,
Что конца ей нету?..

Вспомнилось малютке,
Как отец вчера
Выехал из дому
С раннего утра.

Мать она спросила:
«На работу, что ли,
Он чуть свет поехал
С бороною в поле?»

— «Нет, не на работу —
В город», — говорит...
Поздно он вернулся, —
Уж куда сердит!

Молвил: «Вот пришлось
Отдавать скотинку...
Эх ты, жизнь-кручина!
Лучше б под холстинку!»

Нынче утром рано
Тяжка встал опять
И повел корову
В город продавать.

Отчего всё это?..
Что такое значит,
Что отец так грустен,
Мать так часто плачет?..

Всё длинней вопросов
Беспокойных нить,
Только их малютке
Трудно разрешить.

Маленькое сердце
Сжалось больно, больно,
А кругом так тихо,
Ясно и привольно...

<1877>

227. НА РЕКЕ

Ложится тихо ночи тень...
Луга росой уже покрыты,
И тонут в сумраке поля
И прибрежные ракиты.

На берегу реки костер,
В кустах разложенный, пылает,
И воды дремлющие он
Багровым светом озаряет.

Перед костром старик рыбак
Справляет лодку с старшим внуком,
Не нарушая тишины
Ни громким разговором, ни стуком.

А младший внук, живой шалун,
Бросая сучьями сухими
В костер, любитесь тайком,
Как искры тонут в черном дыме.

Вдруг громко вымолвил старик:
«Ванюшка, полно баловаться!
Скорей неси сюда смольё,
Пора на ловлю отправляться».

И мальчик весело вскочил
И торопливо заметался,
Собрал лучину и смольё
И к лодке спущенной помчался.

Ночная ловля для него
Была заветною мечтою,
И дед сегодня в первый раз
На лодку брал его с собою.

«Садись, пострел,— сказал рыбак
С усмешкой тихо мальчугану,—
Да, чур, молчи! а то сейчас
Из лодки вон, шутить не стану!»

Так пригрозил ему старик,
Глядя в лицо малютки кротко,
И расторопный мальчуган
С веселым смехом прыгнул в лодку.

И рыбаки, перекрестясь,
На лов отправились в ночную;
Лучильник к лодке привинтив,
Зажгли лучину смолянью.

Непроницаемая тьма
Пловцов отсюда окружала;
Везде царила тишина,
Ничто их ловле не мешало.

Весло до дремлющей воды
Как будто вовсе не касалось,
И на лучильнике смольё
Всё ярче, ярче разгоралось.

Рекою тихо лодка шла.
Верхушки ив зеленых рделись,
Валежник, рыба, камни, пни,
Как на полу, на дне виднелись.

Дед ловко действовал веслом,
А внук зубчатой острогою.
Но мальчик занят был другим —
Огня волшебною игрою.

Как будто сказочный мирок
Открылся вдруг перед глазами:
Виденья чудные пред ним
Вставали пестрыми толпами.

Вот-вот чудовища к нему
Руками грозно потянулись —
То прибережные кусты
Над лодкой ветвями нагнулись.

Вот змей-горыныч скалит пасть,
Прижавши грудь великана,—
То дуб, поваленный грозой,
Собой пугает мальчугана.

Но шаловливый ветерок
Вдруг пламя в сторону наклонит —
И всё виденье это вмиг
Бесследно в тьме ночной потонет.

Тогда малютка взглянет вверх —
И там ряды видений странных,
Ряды пугающих картин,
Неуловимых и туманных.

Вот будто лапы сверху вниз
Ползут — и жмурится малютка,
Стараясь страх преодолеть,—
И хорошо ему и жутко.

Вот старику проворный внук
Кивнул кудрявой головою,
И лодка стала. Острога
Взвилась и скрылась под водою.

Еще мгновенье — и у ног
Малютки рыба очутилась.
Как извивалась она,
Как на зубцах рвалась и билась!

Глядит на рыбу мальчуган,
Чуть-чуть от жалости не хныча;
Но рыбакам не до того,
Чтобы жалеть свою добычу.

Прибрал ее седой рыбак;
А ловкий внук уж целит снова —
И на зубчатой остроге
Добыча новая готова.

Так впечатление одно
Другим для мальчика сменялось;
А ночь короткая меж тем
К рассвету быстро приближалась.

Неясный, бледный луч зари
Уж загорелся на востоке;
Вдали, почуявши рассвет,
Лягушки квакали в осоке.

Прохладней стало на реке,
И звезды на небе бледнели...
И мальчик в лодке задремал,
Качаясь в ней, как в колыбели...

(1876)

228. ЗИМОЙ

Морозит. Без усталости вниз опускаясь,
Снег стелется в поле. Из рожи дитя
Санишки с валежником тащит, крихтя,
И вязнет в сугробах, из сил выбиваясь.
Он к трудной работе такой не привык,
И рад отдохнуть — да попробуй, присядь-ка!
Чужая ведь роща, — накроет лесник,
И шибко рассердится батька.

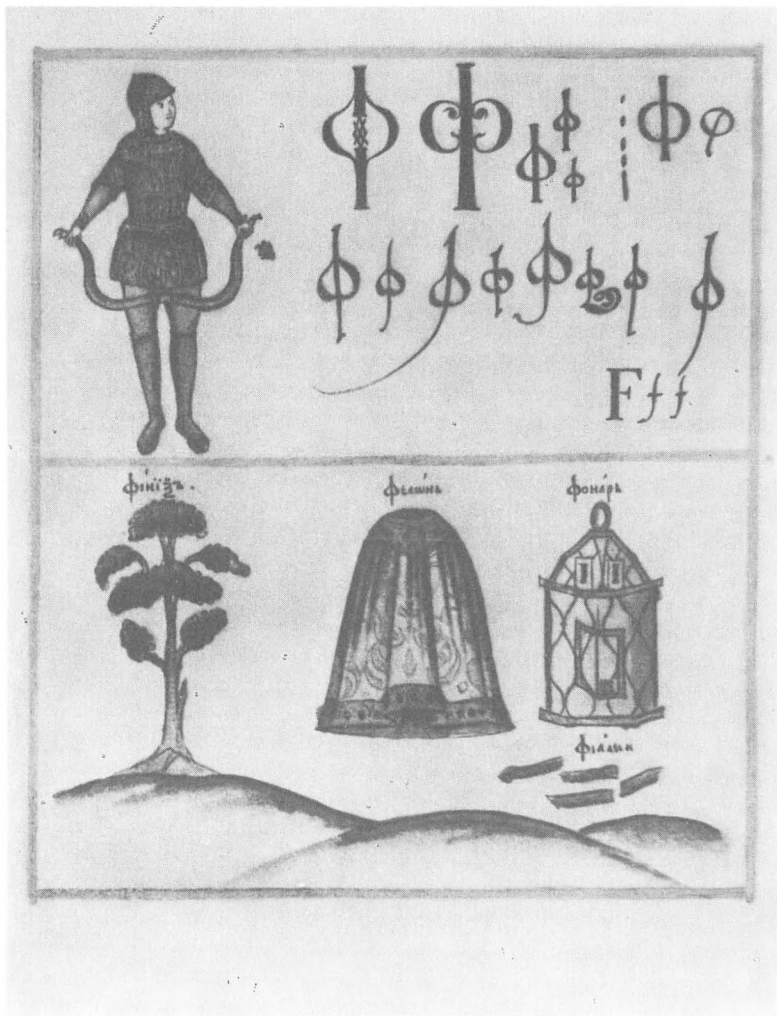
Отец его занят работой домашней.
Неделю назад схоронили они
Родимую мать — и тяжелые дни
В семье наступили с нуждою всегдашней.

Карион Истомин. Лицевой букварь

Кармон Истомир. Лицевой букварь

Карион Истомин. Лицевой букварь

Симеон Полоцкий

А. П. Сумароков

Н. М. Карамзин

А. С. Шишков

Я. К. Грот

В. Ф. Одоевский

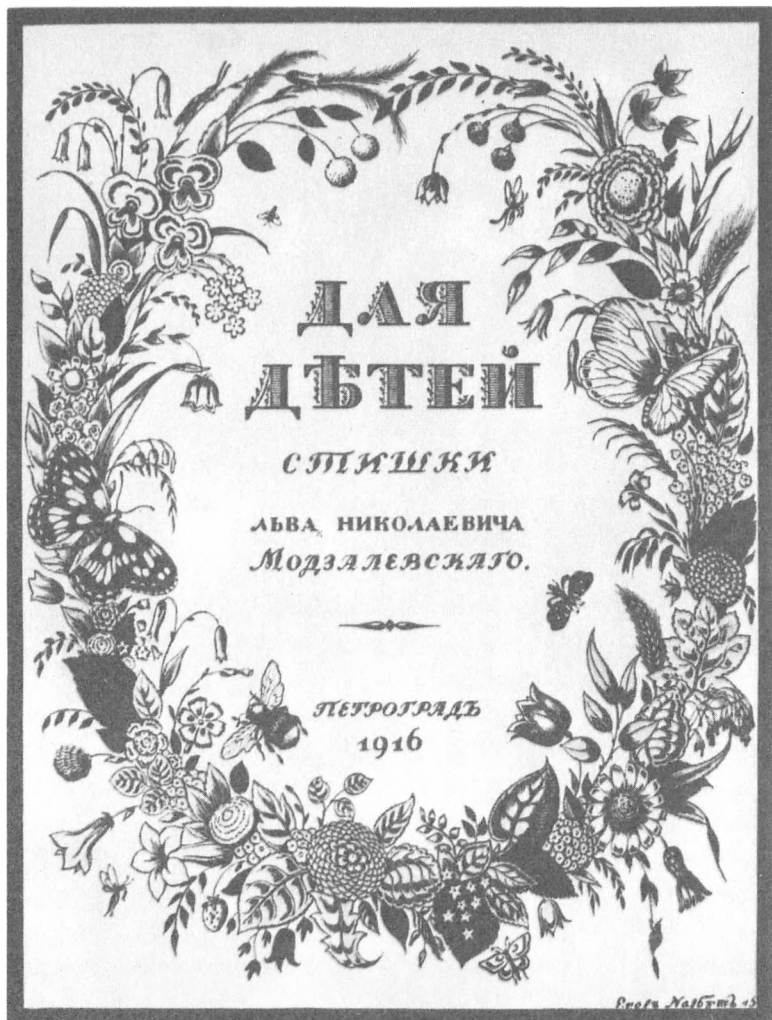
Ф. Б. Миллер

Л. Н. Модзалевский

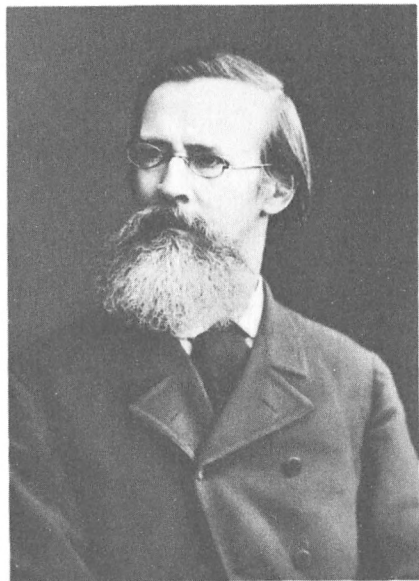
Н. А. Некрасов

Обложка книги «Для детей. Стишки Льва Николаевича Модзалевского»

И. З. Суриков

А. Н. Майков

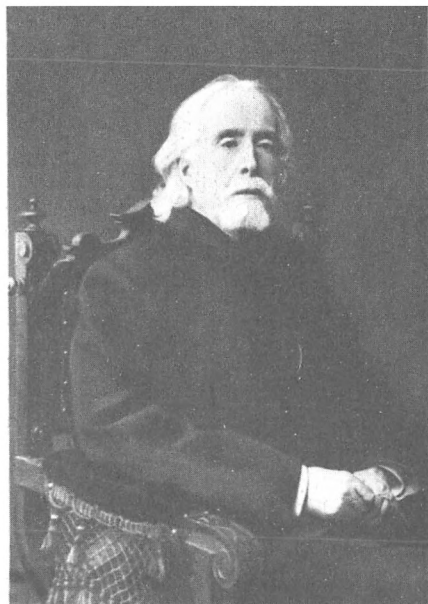
А. Н. Плещеев

Д. Н. Садовников

Обложка журнала «Родник»

А. В. Круглов

К. К. Случевский

Припомнил ребенок, шагая с трудом,
Как молвил отец им: «Ребятки, куда мы
Без матери денемся? как проживем?
Не стало работницы — мамы!

Как сладить мне с горем-несчастьем этим?
Везде незадача, куда ни взгляну!
Возьму ли себе я другую жену —
Не будет родимою матерью детям.
Согнет меня лютое горе в дугу!
Зачахнет без матери бедная Катька!..»
И мальчик вдруг вскрикнул: «Так я ж помогу!
Пускай не печалится тятка!

Пускай не горюет, покинет заботу!
Я стану лелеять и нянчить сестру
И с ранней зарею вставать поутру;
Потом подрасту и возьмусь за работу.
Зачем мне собою отца тяготить?
Кормиться я буду своими трудами
И в летние праздники с батькой ходить
На сельское кладбище — к маме».

(1876)

229. КЛАД

(Бабушкина сказка)

1

На краю селенья
Хатка пошатнулась;
К хатке дружелюбно
Ивушка нагнулась.

Темными ветвями
Хатку приукрыла,
Чтобы жарким летом
Ей прохладно было.

В хатке одиноко
Век свой доживает
Бабушка Маланья,—
Кто ее не знает!

Здесь по всей сторонке,
В каждой деревушке,
С деда до ребенка
Знают о старушке.

Хворь кого прихватит,—
А пора-то — страда,—
В поле люд рабочий
В это время надо.

Ну, а как больного
Без призора бросить?
И бегут к старушке,
Домовничать просят.

Нет у ней отказа,—
Добрая такая!
За больным старушка
Ходит, как родная.

Любят ее дети
За привет да ласки,—
Бабушка Маланья
Говорит им сказки.

2

Ясный летний вечер,
В воздухе прохлада;
С поля воротилось
На селенье стадо.

Смолкли шум и говор:
Смучен люд трудами.
Ивушка над хаткой
Не качнет ветвями.

Тишь кругом такая —
Хоть бы где словечко...
Бабушка Маланья
Вышла на крылечко.

К бабушке Маланье
Дети собралися.
Глянь, у ней гостинцы
Для детей нашлися.

То-то детям любо,
То-то им утеха!
Сколько у малюток
Радости и смеха!

Пристают к ней дети,
Зная старой ласку:
«Бабушка Маланья,
Расскажи нам сказку!»

— «Что мне с вами делать?
Баловни вы, право!
Всё скажи вам сказку —
Только и забавы.

Прежде я вот много
Сказок этих знала,
Да перезабыла —
Старость доконала.

Памяти-то нету —
Вот беда-досада;
А сказать вам, детки,
Сказку, видно, надо.

3

«Далеко отсюда
Есть село большое;
В том селе когда-то
Жили муж с женою.

Жили по крестьянству
Люди те богато:
Двор скотом был полон,
А достатком хата.

Жили эти люди
И нужды не знали;
Был у них сыночек,
Титушкой звали.

Был у них один он,—
Ну и рос он в холе:
Белый и румяный,
Что цветочек в поле.

Титушку мать любит,
В нем души не слышит,
Только ей и дела —
На сыночка дышит.

То его умоет,
То его причешет,
Даст ему гостинца,
Сказкою потешит.

Летом соберутся
Дети на лужайку
И игру затеют
В городки иль в свайку.

Титушке с детьми
Поиграть охота —
Мать его не пустит:
«Что ты, милый, что ты!

Не ходи — головку
Напечет там солнце;
Сядь вот здесь, на лавке,
И гляди в оконце».

А зимой катаньем
Тешатся ребята —
Титушке же выйти
Мать не даст из хаты.

«Не ходи — морозно,
Дитяtko родное!
Ну как захвораешь,—
Горюшко мне злое!

Что мне, бедной, делать?
Я умру с печали...»
Годы проходили,
Годы миновали...

Титушка уж парнем
Стал из паренечка;
Мать же, как и прежде,
Холит всё сыночка.

Что он ни попросит —
Всё ему готово:
Сапожки со скрипом
Иль кафтанчик новый.

Никакой работы
Титушка не знает:
То лежит на лавке,
То в селе гуляет.

И жене с досадой
Молвит муж, бывало:
«Что ты его холишь?
Дурень выйдет малый!

Ты б его по дому
К делу приучала,
Чем к гульбе, к безделью.
Толку в этом мало!

Ну, как нас не будет,
Что он станет делать?
По миру скитаться,
У чужих обедать?»

Ну да где ж, бывало,
Столковать с женою:
Та горой за сына...
Муж махнет рукою...

Как-то раз с сыночком
Что-то приключилось:
Слег он, просит меду —
Меду не случилось.

Бросилась баба
Ночью, в непогоду,
С бураком к соседям
Раздобыться меду.

Где-то для сыночка
Меду отыскала;
Крепко застудилась
Да и захворала.

Только два дня баба
Мучилась на свете,
Да и богу душу
Отдала на третий;

А за нею вскоре
И мужик убрался.
И один на свете
Титушка остался.

И в добре, достатке
Он недолго прожил,—
Что по дому было,
Всё проел да прожил.

И лежит день целый
Парень — голодает,
Как добыть трудами
Хлеб себе — не знает.

Сжалился над малым
Дедушка Порфирий;
Человек был умный
Он в крестьянском мире.

К дедушке Порфирью
Собирались часто
На совет крестьяне,—
Скажет что, и баста!

Как-то дед Порфирий
К Титушке заходит;
Помолившись богу,
Речь он с ним заводит:

«Ну, скажи, дружище,
Как тебе живется?
Как тобой хозяйство
По дому ведется?»

Титушка промолвил
Дедушке со вздохом:
— «Ох, живется горько!
Ох, живется плохо!»

— «Слушай, Тит,— есть слово
Для тебя такое,
Что свое хозяйство
Справишь ты плохое.

Я чужим достатком
Не хочу разжиться:
Своего довольно —
Будет прокормиться.

Твой отец по дружбе
Рассказал мне это:
Клад — и клад немалый —
Схоронил он где-то.

Ты возьми-ка заступ,—
Дело на свободе,—
Да вскопай поглубже
Землю в огороде.

Может, клад отцовский
Где и попадетсЯ;
А тогда, ты знаешь,
Славно заживетсЯ».

Тит взялся за заступ,—
Малому в забаву:
В огороде землю
Он вскопал на славу.

Да на клад отцовский
Парень не наткнулся.
Посмотрел дед старый,
Только усмехнулся.

«Что, нашел?» — он молвил.
— «Нет, не отыскался».
— «Экая досада!
Где ж он затерялся?

Клад сыскать — не репу
Выдернуть, примерно;
Все-таки отыщем
Клад мы этот — верно.

Огород-то вскопан —
Сделай-ка, брат, грядки
Да на них с молитвой
Посади рассадки.

Посмотри — капуста
Важная родится,
А она для дому,
Знаешь, пригодится».

Титушка охотно
Делает и гряды,
И на них с молитвой
Садит он рассады.

«Огород исправен,
Пусть растет рассада,
А теперь ты в поле
Поищи-ка клада.

Заступом-то трудно,
Взрой его сохою.
Приходи, я лошадь
Отпущу с тобою.

Ведь земля сохою
Глубоко берется;
Под соху, наверно,
Клад и попадетсЯ...»

Титушка и поле
Всё вспахал сохою...
Нет как нет всё клада,
Дуй его горою!

Дед выходит в поле,—
Титушка трудится
Так, что даже градом
Пот с лица катится.

«Что, нашел?» — дед молвил.
— «Нету, не попался».
— «Экая досада!
Где ж он подевалсЯ?»

Ну, да это горе —
Горе не большое!
Ведь вспахать и поле —
Дело не худое.

Ты его пройди-ка,
Парень, бороною,
Да зерном засеем
Мы его с тобою.

Посмотри, какая
Рожь у нас родится!
Будут все соседи
На нее дивиться».

Взборонил Тит поле
И засеял рожью.
Вырастай, родная,
Благодать ты божья!..

И с тех пор к работе
Малый приучился;
Он с утра до ночи
По дому трудился.

Стал такой работник —
Не сыскать другого:
За пояс в работе
Он заткнет любого...

От трудов-работы
Зажил Тит богато:
Двор скотом стал полон,
А достатком хата...»

4

Бабушка умолкла;
Головой седую
Наклонилась к детям,
Гладит их рукою.

«Ну, ступайте, детки!
Время уж до хаты...
Станете трудиться —
Будете богаты».

— «Бабушка, а клад-то
Где же подевался?
Али не отыскан
Так он и остался?» —

Дети с любопытством
Бабушку спросили.
«Нет, сыскался, детки...
Он в труде да в силе».

⟨1877⟩

230. ЛАСТОЧКА

(Степная картинка)

Над широкой степью
Хищный коршун вьется —
Ласточка по степи
Мечется и бьется.

Мечется, бедняжка,
Точно бы шальная,
Белой своей грудкой
В воздухе сверкая.

То мелькнет стрелою
Над травой высокой,
То начнет кружиться
По степи широкой.

Но напрасны бедной
Тяжкие усилья:
Хищный коршун зорок,
Да и сильны крылья.

Не уйти бедняжке
От когтей злодея:
Взмахи длинных крыльев
Всё сильнее, быстрее...

Вот уж хищник близко...
И одна минута —
Как малютку-птичку
Схватит коршун лютый.

Разве уж помочь мне
Птичке горемычной?!
И ружье направил
Я рукой привычной...

Глухо степь дрогнула
С края и до края...
И упала птица
Хищная, степная!

⟨1879⟩

231. ДЕД КЛИМ

Утро. Зорькой золотою
Зарумянился восток,
Из села выходит стадо,
Заливается рожок.

Пробудилась забота,
Принимается за труд.
По селу скрипят ворота,
Бабы по воду идут.

Пробудились в хатах дети,
Как птенцы из-под застрех,
Показались, солнцу рады,
Слышен говор их и смех.

«Что ж, ребята, к деду Климу?
Он вчера нам говорил:
„Приходите! рой я пчелок
В новый улей отсадил.

Я вам, детки, этих пчелок
В новом улье покажу,
Накормлю досыта медом,
Сказку новую скажу“».

Кто не знает деда Клима,—
Это старый пчеловод!..
Дом покинул, в лес сосновый
Забрался и там живет.

Летом ходит за пчелами,
Собирает в ульях мед,
А зимой — иное дело:
Дед зимою зайцев бьет.

И в деревню он не ходит,
Надоела, вишь, ему,—
И спросите вы у деда:
Отчего и почему?

Дед ответит как-то тихо:
«Да уж нрав, знать, мой таков —
Не люблю я ссор и брани,
Разных дрязг и пустяков.

Ну, а там соседи,— знаешь,
Уберечься как же тут?..
И горшок с горшком столкнется...
Ну их к богу,— пусть живут!..

Я люблю свой лес и пчельник,
От деревни я отвык...»
Не пытайте — больше слова
Не ответит вам старик.

К деду старому на пчельник
Из соседних деревень
Соберутся ребятишки
И шумят там целый день.

Дед детей сердечно любит,
Не ворчит и не бранит —
То по пчельнику их водит,
То им сказки говорит.

И теперь толпою дети
К деду старому бегут:
Знают дети, что у деда
Ласку встретят, мед найдут.

И бегут они полями
Меж густой, высокой ржи —
И головками кивают
Василечки им с межи.

Хорошо детишкам, любо,
На душе у них светло,—
Солнце ласково так смотрит,
В поле тихо и тепло.

Миновали дети поле,
И бегут они тропой
По заросшей болотине
Под сосновый лес густой.

Вот и лес. И малых деток
Он накрыл, что темный свод,
И смолой своей душистой
Отовсюду обдаёт.

Чуть шумит вверху соснами
Перелетный ветерок,
Ниже темь и тишь такая...
Что за чудный уголок!

Вот и пчельник деда Клина:
Хатка, садик и прудок —
И угодника Зосима
Над калиткой образок.

За плетнем высоким, частым
Ульи темные стоят,
И над ульями день целый
Пчелы вьются и жужжат.

Старый Клим сидит у хаты;
Точно лунь, он весь седой,
На свои худые руки
Оперся он головой;

От густых, высоких сосен
На него ложится тень...
Деда взор так тих и ясен,
Точно светлый летний день.

Знать, чиста душа у деда,
Жизнь прожита не греша,
Что на божий мир он ясно
Смотрит — добрая душа!

Дед, увидя ребятишек,
Усмехнулся и привстал:
«Ну-тко, материны дети!
Марш на пчельник — на привал!»

Рады ласке ребятишки,—
Детский смех их зазвенел...
Пчельник ожил, точно новый
Рой на пчельник прилетел.

〈1880〉

232. ЗИМА

Белый снег, пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Темный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

⟨1880⟩

233

Над большим селеньем
Сон царит глубокой,—
В воздухе ни звука...
Полночь недалеко...

В окнах сельской церкви
Огоньки мигают...

1880

Л. Н. Трефолов

234. ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

(Из Андерсена)

Ужасный холод. Ветер злится.
Совсем стемнело. Снег идет.
Затихла шумная столица,
Встречая дома Новый год.

Одна, печальный взор бросая,
По опустевшей мостовой
Шла тихо девочка босая
И с непокрытой головой.

Ей мать дала свои сапожки,
Но их она не сберегла:
Не по ноге они для крошки,
И мало было в них тепла.

И потеряла их малютка,
Спасаясь бегством. Позади
Какой-то кучер крикнул: «Ну-тка,
Посторонись! пади, пади!»

Одна из туфель отыскалась,
Но и она теперь в плену:
Из ручек девочки досталась
Мальчишке, злому шалуну.

Ее отнявши, за метелью
Он скрылся вдруг и стал кричать:
«Башмак твой будет колыбелью,—
Я буду в нем детей качать!»

Никто не слышал вопля крошки,
Никто помочь ей не хотел...
Как у нее озябли ножки,
И как под ними снег хрустел!

В переднике худом и старом
Лежали спички. Чуть дыша,
Она брела, своим товаром
Не заработав ни гроша.

День целый не было продажи,
И темный вечер наступил,—
А у малышки бедной даже
Никто ни спички не купил.

И хлопья снежные крутились
Над шейкой беленькой, худой,
И мысли в голове толпились:
Как дома справиться с бедой?

Дрожа от голода и стужи,
Она мечтала и о том:
Как блещут окна! как снаружи
Хорош и светел каждый дом!

И, съжившись, она присела
Пред барским домом у крыльца:
Идти домой она не смела,
Боясь сердитого отца.

За неудачную торговлю
Ее, наверно, он прибьет...
И что ей дома! Через кровлю
Там видно небо, дождик льет;

В окошках — тряпки и солома,
И печь не топлена давно...
От холода что здесь, что дома
Она умрет, ей всё равно!

Она дрожала робкой птичкой
И собиралась умереть,
Не смея даже серной спичкой
Себе ручонки отогреть.

Но, наконец, решилась. Ярко
Огонь от спички засверкал...
Какой он теплый! как он жарко
Ее ручонки приласкал!

Ей показалось, что у печки
Она сидит, а в длинный ряд
Роскошно убранные свечки
Пред ней приветливо горят.

Малютка радостно смотрела
На это чудо. Вдруг оно
Исчезло... Спичка догорела,
И снова сделалось темно.

Другая спичка засветилась
В руках малютки. Перед ней
Большая елка очутилась,
На елке тысячи огней;

Игрушки, разные картинки
Сверкают золотом одним...
И ручки бедной сиротинки
Уж протянулись робко к ним.

Вот будет к празднику обнова:
Хотелось куклы ей давно...
Но догорела спичка. Снова
Пустынно, холодно, темно.

Лишь небо зимнее горело,
Мильоном звездочек блестя.
На них задумчиво смотрело
Окоченевшее дитя.

Одна звезда упала... «Боже! —
Ребенок думал.— В этот час
Ты душу взял к себе; но кто же
С блестящей звездочкой угас?

Быть может, бабушка слепая?
Она больна, слаба, хила.
Вчера на исповедь попа я
К старушке доброй привела...»

И спичка снова засветилась,—
И пред ребенком, вся в лучах,
Старушка-бабушка явилась,
И свет сиял в ее очах.

Малютка руки протянула
К старушке с тихою мольбой:
«Боюсь, чтоб ты не обманула,
Возьми меня, возьми с собой!»

Вдруг вспыхнули все спички разом —
Светлее сделалось, чем днем,—
И озарилась, будто газом,
Старушка голубым огнем.

Она величием блистала,
Малютку на руки взяла,
И в небесах она предстала,
Где нет ни горя, нет ни зла...

И Новый год настал. Малютку
Нашли сидящей у стены.
Все спички, сложенные в груды,
У ней уж были сожжены.

О ней жалели все сначала,
Не зная в простоте души,
Как Новый год она встречала,
Как грезы были хороши!

(1873)

Д. Н. Садовников

235. РЕБЕНКУ

Посвящается Ольге С-ковой

Посмотри, как много света,
Как лазурь ясна!..
К нам идет, предтеча лета,
Юная весна.
Под живящими лучами
Вешней теплоты
Рыхлый снег бежит ручьями,
Искрятся цветы,
Дети ласки и ухода,
Полного любви;
Их дарит тебе природа,
Подойди, сорви!
Посмотри: зазеленели
И зовут леса;
В них запели, зазвенели
Птичьи голоса...
Если к песне слух твой чуток,—
Перейми одну:
Мать-природа для малюток
Создала весну.
Бегай, крошка, беззаботно,
Пусть в груди твоей
Птичка бьется неотлетно,
Сердце-соловей;
От восторга замирая,
Пусть поет она,
В дни, когда, цветы кидая,
К нам идет весна.
Пусть к тебе напев лучистый
В душу западет,
Путь осветит твой тернистый
И с тобой умрет.

<1877>

236. ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Дети, весна на дворе!
Льдинка на мерзлом окне
Сказку о милой весне
Утром напомнила мне.

1

В царстве суровой Зимы
Нет суеты никакой,
Только жестокий Мороз
Ходит с своею клюкой.

Смотрит, надежен ли лед,
Плотен ли выпавший снег,
Сыты ли волки в лесу,
Жив ли в избе дровосек.

Все от Мороза ушли,
Все, кому жизнь дорога,—
Только деревья стоят:
Их придавили снега...

Некуда лесу уйти:
В землю корнями он врос...
Ходит по нем и стучит
Палкою белый Мороз.

2

В царстве Весны молодой
Всё по-иному живет:
Звонко сбегают ручьи,
Шумно проносится лед;

Там, где проходит Весна
В блеске своей красоты,—
Рядятся в зелень луга
И выбегают цветы;

Листьями кроется лес;
Всё в нем растет и поет...
Возле веселой Весны
Пестрый сплелся хоровод.

«Милая, спой, расскажи,
Что ты видала во сне», —
Резвые дети кричат,
Шумно сбегаясь к Весне.

3

Слышал Мороз про Весну, —
Думает: «Дай погляжу;
Сам на людей посмотрю,
Людам себя покажу.

Чем я Весне не жених
(Мысли приходят ему).
А не захочет, тогда
Силою в жены возьму!

Стар я, да что за беда:
Всё же в округе я царь;
Сплошь мне по этим местам
Вся повинуются тварь...»

В путь собрался и пошел,
Бросив подругу Метель,
Ту, что холодной Зиме
Снежную стелет постель.

4

Всеми любимой Весне
Вести приносит гонец,
Пестрый товарищ людей —
Наш домовитый скворец:

«Утром я видел Мороз...
Всем нам большая беда:
Он осердился опять, —
Хочет вернуть холода.

Видел я сам: на полях
Стало бело-пребело,
Видел на тихой воде
Льда голубое стекло.

Сам он с большой бородой,
Белый и строгий на вид...
Мы не пускаем, а он:
«Сватать иду!» — говорит.

5

Душно Морозу идти...
Скоро ли кончится путь?
Думает: где бы прилечь,
Где бы ему отдохнуть.

Видит — глубокий овраг,
В нем затаился лесок...
Как до березы дошел,
Возле свернулся и лег.

Много ли, мало ли он
В этом овраге проспал,
Только очнулся когда —
Стал удивительно мал.

В лес побежали гурьбой
Дети черемуху рвать...
Вот так ледышка лежит —
Взяли Весне показать.

6

«Дети! — спросила Весна.—
Вам не попался Мороз?»
— «Только сосульку нашли!
Вот он! В кармане принес!»

Слыша такие слова,
Все засмеялись вокруг:
Птицы, цветы и ручьи,
Озеро, роща и луг.

Со смеху лопнул голыш,
И раскачал этот смех
В ближних зеленых лесах
Липу, лозу и орех.

Так что царица сама
Нахохоталась до слез...
Сильно ее насмешил
Дедушка белый Мороз!
<1880>

237. ХИТРЫЙ ЗАЯЦ

(Побасенка)

Снегом лес не кроет —
Холодно и жестко
Дует, озорует
По лесу Морозко.
Подошел к березе,
Стук в нее дубинкой —
Выскочил зайчишко
С серенькою спинкой,
Пробежал немного,
Сел и в ус не дует:
Словно бы мороза
Вовсе и не чувствует.
«Заяц не боится!
То ли не досада?
Познобить косога
Негодяя надо!
За зиму немало
Познобил народу,
А как зайцы мерзнут —
Не видал и сроду...»
Ну стучать сильнее —
Выдумал потешку...
Зайцу стало зябко:
Поскорее бежку.
Словно назло деду,
Выскочил к опушке,
Сел на задних лапках,
Ушки на макушке.
Всё трещит по лесу:
Сосны, ели, дубы,
У бедняги зайца
Застучали зубы.

Стонет, бедный, плачет,
Час последний чуя,
А в уме другое:
«Дай-ка обману я!..»
Старый так и дует —
Заяц кверху брюхом
Лег себе, играет,
Не ведет и ухом.
«Батюшки, как жарко,
Душно, словно летом!
Тяжко в эту пору
Быть тепло одетым!»

«Впрямь, должно быть, жарко;
Ишь как развалился!
Из чего же, старый,
Я так долго бился?»
Преобидно деду:
Видит — плохо дело.
Бросил, отступился,
Ну и потеплело.
Только потеплело —
Заяц прыг к опушке —
И опять у зайца
Ушки на макушке.

⟨1882⟩

238. НА ВОЛГЕ

Широкой полосой к реке сбегает сад...
Осыпаны душистым, белым цветом —
Как снегом — старые в нем яблони стоят,
Дыша знакомым мне и ласковым приветом...

На скользкую траву откидывая тень,
Они сбегают вниз — весенней жизни полны,—
Туда, где сторож их — извилистый плетень —
Не в силах задержать вступающие волны...

⟨1883⟩

А. Л. Боровиковский

239. УТРО В ДЕРЕВНЕ

Моему Сереже

Завтра встанем рано-рано,—
Чуть лишь солнышко-краса
Из-за синего тумана
Бросит луч на небеса.

Хороши минуты эти,
Жалко было б их проспять!
В поле, дети, в поле, дети,—
Будем солнышко встречать!

Зашебечут птичек хоры,
И по стéпи, на заре,
Нарисуются узоры,
Как на бархатном ковре...

Как поля тогда красивы!
Полюбуйся-ка, взгляни:
Точно брызнули на нивы
Разноцветные огни...

Будто слышишь: зажигаю
Этот фэйерверк в степи,
Солнце будит степь, лаская:
«Встань, мол, милая, не спи!»

И почудится, как в сказке,
Наяву перед тобой:
Степь открыла томно глазки,
Умывается росой;

Записною щеголихой
Щедро брызнула духов,
Что сбирала ночью тихой
С трав пахучих и цветов;

Как на праздник нарядилась,
В волоса вплела цветы —
И с улыбкой к нам явилась
В полном блеске красоты.

⟨1880⟩

240. В ДОРОГУ!..

Серее

Эта вьюга — последняя вьюга...
Вот немножко еще потерпи —
И вздохнешь ты под солнышком юга,
В благодатной, привольной степи.

Мы с тобою всю зиму не даром
Так любили мечтать о весне:
Хорошо там, в саду нашем старом!
Насладись же весной вполне:

Под дыханьем ее оживились,
Обогрелись нагие стволы,
Ароматные почки раскрылись,
Всюду слышится запах смолы...

Понависли на тополь сережки;
Но, обидясь нарядом таким,
Тополь сбросил их вниз, на дорожки,
Чтобы бегали дети по ним...

Вот в саду, еще полуодетом
В молодые побеги, листы,
Зацвели бело-розовым цветом
На фруктовых деревьях цветы.

Пусть открыто окно у постели
Во всю ночь, чтобы были слышны
И сквозь сон соловьиные трели,
И волшебные звуки весны...

Под улыбкой скрывая кручину,
Под напевами — вздохи забот,
Это родина милому сыну
Колыбельные песни поет.

<1880>

241. ДУБ

Солнце жжет... А мы укрылись
В уголке любимом сада:
Здесь такая тень густая —
Даже в полдень здесь прохлада.

Под роскошной этой тенью
Я скажу вам сказку, дети:
Рос на старом дубе желудь
(Как растут теперь — вон эти);

Старичок сорвал тот желудь,
И сказал себе он: «Ну-ка,
Посажу я желудь этот —
Дуб ведь выращу для внука».

И уж холил он свой желудь!
Намочил его сначала...
(Да, с посадкою деревьев
Вообще возни немало...)

Сам старик и ямку вырыл,
Посадил своей рукою,
На заре (вставал он рано)
Поливал его водою.

И когда взошел тот желудь,
Старику бывало любо
Свой ничтожный, слабый прутик
Величать названьем «дуба».

Он мечтал: «Под этим дубом
Отдохнуть мой внук приляжет,
Вспомнит, может быть, про деда —
И спасибо деду скажет».

Умер дедушка... За дубом
Нет уж прежнего ухода:
Был ему поливкой дождик,
А садовником — природа.

Прутик стал и вправду дубом...
Разрослись роскошно ветки...

Мы теперь — под дубом деда...
Я окончил сказку, детки.

Наяву сбылася сказка...
Дети хлопают в ладоши
И кричат: «Спасибо деду!
Слышишь, дедушка хороший?!.»

⟨1880⟩

242. СОЛОВЬИ

Праздник года, праздник мая...
И в вечерней тишине
Соловьи запели песни
Расцветающей весне...

Вот тебе твоя тетрадка,
Вот тебе карандаши.
Соловей тебе диктует,
Он диктует — ты пиши...

Сбереги себе на память...
Ах, бывало в старину,
Соловей чудесной песней
Целовал мою весну.

Мне казалось, эту песню
Навсегда я затвердил...
Да потом — переиначил,
А потом — и позабыл...

⟨1881⟩

243. 31 ЯНВАРЯ 1881 ГОДА

Детям

Толпа идет, идет... Уж те давно прошли,
А эти всё идут... И там идут, взгляни ты...
Венки... Еще венки... А сколько пронесли,
И каждый с надписью, цветами перевиты!..
Смотри, дитя мое,— печаль и торжество!
Хоронит в этот день — и празднует столица!

Ты знай: в истории народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.
А тридцать лет назад, в начале жизни, он,
Чей гроб теперь несут, усыпанный цветами,—
Он шел закованный и тяжкий сердца стон
Старался заглушить, бряцая кандалами.
Потом, дитя мое, поймешь ты смысл того,
Что говорю тебе пока одним намеком...
Но *цепи* и — *цветы!* Для сердца твоего
И это уж звучит внушительным уроком.
Он в «мертвом доме» жил. Там люди заперты
От жизни, от надежд, заброшен ключ от двери...
И там среди цепей он отыскал цветы
В сердцах людей, людьми отвергнутых, как звери.
Внимали с трепетом его рассказам мы...
Пусть узники его приветствуют как брата!
Вот — «от суда» венки... А где же от тюрьмы?
Где ты, венок от слез и вздохов каземата?
И властным голосом твердил он вновь и вновь
Счастливым — о судьбе униженных, несчастных!
О чем ни говорил, к ним призывал любовь
В речах то горестных, то вдохновенно-страстных.
Когда же начинал о детях он рассказ,
О бедных, сиротах — какой тоской сердечной
Звучала речь его! Какую всякий раз
Он вдохновлялся к ним любовью бесконечной!
Я не могу без слез страницы те читать,
И если плакал я, то что же будет с вами?
Вы, чистые сердца, вы будете рыдать —
Рыдать от всей души — хорошими слезами!
Судом истории свергались алтари,
Судились гении... Ты будь правдив, историк:
Какой найдешь в нем грех, всю правду говори,
Хотя бы труд твой был и тягостен и горек...
Но, совершая суд, напхни громко нам
Те вдохновенные, возвышенные строки,
Откуда черпали мы все — и ты, ты сам —
Любви, прощенья великие уроки!

1881

А. Михайлов (А. К. Шеллер)

244. ШКОЛА

В сонном воздухе сверкает
Первый чистенький снежок,
И румянит людям щеки
Легкий зимний холодок.

Солнце на небо восходит...
Встаньте, дети! Полно спать!
Школа близко — по морозцу
Можно славно пробежать.

Платье теплое надето,
И порядочный запас
Булок с маслом и вареньем
Спрятан в сумочках у вас.

Чудный день! Замерзли лужи,
И по гладкому их льду
Без коньков вы проскользнете,
Разбежавшись на ходу.

Вот и школа: эти доски,
И скамейки, и столы —
Всё вам близко, все знакомо,
Даже самые углы.

Встретит в комнате уютной
Вас толпа друзей-ребят,—
В ней теперь и смех и говор
Несмолкаемо звенят.

Но всего дороже, дети,
Провозвестница добра,
Гувернантка молодая,
Ваша старшая сестра.

Погодите, чрез минутку
Шумно броситесь вы к ней,
Чтоб словить ее улыбку,
Звуки ласковых речей.

С легким сердцем, с бодрым духом
Вы усядетесь потом
За обычную работу,
И утихнет всё кругом.

Всё утихнет — так в обедню
Тих бывает божий храм,—
Но слышней в затишье этом
Будет сладкий голос вам.

Голос честный, говорящий
Вам о правде, о труде,
О любви к несчастным ближним,
Погибающим в нужде;

Говорящий, как далеко
Избы наших деревень
Все заносятся снегами
В безотрадный зимний день;

Как там, часто голодая,
В жалком рубище своем,
Задыхаются от дыма
Дети вместе со скотом;

Как от них до школ далеких
И дороги даже нет
И в умы их просвещенья
Не прольется кроткий свет;

Как невежество доводит
Этих темных бедняков
До тяжелых преступлений,
До острогов и оков;

Как при помощи познания
Может каждый из людей
Сделать жизнь кормильцев наших
И отрадней и светлей,—

Говорит она в волненье,
Слезы катятся с лица,—
А у вас горят глазенки,
Бьются чуткие сердца.

Вы работаете дружно
И, бог даст, дождетесь дней:
Вы спасете меньших братьев
От пороков и цепей...

⟨1873⟩

245. ПРОРОК

1

У сыновней колыбели
Мать в слезах молилась богу,
Чтобы сын к высокой цели
Избрал честную дорогу.

И явился ангел чистый
К ней с божественною вестью:
«Сын твой кончит путь тернистый
С незапятнанною честью.

Целомудрием суровым
Он, как древние пророки,
Купит право грозным словом
Ополчаться на пороки.

Загрямят его глаголы
Над преступным грешным миром,
Над безумством произвола,
Над служением кумирам.

И, как все пророки в мире,
Будет всем родимым краем —
Трезвый гость на пьяном пире —
И гоним, и презираем.

Весь продрогнувший, голодный,
В зимний день, во имя неба,
Будет он просить бесплодно
И угла, и корки хлеба.

Оттолкнут его злодеи,
Вспомнив все его упреки,
И пойдет он, костенея,
Без приюта, одинокий!

И бездушно в назиданье
Скажут детям люди эти:
„Вот какое наказание
Ждет таких безумцев в свете!“

Он погибнет...» Мать в волненье
Поднялась у колыбели,
Точно сына в то мгновенье
Взять враги у ней хотели...

А ребенок в сладких грезах
Был еще милей и краше:
Он не знал о страшных грозах,
О невзгодах жизни нашей...

2

И, исполненная муки,
Вновь, как статуя печали,
Мать в слезах сжимала руки,
И уста ее шептали:

«Пощади, отец небесный!
Это хрупкое создание,
Упадет под ношей крестной
Непосильного страданья!»

А над нею сердцу внятный,
Как гармония святая,
Тот же голос благодатный
Раздавался, ободряя:

«Внял господь твою молитву
И святое назначенье
Дал тебе: готовь на битву
Это слабое творенье.

Закали, как сталь, в нем волю,
Чтобы снес он без проклятий
Предназначенную долю,
Погибая за собратий.

Дай ему опору в руки,
Чтобы в страхе и тревоге,
Обессиленный от муки,
Он не пал на полдороге.

Научи его с любовью
Крест нести и все богатства,
Добываемые кровью,
Проклинать как святотатство».

Мать воскликнула, рыдая:
«Где ж мне силы взять настолько?
Мне ль учить? Весь век страдая,
Я любить умела только...»

3

В это самое мгновенье
Пронеслась гроза над домом,
Так что ветхое строенье
Чуть не рухнуло под громом.

Бился град свирепо в окна,
Ярко молнии сверкали,
Будто в клочья туч волокна
Когти огненные рвали.

Перепуганный спросонок,
Обвивая мать руками,
Весь дрожа, вскричал ребенок:
«Мама, что же будет с нами?»

— «Успокойся, мой родимый! —
Мать ему сказала твердо.—
Пронесется буря мимо,
И за ней настанет ведро.

Бурь бояться только злые,
Видя в бурях божье мщенье
За злодеяния их былые,
За былые преступленья.

Буря смертью их пугает,
Ждут они за гробом казни,—
А кто добр, тот умирает
Без тревоги, без боязни.

Знает он, что благодатны
Грозы жизни: после бури
Чище воздух ароматный
И яснее цвет лазури.

Зеленее завтра станет
После ливня поле наше,
И, когда за тьмой настанет
Свет,— он будет вдвое краше.

Ночь темна, но луч рассвета
Вслед за нею наступает...
Вон, взгляни, полоска эта
Близость дня нам возвещает...»

И вперил свои глазенки
Мальчик вдаль, где чуть заметно,
Словно пар какой-то тонкий,
Брезжил проблеск предрассветный;

Быстро рос он в отдаленье,
Расширяясь и светлея,
А пред ним, как бы в смущенье,
Отступала ночь, бледнея.

Наконец взял верх над мглою
День, и, вспыхнув на востоке,
Разлились над всей землею
Точно пламени потоки.

«Там горит!» — вскричал в волненье
Сын, припав к стеклу оконца,
Мать же в сладком умиленье
Прошептала: «Это солнце!»

4

Эта ночь, с грозой неожиданной,
С ярким светом на востоке,
В чутком сердце мальчугана
След оставила глубокий.

Точно так же, слово в слово,
Это сердце сохранило
Всё, что в миг грозы суровой
Мать сынишке говорила.

И ребенок с этой ночи
Не боялся больше бури,
Устремлял он смело очи
К помутившейся лазури

И смотрел на тьму и тучи
С твердой верой, что над ними
Верх одержит день могучий —
День с лучами золотыми.

Полюбил он даже грозы,
И, под грохот непогоды,
Перед ним носились грезы
Про житейские невзгоды.

Понимать он стал с годами,
Что несчастья и утраты
Разражаются над нами
Как громовые раскаты,

Что спокойнее выносит
Тот житейские мученья,
Кто в душе своей не носит
Темных пятен преступленья,

Что оплот себе находит
Только тот, кто верит твердо,
Что за ночью день приходит,
Что сменяет бурю ведро,

Что пред правдой ложь отступит,
Что вражда любви не сгубит,
Что когда-нибудь наступит
Царство тех, кто ближних любит...

5

Мальчик вырос. Пролетали
Чередой обычной годы,
Принося с собой печали,
Принося с собой невзгоды.

Но спокойно, с сердцем чистым,
Бодрость духа сохраняя,
Он вперед путем тернистым
Шел, судьбы не проклиная.

И когда порой, бывало,
Мать под бременем мученья
На судьбу свою роптала,
Он твердил ей в утешенье:

«Не гневи напрасно бога:
Под своею ношей крестной
Каменистою дорогой
Мы идем с тобою честно.

Мы не пали пред врагами,
Не пошли стезей порока,
И когда-нибудь над нами
Прояснится мрак глубокий».

И, подняв свой взор унылый,
Мать вздыхала в изумленье:
«Где ты черпал эти силы
Безграничного терпенья?»

Сын же, бодрый и веселый,
Мать свою лаская нежно,
Отвечал на вздох тяжелый
Ей с улыбкой безмятежной:

«Да не ты ль меня, родная,
Научила верить твердо,
Что проходит буря злая
И за ней приходит ведро?»

<1875>

246. ДЕТИ НИЩИХ

Нищеты горемычные дети!
Задыхаясь в пыли городов,
Жарким летом, при солнечном свете —
Вы не видите нив и лесов.

Так же чужды вам ласки природы,
Как и ласки родного отца,
И без них — уже в детские годы
Очерствляются ваши сердца.
Незнакома вам кроткая жалость:
Вас самих, раздраженных нуждой,
Бьет отец за невинную шалость,
Приучая вас к злобе тупой.
Вот попался вам камень тяжелый —
Вы в собаку бросаете им,
И сливается смех ваш веселый
С завываньем и лаем глухим.
Горький смех! Но недолог он, дети:
Увидав, что несется стрелой
Барин в пышной и легкой карете, —
Вы к запяткам рванулись гурьбой;
Не сдержались, на камни упали —
И, разбитым, кровавым лицом
Прислонившись к стене, зарыдали,
Не решаясь вернуться в свой дом.
Плачьте, плачьте от горя и боли!
Плачьте, бедные, горько о том,
Что живете вы с детства без воли,
Что немил вам родительский дом,
Где вас встретят и брань, и укоры,
И ни в ком не проснется любовь,
Чтоб унять эти жгучие слезы,
Чтоб омыть эту алую кровь.

<1875>

247. ЩЕПКИ

Щиплет мороз
Щеки и нос...
Плохо прикрытый тряпьем,
Весь ты продрог,
Валишься с ног...
Где же, ребенок, твой дом?

Бедная мать
Рано поднять
Утром решилась тебя:

В прошлую ночь
Было невмочь
Спать вам в углу у себя.

Первый мороз
Весть вам принес,
Что запасть нужно дров;
В утренний час
Поднял он вас
Щепки собирать у домов.

В старый мешок
Их, сколько мог,
Ты постарался набрать...
Скоро оне
Будут в огне
В вашем подвале трещать.

Треск их в мороз
Тысячи грез
Будит среди тишины...
Если б подвал
Он оглашал
Вплоть до далекой весны!

Только навряд:
Быстро горят
Щепки, как жизнь бедняка,
И после них
Нет через миг
Ни одного уголька...

<1878>

248. ДЕТЯМ

Дети, любите друг друга.
Многих из вашего круга
Участь тяжелая ждет.
Но кто любим и кто любит,
Жизнь нелегко того сгубит
В омуте мелких забот.

Стойте за слабую братью
Дружную, плотную ратью;
Родине в годы невзгод
Жертвуйте потом и кровью,
Только такую любовью
Жив человеческий род.

⟨1882⟩

249. ТУЧА

Солнце ярко светит, пышет жаром с неба,
Замерла природа в мертвенном покое,
И ряды колосьев зреющего хлеба
Головы склонили, изнурясь в зное.

В небесах над ними тучка проносилась,
Пролилась слезами. И следа не стало
От нее на свете — только освежилась
Рожь живящей влагой и прямее стала.

⟨1884⟩

250

Вечер зимний, вечер скучный.
Спит природа мертвым сном,
Только вьюга однозвучно
Завывает под окном.

Белый снег она со злобой
То поднимет и завьет,
То в глубокие сугробы
На дороге нанесет.

Под рыданье непогоды
Восстают передо мной
Дом родимый, детства годы,
Образ няни дорогой.

В час вечерний с нежной лаской
Приходилось тешить ей
Или песнью, или сказкой
Разблажившихся детей,—

Шел рассказ о царском сыне:
В бочке по морю носясь,
Помышлял он в злой кручине:
«Потянуться бы хоть раз!»

Говорилось о девице
У Кашея в терему,—
И казались небылицы
Страшны детскому уму.

Но зимой, когда, бывало,
Станет злее вьюги вой,
Няня сказку прерывала
И качала головой:

«Ишь ты, дал господь погоду!
Загляни теперь в село —
Ни проезду, ни проходу,
Всё-то снегом занесло.

А в избенках смрад да холод,
И спасибо, если там
Хлеб не вышел весь и голод
Не стучится к мужичкам...»

С тяжким вздохом няня снова,
Потешая сказкой нас,
Продолжала с полуслова
Вьюгой прерванный рассказ.

Но не слушал я, что ждало
Разных сказочных бойцов,—
Мысль моя перелетала
В избы бедных мужиков,

В край забытый, в край унылый,
Где живут богатыри,
Где с нуждою бьются силой
От зари и до зари.

⟨1884⟩

251. В НЕПОГОДУ

Кротко льется свет лампадный,
Тишина везде царит,
Только в спальне парадной
Мальчуган один не спит.

Из-за сломанной игрушки
Раскапризничался он
И блажит, припав к подушке,
И забыл про сладкий сон.

Няня, сидя у постели,
Утешает крикуна,
На дворе же вой метели
Раздается у окна.

Ветер свищет, ветер стонет
И над спящею землей
Стаи туч зловещих гонит,
Всё задержнув черной мглой.

На иконы тусклым взором
Няня старая глядит
И с любовью, и с укором
Мальчугану говорит:

«Не блажи из-за пустого!
Ты вот сыт, обут, одет,
А у нищего иного
Ни угла, ни хлеба нет.

Ты здесь нежишься в постели,
А подумай-ка о том,
Каково брести в метели,
Полям, в рубище худом.

Мать с отцом тебя ласкают,
А иной сиротка рад,
Что его не прогоняют
На мороз из теплых хат.

Не гневи ж слезами бога,
Помолись, да не забудь
Тех, кто горя терпит много,
Ты в молитве помянуть!..»

Няня смолкла, молчаливо
Осенилася крестом,
Улеглась неторопливо
И забылась крепким сном.

Но ребенок чувств невольных
Был не в силах превозмочь
И о нищих, о бездольных
Долго думал в эту ночь...

⟨1890⟩

С. Я. Надсон

252. У КРОВАТКИ

Часто ты шепчешь, дитя, засыпая
В теплой и мягкой кровати своей:
«Боже, когда же я буду большая?..
О, если б только расти поскорей!..
Скучных уроков уж я б не учила,
Скучных бы гамм я не стала играть:
Всё по знакомым бы в гости ходила,
Всё бы я в сад убегала гулять!»
С грустной улыбкой, склонясь за работой,
Молча речам я внимаю твоим...
Спи, моя радость, покуда с заботой
Ты не знакома под кровом родным...
Спи, моя птичка! Суровое время
Быстро летит,— не щадит и не ждет...
Жизнь — это часто тяжелое бремя;
Светлое детство, как праздник, мелькнет!
Как бы я рад был с тобой поменяться,
Чтобы, как ты, и резвиться, и петь,
Чтобы, как ты, беззаботно смеяться,
Шумно играть и беспечно глядеть!

⟨1884⟩

Д. Л. Михаловский

253. ЗА УРОКОМ

Сыро в комнате убогой,
При огарке так темно,
Неудобен стол треногий,
Веет холодом окно...

Надо с этим примириться,—
Невелик до завтра срок;
Делать нечего, садится
Надя молча за урок.

Вот над книгою склонилась,
Вся внимания полна,
И серьезно углубилась
В географию она...

Там об Африке читает:
«Жаркий климат... жгучий зной...»
Здесь же холод пробирает
В этой комнате сырой.

Руки зябнут, дрогнет Надя,
В старый кутаясь платок;
Но, упорно в книжку глядя,
Учит заданный урок.

Вот окончила и рада:
«Знаю! Завтра отличусь!
А теперь ложиться надо;
Я покрепче завернусь

В одеяло».— И ложится,
Вся дрожа, она в постель.
Ночь. Неистово стучится
В стекла с бурей метель.

А в трубе какие звуки!
Вой, и плач, и рев, и стон...
Точно дух какой на муки
За грехи там заключен.

Это — ветер колобродит...
Что за страшный, дикий вой!
Он уныние наводит,
Сердце давит он тоской...

Ничего не слышит Надя...
В эту ночь не будет спать,
На свою дочурку глядя,
Растревоженная мать!

Тяжело Надюша дышит,
Голова ее горит,
От бедняжки зноем пышет,
Жажда девочку томит.

Надя мечется от жара,
Бред у ней... и что́ за речь —
Львы, гиены и Сахара,
Раскаленная как печь.

Всё про Африку те грезы...
«Жар-то, жар какой у ней!»
И беспомощно льет слезы
Мать над дочерью своей...

<1885>

254. ДВА ДРУГА

1

Ночь, мороз, бушует вьюга,
Буря с крыш солому рвет...
На печи лежат два друга:
Старый дед и старый кот.

Оба дряхлы, еле дышат,
Еле ходят, чуть живут,
Плохо видят, плохо слышат,—
Но один к другому льнут.

Их безмолвная беседа
Задушевна и проста;
Жить не может кот без деда,
Дед пропал бы без кота.

С ним возиться недосужно
Внуку: славный парень — внук,
Но ему работать нужно,
Не покладывая рук.

Не валится пища с неба,
Не сама дается рту,
Но всем трем — им нужно хлеба:
Внуку, деду и коту.

Внук не может оставаться
День-деньской при старике;
С кем же лаской обменяться
Деду в старческой тоске?

Только с Васькой, верным другом,
Что, так точно как и он,
Тяготясь своим досугом,
На безделье обречен.

2

Время близится к полночи,
Но и дед и кот не спят;
Их слезящиеся очи
В тьму холодную глядят.

Деду старому не спится
Оттого, что внука нет;
Внук был должен воротиться
Уж давно: ушел чуть свет!

А метель, метель какая!
Зги не видно было днем!
Как волков голодных стая,
Буря воеет за окном.

Чу!.. не слышит ли он крика?
«Право слово — чей-то крик!
Боже! Господи владыко!» —
Тихо шамкает старик.

«Долго ль сбиться! Заметает
Вьюга всякий след с утра...
Уж не внук ли замерзает,
Не добравшись до двора?»

Страшно деду. Нет, он встанет.
Силы все свои собрав...
Дед сопит, кряхтит и тянет
Полушубок за рукав.

Им он думает прикрыться
И на зов идти в полночь —
Полно, дедушка, возиться:
С печки слезть тебе невмочь.

Не идти в такую вьюгу;
Ляг-ка лучше на тряпье —
И поведай Ваське-другу
Горе горькое свое...

Ваське тоже нет покоя,
И глаза его во тьме
Блещут, но совсем иное
У мурлыки на уме:

Мышь под лавкою скребочет...
Васька замер... раз, два, три,—
И спрыгнуть он с печки хочет,
Полно, Васька, не дури!

Где тебе за ней гоняться:
Плох ты, сила прожита;
И нисколько не боятся
Мыши старого кота.

«Котик милый, смерть нас кличет,
Не годны мы ни к чему!»
Дед вздыхает, кот мурлычет,
Нежно ластится к нему...

В двери, в щели дует вьюга,
В печке стынут кирпичи;
И, кряхтя, друг возле друга
Старцы дрогнут на печи...

Буря стихла понемногу,
 День. Под свой родимый кров
 Внук вернулся, слава богу,
 Жив и весел и здоров.

«Здравствуй, дед! Пора проснуться.
 Что, голубчик,— ты скучал?
 Я вчера не мог вернуться —
 Я в Ольшанке ночевал.

Что ж молчишь ты, дедка милый? —
 Громко внук ему кричит,—
 Аль — чтоб встать — собраться с силой
 Ты не можешь? Аль сердит?

Знаешь сам: такая вьюга...
 Дед!..» Напрасно он зовет:
 Вечным сном спят оба друга —
 Старый дед и старый кот.

⟨1890⟩

255. ЦВЕТОК

Над уснувшей нивой дышит
 Легкий ветерок;
 Он ласкает, он колышет
 Полевой цветок.

И цветок от ласки нежной
 Ветерка дрожит,
 И глубокий, безмятежный
 Сон его манит.

Отдохнуть цветку отраднo
 В тишине ночной:
 Днем его палил нещадно
 Душный летний зной.

Беспокоили козявки,
 Шумно копошась;
 А теперь, к душистой травке
 Венчиком склонясь,

Он заснул. Горит звездами
Синий свод небес,
За уснувшими полями
Тихо дремлет лес;

Спят и травка, и былинка,
И от ветерка,
Чуть блестя, дрожит росинка
В чашечке цветка.

⟨1892⟩

К. К. Случевский

256. БАНДУРИСТ

На Украине жил когда-то,
Телом бодр и сердцем чист,
Жил старик, слепец маститый,
Седовласый бандурист.

В черной шапке, в серой свитке
И с бандурой на ремне,
Много лет ходил он в людях
По родимой стороне.

Жемчуг-слово, чудо-песни
Сыпал вещей с языка.
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика.

Много он улыбок ясных,
Много вызвать слез умел,
И, что птица божья, песни
Где приселось — там и пел.

Он на песню душу отдал,
Песней тело прокормил;
Родился он безымянным,
Безымянным опочил...

Мертв казак... Но песни живы;
Все их знают, все поют!
Их знакомые созвучья
Сами так вот к сердцу льнут!

К темной ночи засыпая,
Дети, будущий народ,
Слышат, как он издалека
В песнях матери поет...

⟨1860⟩

257. ПОЛДНЕВНЫЙ ЧАС

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит,

И тени нет. Повсюду искры, блески,
Трава слегла, до корня прожжена;
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд! Обычной чередою
Идет косьба; хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

⟨1884⟩

258. РАССВЕТ В ДЕРЕВНЕ

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши наостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою, и медом,
И теплой свежестью распаханной земли...

⟨1860⟩

259. ДУБОК

Взял я заступ и лопату...
Дети! ставлю я дубок.
Быть для вас здесь месту святу
От сегодня в долгий срок.

Сокрушит меня могила,
Затемнится отчий лик,
А дубок — в нем будет сила,
Глянет статен и велик.

Дети! в нем, неузнаваем, ,
Буду я, безличный, жить
И глубокой тени краем
Вслед за солнышком ходить.

Буду доброй, доброй тенью,
Безоружным часовым,
И, по божьему веленью,
Лучше мертвым, чем живым.

⟨1890⟩

260. ПРУД

В отливах нежно-бирюзовых,
Всем краскам неба дав приют,
В дуплистой раме куш вербовых
Лежит наш тихий, тихий пруд.

Заря дымится, пламенея!
Вон, обронен вчерашним днем,
Плывет гусиный пух, алея,
Семьей корабликов по нем.

Уж не русалок ли бедовых
Народ, как месяц, тут блистал,
Себе из перышек пуховых
Наткать задумал покрывал?

Но петухи в свой срок пропели,
Проворно спряталась луна,
Пропали те, что ткать хотели,
Осталась плавать ткань одна!

И, эту правду подтверждая,
В огнях зари летит с полей
Гусей гогочащая стая,
Блистая рядом длинных шей.

<1883>

261. ПЕРВОЕ ТЕПЛО

Сказку хочу рассказать вам теперь:
Тот, кто согласен поверить,— поверь...

В диком лесу, в январе, за костром,
Месяцы-братья сидели кругом...

Все королевичи, все однолетки,
В пламя кидали трескучие ветки,

Копьями груды костра шевеля,
В ночь поджидали к себе Февраля.

А по рукам у них чаша ходила,
Пьяным медком языки разводила.

Шутка веселую шутку гоняла,
Братьям ни спать, ни молчать не давала.

Вспыхнул костер, огласилася даль,
Ветер пронесся, вернулся Февраль!..

Блещет алмазами древко копья,
Звездочка светит с конца остря.

Панцирь чешуйками льдинок покрыт,
Пояс в сосульках — что мехом обшит.

Щит и шелом на боках своих кованых
Полны фигурок, морозом рисованных.

Меч теплым таяньем полдней червлен...
Отдал Февраль своим братьям поклон.

«Шлют вам привет свой на многие лета
Наши родные с широкого света.

Бабушка наша, старуха Зима,
Видно, сердиться устала сама!

Встретилась у моря с младшей сестрой,
С младшей сестрой, светлоокой Весной;

Долго и тихо о чем-то шептались
И на прощанье — поцеловались!

Матушка наша, вдовица Луна,
Так же, как прежде, грустна и одна.

Ясные Зорюшки, наши сестрицы,
В тихих светлицах, как прежде — девицы,

Рядятся, шьют, что ни день молодеют,
Замуж хотят — женихов не имеют!

Парочка звезд, от любви и печали,
В муромский лес втихомолку сбежали;

Будет поутру в звездах недочет:
Ветренный, влюбчивый, глупый народ!

Двух наших теток постигла невзгода:
Тетушку Утро — знобила погода,

Тетушка Ночь — опалила свой хвост...
Справили люди великий свой пост.

Время тебе, братец Март, выходить,
Выйди скорее Весну залучить!

В темной земле — там брожение идет,
Семечкам глянуть ростками черед.

Если нам мер никаких не принять,
Семечки будут глубоко страдать!...»

Встал месяц Март. Наклонясь над костром,
Стал он ворочать поленья копьем;

Вскинулось пламя живей, веселей,—
Сдались морозы, и стало теплей!

⟨1890⟩

262. ДВЕ ТУЧИ

По небу быстро поднимаясь,
Навстречу мчась одна к другой,
Две тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!

Темны, как участь близкой брани,
Небесных ратников полки,
Подъяты по ветру их длани,
И режут воздух шишаки!

Сквозят их мрачные забрала
От блеска пламенных очей...
Как будто в небе места мало
И разойтись в нем — нет путей?

⟨1859⟩

263. ПАМЯТИ ОТЦА

Где бы ни упало подле ручейка
Семя незабудок синего цветка —
Всюду, чуть с весною загудит гроза,
Взглянут незабудки синие глаза.

В каждом чувстве сердца, в помысле моем
Ты живешь незримым, тайным бытием...
И лежит повсюду на делах моих
Свет твоих советов, просьб и ласк твоих.

⟨1880⟩

И. И. Косяков

264. ЧИК-ЧИРИК!

Теплом уж веет. И порой
Из сада слышен шумный крик.
То там воробушки толпой
Кричат на ветках: чик-чирик!

Довольны птички, что из туч
Им солнце выглянет на миг;
Они встречают этот луч
Веселым криком: чик-чирик!

Тот луч им шепчет, что земля
Вся скоро станет как цветник,
Утонут в зелени поля...
И громче слышно: чик-чирик!

⟨1886⟩

265. ВСЕ ОНА

Кто вас, дети, больше любит,
Кто вас нежно так голубит
И заботится о вас,
Не смыкая ночью глаз?
«Мама дорогая».

Колыбель кто вам качает,
Кто вам песни напевает,
Кто вам сказки говорит
И игрушки вам дарит?
«Мама золотая».

Если, дети, вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Что бывает иногда,—
Кто же слезы льет тогда?
«Всё она, родная».

(1889)

266. НАСЕДКА

По двору хохлаточка,
По дворику мохнаточка
С цыплятками идет.

Чуть детки зазеваются,
Шалят и разбегаются,
Сейчас к себе зовет.

Взглянула в небо ясное,
На облачко прекрасное,—
Не видно ничего.

И вдруг зашевелилася:
Кричит, засуетилася —
Знать, видит там кого.

Вот крылья порасправила,
Далеко порасставила,
И стала деток звать.

А деточки сбегаются,
Под крылья забиваются,
Лишь носики видать.

Под облаком два пестрые,
Расправив когти острые,
Два ястреба летят.

На курицу хохлатую,
На курицу мохнатую
И на цыплят глядят.

Они на них нацелились,
Но тронуть не осмелились:
Хохлатку не спугнуть!

Немного покрутились,
И в тучках оба скрылись,
И скатертью им путь!

⟨1898⟩

267. ПРОМАХНУЛСЯ

В тени густой дубравушки,
Где веет холодком,
Играет зайчик в травушке,
Катается клубком.
Поводит носом, ушками,
Привстал, наверх глядит.
А там, между макушками
Дубов, орел парит.
Как веер крылья пестрые,
С распущенным хвостом;
Сжимает когти острые,
Глаза горят огнем.
От них никто не скроется:
Ни маленький зверек,
Ни птичка не укроется
За ветку, за цветок.
Орел наш знал дубравушку,
Что водится в ней зверь,
И смотрит: кто же травушку
Колышет там теперь.
И вот он вниз спускается,
Знать, зайку увидал:
Прицелился... бросается,
Как камень, вниз упал.
Ах, жаль бедняжку трусика,
Ведь смерть к нему пришла!
Но вдруг его близ усика
Ужалила пчела.

Вскочил косой, далеко в лес
От боли убежал,
А там в траве, в цветах исчез
И жалобно пищал.
Орел меж тем о землю — трах!
Ударился крылом
И вместо зайчика в когтях
Земли оставил ком.

⟨1898⟩

А. В. Круглов

268. В БАБКИ

На лужайке, близ дороги —
Множество ребят...
Бабки стройно, словно войско,
Выставлены в ряд.

Шум, волнение, спор и крики —
Лучше не шути!
«Павел, Прохор! Что же, ставьте!
Эй, Фома, кати!»

Все — за дело: смотрят зорко,
Чтоб никто не мог
Сплутовать... и слышно только:
«Ника, плóска, жог!»

«Эх, Павлуньке вечно счастье:
Снова первый он,
И какой богатый, длинный
Нынче, братцы, кон!»

Павел, точно подражая
Ловкому стрелку,
Глаз прищурил, долго целил —
И метнул битку.

Десять маленьких сердчишек
Замерло зараз,
И впилися в кон богатый
Двадцать зорких глаз.

Миг один — и вдруг сменили
Крики тишину:
«Вот-те на!» — «И бей, что хочешь!»
— «Чисто на кону!»

Павел весело смеется,
Поверяет кон,
Бабки в ситцевый мешочек
Собирает он.

Чрез минуту бабки снова
Выставлены в ряд...
И глядит с тоской глубокой
На игру ребят

Из окна большого дома
Маленький барчук,—
Он с охотою пошел бы
Поиграть на луг:

Как там весело и славно,
Воля и простор!
Но бедняжке Карл Иваныч,
Старый гувернер,

С ребяташками босыми
Знаться не велит...
И барчук с тоской глубокой
Из окна глядит.

<1876>

269. ПОСЛЕ БУРИ

Старый Волхов, знавший в жизни
Много бед лихих,
Целый день ворчал сердито,
К вечеру затих.

Он ворчал, и от ворчаний
Гневных старика,
Словно легкий мяч, бросало
Лодку рыбака.

В эту пору ребятишкам
Страшен Волхов-дед;
С ним бороться силы мало
И уменья нет.

Но затих он, утомился
За день воркотней,
Задремал, не шевельнется
Мутною волной,—

И молчанию Седого
Безудержно рад,
Мелкий люд, в одних рубашках,
Высыпал из хат;

Вперегонку ребятишки
К Волхову спешат:
«Едем, едем! Стихла буря!» —
Весело кричат.

Словно точки замелькали
Всюду челноки
Вдоль широкой, многоводной
Дремлющей реки.

1880
Соснинка

270. БЕЗ ДЕЛА

Она сидела у окна,
Подперши голову рукою,
В раздумье вся погружена,
Объята жгучею тоскою.
Цветами май благоухал,
И воздух теплою волною
Вливался в комнату. Свистал
В тенистой роще, за горою
Певец свободный — соловей,
И беззаботный, и бездумный.

В воображенье перед ней
Восстал далекий город шумный
Там не струится аромат,
Там и весною воздух пылен,
Туда давно уехал брат,
Богат — желаньем, волей — силен.
Его письмо издалека
Она лишь только прочитала:
Как сильно каждая строка
Ее невольно укоряла!
В глуши без горя и забот
Она жила, трудов не зная;
А там любимый брат живет,
Труду все силы посвящая.
И пишет он: «Без дела стыд
Сидеть, когда нужна работа;
А путь для каждого открыт,
В душе была бы лишь охота
С любовью искренней помочь
Тому, чья тяжела дорога,
Кому и днем темно, как в ночь,
Кто от незнанья терпит много...»

Без дела — стыд? А что ж она?
И, в сердце чувствуя смущенье,
Письмо оставивши, она,
Вблизи открытого окна,
Вся погрузилась в размышленья...

<1886>

271. СТАРЫЙ РЫБОЛОВ

Близ Прилук, в убогой хатке
Дед Антип живет;
Бел, как лунь, годам давно он
Потерял и счет.

В хатке деда вечно тихо:
По зимам он спит
Днями целыми, а летом
Над рекой сидит.

Дед Антип — прошло немало
С той поры годов —
Был поистине искусный,
Ловкий рыболов.

Изменило время деда:
Он и стар, и хил,
Но реки своей широкой
Всё не разлюбил.

Только снег успеет стаять,
Пронесется лед,
Он все удочки исправит
И ловить идет.

Люб Антипу влажный воздух,
Белых чаек крик...
«Здесь легко мне, здесь привольно»,—
Говорит старик.

И сидит, сидит день целый
Меж густых кустов,
И уснет порой невольно
Старый рыболов.

Часто кошки, даже птицы
Рыбу раскрадут,
И недобрые мальчишки
Удочки возьмут;

Но об этом не горюет
Рыболов-старик:
Ведь ему нужна не рыба,
Он к реке привык.

⟨1894⟩

272

Снег да снежные узоры,
В поле — вьюги разговоры,
Холод, полутьма...
День — коньки, гора, салазки...
Вечер — бабушкины сказки...
Вот она — зима!

⟨1894⟩

273. ЭСКИЗ

Ветхие, низкие хаты,
 Чахлый лесок...
Хлебом поля не богаты:
 Глина, песок!
Бедность ужасная всюду;
Трудно рабочему люду,—
 Горе, тоска.
Жить бы и сил не хватило,
Если б еще не кормила
 Рыбой река!
Еду я полем. Плетется
 Лошадь шажком.
Слышу я, песня несется,
Кто-то поет за леском.
Это, покончив работу,
В день натрудившись до поту,
 Пестрой толпой
Едут косцы издалика...
В песне — ни слез, ни упрека,
Слышится смех молодой.

⟨1894⟩

274. МАЛЕНЬКАЯ НЯНЯ

Ярко блещет в небе солнце,
 Жарок летний день...
И работать в это время
 Тяжело и лень.

Но кипит в полях работа
 С самого утра:
Наступила для деревни
 Страдная пора.

В поле все ушли большие:
 Братья, сестры, мать,
И оставили Марину
 Крестника качать.

Душно в хате, скучно в хате,
Яркий летний день.
Манит в поле, в лес, на речку...
И Марине лень

Люльку крестника-братишки
Медленно качать,
«Баю-баюшки, соколик»,—
Громко распевать.

Смотрит солнышко приветно
В хату чрез окно;
Убежала бы из хаты
Девочка давно

На широкий луг зеленый,
Чтоб нарвать цветов,
Или в лес, где много, много
Ягод и грибов;

Убежала бы Марина,
Да нельзя бежать:
Мать велела ей братишку-
Плаксуна качать.

И задумалась бедняжка
С грустью о цветах,
И дрожат, дрожат слезинки
В голубых глазах.

⟨1894⟩

275. С ДОРОГИ

Нине и Ане

Как пташки, девочки мои,
Вы щебетали в эти дни,
И было с вами мне
Светло, отраднo и тепло,
И незаметно время шло
В родимой стороне.

Но вот опять не с вами я,
Железный конь умчал меня,
И в дальней стороне,
Без милых пташечек моих,
Без лепета и смеха их —
Тоскливо стало мне!

<1896>

276. ЖИЗНЬ И КНИГА

Ты уже успела книжки
Пред собою разложить...
В книжках — знание; но, малютка,
Я хочу тебя сманить

В поле, в лес, где так привольно,
Где ты можешь в этот миг
Познакомиться со многим
Лучше, чем из умных книг.

Никаким пером искусным
Описать нельзя чудес,
Про которые расскажет
Сам зеленый, старый лес.

И художник — как бы ни был
Он велик и знаменит —
Силой творчества природы
Никогда не победит...

Полюби родную ниву,
Полюби зеленый бор
И на землю, и на небо
Устремляй пытливый взор,—

И узнаешь ты, как божий
Мир прекрасен и велик,
И поймешь, что у природы
Есть свой собственный язык;

Сердцу делается близкой
В поле каждая трава,
И тогда живыми станут
Книги мертвые слова!

1900

С. Д. Дрожжин

277. В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Детство золотое,
Грустно ты прошло!
Предо мной родное,
Милое село.

В ожиданье лета
С рожью и травой,
Спит еще, одето
Снежной пеленой.

Из-за туч уныло
Солнышко глядит,
Ветер легкокрылый
Жалобно шумит.

Улицей гуляет
Дедушка-мороз,
Иней рассыпает
По ветвям берез;

Ходит, бороною
Белою трясет,
Топают ногою,
Только треск идет,

Иль на окна дышит
Закоптелых хат
Да узоры пишет,
Глядя на ребят...

Вот изба родная
В том селе стоит;
На печи больная
Бабушка лежит,

Охает, вздыхает,
В сердце грусть храня;
Полночь наступает,
Не видать огня.

Бабушка в кручине
С вечера без сна:
О родимом сыне
Думает она.

*4 марта 1877
Петербург*

278. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Шлю привет родному краю,
Уголку живой природы,
И с любовью вспоминаю
Детства прожитые годы.

Вот мелькают предо мною
Деревенские картины:
Храм на горке за рекою,
Дальше избы и овины.

Над широкими полями
Много звуков раздается:
Вьются пчелы над цветами,
Песня жаворонка льется.

Вот брожу я одиноко
Меж травкою-муравкою,
Светит солнышко высоко
Над моею головою;

Быстро тени пробегают,
Тихо травка шевелится,
Щеки рдятся и пылают.
От жары хочу я скрыться

С поля к речке, в рожь густую
Иль в дремучий лес сосновый...
Вот под сосну вековую
На ковер я лег дерновый;

Леса темные вершины,
Как живые, шевелятся,
Сосны, ели-исполины
В небо синее глядятся.

Векши, вздернув хвост пушистый,
По деревьям пробегают;
Птички пеньем голосистым
Лес дремучий оглашают.

Рад бы слушать я душою
Эту музыку до ночи,
Но за чашею лесною
Мне блеснули чьи-то очи.

И со страхом поневоле
Выхожу я на опушку
И отсюда через поле
Убегаю в деревушку.

Дома бабушка слепая
На постель со мною ляжет
И, крестясь и зевая,
Сказку чудную расскажет.

Их она немало знает,
Только слушай со вниманьем:
Вот в окошко змей влетает,
Жжет меня своим дыханьем;

Кто-то грозно из-под шапки
Смотрит с длинной бородою...
И я в страхе жмуся к бабке
Под дерюгою худою.

*Июнь 1878
Д(еревня) Знаменка*

279. ПАХАРЬ

Жар весенних лучей
И томит, и живет,
С гор спадая, ручей
По камням журчит.

Старый пахарь межой
За сохою идет,
А в селе за рекой
Кто-то песню ведет.

Смотрит весело день
На поля и леса,
Только облачка тень
Бороздит небеса.

1880

280. ЛЕТОМ

Хорошо, привольно летом!
Зеленеет темный лес,
Смотрит с ласковым приветом
Солнце жаркое с небес;

Над широкими полями
Птичка в воздухе звенит,
С голубыми васильками
Рожь-кормилица шумит,

Отдает кругом поклоны
И конца спокойно ждет,
Как ее народ крещеный
Всю до колоса сберет;

Золотистыми снопами
Он разложит на гумно
И тяжелыми цепами
Выбьет каждое зерно...

Вот и бедные избенки,
Пахнет сеном и дымком,
На дорогу ребятенки
Выбегают босиком;

Звонкий смех их раздается
Среди улицы большой...
Вон старушка чуть плетется
От избышки стороной.

С головою поседелой,
Весь в морщинах от забот,
Старый дед в рубахе белой
Показался из ворот,

Сел в тени, перекрестился
И с поникнувшим челом
Тихо в думу погрузился,
Вспоминая о былом.

Июль 1881
Петербург

281

Птичка-синичка
Где посидела,
Там и пропела
 Песни свои.
Кто ей внимает —
Птичка не знает
И пропадает
 В синей дали.
Славная доля:
Вольная воля,
Чистое поле,
 Зелень ветвей!
Весело птичке,
Малой синичке,
 Весело ей!

8 января 1882
Петербург

282

Вьюга злится за окном,
 Белая береза
Вся окутана кругом
 Инеем мороза.

В покачнувшейся избе
 Огонек мерцает;
Горькой жалобой в трубе
 Ветер завывает...

Слышен звук веретена,
 И трещит лучина;
У меня в груди одна
 На сердце кручина —

Что без света и тепла
Молодая сила
Безо времени прошла,
Рано изменила.

1883

283. ПТИЧКА

Весело на воле
Пташечке летать,
Над цветами в поле
Песни распевать;

А на гибкой ветке,
В сумраке лесном,
Ждут певунью детки
В гнездышке родном.

⟨1884⟩

284. ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Вышел внук на пашню к деду
В рубашонке, босиком,
Улыбнулся и промолвил:
«Здравствуй, дедушка Пахом!

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать,
Как зимой в избе, бывало,
По складам учил читать!»

— «Что ж, изволь, коли охота
И силенка есть в руках,
Поучися, будь помощник
Деду старому в трудах!»

И Пахом к сохе с любовью
Внука за руку повел;
Внук тихонько бороздою
За лошаdkою пошел...

Бодро, весело лошадка
Выступает впереди,
А у пахаря-то сердце
Так и прыгает в груди.

«Вот,— он думает,— вспашу я
Эту полосу, потом
Из кошницы дед засеет
Золотым ее зерном;

Уродится рожь густая;
А весною — благодать,
Как начнет она по зорькам
Желтый колос наливать;

Уберется васильками,
Словно море, зашумит,
Выйдут жницы на полоску,
Серп на солнце заблестит.

Мы приедем на телеге
И из связанных снопов
На гумне намечем много
Золотых тогда скирдов!»

Долго издали на внука
Смотрит дедушка седой
И любуется глубоко
Проведенной бороздой.

*18 и 22 мая 1884
Д<еревня> Низовка*

285. ЗИМОЙ

Мне зимою часто снится
Бедная избенка,
В окнах иней серебрится,
Слышен плач ребенка.

Мать над ним, полна кручины,
Охает, вздыхает.
Пламя дымное лучины
Стены освещает.

Бабка, старая подруга,
В уголочке жметя,
А по крыше буря-вьюга
Кружится и вьется.

⟨1884⟩

**286. ПЕСНЯ
МИКУЛЫ СЕЛЯНИНОВИЧА**

Хорошо весной,
Поле чистое,
Муравой-травой
Ты украшено,
Да цветочками
Всё душистыми
В утро майское
Принаряжено.

От сырой земли
Рожь-красавица
К небу синему
Подымается,
Там поет-звенит
Пташка вольная,
Колокольчиком
Заливается.

Есть где, молодцу,
Разгуляться мне,
С кем померяться
Крепкой силою.
Когда выйду я,
Не погневайся,—
Красоты твоей
Не помилую!

Вольной пташкою
Не заслушаюсь,
Распашу твою
Гладь зеленую,
Развернусь с косой
И всю травушку
Соберу в стога,
Засушенную.

Рожь серпом кривым
Срежу спелую,
Смолочу ее
Я до зернышка,
Уложу в мешки,
Поклонюсь тебе
И скажу: «Прощай,
Чисто полюшко!»

3 мая 1887
Д(еревня) Низовка

287. ВЕСЕННЕЕ ЦАРСТВО

Вернулось царство вешних дней:
Звенит по камушкам ручей,
Река шумит,
И с криком стая журавлей
Уж к нам летит.

Смолою пахнет от лесов,
Краснея, почки лепестков
Вздохнули вдруг,
И миллионами цветов
Покрылся луг.

Настала чудная пора!
Свалилась с плеч моих гора
Гнетущих бед,
Я на работу со двора
Иду чем свет.

Железо землю бороздит,
А солнце весело глядит
В сиянье дня
И всё ласкает и живит
Вокруг меня.

Из норки черный жук ползет,
И сеть прозрачную плетет
Себе паук,
Летит пчела и издает
Протяжный звук.

На распустившийся цветок
Садится пестрый мотылек,
 Качаясь в нем,
Пока не тронет ветерок
 Его крылом.

Лошадка весело межой
Идет, а солнце, за горой
 Кончая день,
Уже бросает над землей
 Ночную тень.

Пора на отдых! В деревнях
Зажглись огни, и в небесах
 Взошла луна,
Покой на вспаханных полях
 И тишина.

1889

288

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Темных струй подслушал ропот;

Взял у осени ненастье,
У весны — благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

1891

289. ПОД ЧЕРЕМУХОЙ

Вошел я в огород: черемухой душистой
Пахнуло мне в лицо,— она, как снег, белела.
Кругом и надо мной послышалось жужжанье
Протяжное пчелы, и на траве зеленой
Присел я отдохнуть под сень ее густую.
И вспомнил я минувших лет забавы,
Все игры детские, и легкие печали,
Как это облачко в лазури голубой.

Бывало, так же я весеннею порою
Засиживался здесь, взгляд к небу устремляя,
Где тучки плавали иль солнце огневое
Лучи земле родной с любовью посылало
И, всё животворя, дарило мошке каждой
Привет горячий свой и светлую улыбку.
Вдали перистый лук, посаженный на грядках,
С бобами сочными всходил и красовался,
А старый дед пахал за этим огородом,
И пашня черная виднелася сквозь тын,
И жаворонок пел, и каркали вороны,
За дедом в борозде собирая червяков...
Веселая пора! она уж не вернется
С ее надеждами и радостью беспечной.
Но с каждою весной бессмертная природа
Напоминает мне об этих чудных днях.

1891

290. ВЕСЕННЕЕ УТРО

Утро. Заря занимается,
Блещет над чашей лесной;
Птичка с гнезда поднимается,
Громко поет надо мной.

Весело зореньку ясную
Мне за работой встречать,
Птичке на песнь сладкогласную
Песней родной отвечать.

Весело, в пашню глубокую
Бросивши горстью зерно,
Думать, что рожью высокою
Заколосится оно.

⟨1892⟩

291

Растаял снег среди полей,
Сбегает под гору ручей,
И пробивается трава.

В лесу фиалки распустились,
И яркой зеленью оделись
Кусточки все и деревья.
Родимых мест знакомый вид
Мне снова душу веселит.
В родной деревне я встречаю
Весны живительный приход
И, если птичка запоет,
На песню песней отвечаю
И в ней с любовью величаю
Крестьянский быт, крестьянскую заботу
И выхожу с зарею на работу.

⟨1897⟩

292. ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Ласточка,
Сизокрылая,
Под моим окном
Свила гнездышко —
И поет себе
Заливается,
Весну красную
Прославляючи.
И от зорюшки
Вплоть до вечера
Ее слушал бы,
Не наслушался,
Про свое житье
Без тепла гнезда
В стороне чужой
Вспоминаючи.

⟨1898⟩

293. В ДЕРЕВНЕ

Иду ли я полем — трава зеленеет,
Разносится всюду цветов аромат,
А солнышко с неба и светит и греет,
И божи и птички со мной говорят.
Иду ли я лесом — и сосны, и ели
Меня окружают живою стеной,

И слышатся чудные звуки свирели
С знакомым напевом мне песни родной.
И весело мне, да и грустно порою,
Когда подхожу я к деревне моей
И вижу под окнами нищих с сумою
Беспомощных старцев и малых детей
(1900)

294. ЗИМНИЙ СОН

Зима холодная пришла,
Избенки снегом занесла,
Все окна в иней запушила,—
В них ни просвета, ни тепла.
Вот застонала и завывала
Вдруг злая буря — ночь темна,
Ни зги не видно из окна,—
Пора и спать уж мне ложиться.
Но не дает спокойно спать
Всё та же буря: словно тать,
Всю ночь в окно мое стучится
И воет жалобно в трубе,
Да где-то мышь скребет в избе.
Едва засну — и вдруг мне снится
Опять зима и тот же снег...
Среди ребяческих утех
Проходит целый день, и вот
Мужик на дровнях из ворот
В лес за дровами выезжает.
Мороз трескучий пробирает
И уши мне и щеки жжет.
Кругом меня шумит-играет
Толпа товарищей-ребят,
Я покататься с ними рад
С горы на санках,— вот за мною
Они все тесною гурьбою
Со смехом под гору летят...
Зима сменяется весной,
Снег побурел, и Волга вздулась,
Кой-где трещит, ломаясь, лед,
Синее стал небесный свод...
Вот с юга ласточка вернулась,

Сидит на крыше и поет:
«Весна идет, весна идет».
А солнце с неба жарко льет
На темный лес, на гладь полей
Снопы живительных лучей.

⟨1905⟩

295

Всё зазеленело...
Солнышко блестит,
Жаворонка песня
Льется и звенит.

Бродят дождевые
В небе облака,
И о берег тихо
Плещется река.

Весело с лошадкой
Пахарь молодой
Выезжает в поле,
Ходит бороздой.

А над ним всё выше
Солнышко встает,
Жаворонок песню
Веселей поет.

⟨1906⟩

296. ВОЛЯ

Ах ты, воля, ах ты, воля,
Воля дорогая!
Отчего совсем не знаю
Никогда тебя я?

Во леса ли, во болота
От меня укрылась,
Аль во травушке зеленой
В поле схоронилась?

Аль не люди ль, люди злые,
Тебя, волю, взяли —
И в тюрьме железной цепью
Крепко приковали?

До седых волос напрасно
За тобой я рвался,
С детских лет искал по свету
И не доискался.

1905

297. МОЕЙ ВНУЧКЕ МАРУСЕ

1

Когда жилося трудно мне
На белом свете,
Я пел, бывало, о весне
И жарком лете.

А ты, дитя мое, скорбей
Всю жизнь не зная,
Пой о довольстве всех людей
Родного края.

2

(Надпись на подаренной ей книге моих песен)

С благоухающих полей
Тебе на склоне дней
На эти белые листы
Рассыпал я мои цветы,
Святую музыку речей.
Прими же их, дитя, и пой
О славе родины святой.

<1916>

Д. С. Мережковский

298. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Минутная гроза умчалась далеко.
Меж туч, разорванных порывом краткой бури,
Мелькнула бирюза сверкающей лазури.
Все окна в комнате открыл я широко,—
И теплый аромат земли, дождем омытой,
С благоуханием трав принес мне ветерок,
И к солнцу протянул свой бархатный цветок
Гелиотроп в саду, лучами весь облитый;
Залетный жук гудит и бьется о стекло.
Вспорхнула бабочка,— прозрачно и светло,
В отливе янтаря рубиновым узором,
Два крылышка сквозят над влажной резедой...
А там, вдали поля с их голубым простором,
И тянутся леса зубчатую стеной
На рубеже небес...

И, радуясь безлюдью,
Пахучей свежестью дышу я полной грудью,—
Но вот толпа детей сбежалась под окном,
Чтоб в лужу опустить кораблик из бумаги;
Звонят их голоса, полны живой отваги,
Звонят как бы в ответ на дальний, слабый гром,—
И смехом молодым, как музыкой веселой,
Победно заглушен раскат его тяжелый.

<1885>

К. Льдов (К. Н. Розенблюм)

299. САША-ЗАМАРАШКА

Жил на свете мальчик Саша,
Трусил щетки, а гребня
Опасался как огня.
Позовет его мамаша,
Хочет вымыть, причесать,
Приодеть,— не тут-то было:
Как увидит Саша мыло,
Заревет и ну бежать!

Грязен сам, грязна рубашка,
Локоть продран; волоса —
Что дремучие леса.
Вот он, Саша-Замарашка...

Как ни билась с ним родня,
Выходило проку мало, —
Он боялся, как бывало,
Мыла, щетки и гребня!
Кто ж виной, судите сами,
Что немил наш мальчик всем,
Что, обросши волосами,
Стал барбоскою совсем?

⟨1883⟩

300. РЫБОЛОВЫ

У реки засели рядом
Двое страстных рыбаков —
И следят тревожным взглядом
За движеньем поплавков.

Вдруг клюет!.. Один другого
Удивить скорей спеша,
Ташут оба рыбакова
Злополучного ерша.

На душе клокочет злоба,
Спорят яро рыбаки, —
«Мой!» — кричат друг другу оба,
Потрясая кулаки!

В это время — замечай-ка, —
Подхватив ерша с земли,
Улетает с рыбой чайка
И скрывается вдали...

Нет ерша! Свой гнев забыли
Поневоле рыбаки —
И опять рядком спустили
Дружно в воду поплавки!

⟨1884⟩

301. КОЛЯ-БЕЗДЕЛЬНИК

От безделья любо Коле
Портить вещи, пачкать, рвать,—
То изрежет стол он в школе,
То зальет свою тетрадь...
Полюбуйтесь, как со скуки
Расписал лентяй наш руки!
(1884)

302. ВОТ ТАК ФРАНТ!

Говорят, что Жорж — растрепка;
Но, поверьте, это — вздор,—
Посмотрите-ка, как ровен,
Как хорош его пробор!

На пробор он испомадил
Банку целую до дна,
Ну, а сзади,— там не видно,—
Хоть расти копной копна!
(1885)

303. ГОСПОДИН УЧИТЕЛЬ ЖУК

Как-то летом на лужайке
Господин учитель Жук
Основал для насекомых
Школу чтенья и наук.

Вот стрекозы, мушки, мошки,
Пчелы, осы и шмели,
Муравьи, сверчки, козявки
На урок к Жуку пришли.

«„А“ — акула, „Б“ — букашка,
„В“ — ворона, „Г“ — глаза...»
Шмель и муха, не болтайте!
Не шалите, стрекоза!

„Д“ — дитя, „Е“ — единица,
„Ж“ — жаркое, „З“ — зима...
Повторите, не сбиваясь:
„И“ — игрушка, „К“ — кума!

Кто учиться хочет с толком,
Пусть забудет в школе лень...
„Л“ — лисица, „М“ — мартышка,
„Н“ — наука, „О“ — олень.

„П“ — петрушка, „Р“ — ромашка,
„С“ — сверчок, „Т“ — таракан,
„У“ — улитка, „Ф“ — фиалка,
„Х“ — ходули, „Ц“ — цыган».

Так наш Жук, махая розгой,
Учит азбуке стрекоз,
Мушек, мошек и козявок,
Мурашей, шмелей и ос.

(1886)

304. КТО ПРАВ?

«Куда как ты смешон! —
Полкану говорит Плутон: —
Как будто лошадь, запряжен!..
Ужли тебе не стыдно?»

— «Играть с детьми — стыда тут нет! —
Сказал Полкан ему в ответ.—
Кто добр, тому хоть целый свет
Засмейся — не обидно!»

(1886)

305. ПО ПЕРВОПУТКУ

Зима, зима!.. Алмазный снег
Манит, зовет малютку —
Затеять в санках быстрый бег
По первопутку.

Вот Витя с Людочкой конем
Хотят запрячь Жужутку,
А он спасается бегом
 По первопутку.

Салазки катятся с горы,
Скользят в одну минутку...
Ах, веселее нет игры
 По первопутку!

Ворона каркает с ветвей,
Надсаживая грудку,
На пробегающих детей
 По первопутку.

Зима, зима! Пора начать
Ученье не на шутку
И в школу весело шагать
 По первопутку!

⟨1887⟩

306. ДЕРЕВЕНСКИЕ ДВОРЦЫ

Ветхий тес, плетень, солома,—
 Неказист ты, сельский вид!
Но под каждой кровлей дома
 Новый домик пышно свит.

Точно сетка кружевная,
 Сложен вязью хрупкий слой,—
Глянесь — пряжа расписная
 Словно вышита иглой!

А внутри-то как красиво:
 Пышно затканый ковер,
Пух и прут сплелись на диво
 В изумительный узор!

В высоте над ним синее
 Бирюзовый потолок,
Месяц нежит, солнце греет
 Этот чудный уголок...

Всюду ласточки-касатки
Понастроили дворцов...
Чуть слышат голос матки,
Прямо в небо из кровати
Смотрят носики птенцов...
<1887>

307. БАРАБАНЩИК

Сережа — славный барабанщик,
Он сыплет трелью: бум, бум, бум!
Он не колотит как попало,
Не барабанит наобум!

— Вперед, вперед! Друзья, спешите,
Идите радостно вперед,
За строем строй и взвод за взводом...
Пускай никто не отстает!

Идите честною дорогой,
Путем труда и честных дум,
И пусть никто из вас напрасно
Не барабанит: бум, бум, бум!
<1888>

308. ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

Однажды я вошел к папаше,
В его уютный кабинет...
Сквозь штору в комнату струился
Какой-то сизый полусвет.

И на столе среди тетрадей
И груды книг увидел я,
Как разлеглась бесцеремонно
Неугомонная семья.

Котята прыгнули на глобус,
Качнулся тихо шар земной,—
И завертелись пассажиры,
Как в каруселях, предо мной.

В своем вращенье кругосветном
Они мелькали, как стрела...
А Машка старая глядела
На них тревожно со стола.
(1898)

309. СПОР

Раз стала спорить бабочка
С соседкой стрекозой,
Гордиться и бахвалиться
Своею красотой...
«Весь мир меня красавицей,
Живым цветком зовет,
Хор птиц весь день прелестные
Мне песенки поет...
За мною увивается
С сачками деток рой,
На розах засыпаю я
Вечернею порой.
А ты — собой зеленая —
Умешь лишь трещать,
Тебя меж насекомыми
Лягушкой надо звать!»
— «Пустое ты создание,
Пустая голова!
Франтишь в нарядных крылышках,
Сама же какова?
Зовешь себя красавицей,
Зовешь себя цветком,
А всё была и будешь ты —
Ничтожным червяком!»
Слова двух неприятельниц
Заслышал их сосед —
Гриб старый, гриб березовик —
И умный дал совет...
Достали колос спорщицы,
На гриб кладут скорей:
Чью перетянет сторону,
Та краше и умней!..
Вот вверх взлетела бабочка,
Вот падает стремглав,—

Сам гриб в недоумении:
Кто прав и кто не прав?
Ни стрекоза, ни бабочка
Не могут кончить спор..
Качаются... качаются —
Поди, и до сих пор.

⟨1890⟩

310. ЛОШАДЬ ПАЛА

Лошадь пала. Перед ней,
Тучи сумрачной черней,
Думу думает крестьянин.
Труд крестьянский неустанен,
Перерыва нет ему,
А без лошади — суму
Надевать теперь придется...
Может, бедная, очнется?
И тревожно он глядит,—
Но лошадка мирно спит,
Погрузившись в отдых свой
На постели снеговой.

⟨1900⟩

311. ВОРОБЬИ

Воробьи прозимовали
В чердаках, на сеновале,
С лошадьми и у коров.
Но лишь только потеплело,
Сговорились, как на дело,—
И покинут мирный кров.

Нынче утром вся их стая
Зашумела, улетая,
Как на сходке мужики,—
А затем пошла походом
По лугам, по огородам,
Через кочки и пеньки.

Разлетелись всюду воры,
Заглянули под заборы,
За плетни и между гряд,
Поклевали у посева,
На гумне и возле хлева,
У овец и поросят.

Их чириканьем и свистом
Полон воздух в поле чистом,
Полны рощи и поля,—
Всюду гам, везде веселье,
Точно славит новоселье
Вся воскресшая земля.

⟨1900⟩

312. СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

Трудно выразить словами
Удивление Культяпки,—
Озадачен он ужасно
Встречей с мопсиком из папки,
Озадачил не на шутку
Мопсик папочный собаку!
Вот лизнул его Культяпка,
Вот полез на гостя в драку...
Мопс ни с места... Что
за притча!

Перед такой задачей
Не помог, увы, Культяпке
Даже нюх его собачий!

⟨1901⟩

313. ЖУКИ

Ах, какой проказник Коля!
Посмотрите-ка, каков:
Он в скорлупку от ореха
Майских двух запряг жуков!

Но скорлупка — не коляска!
И не лошади — жуки,—
Тяжела для насекомых
Шутка Колиной руки.

Хорошо, что папа скоро
Эту шалость прекратил:
Он поставил Колю в угол,
А жуков освободил.

〈1903〉

И. А. Белоусов

314. РАННЯЯ ПТИЧКА

Прилетела певунья ко мне под окно;
Здравствуй, гостья моя дорогая.
Еще снег не сошел, небо хмуро, темно,—
Запоздала весна золотая.

Только лес почернел да кой-где по буграм
Из-под снега земля показалась.
Обманули мечты: торопилась ты к нам
И тебе в нетерпенье казалось —

Ждут тебя здесь тепло, лес с листвой молодой,
И луга, и поляны с цветами,—
А у нас еще реки в коре ледяной
И гуляет метель над полями...

И со всяким на свете бывает беда!
Подожди, потерпи, дорогая:
Вот повеет теплом и от снега следа
Не оставит весна золотая.

Снова ты оживешь, встрепенешься опять;
Небеса засинеют, как море,—
И, паря над землей, будешь ты распевать,
Позабыв мимолетное горе!..

〈1898〉

315. ИГРА В ГОРОДКИ

С двух сторон, как будто пушки,
Городки стоят.
Собрались толпой ребята,—
Весело шумят.
«Тыка!» — «Ляпа!» — «Ну, скорее
Мне битку давай!»
— «Меться, Ваня, в середину,—
В бок не попадай!»
Ваня встал; битка мелькнула,
Городок упал,
И смотреть к черте, что выбил,
Ваня побежал.
«На черте!» — «Не выбил!» — «Ставьте
Поскорей «попа!» —
И над Ванею смеется
Весело толпа.
«Стойте, есть битка другая,
Только б не сплоскать...»
— «Не «попа»,— лежачих надо
За черту загнать!»
Вот сменяет Ваню — Коля
И битку берет,
И ударом метким, ловким
Городок он бьет,—
Слышны крики одобренья:
«Вот так молодец!»
— «Ставь еще,— сдавайтесь, братцы,—
Скоро вам конец!..»
И битки, кружась, мелькают,
В городки летят,
И ребят веселых крики
В воздухе звенят!..

⟨1901⟩

Мирную песенку зяблика
Снова я слышу в лесу,
Мне она в душу запала,—
В город ее я снесу;

Там среди вечного шума
И городской суеты
Песенка эта напомнит
Мне и весну, и цветы.

⟨1902⟩

317. ВЕСЕННЯЯ ГОСТЬЯ

Милая певунья,
Ласточка родная,
К нам домой вернулась
Из чужого края.

Под окошком вьется
С песенкой живою:
«Я весну и солнце
Принесла с собою...»

⟨1905⟩

318. ОСЕНЬ

Садик мой веселый,
Где ж твои цветы?
Под дождем осенним
Изменился ты!

Ветер злой, холодный
Листья оборвал,
По дорожкам грязным
Все их разбросал.

Под дождем и ветром
В темноте ночей
Стонешь ты, качаясь,
Слезы льешь с ветвей.

Как тебя утешить,
Что тебе сказать?
Жди — весна вернется,
Зацветешь опять!

⟨1905⟩

Увяла елочка! Она
 Давно ль мой радовала взгляд?
 Была пряма, была стройна,
 И пышен был ее наряд.
 Ее заботливой рукой
 В лесу с корнями вырыл я
 И перенес в садочек мой,—
 Росла там елочек семья;
 Ее я с ними посадил,
 Чтобы не скучно было ей;
 Лесную гостью я любил
 И сам ухаживал за ней...
 Прошла зима; пришла весна —
 И хвои желтые с ветвей
 Ее осыпались: она
 В тоске по родине своей
 Увяла, бедная!..

⟨1905⟩

Всё, во что я верил свято
 В пору детских дней,—
 Были сказки-небылицы
 Бабушки моей.

Сколько было в них героев,
 Доблестных людей,
 Славных витязей отважных
 И богатырей,

Что всю жизнь со злом боролись
 Против темных сил!..
 Слушать сказки-небылицы
 В детстве я любил.

Помню я — зимой, бывало,
 За окном метель...
 Темным вечером мне стелет
 Бабушка постель.

И с чулком у изголовья
Сядет — и начнет:
«В тридесятом государстве
Злой колдун живет...»

Долго, долго длится сказка;
Я лежу, не сплю
И как будто злые козни
Колдуна терплю;

Вместе с витязем-героем
Против колдуна
Я борюсь... А вьюга злится,
Плачет у окна...

Спит старушка на кладбище,
Спит уж много лет,—
Но в душе моей остался
Прежней сказки след.

Много в жизни я боролся
Против темных сил,—
Сказки бабушки недаром,
Видно, я любил!..

(1905)

321. НА РЕКЕ

Шатром нависла ивушка
Над тихой рекой,—
И в глади вод, как в зеркале,
Любуется собой.

Под ивой мальчик с удочкой,
Как вкопанный сидит,—
За поплавком и лескою
Он пристально следит.

Не дрогнет гладь зеркальная,—
Но вот от полавка
Пошли круги — и дрогнуло
Сердечко рыбака.

Один лишь миг,— чешуйками
Сверкая серебром,
Трепещет рыбка малая,
Задетая крючком.

И вновь крючок с насадкою
И поплавок в реке,
А рыба в плен попалася —
Сидит она в садке.

Ей больше не увидеться
С родимую рекой,
Не плавать ей с подругами
Веселою толпой!..

⟨1905⟩

322. В ЛЕСУ

Я иду тропинкой узкой,
Пробираюсь в лес густой;
Зеленеющие ели
Стелят ветви надо мной.
По бокам трава с цветами,
Песни птиц звенят кругом;
Ручеек журчит в ложбинке,—
Струйки блещут серебром.
Я один,— и мне не страшно:
Кто обидит здесь, когда
Сам пришел не обижать я —
Отдохнуть пришел сюда!
Я не трону птички малой
И цветов не стану рвать;
Если жизнь я дать не в силах,
Как могу ее отнять?

⟨1907⟩

323. ЛАСТОЧКА

Было скучно, грустно мне,
Пусто в одиночестве,
И тоскливо-медленно
Шли за днями дни.

Ласточка веселая,
Птичка говорливая,
Под моим окошечком
Гнездышко свила,
Вывела и деточек
И с утра до вечера
Песенкой веселою
Утешала их...
Вылетели птенчики,
Улетела ласточка,
Опустело гнездышко,—
Я опять один!..

⟨1907⟩

324. ЛЕТОМ

Мелькают крылья ласточки
На солнце серебром;
Луга цветами убраны,
Леса шумят кругом.

Как солнцу рады ласточки,
Как высоко взвились!
Звенит их криком радостным
Вся голубая высь.

Поля кругом раскинулись,—
Конца им не видать.
Рожь поднялась, волнуется,—
Простор и благодать!

⟨1907⟩

325. В ЛЕСУ

Краснеют на солнце
Сосен стволы,
Разносится всюду
Запах смолы;

А ландышей белых
Кисти висят;
Как тонок и нежен
Их аромат.

По лесу иду я,
Песню пою,
И слушают сосны
Песню мою.

Сквозь ветви густые
Солнце глядит;
Зяблик в ответ мне
Песней звенит...

⟨1909⟩

326

Приходи пораньше утром,
Разбуди меня с зарей,
Выйдем в поле на пригорок,
Встретим солнце мы с тобой.

И посмотрим, как прорежет
Солнце радостным лучом
Над землей туман нависший
И осветит всё кругом.

Мы дадим друг другу клятву
Так всю жизнь свою прожить:
Сеять в мире свет и знанья,
Правде-истине служить!..

⟨1911⟩

327. ДЕТСКАЯ ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Верба распустилася
И весну зовет;
Скоро к нам красавица —
Скоро к нам придет.

С песней соловьиною,
С зеленью лугов,
С серебром-журчанием
Светлых ручейков.

То-то будет радости!
То-то воля нам —
Бегать день без отдыха
По полям, лугам...

⟨1913⟩

М. П. Чехов

328. ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

Вчера кричали журавли,
И на душе так грустно стало!..
Еще цветы не отцвели,
Еще и лета не бывало,
А лишь дожди всё шли да шли
И небо холодом дышало.

И вот теплу конец пришел!
Уж нет ни грома, ни зарницы...
Туманны небо, лес и дол,
И собрались к отлету птицы...
И только чижик, да шегол,
Да разве юркая синица

В деревне будут зимовать...
И жалко, жалко покидать
И сад, и лес, и птичек пенье,
Но ехать надо, и опять
Нас ждут труды, нас ждет ученье.

⟨1907⟩

329. УЖ РАМЫ ВСТАВИЛИ...

Уж рамы вставили, и вязкой
По всем щелям, со всех сторон
Мы их обмазали замазкой,
И сразу смолк из церкви звон.

Все звуки как-то вдруг застыли,
И стало тихо так у нас,
Как будто мы сидим в бутылки,
Как будто вдруг наш слух погас.

Вот привели к нам обезьянку,
Цыган зашел с ней к нам на двор,
Но уж не слышно к нам шарманку,
Не слышен к нам и разговор.

И так пробудем мы в бутылки
До самой радостной весны.
Приди ж, весна! Мы приуныли.
Навей на нас златые сны!

⟨1907⟩

330. ТЕПЕРЬ УЖ СКОРО!

Теперь уж скоро! Март настанет,
Грачи к нам с юга прилетят,
Растает снег, теплом потянет,
И новый примет всё наряд.

В лесу, на сухоньком местечке,
Подснежник первый зацветет,
И, широко разлившись, речка
Вновь в берега свои войдет.

И, возвратясь в свои скворешни,
Скворцы повсюду запоют,
Затем начнут цвести черешни
И вишни буйно зацветут.

Потом заквакают лягушки
И зажужжит в цветках пчела...
И вдруг раздастся крик кукушки:
«Ку-ку! Ку-ку! Весна пришла!»

И так на сердце станет ясно,
Так вдруг захочется туда,
Где лес, цветы, где всё прекрасно
И где в полях мычат стада.

⟨1910⟩

331. В ГОРОД!

Забравши стол, диван, кровать
И уложивши их на клячу,
Мы покидаем нашу дачу
И едем в город зимовать.

Кругом уныло, дождь идет,
И там, где собран хлеб озимый,—
Прозябший весь, невозмутимый,
Бредет понуро мокрый скот.

Но вот и город. Все бегут,
Спешат куда-то, едут, мчатся...
Теперь за дело приниматься!
Здесь ждет и нас тяжелый труд.

⟨1910⟩

332. Я ЖДУ...

Я жду, когда растает снег,
И залетают всюду мушки,
И огласят заросший брег
Нестройным кваканьем лягушки,
Когда распустится сирень,
Проглянет ландыш ароматный
И освежится жаркий день
Грозой нежданной, благодатной.

Я жду, когда в полях свирель
Вдруг запоет непринотливо
И ей угрюмый коростель
Ответит дерганьем пугливо.
Я жду, а снег идет сильней,
Трещат суровые морозы...
О лето, где ты? Где стрекозы?
Где голосистый соловей?

⟨1911⟩

333. В ДЕРЕВНЕ

Как я люблю свои березы,
Свои леса, свои луга,
И ночи летние, и грозы,
И зиму с стужей, и снега!

Люблю я речки серебристой
Хрустально-нежный разговор,
И травки бархатный, душистый,
С цветами скромными ковер.

Люблю я мирные картины
Своих полей, своих лесов,
Люблю мычание скотины
И звуки птичьих голосов.

Я не расстанусь с этим раем,
Люблю я эту красоту
И город с пылью и трамваем
Им ни за что не предпочту.

⟨1913⟩

334. В СЕНОКОС

Еще туман стоит над лугом,
Еще блестит везде роса,
Но уж звенит, жужжит коса
И чередою, друг за другом,
Идут по лугу косари...
Ты только встань и посмотри,
Как, расстегнув свои рубашки
И разметавши волоса,
Они идут — и гроздь кашки,
И клевер — всех лугов краса —
Ложатся ровными рядами...

Ты только встань и посмотри,
Как эти все богатыри
Махают острыми косами!
Послушай ты, как голосами
Идущих с граблями девиц

Наполнен воздух и как птиц
Им отовсюду вторит пенье!
Ведь это ж радость, упоенье,
И что уж там ни говори,
А прелесть наши косари!

⟨1913⟩

335. ВСЁ ДОЖДЬ И ДОЖДЬ...

Всё дождь и дождь. Повсюду лужи,
На землю с крыш потоки льют.
Что день, то пасмурней и хуже,
И от осенней острой стужи
Не знаешь, где найти приют.

Всё дождь и дождь... Во мгле туманной
Чуть видным стал печальный лес,
Бушует ветер неустанный,
И редко теплый луч желанный
Бросает солнышко с небес.

Всё дождь и дождь... Увяли розы,
Цветы озябли, не цветут,
И на деревьях только слезы...
Еще неделька — и морозы
К нам грозно с севера придут.

⟨1914⟩

О. А. Белаяевская

336. ИВА И ТОПОЛЬ

Стройный тополь главой горделивой
К голубым небесам возносился;
Красотою и близостью к небу, счастливый,
Он пред скромною ивой хвалился
И притворно жалел, что она
Ветви долу печально склоняет
И, природой красы лишена,
Неба, ясного солнца не знает.

«Я расту, — он услышал в ответ, —
Над рекой, где прозрачные воды
Отражают и солнечный свет,
И небес лучезарные своды».

(1888)

337. ЕЛКА

Елка зеленая, густоветвистая
В пышный наряд убрана;
В пышном уборе роняет смолистые
Слезы беззвучно она.

Ноет в стволе ее рана глубокая,
Сердце ей точит печаль:
Леса родимого, леса далекого
Елке мучительно жаль.

Звездного неба пространство безбрежное
Там возвышалось над ней;
Стлались под нею ковры белоснежные
С синим узором теней.

Ветер ей пел свои песни свободные;
Сказки ей лес говорил;
Щедрый мороз ее ночью холодной
В жемчуг, в алмазы рядил.

Думает елка с тоскою глубокою:
«Лес мой родной, не видать
Мне тебя больше. Прости! Одиною
Здесь суждено умирать.

А для чего?!» А вокруг елки шумливую
Дети собрались толпой.
Дышат весельем их лица счастливые,
Радостью блещут живой.

Елка задумалась. Утро весеннее,
Лепет зеленых ветвей,
Птиц на заре щебетанье и пение
Дети напомнили ей.

Радость их горе смягчила тяжелое.
Тайной отрадой полна,
Вспыхнула ярко огнями веселыми
В грустной неволе она.

⟨1890⟩

338. БАБУШКА И ВНУЧКА

«Бабушка, добрые феи
Правда на свете живут?
Вправду седые пигмеи
Клады в горах стерегут?
Может волшебница злая
Нас усыпить на сто лет?»
— «Нет, моя крошка родная,
Фей благодетельных нет.
Добрые люди на свете,
Таня, живут вместо них.
В ласковом слове, в приветии
Сила волшебная их.
Клады трудом и терпеньем
В недрах земли достают;
Там, где зажглось просвещение,
Люди навек не заснут».

⟨1890⟩

339. В ПЕЧКЕ

Смотри: золотые дорожки
И замок янтарный в огнях.
Сбегаются карлики-крошки
В пурпурных и алых плащах.

На башнях огнистые флаги,
Вкруг замка пылающий ров
И огненно-алые стяги
На стенах меж ярких зубцов.

Взлетают червонные птицы
Над пламенно яркой мечтой.
Но вот заскрипят половицы,
Старушка придет с кочергой.

И дрогнет наш замок янтарный,
И рухнет пылающий ров —
Созданье мечты лучезарной,
Виденье несбыточных снов.

⟨1907⟩

340—343. ⟨ИЗ КНИГИ «КАПЕЛЬ»⟩

1

ЗОЛОТОЙ ЗВОН

Звон золотой по лесам.
В поле звенят подголоски.
Хлеба созревшего там
Ярки на солнце полоски.

Золотом чистым горят,
Звоном хвалебным звенят
Славу труду человека.

Благовест мирный гудит
Ясно от края до края,
Добрую весть он гласит:
Осень пришла золотая.

С желтым тяжелым снопом,
С сочным румяным плодом,
С сотом янтарно-прозрачным.

⟨1907⟩

2

ВЕРБОЧКИ

Золотые зайчики
На стене играют;
Белые шугайчики
Вербы надевают.

В полдень солнце красное
Лаской землю греет,—
За ночь звездно-ясную
Лужа стекленеет.

Оттого в шугайчиках
Вербочки весною
На пушистых зайчиках:
Холодно зарею.

⟨1908⟩

3

ЗИМНЯЯ СКАЗОЧКА

*Памяти той, которая
любила всякую божью тварь*

Дед Мороз да старуха Зима
Держат тайный совет в чаще леса,
Как им братью меньшую спасти
От ружья, от силков, от капкана,
Когда снегом покроеет поля,
Белым инеем — старые сосны.
«Вот что, дедка Мороз:
Рыжим белкам пошить
На безвременье серые шубки,
Зайцу, трусу косому, треух
Справить белый да белый тулупчик».
— «Так, старуха. На белом снегу
Не приметит их зоркий охотник».

И всю ночь, от зари до зари,
Кроит, строчит старуха обновки:
Зайцу — белый треух, рукавички, тулуп,
Шубку серую — белке-плутовке.

⟨1907⟩

4

СОН-ДРЕМА

Наташе и Мирочке Левиным

На кудрявой головке его колпачок,
Лепестки мака алые;
Сон-травой опоясан, лицо с кулачок;
Ростом он, как дитя годовалое,
А летами — совсем старичок,
Старше дедушки с бабушкой.

В мягких туфельках стройные ножки его,
Панталончики, куртка атласная.
Хоть разок бы тебе поглядеть на него,
Заглянуть в его глазки прекрасные,
Увидать, как сидит на подушке твоей,
Озаренной полночной лампадкою,
Как рисует узоры китайских теней
По стене над твоею кроваткою.
Как его подстеречь нам с тобой?
До зари ли в постель не ложиться?
Иль закрыться до глаз простыней?
Или спящими нам притвориться?
Вот беда: он к бессонным нейдет,
Наяву-то он людям невидим,
А лишь только он в спальню скользнет,
Мы уснем и его не увидим.

〈1906〉

344. АПРЕЛЬ

Зазвенела капель,
Опушилась зеленой бахромкою ель,—
Берестяный рожок ладит Лель
И свирель.
Он выходит на радостный светлый лужок,
Где сквозистый снежок,
И звенит берестяный рожок
И свирель.
И звенит и лепечет капель:
Лель! Лель! Лель!

〈1909〉

345. ВЕСЕННИЕ ВЕСТИ

Мне воробьи сегодня рассказали —
Не знаю, правда ли, — что уж весна идет.
Не верится: вчера еще в снежки играли
И на пруду прозрачный крепок лед.
Чивик-чик-чик! Откуда вы узнали?
Кто о весне, пичужки, вам сказал?
«Полдневный луч нам крылышки ласкал,
Капли первые сегодня прозвучали».

〈1912〉

346. ВЕСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Нас пригрело апрельское солнце,
И подумали мы, что весна,
Распахнули свои балахонцы,
Потянулись со сладкого сна.

Небеса голубые сияли,
На лужке зацвели цветы,
Капюшонцы мы зимние сняли,
Потянули на солнце листки.

Вдруг откуда-то ветер примчался,
Погасил у цветков огоньки,
Лес в морозные иглы убрался,
Белым пухом оделись пеньки.

Кабы знать, не снимать капюшонцы,
Нежных первых листов не студить,
Кабы знать, что весеннее солнце
Так жестоко умеет шутить!

Нет, не солнышко в том виновато —
Где нам, малым, его осуждать!
От румяной зари до заката
Радо красное было б сиять;

Да нахлынули тучи на солнце,
Мглы лучам золотым не прорвать.
Нет, на будущий год балахонцы
Мы не будем так рано снимать.

⟨1913⟩

347—352. ⟨ИЗ КНИГИ «ЗОЛОТОЙ ПОЯСОК»⟩

1

ВЕРБОЧКИ

«Вербочки, вербочки, снег по полям.
Вербочки, вербочки, холодно вам?»
«Цветом-снежинками мы расцвели,
Дети холодной, суровой земли.

Мартовский нас не пугает мороз.
Что нам до зимних последних угроз?
Мы под весенним убором своим
Тайну зеленой надежды храним».

⟨1913⟩

2

ВЕСЕННИЕ ВЕСТИ

«Слыхали ли вы,—
звенели
капели,—
Что больше не будут седые метели
Над полем кружить?»
— «Слыхали, слыхали!» —
ручьи отвечали
И с гор побежали
Долины будить.
— «Слыхали ли вы,
равнины,
долины,
Что с юга летит караван журавлиный,
Что в роще уж слышатся крики грачей?»
— «Слыхали, слыхали
мы гомон
грачиный
Вчера над макушкой старой рябины
В сиянье закатных лучей».
На вести весенние
чуткие
ушки
Под талым снежком наострила листва,
На первой проталинке снежной горушки
Серебряным цветом взошла сон-трава.

1914

3

ПО ГРИБЫ

Мы — по ельничку, по осиннику,
По наметочкам, по зарубочкам,
Перелесками, моховинками,
По грибным местам, по малиннику,

С кузовочками, с берестянками,—
«Ох» лесной будить звонкой песнею,
Всполошить в кустах зайца робкого,
Стаю галочью — в частом ельнике.

⟨1911⟩

4

ОСЕННИЕ ХЛОПОТЫ

Сколько белкам хлопот! Поспевает орех,
Кислый яблоч лесной и рябина,
По кустам заалела калина,—
У хозяек заботливых спех:
Надо белых грибов насбирать,
Нанизать их по веткам сосновым,
Конопатить дупло мохом новым,
Трав и листьев в гнездо натаскать.
Оттого-то в лесу суетня
И без ветра в движенье верхушки,
Оттого вокруг косматого пня
Взрыты мхов разноцветных подушки.

⟨1912⟩

5

ОСЕНЬ

Надевала осень пестрый сарафанчик,
Желтенький платочек, лапти с подковыркой,
Вышла на крылечко о заре туманной,
Плечиком пожала: студено и сыро.
Под крылечком топко, желтый лист валится,
У колодца лужа за ночь не просохла.
Не студи ты плечи на холодном ветре,
Уходи в избушку да припри оконце.
Натопи печурку, засвети лучину,
Коротай за прялкой темные часочки.

⟨1914⟩

СНЕГУРОЧКА

Снегурочка! Ау! Ау!
 В косматой шубе лес...
 Ищу тебя, зову, зову,
 Твой легкий след исчез.
 Ты спряталась под елкою?
 Зарылась ли в снегу?
 Пробраться чащею колкою
 Никак я не могу.
 Снегурочка! Снегурочка!
 Ау! Ау! Ау!

Тропинками знакомыми
 Легко тебе бежать.
 В сугробах буреломами
 Как буду я шагать?
 Исколот весь иголками,
 В снегу увязну я.
 Меж сумрачными елками
 Мне не найти тебя.

И вдруг... она явилася:
 Под елкою стоит,
 Еловой веткой колкою
 К себе меня манит.
 Осыпан весь снежинками
 Серебряный убор,
 Расшита шубка льдинками,
 Искрится льдистый взор...
 «Снегурочка! Снегурочка!» —
 Я крикнуть ей хотел,
 Искристый снег под елкою
 Косматой прозвенел...

Снежные комья летят и мелькают.
 Снежные комья лицо залепляют,
 Снежные комья глаза мне слепят,
 Снежные комья ее веселят.
 Стихло. Качнулся встревоженный куст.
 Слышен под ножкой проворною хруст.

⟨1908⟩

1

КТО ЭТО?

Чьи-то лапки на белом снегу наследили,
 Кто-то, робкий, лесною опушкой бежал,
 У березы кору обглодал.
 Корешок чьи-то зубки точили.
 Белым столбиком долго сидел,
 Навострив свои длинные ушки,
 И, зачувяв стрелка, полетел
 Через голову с белой горушки.
 Куцый хвостик, глаза с косиной
 И пушистая белая шубка,
 Рост не мал и не очень большой,
 И раздвоена верхняя губка.

<1910>

2

А ЭТО?

Я живу под землей в темной норке.
 Шубка серая, крошечный рост,
 Глазки, черные бусинки, зорки,
 И веревочкой тоненький хвост.

Меж стеблями колосьев спелых
 Я опавшие зерна ищу
 И в зубах своих остреньких, белых
 Колос срезанный в норку ташу.

Я боюсь долгоносой вороны,
 Желтоглазой совы и хорьков,
 Голодаю весною студенной,
 Зябну в сырости талых снегов.

<1914>

ВОРОБЫШКИ

Обеими ножками враз —
 Прыг-скок!
 А ходить не умеем.
 По снегу проезжих дорог,
 По белым садовым аллеям
 Прыг-скок!
 Короткая песня у нас:
 Чик-чвик!
 А другой мы не знаем.
 Завидя добычу, мы вмиг
 Комочками с крыши спадаем.
 Прыг-скок!
 Чик-чвик!

⟨1910⟩

ПОЧЕМУ ЧЕРЕПАХА СВОЙ ДОМ НА СПИНЕ НОСИТ

Царь звериный
 Звал на именины
 Весь звериный мир.

Звери полевые,
 Жители лесные
 Собрались на пир.

Все сошлись без страха,
 Только черепаха
 Не пришла на зов.

И сказал сурово
 Грозное царь слово
 И послал послов —

Привести старуху.
 «Вольного ты духу
 Набралась давно ль?»

Отчего в презренье
Наше приглашенье,—
Отвечать изволь!»

— «Батюшка, готова
Грозное я слово
Выслушать твое.

Не гневись напрасно,
Взор не хмурь свой ясный!
Мило мне мое
Тесное жильё.

С домом расставаться,
В дальний путь пускаться
Не под силу мне».

— «Так носи ж с собою
Летом и зимою
Дом свой на спине!»

С той поры досюду
Домик свой повсюду
Носит круглый год
Черепаший род.

⟨1912⟩

357. ВЕСНОЙ

Будто синькой подсинил
Кто-то снег на крыше.
Стало небо над двором
Голубей и выше.

С легким звоном от застрех
Отпадают льдинки,
Кружат в солнечном столбе
Легкие пылинки.

И, почуя к вешним дням
Поворот незримый,
Сбросил с почек колпачки
Фикус мой любимый,

Развернул атласный лист.
На геранях — почки.
Захиревший первоцвет
Обновил листочки

И из пазухи листов
Гонит цветоножки...
Вот как чувствуется весна
На моем окошке.

⟨1915⟩

С. Г. Фруг

358. БАРАБАН

В руки палочки возьми,
Крепко пальцами сожми...
Что же стал ты, бука?

Приловчись, ударь... Смотри...
Раз, два, три да раз, два, три —
Вот и вся наука...

Раз, два, три да раз, два, три...
Дети милые мои!
Если бы вы знали,

Сколько, сколько этот звук
В мир приносит слез и мук,
Скорби и печали!..

⟨1885⟩

359. ЗИМНЕЕ УТРО

Ой, долга ты, ночка зимняя!
Вьюги да метели...
Много сказок мы прослушали,
Много песен спели.

Любо, сладко в теплой горенке,
Сердце сон объемлет.
Встаньте, дети! Солнце красное
Уж давно не дремлет.

Приготовив всё как следует,
К сроку, аккуратно,
По морозцу с книжкой весело —
В школу и обратно.

А затем — гуляй по волюшке!
Радость морем льется...
Встаньте, дети! Солнце красное
Ждет вас не дожидается!..

⟨1886⟩

360. КАТАНЬЕ С ГОРКИ

По мерзлomu снегу,
На санках с разбегу,
Что конь удалой,
Что ветер твой вольный
Над степью раздольной,
Несутся стрелой.
Стрелкою несутся,
Поют и смеются,
Быстрее всё скользят...
Вдруг — санки да боком
В сугробе глубоком...
С приездом, друзья!

⟨1886⟩

361. ДЛЯ БЕДНЫХ

Смерклось. Вьюга, завивая,
Сыплет пылью снеговой;
Грустью душу наполняет
Ветра дикий, грозный вой.

А по улице безлюдной
Быстро девочка идет;
Ветер мчится ей навстречу,
Вьюга в личико ей бьет.

Я спросил: «Куда, голубка,
Ты спешишь теперь, одна?»
— «Я иду к старушке бедной,—
Мне ответила она.—

Как мне жаль ее! Больная,
Одинокая... Кругом
Все чужие... Ежедневно
К ней иду я вечером,

Приношу ей хлеб и деньги,
Что мамаша мне дает
На игрушки». — «Но малютка,—
Ей сказал я,— снег идет,

Холодно теперь и сыро!..»
— «Что ж,— ответила она: —
Я ведь к ней, к старушке бедной...
Голодна ж она, больна...»

И прервала речь малютка,
Чтоб к старушке поспешить.
Как легко быть милосердным!
Как отрадно добрым быть!

(1886)

362. ДЕТСТВО

Золотые годы детства —
Золотых ступенек ряд,
По которым мы восходим
В царство знанья, в царство света
Для трудов и для отрад.

По блестящим тем ступенькам
Много собрано цветов,
Много сочных и румяных
Наливается и зреет
И колосьев и плодов.

Жизнь сладка, но в царство жизни
Тот лишь верный путь найдет,
Кто с любовью в годы детства
Ношу веры, ношу знанья
Бодро, смело понесет.

Дружно, дети, выше, выше
По заветным ступеням,
В царство знанья, в царство света,
В царство радости и счастья,
К утешеньям и трудам.

⟨1888⟩

363

Меж сосной и елью осенью глухую
Нежная березка грустно увядала.
Град хлестал по веткам дробью ледяною;
Тонкие листочки ветром обрывало.
Тихо увядая, горестно и тяжко
Плакала березка, плакала бедняжка.
А соседки стройно по бокам стояли,
Темные верхушки гордо поднимая,
Чуждые невгодам, чуждые печали,
И цвели, как прежде, в день весенний мая.
«О, зачем не елью, не сосной могучей
Создана я небом? Так же бы стояла
Гордо и спокойно под осенней тучей...» —
Так бедняжка тихо, скорбно прошептала,
Вздрогнула, поникла, тяжело вздохнула
И глубоким, мертвым, зимним сном уснула.

Меж сосной и елью светлою весною
Нежная березка тихо расцветала.
Луч играл над нею струйкой золотою,
Зелень молодая ветки одевала.
Тихо выпрямляясь, за листком листочек
Выходил из липких и душистых почек.
А соседки мрачно по бокам стояли,
Темные верхушки грустно поднимая,
И, как прежде, смутно, глубоко дремали,
Радостным весенним звукам не внимая.
И на них взирая — свежей и здоровой —
Поняла березка, что недаром были
Ей даны невгоды осени суровой:
Тот, кого ни разу скорби не томили,
Кто не ведал в жизни горя и мученья,
Не узнает сладких радостей спасенья.

⟨1888⟩

374

364. НА КАТКЕ

Мчалась речка голубая
В изумрудных берегах
И звенела, и журчала
Греясь в солнечных лучах.

Прилетел мороз трескучий,
Он на реченьку дохнул,
Струйки светло-голубые
Льдинкой бледной затянул.

А пошел дышать морозец
Резким, жгучим холодком —
Всю-то реченьку покрыло,
Намостило синим льдом.

И быстрее тройки борзой
По льду саночки летят,
Режут, режут лед зеркальный
Да полозьями скрипят.

(1888)

365. ЛЕГКАЯ РАБОТА

«Стянуть петлицу,
Схватить за спицу,
Еще разок, еще разок —
И вот, гляди, готов чулок!
Совсем не трудно.
А ведь как чудно!
Минуток пять лишь посиди,
А там — и к бабушке: «Гляди,
Гляди, родная!
Вот я какая!..»
Ну, ну, живей... Да что с тобой?..
Никак я начала не с той?
Ну да, понятно:
Возьму обратно...
Да что такое? На беду,
Никак на путь не попаду...»

Так малютка рассуждала,
Всё вязала да вязала...
А как бабушка пришла,
На чулок как свой взглянула,
Так руками и всплеснула:
«Ну уж, внучка! Помогла!..»
Села бабушка за спицы,
Видит — спутаны петлицы,
Что ветвями темный бор;
Головой седой качает
Да чулок свой расправляет —
Говорят — и до сих пор...

⟨1888⟩

366. МОЙ ПОРТРЕТ

Как наши годы-то летят...

Пушкин

«Как наши годы-то летят!
Давно ли, — думает Наташа, —
Резвилась вся семейка наша,
Семья малюточек-ребят?
И вот — ужели крошка эта,
Что будто смотрит на меня
И улыбается с портрета, —
Ужель малютка эта — я?
Ужели?..» — Да, родная, годы
Летят, как тучки с ветерком,
Текут, как в день весенний воды,
С горы бегущие ручьем.
Весенних вод поток игривый
Течет-бежит в простор полей
И влагой свежеею своей
Поит сады, луга и нивы...

Так пусть же молодость твоя
Течет подобно этим волнам,
Ручьем живительным шумя,
Обильной, светлой влагой полным.
И дни придут — глаза твои,
Портрет малюточки встречая
И в нем с любовью узнавая
Черты минувшие свои,

Заблещут гордостью святою,
Сознанием радостным того,
Что годы детства своего
Прошла ты с бодрою душою
И с нивы жизни за труды
Пожала чудные плоды.

⟨1888⟩

367. НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Любо у моря,
У синего моря,
В ясную пору
На воле играть,—
Сети закидывать
В светлые волны,
На воду быстрый
Кораблик спускать.
Всё-то в запасе
Имеем мы вдоволь —
Лопатку, корзинку,
Ведерко... Гуляй!
Народ развеселый,
Дыши на просторе,
Шуми, забавляйся,
Резвись и играй!

⟨1889⟩

368. СКРИПКА

Старик на скрипке играет,
И слушают дети его;
Даже Барбос наострился —
Стоит и глядит на него.

Всех эта скрипка пленяет;
В ней чудная сила лежит,
Хоть и без слов, а так ясно,
Так внятно душе говорит.

⟨1889⟩

369. ПРОГОНИ БЕЗДЕЛЬЕ!

Скучно девочке моей,
Скучно в комнате. Уж ей
Надоели все игрушки:
Кукла, мяч, картинки — всё;
И зевает на нее
Рожа глупая Петрушки...

Стыдно, девочка моя!
Лень нагнала на тебя
Грусть-тоску такую.
Прогони ее скорей,
Вон из комнаты твоей
Лень, колдунью злую.

Как придет она к кому —
Тошно, тягостно тому:
Ходит, бродит через силу;
И зевота всё томит,
И к дремоте всё клонит,
И ничто не мило.

Встрепенись, мое дитя,
Птичка грустная моя,
Прогони безделье, —
Станет всё тебе милей,
Оживут в душе твоей
Радость и веселье!..

<1889>

370. КОБЗАРЬ

«Слушайте, девчата,
Парни удалые!
Я спою вам песню
Про дела былые».
И поет-играет
Дедушка-кобзарь
Про пиры и войны,
Что бывали встарь.
Глух стал голос деда,
И кобза неладно

Вторит пенью,— часто
Песнь звучит нескладно.
Всё же любо слушать
Голос дорогой,
Оттого что песня
Та — про край родной.

⟨1889⟩

371. ГДЕ ЦАРСТВО СКАЗОК?

Очарована мечтой
Нежною и сладкой,
Призадумалась она
Над своей тетрадкой.

Много сказок там прочла
Милая малютка.
Было любо ей читать,
А потом и жутко.

Много страшных там вещей —
Сердце замирает...
«Царство сказок — где оно? —
Маня размышляет.—

Со страной какой оно
Связано соседством?»...
Это царство в мире том,
Что зовется «Детством».

Наслаждайся же, дитя,
Золотыми днями:
Жизнь иная, мир иной
Уж не за горами...

⟨1890⟩

372. ЗОЛОТОЙ ВЕК

На полу играл малютка,
Взор украдкой обращая
Ко столу, где мать сидела,
Книгу древнюю читая.
Вот из-под очков упали
Две слезы на книгу прямо...

«Мама плачет,— прошептал он: —
Отчего же это?.. Мама! —
Говорит он с кроткой лаской,
К ней головку прижимая: —
Что прочла ты в этой книжке?
Видно, грустное, родная?»
— «Нет, родной мой, нет, мой милый!
В этой книге говорится,
Что придет такое время —
Всё на свете изменится:
Грозный лев с овечкой кроткой
И с голубкой коршун дикий
Будут мирно и спокойно
Жить в одной семье великой,
Бесконечное блаженство
И любви вкушая сладость.
В синем море, в чистом поле
Всюду будет свет и радость...»
— «Лев с овечкой, говоришь ты,
Рядом?.. Слушай, дорогая,
Мы пойдем смотреть на это?
Да, пойдем?.. Пстой, родная,
Ну, а люди? Люди тоже?..»
— «Да, малютка, да, мой милый...
Люди тоже...» — «Значит, мама,
И тот старый, злой, что силой
Отнял бедную лошадку
У папаши? Этот тоже?
И старуха та, что — помнишь?
Мама, мама, отчего же
Плачешь?.. Мама!» — с громким криком,
Обхватив ей крепко шею
И дрожа, как птичка в бурю,
Встал малютка перед нею.
Глазки светлые упорно
На вопрос ответа ждали...
«Эти тоже?..» И, обнявшись,
Оба горько зарыдали
Над страницей книги древней,
Где буквально говорится,
Что придет такое время —
Всё на свете изменится.

⟨1916⟩

Свечка догорела; спать давно пора бы.
Ты поник головкой, закрываешь глазки,
А еще хотел ты слушать наши сказки,
Как в лесу дремучем, у колдуньи-бабы
Закипает в ямах страшно много зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном, посреди ущелий,
Он встречает Лебедь — ласковую фею.
О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки
Той, которой учит нас судьба-старушка.
Так забудь же бред наш, так закрой же глазки:
Ждет тебя постелька, ждет тебя подушка.

⟨1885⟩

374. ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Сегодня облака внезапно набежали
На ясный солнца лик; их ветерок пригнал
От юга теплого, из благовонной дали,
Где светлые моря прозрачнее зеркал,
Где розам соловьи рассказывают сказки,
Где гибкий плющ ползет зеленою змеей;
Недаром же сквозят в их розовой окраске
Лобзания весны — их матери родной!

Я знаю, облака сегодня прослезятся
На чуждом севере о юге дорогом;
От их горячих слез хлеба заколосятся
И развернется лист на дереве сухом;
Омоется земля прохладным первым ливнем,
Как теплою струей благочестивых слез,
И, долго спавшая в оцепененье зимнем,
Сплетет весне венки из ландышей и роз!

⟨1886⟩

375. ТРИОЛЕТ

Царевич пылкий Триолет
Расцвел в садах душистых юга
И был восторжен, как поэт.
Царевич пылкий Триолет
Любил цветы, а в ночь досуга
Мечтал, смотря на лунный свет.
Царевич пылкий Триолет
Расцвел в садах душистых юга.

В сады цветущие к нему
Мороз — царь полюса седого —
Послал раз кумушку Зиму
В сады цветущие к нему
И просит гостя дорогого
К себе пожаловать во тьму.
В сады цветущие к нему
Пришел царь полюса седого.

Не соглашался Триолет
На приглашения Мороза,
Боясь покинуть юг и свет,
Не соглашался Триолет.
Но царь сказал, что дочка Грёза
О нем скучает много лет,—
И согласился Триолет
На приглашение Мороза.

Царевич полюса достиг;
Воссел на снежные престолы;
Там лес заиндившийся дик —
Царевич полюса достиг:
Вокруг безжизненные доли
Бледны, как помертвелый лик.
Царевич полюса достиг,
Воссел на снежные престолы.

Он видит — в мертвом далеке
К нему идет Мороз косматый
С еловым скипетром в руке...
Он видит — в мертвом далеке

В огнях хрустальные палаты
И конькобежцев на реке...
Он видит — в мертвом далеке
Идет-бредет Мороз косматый.

Он слышит пира шум живой,
Шуршанье свадебных нарядов,
Бокалов звон чередовой,—
Он слышит пира шум живой...
И с восхищением во взглядах
Заснул царевич молодой,
Внимая пира шум живой,
Шуршанье свадебных нарядов...

Мать Триолета год, другой
Ждет сына с дальнего похода,
И, в нетерпении порой,
Мать Триолета год, другой
Срывает звезды с небосвода,
Играет звонкою волной.
Мать Триолета год, другой
Ждет сына с дальнего похода.

Сын не идет. Тогда она
На полюс шествует спокойно;
За нею фрейлина — Весна.
Сын не идет. Тогда она,
Дыша и трепетно, и знойно,
Спешит; несет ее волна.
Сын не идет,— тогда она
Летит на тучах беспокойно.

Летит не день, летит не два;
Под нею трескаются льдины
И всходит тощая трава;
Летит не день, летит не два;
Под ней дымятся гор вершины,
Как фимиамы божества...
Летит не день, летит не два;
Под нею трескаются льдины.

И вот пред ней края Зимы,
Моря, окованные льдами.
Леса из снежной бахромы...
И вот пред ней края Зимы

С их смертоносными ветрами
И тишиной морозной тьмы...
И вот пред ней края Зимы,
Моря, окованные льдами.

На снежных глыбах недвижим,
Спит Триолет ее прекрасный;
Как призрак, ель скрипит под ним.
На снежных глыбах недвижим,
Он спит — и видит сон неясный.
Объят покоем гробовым,
На снежных глыбах недвижим,
Спит Триолет ее прекрасный.

Над сыном с кроткою тоской
Поникла южная царица.
И живоносною росой
Над сыном с кроткою тоской
Кропит — и алая денница
Восходит в дали голубой.
Над сыном с кроткою тоской
Поникла южная царица!

Шумит крылом; из рукава
Бросает жизненные зерна,
И раскрывается трава...
Шумит крылом; из рукава
Роняет птиц в леса проворно
И шепчет нежные слова...
Шумит... поет... из рукава
Бросает молнии и зерна!..

Проснулся бледный Триолет,
Раскрыл заплаканные очи,
Сказал: «Оставь мне сладкий бред!»
Проснулся бледный Триолет,
Сказал: «Оставь меня у Ночи;
Я вечной Грёзою согрет!..»
Проснулся бледный Триолет
И вновь смежил навеки очи!

<1886>

Нарядили елку в праздничное платье:
 В пестрые гирлянды, в яркие огни,
 И стоит, сверкая, елка в пышном зале,
 С грустью вспоминая про былые дни.
 Снится елке вечер месячный и звездный,
 Снежная поляна, грустный плач волков
 И соседи-сосны, в мантии морозной,
 Все в алмазных блестках, в пухе из снегов.
 И стоят соседи в сумрачной печали,
 Грезят и роняют белый снег с ветвей...
 Грезятся им елка в освещенном зале,
 Хохот и рассказы радостных детей.

⟨1887⟩

377. В ОЖИДАНИИ ОТЦА

Они глядят с тоской во взоре
 На шумно плещущее море:
 Там, в этой дали голубой,
 Где скачут бешеные волны
 И небо сходится с землей,
 Ныряют парусные челны
 Неустрашимых рыбаков,
 И на одном из челноков
 Отец малютки, рыбарь бедный...
 Дай бог, чтоб вынес челн победный
 Его на пристань берегов,
 Чтоб щедрым был его улов,
 Чтоб после бури, в час счастливый,
 За ужин сев в кругу семьи,
 Повел бы он неторопливый
 Рассказ про странствия свои...

⟨1887⟩

378. ФАЛЬШИВЫЕ АККОРДЫ

Первые звуки под детской рукою
 Стройно и звучно гремят;
 Первые думы над детской душою
 Плавно и тихо парят.

Мир для детей разверзается новый,
Где всякий смертный свободен и горд...
Вдруг между звуков, как призрак суровый,
Звякнул фальшивый аккорд!

Грезы разрушились, сказки чудесные
Мигом исчезли,— и снова кругом
Стены надвинули комнаты тесные
Грозным и мрачным щитом.

⟨1887⟩

379. СТАНСЫ СЫНУ

Люби людей, люби природу...
Неволей близких и родных
Не покупай себе свободу...
Учись у добрых и у злых.

Есть в небе место ясным зорькам,
Но там и темной ночи мгла,
И сладкий мед в растение горьком
Находит мудрая пчела.

Пусть лучше ты обманут дважды
И проклят ложью не за ложь...
Чем сам обманешь хоть однажды
И на проклятье посягнешь!

Мы, проклиная, сердце губим
И свет любви теряем с ним...
Мир наш — пока его мы любим,
Разлюбим — станет он чужим.

Июль 1888

380. ДАРЫ ВОДЯНОГО

1

Однажды бедный старец
Рубил прибрежный бор,
И уронил он в волны
Железный свой топор.

Бедняк стал горько плакать,
Но из воды никак
Не мог достать потерю
Рыдающий бедняк.

И, вняв его рыданью,
Косматый Водяной
Принес ему из речки
Топор весь золотой.

«Не эту ли потерю
Оплакиваешь ты?» —
Спросил властитель речки,
Исполняя доброты.

«О нет!» — сказал бедняга,
Склонив печальный взор...
И Водяной приносит
Серебряный топор.

«Не этот ли украла
Глубокая река?» —
Участливо, как друга,
Спросил он старика.

«О нет, топор мой проще,
Служил он долгий век», —
Сказал в ответ, рыдая,
Несчастный дровосек.

И Водяной, ныряя
На влажные пески,
Принес топор железный
Со дна своей реки.

«Вот он! Вот этот самый
Пропавший мой топор!» —
Сказал бедняк — и руки
К находке он простер.

«Ты верен, — и за правду
Возьми мои дары,
К железному простому
И эти топоры!» —

Сказал, вручая ношу,
Подводный властелин
И скрылся снова в бездне
Бушующих пучин...

2

И вскоре разнеслася
Молва над всей страной,
Что есть река, где добрый
Ночует Водяной.

Что за топор железный,
Оброненный в реку,
Взамен он драгоценный
Выносит бедняку.

И, соблазнясь молвою,
Один скупой лентяй
Топор свой бросил в волны,
Как будто незначай.

И стал притворно плакать,
И громко голосить,
И сетовать, что нечем
Ему на свете жить...

И, вняв его рыданью,
Косматый Водяной
Принес ему из речки
Топор весь золотой.

«Не эту ли потерю
Оплакиваешь ты?» —
Спросил властитель речки,
Исполняясь доброты.

«О да! вот этот самый
Топор мой золотой
Уронен и похищен
Мятежною волной!»

Услышав речь такую
Лукавого скупца,
Нахмурился властитель
Подводного дворца.

Сверкнул очами грозно,
И бурею дохнул,
И с ношей драгоценной
Он в бездну ускользнул.

И долго в темной бездне
Вопил, кипя, бурун:
«Не жди своей потери!
Беги, несчастный лгун!»

1893

381

Дитя мое, вокруг уже темно...
Подходит ночь, задумчиво грустя.
Глядит луна вечерняя в окно,—
Усни, мое дитя!

Уже стада вернулись с полей
И в хижинах затеплились огни;
И ночь пришла, и смотрит из сеней...
Дитя мое, усни!

Пускай опять мечтания, в тени,
Тебя умчат в кудрявые леса,
Где ты гулял, смотря на небеса,—
Дитя мое, усни!

Пускай тебе приснится вешний день...
Жужжанье пчел, во мхе цветущем пни
И шум ветвей, склоненных чрез плетень...
Дитя мое, усни!..

<1896>

389

На дворе играя, дети
 снегура слепили раз;
 вместо рта кирпич воткнули,
 черепицы — вместо глаз.

И прямее чтоб держался
 белый дядька на снегу,
 в остов дядьки положили
 из-под печки кочергу.

И при громких криках
«браво!»
 школяров и шалунов
 встал снегур в блестящей ризе
 меж сугробов и снегов.

И вокруг него резвилась
 и смеялась детвора,
 но погас закат румяный —
 все забыли снегура.

Он остался одиноко
 охранять пустынный двор...
 Из-за крыш в туманном небе
 выплыл месяц на дозор.

По строеньям шелкал звонко
 и скрипел седой мороз.
 И глядел снегур на месяц,
 опечаленный до слез.

«Надо мной костер сверкает
 что-то ясно чересчур,—
 только что-то он не греет?» —
 молча думает снегур.

«Я любил тепло; когда-то
 обжигал меня костер,
 только странно мне, что холод
 слаще с некоторых пор.

Вот бы мне к огню пробраться
да стряхнуть с себя снега!»
Это в нем заговорила
из-под печки кочерга.

И глядит снегур — и видит,
что в окошке, как назло,
печь сверкает головнями
обольстительно тепло.

И снегур подумал: «Ладно!
До огня когда-нибудь
доберусь — вот только дайте
белым холодомдохнуть!»

И стоит снегур — и видит,
что редет ночи тень
и восходит в синем небе
золотой февральский день.

Вышло солнце... каплет с крыши...
Снег стал яркочересчур...
Кочерга в нем зашаталась,
и расплакался снегур...

И расплакался, и тает...
С ризы капают снега.
И, ликуя, обнажалась —
и упала кочерга.

А. М. Федоров

383. ОБЛАЧКО

Плывет по небу облачко,
Румяное, воздушное,
Лишь небесам послушное,
Далекое от зол.

С ним в небе синем носятся
На воле, беззаботные,
Лишь ветры перелетные
Да царственный орел.

Гордится в небе облачко:
«Мне счастье улыбалось,
Лишь только я осталось
От тучки грозовой;

Она упала на землю,
Горячую и пыльную,
Дождем — слезой обильною
Над нивой трудовой».

Шептало сладко облачко
И таяло мечтательно
В лазури обаятельной
Без пользы и следа,

А дождь, упавши на землю
Над высохшею нивою,
Наградой стал счастливою
Крестьянского труда.

⟨1891⟩

384

Еще вчера, пустынно голы,
Чернели ржавый луг и лес,
А нынче роем снег веселый
Летит с задумчивых небес.
Кружась, подобно белым мухам,
В воздушно-серой полумгле,
Он оседает легким пухом
На крышах, ветках и земле.
На всё набросил свой наряд он,
Всё разукрасил в свой убор.
Вон на опушке отпечатан
Следов запутанный узор:
То косоглазые зайчишки
Резвились парой на заре.
Пороше радуясь, мальчишки
В снежки играют на дворе.
Их смех задорен, резв и звонок:
Зима несет им тьму затей,
И даже пегенький теленок
Мычит в подклети веселей.

⟨1903⟩

392

385. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Засыпает сынок... засыпает.
О, усни, мой малютка, усни.
Пусть таинственный ветер качает
Колыбель твою нежно в тени.
О, усни, мой малютка, усни.

Усни... Усни...
Над твоей головкой сонной
Свод уборный, свод зеленый.
Ручки, ножки протяни.
Усни... усни.
Ветер веточки качает,
Ветер мальчика ласкает.
Усни... Усни...
И цветы звенят так нежно,
Беззаботно, безмятежно.
Усни... усни...
Уходите прочь, газели,
От цветочной колыбели.
Не мешайте тихим ласкам,
Не мешайте песням-сказкам.
Усни... усни...

На вершине Гималая
Колыбелька золотая.
В колыбельке солнце спит.
Солнце ветер сторожит.

Только солнышко проснется,
Ветер вольный встрепенется
И несется всем сказать,
Что пора уже вставать.

В колыбель, на место брата,
Месяц ляжет до заката,
И звезда, прильнув к звезде,
Спят, как птенчики в гнезде.

Ветер был им всем слугою,
А теперь перед другою
Колыбелькою стоит:
В колыбельке мальчик спит.

Звезды, месяц одинокой
Пусть уснут в выси глубокой,
Здесь на страже ветер мой.
Уходи ты, волк, домой!

<1904>

386

Зной полуденный струится
Вдоль прибрежной полосы,
Пена легкая змеится
По излучинам косы.

На песке играют дети,
Дальше — сушат невода,
И слились в прозрачном свете
Небо, воздух и вода.

Ах, как славно тает пена!
Лепет струй... ребячий смех...
Что такое зло, измена?
Всех люблю, прощаю всех!

<1905>

387. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой маленький сынок,
Спи, буян и крикунок, —
Как не стыдно всё не спать,
Беспокоить плачем мать!
Спи, во сне, как облака,
Тают горе и тоска.
Спи, к слезам не привыкай,
Баю-баю-баю-бай!
Наш мурлыка старый кот
Тихо песню запоеет;
Любит так детишку он,
Что забыл покой и сон.

Если ты не будешь спать,
Будет котик наш вздыхать,
Будет плакать день и ночь,
Так что вытерпеть невмочь.
Спи, кот не огорчай —
Баю-баю-баю-бай!
Старый кот поет о том,
Как дружил он с петухом,
Как вояка тот петух
Был и крив, и хром, и глух,
Но зато уж так умен,
Что учил уму ворон
И однажды, плут, в лесу
Обманул хитро лису;
Обманул, но как? О том
Знает он с своим котом.
Ты ж дознаться не пытай.
Баю-баю-баю-бай.
Но петух тот был горласт;
Ваське выспаться не даст,
Днем и ночью всё орет.
Рассердился старый кот
И ушел от петуха,
Чтобы не было греха!
Спи, коту проспаться дай.
Баю-баю-баю-бай.

<1905>

388

По дороге степной воз лениво скрипел.
Кто-то рядом с ним шел и задумчиво пел.
Сонный мальчик лежал на возу.
Крепко яблоки пахли под ним, как в саду.
Он на звезды глядел, и порой, как слезу,
Небо в сумрак роняло звезду.

Уже осень была. Свежесть шла от травы,
Холодком отливала влажный блеск синевы,
Но тепло под мужицким рядном.
Мальчик слушал печальную песню, дремля,
И казалось ему, с ней поют об одном,
В небе звезды поют и земля.

395

С той поры много лет, много лет уткло,
Но так живо я помню, так дивно светло
Помню я эту ночь и — себя,
Запах яблок и трав на просторе степном,
И печальную песню я слышу любя,
Слышу песню о крае родном.

⟨1906⟩

389. СЫНУ

Как я люблю тебя, мой мальчик ненаглядный!
В тебе вся жизнь моя и кровь.
За все люблю тебя — и за восторг отрадней,
Мне освещающий любовь.

Когда я посмотрю в твои живые глазки —
Я чувствую себя добрей,
И облакаю жизнь в сияющие краски
Из ясных ангельских лучей.

А ночью поздней, при трепетной лампадке,
Когда вокруг давно все спят,
Люблю я подойти к белеющей кровати,
Где сон твой ангелы хранят.

И, над тобой склонясь, ловя твое дыханье,
Как чистый аромат цветка,
Шепчу молитву я в священном обаянье,
Чтоб жизнь твоя была легка.

Легка не праздностью, не негою беспечной,
А светлой правдою своей,
Любовью к истине, сияющей и вечной,
Борьбой за счастье людей.

Я верю: до небес дойдет молитва эта,
И, принимаясь вновь за труд,
Я рад, когда в окно с небес лучи рассвета
Привет пророческий мне шлют.

⟨1908⟩

390. ВЕСЕННЕЕ

Сегодня первый день, как выставили рамы.
Все стало ясно вдруг, светло, оживлено.
Я вижу: мальчик мой разучивает гаммы,
А сам нет-нет, да взгляд и бросит на окно.
Там муха, вновь ожив под солнечным приветом,
И бьется и жужжит, пьянея от тепла;
А «зайчики» скользят над блещущим паркетом,
И тщетно ловят их в простенках зеркала.
Великопостный звон донесся издалека.
Мурлыча, кот зевнул, повел усами... миг —
И, муху изловив, в одно мгновенье ока,
Он к мальчику с окна, да на колени — прыг.
И ластится к нему, и лезет на ручки.
За лапы тот схватил игривого кота
И бьет по клавишам... Гремят беспечны, звонки
Аккорды музыки: тра-рам, тра-ра-ра-ра!

⟨1908⟩

391. У ОКНА

Девочка грустно сидит у окна —
Дума ее беспокоит одна:
«Скоро ль весна прилетит золотая,
Скоро ль зима удалится седая?
Как надоело сидеть взаперти!
Вьюга, мороз — никуда не пойти!
Снег все валится с суровых небес,
Мертв и безрадостен дедушка-лес,
Реки шумливые спят подо льдом —
Спит вся природа безжизненным сном!
Ах! то ли дело красotka весна!
Как хороша, как нарядна она!
Все оживит ручейки и кусты,
В поле повыведет травку, цветы.
Пышной листвою оденется лес,
Солнышко ярко засветит с небес,
Словом — весною природа пышна!
Ах! кабы́ вечно царила весна!»
Правда, мой друг, что природа весною
Так и сверкает, горит красотою,

Правда, ласкает, чарует твой взор
Пышных лугов прихотливый узор?
Но для того, чтоб рассыпать цветы,
Лес приубрать, разукрасить кусты,
Реки заставить волною шуметь,
Птичек — чирикать, насвистывать, петь,
Словом, всё сделать к приходу весны —
Силы большие природе нужны!
Вот эти силы, запас их большой,
Копит природа холодной зимой!

⟨1910⟩

392

Плачет зима, горько плачет, холодная!
В горе великом она:
Мчится из-за моря к ней плодородная,
Дивная фея-весна!

Знает зима, что с весной прекрасною
Хлынут и солнца лучи —
И разольются над нею, несчастною,
Словно огонь горячи!

Всюду пробьются, живые, проворные!
Сбросят природы злой гнет:
Реки, теперь молчаливо-покорные,
Вмиг разломают весь лед.

Нивы, поля и равнины плененные
Сбросят покров снеговой;
Мигом проснутся поля усыпленные,
Чтобы одеться листвою...

Все-то пичужки лесные, болотные
Живо примчатся опять!
Бабочки, мошки, жучки беззаботные
Будут резвиться, порхать...

Плачет зима! Горько плачет, морозная!
В горе великом она:
Близко... ох! близко соперница грозная —
Дивная фея — весна!

⟨1911⟩

398

393. РУЧЕЙ

С горной вершины
Бежит в долины
Ручей, ручей.

Спросили тучи:
«Чей ты, певучий?»
— «Ничей, ничей.

Пусть мной гордятся
Цветы и птицы,—
Ручей, ручей,

Я всех ласкаю,
Всех увлекаю —
Ничей, ничей».

⟨1911⟩

394. БОЛЬНОМУ РЕБЕНКУ

Ты ребенок мой больной,
Ты цветок мой ненаглядный.
Посмотри в наш сад нарядный,
Как сияет он весной.
Я большой букет сорву
Из цветов, расцветших пышно,
Наклонюсь к тебе неслышно,
В изголовье положу.
Чтоб, проснувшись средь подруг,
Ты опять повеселела,
Засмеялась, и запела,
И забыла свой недуг.

⟨1916⟩

395

От луны в аллее тени
Перепутались, как сеть.
Я брожу в тоске и лени,
Я хочу о чем-то петь.

Но напева не поймаю,
Слов для песни не найду.
Только сердце радо маю,
Сердцем всё я понимаю:
Сад, и море, и звезду.

⟨1916⟩

А. А. Коринфский

396. ПРОЩАЙТЕ, ПТИЧКИ...

Смотрит девочка в окошко
Любопытными глазами:
Разоделся-разубрался
Сад последними листьями...

Мелкий дождь стучится в окна;
Заунывный ветер стонет —
Словно песней погребальной
Лето красное хоронит...

На ветвях столетней липы
Собралась птичек стая —
О пути за сине море
Сговориться, улетая...

Тут и пеночки-трещотки,
И малиновки-певуньи,
И скворцы, и горихвостки,
И касатки-щебетуньи...

Смотрит девочка, и жалко
Стало ей касаток милых —
Белогрудых резвых пташек,
Щебетуний легкокрылых:

Долго им лететь придется
До страны той благодатной,
Где весна должна их встретить
Лаской юга ароматной...

Долетят ли?! Возвратятся ль
К лету будущему снова?..
Или, может быть, вернувшись,
Не найдут гнезда родного?!

...И взяла малютка куклу,
И легла с ней на кровать,—
Ей про птичек рассказала
И заснула сладко-сладко...

И приснились малютке
Дни безоблачного мая,—
Воротилась вместе с ними
И касаток резвых стая...

К старым гнездышкам под крышу,
Над окошком, у карниза,
Прилетели щебетуньи
И запели:
«Здравствуй, Лиза!..

Мы тебя не позабыли
За далекими морями;
Много новых резвых пташек
Воротилось вместе с нами...

Здравствуй, Лиза!..»
Спит малютка...
В окна мелкий дождь стучится,
И над садом, с резким криком,
Стая ласточек кружится...

Облака плывут по небу;
Ветер песни напевает —
Песни осени ненастной,
Липу старую качает;

И скрипит она уныло:
«С богом, с богом! Улетайте,
Только там — на дальнем юге —
Старых гнезд не забывайте!..

Будем слушать мы зимою,
Вместо вашей звонкой трели,
Стоны вьюги сиротливой,
Песни грозные метели!..

Будем ждать вас, замерзая...
Не замерзнем,— слава богу!..
Ну, певуньи-щебетуньи,
Собирайтесь,— в путь-дорогу!..»

...И роняет слезы липа;
И летят, летят певуньи —
И скворцы, и горихвостки,
И касатки-щебетуньи...

⟨1890⟩

397. БЕЛЫЙ ДЕД

1

На дворе метелица бушует,
Крутит снег и ставнями стучит...
Но в своей кроватке безмятежно,
Тихим сном кудрявый мальчик спит,—

Крепко спит и видит сон чудесный:
Видит он — склоняется над ним
Старый дед в одежде серебристой,
С костылем тяжелым ледяным...

Ясный месяц — шапку у деда;
Борода седая у него —
До колен; глаза его сверкают
Даже ярче солнца самого...

Дед поет, и тихо льется песня:
«Спи-усни, любимое дитя!
Ясный день пошлю тебе я завтра,—
Солнце выйдет на́ небо, блестя;

Из окна увидишь ты повсюду
Терема, палаты и дворцы,
Перед садом — горы снеговые,
На деревьях белые венцы...

Это мы с метелью-внучкой за ночь
До утра настроим для детей,
Чтоб они резвились и смеялись
День-деньской от дедовых затей!..

Встанешь ты, оденешься теплее
И на санках с горки снеговой
Будешь завтра целый день кататься,
Только ночь пошлет тебя домой!..»

2

...Мальчик спит... А за окном работа
У мороза с вьюгою кипит —
Мечет вьюга снежные сугробы,
Белый дед сугробы леденит...

...Ночь прошла... С полей небесных солнце
Щедро сыплет золото лучей
На простор серебряного луга,
На ряды серебряных аллей...

Старый сад стоит не шелохнется,
На деревьях — белые венцы;
Перед садом — горы ледяные,
За горами — снежные дворцы...

Мальчик встал, взглянул в окно и няне
Шепчет тихо:

«Няня, посмотри:
Это всё мне белый дед настроил,—
Он стоял у нас здесь до зари...

Обещал он горы ледяные
Детям сделать... Только я заснул —
Добрый дед принял за работу
И меня, смотри, не обманул...

Так иди скажи скорее маме:
Ване нужно саночки купить,
Ваня нынче целый день не будет
Ни шуметь, ни плакать, ни шалить!..»

<1892>

398. ОДЕЯЛЬЦЕ

- «Для чего, родная,
Снег зимой идет?»
— «Из него природа
Одеяльце ткёт!»
— «Одеяльце, мама?..
А зачем оно?!.»
— «Без него в земле бы
Стало холодно!..»
— «А кому, родная,
В ней тепла искать?!.»
— «Тем, кому придется
Зиму зимовать:

Семенам-малюткам,
Зернышкам хлебов,
Корешкам былинки,
Злаков и цветов!..»

⟨1895⟩

399. ОСЕНЬЮ

Осень, осень... Садик бедный,
Где цветов твоих краса?
Где твоих деревьев кудри?
Что ж так мрачны небеса?!

Мотыльки, певунии-пташки
И веселый хор стрекоз —
Всё исчезло, чуть ударил
Первый утренник-мороз...

Жаль мне, жаль тебя, мой садик!
Жалко мне твоих аллей,
Где гулял я знойным летом
В дни былой весны моей...

Вдруг с полуночи пахнуло,
Ветер — вихрем налетел
И, листву с деревьев срывая,
Надо мной зашелестел...

«Не жале́й,— шепнул мне ветер,—
Вновь твой садик зацветет;
Он не только осень-зиму,
Он *тебя* переживет!..»

<1895>

400. ТРУД И ОТДЫХ

Посвящается Наде и Верочке Егоровым

1

Дети-друзья, на работу
Разом наляжем дружной!
Дело спорится в охоту...
С плеч трудовую заботу
Свалим горою скорей...
Дети-друзья, за работу!..

Хочешь всему научиться,
С богом берися за труд!
С богом в дорогу пуститься —
С кладом домой воротиться...
Труд и терпенье ведут,
Дети, учиться, учиться...

Нам ли бояться труда,
Нам ли чуждаться науки?
Смело давайте сюда
Мне ваши юные руки;
Пойте: волшебные звуки —
Дивные песни труда!..

Отдых от вас не уйдет...
Дети, дружной за работу!
Дети, смелее вперед...
Дети, не бойтесь поту!
Сбудемте только заботу,—
Отдых от нас не уйдет!..

Кончен труд — скорее в поле,
 На луга, в зеленый лес!
 Улыбается на воле
 Детям солнышко с небес...
 «Потрудились я немало,—
 Солнце детям говорит,—
 С той поры, как заиграло
 Над водой из-за ракит...
 Землю-матушку пригрело,
 С луга выпило росу,
 А цветам (ведь тоже дело!)
 Зарумянило красу...
 Улыбнулось каждой травке,
 Каждой веточке в лесах,
 Каждой бабочке, козявке
 На шелковых на лугах...
 С мотыльками забавлялось
 Я над зыбью синих вод;
 Даже с рыбками плескалось —
 Заводило хоровод...
 Вместе с пташками я пело,
 Волю дав своим лучам».

Дети! Кончили вы дело...
 Дети, мил ли отдых вам?!

Дети!.. Да только ли в этом
 Отдых для вас может быть?
 Игры-забавы — приветом
 Детству сияют и светом...
 Детям ли их не любить?
 Отдых-то разве лишь в этом?!

Дети... Играйте, играйте...
 Только, смотрите, с игрой
 Знаний своих не теряйте;
 Чтением игры сменяйте,—
 Книга блеснет вам зарей...
 Дети! Читайте, играйте!..

Отдых пусть будет разумен,
Так же разумен — как труд!
Круг ваш отзывчив и шумен;
Жизни-то путь многодумен, —
Знание и труд им ведут...
Отдых пусть будет разумен!..

Отдых... А там — на работу
С новою силой, дружной!
Чудо-работа — в охоту...
Только скорей бы заботу
С плеч нам свалить... Веселей,
Дети-друзья, за работу!..

⟨1896⟩

401. НА РАННЕЙ ЗОРЬКЕ

Ранняя зорька в поднёбесье рдеется,
Вспыхнула — полымем пышет над нивами;
Солнышко весело всходит: надеется
Днем этим видеть всех в мире счастливыми...

Нивы дымятся медвяными росами;
Солнцу навстречу туман расплывается;
Солнце плывет, всё в лучах, над покосами, —
Красное, белому дню улыбается...

Пташка вспорхнула с гнезда, беззаботная,
Песня в лучах потонула крылатая;
В роще откликнулась трель переметная,
Роща поет, соловьями богатая...

Зоренька-зорька краснее всё рдеется,
Небо светлей голубеет над нивами.
Солнце, как сердце, на зорьке надеется
Землю всю видеть счастливой-счастливою...

⟨1896⟩

402. ЛЕС В ПОЛОВОДЬЕ

1

Всё озера, озера, озера —
Под наметом дремучего бора;
Впереди, по бокам, позади,
Нет конца им, куда ни гляди!

Подошла, невзначай подступила
Полых вод неоглядная сила,—
Набежала из талых снегов
С обогретых весной бугров...

Кедры старые дремлют рядами
Над пришедшими в гости водами,
Словно думают думу они
Про тяжелые зимние дни;

Хмурых сосен столетних вершины
Поседели от давней кручины,—
Им напомнила гостья-вода,
Что у них за плечами — года...

Стройных елок стоят вереницы,
Как весной на селе молодежи,—
Любо им любоваться собой
В тихоструйной воде снеговой!..

2

Не одной, не одной-то весной
Веет — веет родной стариною,
Старой былью родимых былин
Бор, седой богатырь-исполин...

Так и думаешь: выйдет косматый,
Русских сказок герой бородатый,
Сам хозяин лесной — Лесовик,
Матерой, коренастый старик...

Выйдет, точно из вражьего плена,
Вровень с лесом, в воде по колена,—
Да как гаркнет за ближней сосной:
«Просыпайся, народец лесной!..»

И на окрик его, хороводом,
Поплывут по синевящим водам,
Покидая свой зимний притон,
Все русалки в зеленый затон;

И раздастся на все-то озера
В тишине заповедного бора —
Безо всяких неожиданных помех —
Переливный русалочий смех...

⟨1896⟩

403. ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Спит дитя, закрывши глазки,—
Усыпили няни ласки,—
И во сне героев сказки
Видит пред собой...
Занавески колыхает,
Над кроваткою порхает,
Грезы счастья навевает
Ветерок ночной...
С синевы небес глубоких
Льет поток лучей далеких
На простор лугов широких
Месяц золотой...
Тишина кругом немая,
Только песня удалая —
Сердцу русскому родная,—
Словно устали не зная,
Льется за рекой...

⟨1896⟩

404. НА НИВЕ

Чутко дремлет в полях недожатая рожь,
С нетерпеньем жнецов дожидается;
Побурел, пожелтел шелковистый овес,—
Точно пьяный, от ветру шатается.

Нарядилась гречиха в цветной сарафан
И белеет над горными скатами...
Ветерок, пробегая хлебами, шумит:
«Будем золото гресть мы лопатами!..»

Солнце красное сыплет над грудью земли,
Над рабочею ратью могучею
Золотые снопы искрометных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею...

Улыбается солнце... До ясных небес
С нивы песня доносится женская...
Улыбается солнце и шепчет без слов:
«Исполать тебе, мощь деревенская!..»

⟨1896⟩

405. ГОРЕ-БОГАТЫРЬ

По лесу гуляет
С посвистом мороз,
Стынут на деревьях
Капли зимних слез...
Белые березы
Точно жар горят,
Сосны разодеты
В траурный наряд...
Гулко раздается
В перелеске стук;
Льется, застывая,
Пот с могучих рук...
Сброшен полушубок
С молодецких плеч;
Блещет топориска,
Что булатный меч...
Кудри забелелись
Зимним серебром;
Щеки у детины
Рдеются огнем...
Что ни взмах — то щепки
В стороны летят;
Что ни два — березы
Валяются подряд...
Стонет лес дремучий,
Вторит даль и ширь:
«Поуймись, родимый
Горе-богатырь!..»

⟨1896⟩

В старой хате, на задворках
 Бедного села
 У бобылки сердобольной
 Девочка росла...
 Богоданной сиротинке
 Шел седьмой годок;
 Каждый глаз у востроглазой
 Был что василек.
 Волосенки — лен шелковый,
 Щечки — маков цвет...
 А нужда ее встречала
 Что ни день чуть свет!..
 Горек черствый хлеб бобылки,
 Бедность — острый нож!
 Не добудешь потом-кровью,
 По миру пойдешь...
 На поденной на работе
 По округе всей
 Убивалась горемыка;
 «Дочка» — всюду с ней:
 Ни на шаг от бесталанной
 Бедное дитя,—
 Не одну, бывало, версту
 С ней пройдет шутя..
 Вёсну, лето красно в поле,
 Осень — на гумне:
 Руки есть — найдется дело
 В людной стороне!
 Вот зима, зимой работы
 Поискать с огнем...
 Да и голод малолетке
 Точно нипочем:
 Всё равно певал что пташка
 Детский голосок;
 Всё равно на каждой щечке —
 Аленький цветок...
 И звенел, звенел, бывало,
 В бедной хате смех,—
 Словно там жилось счастливей,
 Веселее всех!..

<1896>

407. ДЕТСКИЙ МИР

Детский мир... Ни гроз в нем, ни метелей!
Здесь — под солнцем чистой красоты,—
Как в саду, не знающем туманов,
Расцветают дивные цветы...

Детский мир... В нем все чарует взоры;
Все в нем грез, волшебных грез полно...
Прочь отсюда, лжи тлетворной слово,—
Для тебя здесь место не дано!..

Детский мир — очаг любви и веры,
В нем огонь святых надежд горит...
Горе тем, кто с умыслом постыдным
Этот светоч жизни затемнит!..

Детский мир — великий горн природы...
В нем сердца кует за веком век;
Из него на труд, на битву с тьмою
В путь идет грядущий человек!..

Детский мир... Как страстно эта нива
Пахарей и сеятелей ждет!..
Сейте, други! Светлой правды семя
По весне сторицею взойдет!..

⟨1909⟩

408. МОЙ ЛУЖОК

Колокольчики, ромашка,
Глазки синих васильков,
Златоцвет, горошек, кашка —
Море целое цветов...

Их зеленый фон роскошен...
За плетнем стоят стога...
Мой лужок не будет скошен,
Как соседние луга:

Дорога мне радость-воля
Каждой травки и цветка,
Ведь и так скромна их доля,
Жизнь их слишком коротка!

Пусть растут, благоухая,
Пусть во всей красе цветут,
Пусть, зерно свое роняя,
Жизнь другим цветам дают!..

⟨1909⟩

409

Зябликам навстречу
От лесной опушки
По ветру домчался
Первый клич кукушки;

И на клич вешуньи,
Словно зов свирели,
В поле отозвались
Жаворонка трели...

Трель за трелью слыша,
Сгинул сон тяжелый;
В поле из-за лесу
Вышел день веселый...

⟨1909⟩

410. СМЕРТЬ ЗИМЫ

(Из «Сказок весны»)

С лазури сыплются лучи,
Растут проталины по склонам;
Звеня шумливым перезвоном,
Текут, журчат и бьют ключи.

Осели снежные сугробы,
Лес оживает что ни день;
Зимы испуганная тень
Стремглав бежит в его трущобы:

«Укрыться где, куда уйти
От этой жгучей солнца ласки!»
Зима свои забыла сказки
И затеряла все пути...

Везде — следы весенней влаги,
Нет ей ни крова, ни угла...
Туда, сюда и — залегла
Зима под зёростью в овраге;

Лежит, свернувшись вся в комок,
Лежит-дрожит, сама чуть дышит
И, что ж, всё ближе, ближе слышит
Неугомонный ручеек,—

Взглянула — вот он с горки льется,
Что ни минута — всё быстрее,
Что ближе к ней — то всё звончей...
Уж не над ней ли он смеется?!

«Стой, стой! Куда?!» — ворчит она;
Ручей старухе не внимает,
Седую прямо в бок толкает
И знай поет: «Весна! Весна!..

Творим мы путь Весны победам,
Мы будим каждый уголок;
Цветы Весне плетут венки;
Весна идет за нами следом...

С дороги — прочь! Что здесь легла?!
Не спорить хочешь ли ты с нами?!..»
Зима вздохнула и — слезами,
В бессильной злобе, изошла...

Смеясь над зимнею обидой,
Понес ее к себе ручей;
И первый клекот журавлей
Был ей — последней панихидой...

⟨1910⟩

411. МОЯ МАТЬ

Я матери не знал: в день моего рожденья
Покинула она прекрасный божий свет.
Я с дней младенчества испытывал лишенья
И с горем встретился на зорьке ранних лет;
Без ласки матери, без теплого участия
Я сиротою рос — чужим среди своих...

Как больно было мне чужое видеть счастье,
Как был я одинок в кругу детей других!..
Я помню и теперь, как с тайными слезами
Порой я уходил за наш тенистый сад
И — полон грустными, не детскими мечтами —
Бродил в родных полях, тоской любви объят.
Вернувшись в сумерках, я к няне шел любимой
И долго с ней сидел в вечерней полумгле
И спрашивал ее: «Где мама?!» — «Ах, родимой!
Нет мамы... Мама спит... Она — в сырой земле...»
— «В земле?!» — «Ну да! В земле, на кладбище, в могиле...»
— «Зачем?!» — «Так бог велел... Всем надо умирать!..»

Хоть нянины слова ребенку странны были,
Но знал я, что в земле — моя родная мать;
И, землю полюбив, я с ней связал понятье,
Что мать *она* моя... Не понятый детьми,
Я убежал от них, бросался к ней в объятия:
«Ах, мама,— плакал я,— к себе меня возьми!..»
А год за годом шел... А жизнь меня учила,—
Чем дальше, тем ясней казался смысл ея.
Но до сих пор душа с дней детства сохранила
Понятье, что *земля родная* — мать моя...
Весна моя прошла, сменила осень лето,
Близки снега зимы. «Всем надо умирать...» —
О, как понятно мне простое слово это!..
Земля родимая! О родина! О мать!..
К тебе, к твоей груди в час муки припадая,
Я обновляюсь весь, я полон весь любви,
Я верю в счастье вновь, закат надежд встречая;
И в мой последний день скажу я, угасая:
«Всем надо умирать... Лишь ты, мать Русь, живи!..»

(1910)

412. БАБЬЕ ЛЕТО

После бурь и дождей
Воротилось тепло,
По дорожке своей
Бабье лето¹ пришло:

¹ «Бабьим летом» принято в народе называть начало осени — время с 1-го по 8-е сентября, когда обыкновенно стоят вёдренные дни, залитые солнцем.

Обогрело поля,
Обсушило траву,—
Словно видит земля
Светлый сон наяву.

Нет на небе следа
Хмурой осени туч,
Отогнал холода
Яркий утренний луч.

Светит-греет с небес
Солнца огненный щит,
В багрянеющий лес
За грибами манит.

Выйдешь в поле, в луга —
Всюду вольный простор;
Словно башни — стога
Протянулись до гор...

Как привольно, легко
На раздолье полей!
Высоко-высоко
Слышен клич журавлей...

Что за ширь-глубина,
Что за тишь, что за вид!..
За струною струна —
Паутина висит;

Воздух чист, как хрусталь,—
Каждый звук звонок в нем;
Золотистая даль
Голубеет кругом...

В сад войдешь — весь в лучах,
Сыплет золота клад;
И цветы в цветниках
Отцветать не хотят...

⟨1911⟩

413. <ИЗ «ПЕСЕН О ВЕСНЕ»>

Тропами нетореными —
Что волнами зелеными —
Идет Весна, идет;
Куда ни глянет красная —
Жизнь ясная, согласная
Вослед за ней растет.

Луга цветут поёмные,
Несеяные, скромные
Льют аромат цветы, —
Но столько в них смиряющей,
В глубь сердца проникающей,
Лучистой красоты!..

Леса шумят тенистые,
Тенистые, ветвистые, —
С утра в них птичий гам:
Вьют гнезда с криком, с гомоном,
Кричат: «Здесь всё знакомо нам!
И мы вернулись к вам!..»

В полях, что бархат, озими,
Кустанятся всходы по земли,
И жаворонков звон
Плывет, не умолкаячи,
За трелью трель роняючи,
Кругом, со всех сторон...

Синеется, вздымается,
Как жемчуг рассыпается
Озерная волна, —
Идет, растет, колышется;
Окрест повсюду слышится:
«Весна! Весна! Весна!..»

И надо всем — с безграничного
Простора богоданного
Безоблачных высот, —
Что золото червонное,
Льет солнце полуденное
Лучи своих щедрот.

<1911>

414. <ИЗ ЦИКЛА «МАЙСКИЕ ВЕСНЯНКИ»>

Как замочат росы
У Алены¹ косы —
 Дружно сеют лен;
Белый, волокнистый,
На́ диво зернистый
 Уродится он.
Выйдет зелеными,
Выглянет глазками
 Голубыми враз;
Наделит холстиной —
Новою новиной —
 В пору, в добрый час.
Хватит дела пряхе
На зиму; в рубахе
 Новой щеголять
Станет сын любимый,
С матушкой родимой
 Лето поминать.
Вспомнит, как с тобою
В поле голубое
 Он по льнам ходил,
Как ты там помногу
Маливалась богу,
 Льну чтоб уродил;
Как под осень брала
Лен ты, как чесала
 Белый свой ленок,
Как ткала холстину
На рубашку сыну
 В зимний вечерок.
Замочили росы
У Алены косы —
 Сейте, бабы, лен!
Пойте песню — льнянку, —
Скатерть-самобранку
 Вам расстелет он!..

<1912>

¹ 21 мая, в день св. царицы Елены (Алены — по народному произношению), в средней полосе России в обычае сеять лен. Если утром в этот день сильные росы — добрая примета.

415. <ИЗ ЦИКЛА «ИЮНЬСКИЕ СКАЗЫ»>

К МАКУШКЕ ЛЕТА

Что ни день, то грозы чаще,
Меньше всё цветов;
Манят в тень лесные чащи
Запахом грибов.
Что ни день, то дни короче,
Ночи — всё длинней;
Что ни ночь, то темень ночи
Глубже и темней.
Косовица подобрала
Всю красу лугов,
День Петров пришел — опало
По листу с дерев.
«Подожди,— гласит народу
Старая молва,—
Как Илья¹ остудит воду —
Опадет и два!
Пусть июль — макушка лета,
Пусть и солнце жжет —
Для июня-розанцвета
Миновал черед!..»

<1912>

416. <ИЗ «ОКТЯБРЬСКИХ НАПЕВОК»>

ПРАЗДНИК СИНИЧЕК

По октябре правит осень поминки,
Встретить деревня готова Кузьминки²—
Праздник веселых парней и девчат;
Всё бы им праздник, всё б им новинки!..
Нет угомону на малых ребят:
«Скоро ли, скоро ль?» — всем в уши жужжат.
Скоро!.. Слетелись уж зиньки-синички,
Зимние гости, веселые птички,—

¹ 20-е июля — день св. пророка Ильи.

² 1-го ноября день памяти св. бессребреников Космы и Дамиана («Кузьмы-Демьяна»), наособину справляемый в народной Руси.

На облюбленных пляшут местах;
Тоже свой праздник справляют сестрички...
 Что им, что пусто в родимых местах —
 Дом их зимой — в огородах-садах.
Чу, пересвист их звенит под окошком!..
Рады они будут зернышкам, крошкам
Черствого хлеба студенной зимой,—
Лишь на обед не попасться бы кошкам!..
 День *зиновеев* — им праздничек свой:
 Всем дан от бога особый святой.
*«За морем пышно синичка живала,
Пиво варила и стуж не знавала»,—*
Песню ведет о ней сказ вековой,—
Было б ей там и заботушки мало;
 Не покидает наш край снеговой;
 Холодно, голодно, всё ж он — *родной!*..

<1915>

417. В ЛУЧАХ ВЕСНЫ

(из «МАЙСКИХ ПЕСЕН»)

Мягок воздух вешний,
 Сладок аромат;
Вишнею-черешней
 Дышит старый сад.
Минул срок морозов,
 Утренников — нет;
Бел, душистый, розов
 Яблоневый цвет.
Точно восковые —
 Венчики цветов...
Видеть не впервые
 Мне расцвет садов,
Не впервые видеть,
 Да впервые — так
Страшно, что обидеть
 Может их ветряк:
Налетит как шалый,
 Закружит в саду,—
Взвихрится, пожалуй,
 Цвету на беду:

Раскачает вишни,
Склонит до земли,—
«Вам цветы-де лишни,
Все они — *мои!*..»
С яблонек-соседок
Отряхнет убор,
Стихнет напоследок,
Скроется, как вор...
Поминай как звали
Черта-шалуна,
А тоски-печали
Цветень вся полна:
Словно снегом белым,
Осыпью своей
Ляжет слоem целым
Наземь у корней...
«В пору ль думка злая?!.—
Шепчет сердце мне.—
В дни расцвета мая
Вверхья тишине!
Видишь, как с лазури
Льется солнца свет?
В дни такие бури
И в помине нет!..
Вольный вешний воздух
Полной грудью пей,—
Дай хоть нá день роздых
Думушке своей!..»

⟨1916⟩

Г. Галина (Г. А. Эйнерлинг)

418. ДАРЫ ОСЕНИ

Золотятся между сосен,
Клены желтые стоят...
Что за чудный им наряд
Подарила осень!

Как украсила рябины,
Бросив щедрою рукой
Меж узорчатой листвою
Яркие рубины!..

И качаются березы
В разноцветных кружевах...
Лишь у елки на ветвях
Блещут только слезы...

Полно, елочка! Напрасно
Не кручинься над собой:
Будешь в зелени зимой
Ты одна прекрасна!..

⟨1901⟩

419. ПЕСНЯ ЗОЛУШКИ

Меркнет в печке огонек...
Всё одна я да одна...
Догорает мой денек —
Ночь угрюма и длинна.

Если б фея вдруг пришла
(Так, как в сказке говорят),
Чтобы сбросить я могла
Свой запачканный наряд!

И в карете золотой
Понеслась бы к замку я,
Где давно уж ждет меня
Королевич молодой...

Где веселье, свет и смех,
Зала чудная в цветах...
Где была бы лучше всех
Я в хрустальных башмачках.

Гаснет в печке огонек,
Смотрит в окна лунный свет.
Королевич мой далек,
Доброй феи нет как нет!

⟨1904⟩

420. СОЛНЦЕ И ЗИМА

Что-то ласковое солнце
Лесу вздумало сказать,
Но лазурное оконце
Вдруг задернулось опять.

И зима ворчит: «Что встало
Спозаранку? Не мешай!..
Не весна ль тебя послала?
Так теперь не месяц май!..»

Я не очень-то позволю
На снегу лучом играть,
И мою крутую волю
Не пытайся ты сломать!»

Так весь день старуха злая
То вздыхает, то ворчит,
А полоска золотая
Снова на небе горит.

И сквозь облако в оконце,
Над старушкой шутя,
Смотрит радостное солнце,
Улыбаясь и блестя.

⟨1904⟩

421. СМЕРТЬ СОСНЫ

Бурей вчера уронило сосну —
В быструю речку упала она.
Смотрятся ветви с тоской в глубину,
Травы кивают ей с темного дна,
Рябью лазурной играет вода...
Лес пробуждается в блеске лучей —
Только сосне не поднять никогда
Гордой вершины своей!

⟨1904⟩

422. МОЕ ЦАРСТВО

Мой дворец в лесу сосновом,
Над веселую рекой,
Где шуршит ковром лиловым
Пышный вереск под ногой...

Незабудки там глядятся
В волны речки сквозь траву...
И весь день мне сказки снятся,
Сказки счастья наяву...

Там в листве берез трепещет
Солнца отблеск золотой
И короной ярко блещет
Над моею головой!..

⟨1904⟩

423. ШАРМАНЩИК

Музыка, музыка где-то звучит!
Борются звуки с осенним дождем.
Старый шарманщик печально стоит
Там, за окном,
Медленно ручку шарманки вертя...
Видно, устала рука...
«Дайте на хлеб!..» — умоляет, грустя,
Взгляд старика.
Поздно. Он бродит сегодня давно
С жалкой шарманкой своей...
Дети! Откройте, откройте окно
И помогите скорей!..

⟨1904⟩

424. СПИ, СЫН!

Только мой сынок уснет —
Дедка Дрема к нам придет...
Старый Дрема старичок —
Острый, серый колпачок...
Дедка Дрема, сам с вершок,
Принесет с собой мешок...

«Милый, милый дождик!» — колос шелестит,
Голову склоняя над печальной нивой.
И земля сухая пьет нетерпеливо,
И веселый дождик зернышки
поит.

<1906>

427. ЗИМОЙ

Одной надеждой о весне
Зимою я живу...
Я вижу темный лес во сне,
И солнце, и траву...

Не очарует он меня,
Седой колдун Мороз!
Мне снится ландышей семья,
Мне снится шум берез...

Зачем брильянты и парчу
Принес старик с собой?
Ведь я цветов одних хочу,
Одних цветов весной!

И долго будет под окном
Суровый дед грозить
За то, что в сердце он моем
Не может снов убить...

<1907>

428. УТРОМ

Что такое? Утром рано
За окно кидаю взгляд:
В белых шубах великаны
Неподвижные стоят.

И блестит парчою новой
Их пушистый белый мех...
Будто шапкою бобровой,
Крыты головы у всех!..

А вчера еще тоскливо
Жались голые стволы
И глядел на них тоскливо
Хмурый день холодной мглы...

Видно, сам мороз с зимою
В санках ночью прикатил
И пушистой пеленою
Сад и двор запорошил...

Всё кругом повеселело —
Стало чисто и светло.
И земле под шубкой белой
Спать так сладко и тепло!

⟨1907⟩

429. НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРЕ

Я помню, это было
Веселою весной.
Я помню, это было
Под старую сосной...
Скамейка там кривая
Стояла с давних пор,
Где речка голубая,
Овраг да темный бор.
Туда я убегала
Порой на целый день!
И тихо ночь спадала,
В ветвях сгущалась тень...
Безмолвно я сидела
У речки на скамье
И всё понять хотела —
О чем лепечет мне
И речка голубая,
И старая сосна,
И травка молодая,
И светлая весна?..
Вдруг звездочка упала
Далекая с небес.
«Живи!..» — она сказала...
«И пой!..» — шепнул мне лес...

«Живи!..» — сосна качала
Столетней головой...
И речка повторяла:
«Живи... живи и пой!..»

⟨1907⟩

430. СКАЗКА ЛЕСА

Из душистых веток сплетена завеса,
Не пускают ветра сосны к сердцу леса...

Там в тиши прохладной есть ручей журчащий,
Свежий и прохладный, чистый и блестящий...

И, пугливо прячась в травке побережной,
В тот ручей глядится ландыш белоснежный,

И хранит из веток крепкая завеса
Дремлющую сказку — сказку в сердце леса...

⟨1907⟩

431. УТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА

С добрым утром — будет спать!..

Видишь: встало солнце...

И тебе пора вставать!

Погляди в оконце:

Умываются цветы

Светлую росую...

Как цветочки, так и ты

Освежись водою!

Видишь, пчелка тянет сок

Из медовой кашки...

Ты ж напейся, мой сынок,

Молочка из чашки!

Вон оделся весь листвою

Сад наш, зеленея...

Ты оденься, мальчик мой,

Также поскорее!..

И беги, беги, играй

На свободной воле,

И расти, и расцветай,

Как цветочек в поле!

⟨1908⟩

432. НАД РЕКОЮ

Только станет над рекою
Тихо и тепло,
В ярких брызгах над волною
Вброшу я весло...
И помчуся чайкой дикой
Вдаль, в речную тишь,
Там, где с сонной повиликой
Шепчется камыш;
Где купавы серебрятся,
Венчики раскрыв;
Где над берегом клонятся
Ветви старых ив;
Где зеленый Дед осокой
Тихо шелестит
И на самом дне глубоко
Днем русалка спит...

⟨1908⟩

433. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Котик песенку поет
В уголке у печки...
Мой сыночек спать идет,
Догорели свечки.

Котик песенку поет,
Ждет сынка кроватка!
Скоро мальчик мой уснет
На кроватке сладко.

Ночка темная уйдет;
Снова утро будет...
Котик песню допоет,
Котик нас разбудит...

Выйдет солнышко опять,
В окна к нам заглянет...
И сыночек мой гулять
Собираться станет!

⟨1908⟩

434. СНЕГУР

(Зимняя сказка)

Стояла зимняя пора.
В снегу была дорожка.
Слепили дети Снегура
У самого окошка:
На голове одет горшок,
Глаза, как льдинки, зубы,
И серебром блестел снежок,
Как мех роскошной шубы.
Снегур стоял, глядел в окно:
«Ах, боже мой, что ж это?
Уж вечер стал, кругом темно,
А там всё полно света...
Кто ж это ярко так блестит
В углу?.. Скажи, березка!»
— «Дрова пылают, печь горит
И гонит вон морозко...—
Она ответила смеясь,—
Какой ты, глупый, право! —
И, над Снегуром наклонясь,
Промолвила лукаво: —
Снегур!.. на печку не гляди!..
Она тебе не пара:
Ведь сердце снежное в груди
Растает всё от жара!..»
Но глаз не мог он отвести
От печки и, вздыхая,
Шептал: «Ох, я хочу войти
Туда, хоть умирая!..»
А утром новую игру
Придумали мальчишки:
Продели палку Снегуру
Они, смеясь, под мышки
И потащили в гости в дом.
И вот Снегур у печки!..
Горит лицо его огнем,
Блестят глаза, как свечки!..
И на колени он упал
С восторгом и слезами,
И быстро, быстро таять стал
Под теплыми лучами...

Кричали дети: «Ай-ай-ай!
Снегур наш тает, тает!
Снегура, бедненький, прощай!
Снегура умирает!..»
Осталась лужа на полу —
Снегура уж не стало...
А печка радостно в углу
Смеялась и пылала.

⟨1908⟩

435. ВАСИЛЬКИ

Вот порхают две малютки
В поле будто мотыльки:
«Ах, какие незабудки!
Ах, какие васильки!
Мы сорвем их...» — «Нет, не надо,—
Говорила мама нам.—
Что́ на солнышке отрада
Жить и деткам, и цветам!..»

⟨1908⟩

436. ЗАЙЧАТА

У зайчихи у мамыши
Много маленьких зайчат —
Пети, Кати, Маши, Саши...
Без числа и без конца,
Все в мамашу и в отца.
Вот семейка их гуляет!
«Надо под ноги смотреть,
Не бежать и не шуметь!» —
Мама деткам повторяет.
Но ребята ни на час
Жить не могут без проказ.
Не идти ж всё по дорожке!
Это скучно... И один,
Самый старший мамин сын,
Не сдержал, должно быть, ножки
Да вперед и побежал...
«Ах, как стыдно! Ах, скандал!» —
Вслед кричит ему мамаша.

А зайчишки, все подряд
Глазки выпучив, глядят —
Петя, Катя, Маша, Саша,—
Как братишка их удрал.
Ах, как стыдно! Ах, скандал!

⟨1908⟩

437. ИНЕЙ

По деревьям серебристая
Перекинулась фата —
Белоснежная, пушистая,
Кружевная красота!
И себя березка грустная
Не могла узнать сама —
Так украсила искусная
Ветки деревца зима...

⟨1909⟩

438. ВЕСЕЛЫЙ БАЛ

На лугу веселый бал
Был открыт весною:
На трубе Комар играл,
Шмель мохнатый танцевал
С Мушкой голубою.
И кружился ветерок,
Листьями играя.
И качался в такт цветок,
Свой зеленый стебелек
Стройно наклоняя.
Стрекоза легко неслась
С Мотыльком нарядным.
И Улитка припелась
И удобно разлеглась
Под листком прохладным.
Прилетел и Майский Жук
С толстою Жучихой,
И, толкая всех вокруг,
Он вошел в веселый круг,
Подбоченясь лихо.

Муравьи толпой пришли,
Шевеля усами,
И плясать они пошли!..
Лишь Паук сидел вдали,
Прячась за ветвями.
И сердился и ворчал:
«Что за новоселье,—
Что еще такой за бал?»
Злой Паук не понимал
Счастья и веселья...

⟨1909⟩

439. ДОЖДИК

Дождик, дождик, посильней
Рассыпайся жемчугами,
Чтобы в комнате моей
Сладко пахло тополями!
Дождик, дождик, шибче лей,
Лей потоки золотые —
На траву, на голубей,
На березки молодые!
Дождик, дождик, поливай
Нашу Лизу веселее!
Лиза, Лиза, вырастай
Нам на радость поскорее!..

⟨1909⟩

440. ЕЛКА

Елка ветви свои опустила,
Белый иней осыпал ее...
Отчего мне так близко, так мило,
Деревцо ты родное мое?

Зеленя безмолвным приветом,
Ты приходишь как друг дорогой,
И надеждой и радостным светом
Загорается даль предо мной...

Вспыхнут ярко веселые свечи,
Засмеется душа как дитя...
И суровое время я встречу,
И холодные вьюги — шутя!

⟨1910⟩

441. ДЯДИНА СКАЗКА

Есть у дяди чудо-сказки,
Но из всех милей одна
Для детей... Она грустна
И слезой туманит глазки.

Но зато тем веселее,
Тем светлей ее конец —
Как раскрывшийся дворец
В царстве чудной, доброй феи.

Милой сказки, грустной сказки
Тихо образы плывут...
И, прижавшись к дяде, ждут
Дети радостной развязки...

⟨1910⟩

442. С ДОБРЫМ УТРОМ

С добрым утром! — Я встаю...
Солнце смотрит прямо,
Прямо в комнатку мою,
И уж встала мама!..
Надо платье надевать,
Очень скучно это!..
Отчего нельзя гулять
Вовсе не одетой?
Не боятся же зверьки
Промочить их ножки...
Для чего же мне чулки,
Платье и сапожки?!

⟨1910⟩

443. ГНОМ И БЕЛКА

Маленький гном —
Старый житель лесной —
Сел на грибок
Под зеленой сосной,
Сел и глядит —
 Удивляется!
Кто это сверху
 Бросается?..
Шишки летят,
А сквозь ветки блестит
Черный глазок,—
Это белка шалит!
«Полно, шалунья,
 Достанется!..
Так уж за мной
 Не останется...
Влезу на елку,
Сейчас накажу,
Острый репейник
На хвост посажу».
Белка смеется:
 «Умаешься!
Разве за мной
 Угоняешься?..»

⟨1911⟩

444. НА ОСЛИКЕ В ГОРАХ

В горах на ослике веселая прогулка —
 Его не надо только погонять!..
А если вздумает вдруг ослик закричать,
 Ему ответит эхо гулко...
Там можно ослика к деревьям привязать,
Сойти и побежать по склонам собирать
 Цветы. Пусть ослик отдохнет,
 А с ним его погонщик — мальчик смуглый,
 Татарский мальчик в шапке круглой.
Он любит ослика, ласкает, бережет,
 На ослика он редко сядет сам —

Ведь ослик маленький работой достает
На хлеб ему, катая по горам
Детей, которые не знают никогда,
Что значит голод и нужда.

⟨1911⟩

445

В мире великом
Много чудес:
Разве не чудо задумчивый лес
С травкой зеленой и ягодой дикой?
Блеск изумруда
Крыльев жуков,
Плащ голубых мотыльков —
Разве не чудо?

⟨1916⟩

Р. А. Кудашева

446. ТРОЙКА

Гоп-гоп-гоп!
Нам дороги всюду гладки,
Мчусь я вихрем, без оглядки,
Звонко топают лошадки:
Топ-топ-топ!

Ехать надо — так садитесь,
Покатаю всласть.
За кушак мой придержитесь,
Чтобы не упасть.

Не стоят на месте кони,
Сам едва держусь.
С этой тройкой я погони
Вовсе не боюсь.

Глядь, и зайка ждет за грядкой...
«С добрым утром! Я пришла;
Для тебя морковки сладкой
Я с собою принесла.
Прыгай на руки и кушай,
Только, чур: делись со мной!
Не дрожи, не трусь, не слушай...
Кто же встанет в час такой?
Я тебя по серой шубке
Стану гладить. Будь смелей!
У кого острее зубки,
Тот морковку съест скорей.
Станем в зелени тенистой:
Там никто нас не найдет;
Разве куст рососою чистой
Наш гостинец обольет».
И над Таниной головкой
Ветви сдвинул пышный куст;
Слышно, трудятся с морковкой
Два зайчонка: хруст да хруст!..

⟨1900⟩

448. В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЕЛОЧКА

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

Метель ей пела песенку:
«Спи, елочка, бай-бай!»
Мороз снежком укутывал:
«Смотри, не замерзай!»

Трусишка зайка серенький
Под елочкой скакал.
Порою волк, сердитый волк,
Рысцою пробегал.

Чу! Снег по лесу частому
Под полозом скрипит.
Лошадка мохноногая
Торопится, бежит.

Везет лошадка дровенки,
На дровнях старичок.
Срубил он нашу елочку
Под самый корешок.

И вот ты здесь, нарядная,
На праздник к нам пришла
И много-много радости
Детишкам принесла.

〈1903〉

449. ГУСЕНОК ПРОПАЛ

Гуси ходят поутру
По широкому двору,
Беспокоятся, кричат,
Не сочтут никак гусят...
«Га-га-га! го-го-го-го!
Нет гусенка одного...»
— «Не сбежал ли он в лесок?» —
Говорит им петушок.
— «Нет; не коршун ли унес?» —
Спорит утка — плоский нос.
А индюк: «Балды-балды!
Поищите у воды».
Гуси белые сошлись,
По дороге поплелись.
Черный ворон прилетел,
На плетне повыше сел:
«Карры-карр! я сам видал,
Как с гусенком волк бежал».
Как теперь помочь беде?
Гуси с горем — марш к воде
И пустились по волнам...
Глядь — гусенок тоже там!
Загалдели гуси враз:
«Как ты смел уйти от нас?»
А гусенок: «Го-го-го!
Мне вода милей всего».

〈1904〉

450. В ПОЛЕ

В летний зной летал по воле
Легкокрылый ветерок
И подслушал в чистом поле,
Как хвалился василек:

«Весь я синий, весь я яркий,
Всюду виден в спелой ржи;
Для меня и в полдень жаркий
Ходят дети вдоль межи.

Меж колосьев их ручонки
Выбирают василек —
Любы им мои глазенки,
Люб мой гибкий стебелек.

На меня садится мушка,
И пчела ко мне летит;
Полевая мышь-вострушка
Мне вреда не причинит.

И меня, кружась по воле,
Навещает мотылек...
Я — краса ржаного поля,
Ярко-синий василек!»

Слышит ветер: вдруг раздался
Чей-то тихий голосок;
Разогнулся, закачался
Полный зерен колосок:

«Правда! весь я желтый, ломкий,
Я рядиться не люблю
И простой моей соломкой
Никого не удивлю.

Я не жду гостей крылатых:
Чем принять, чем встретить их?
Лишь для мышек небогатых
Сыплю зернышек моих.

И проходят дети мимо,
Не склоняясь надо мной,—
Я ж рашу, в тиши хранимый,
Хлеб насущный, хлеб ржаной...»

Волны в поле покатались...
И колосьям с высоты
Всюду в пояс поклонились
Ярко-синие цветы.

⟨1905⟩

451. ЗИМНЯЯ ПЕСЕНКА

Вот зима пришла
Серебристая,
Белым снегом замела
Поле чистое.

Днем с детьми на коньках
Всё катается;
Ночью в снежных огоньках
Рассыпается...

В окнах пишет узор
Льдом-иголочкой
И стучится к нам во двор
С свежей елочкой.

⟨1906⟩

452. ⟨ШКОЛА⟩

1

В ШКОЛУ

Дни осенние пришли;
Детки в лето подросли...
Полно дома баловаться,
Время в школу отправляться!..

Сумки, книжки — тут как тут!
Детки плачут, не идут:

«Мы что знали — всё забыли,
И стишков не повторили!
Долго тянется урок,
И учитель очень строг!..»

2

ИЗ ШКОЛЫ

День прошел... Бегут гурьбой
Наши школьники домой.
Рады все, развеселились:
— Ах, как славно мы учились!
— Я две сказочки прочла!..
— Я все пальчики сочла!..
— Я писала всё в тетрадку!..
— Я срисовывал лошадку!..
— Завтра мы пойдем опять:
Как бы только не проспять!

⟨1907⟩

453. ЭТО БЫЛО В ДЕКАБРЕ

Зима наступает,
Крутится снежок;
Синичка порхает
С куста на кусток.

«Скажи нам, синичка,
Ты где же живешь?
Что делаешь, птичка?
О чем ты поешь?»

— «Я живу у горки,
С малой мышкой в норке.
Нанялась я к ней служить,
По утрам ее будить.
„Фиу-тью!.. Вставай, хозяйка,
Серая лентяйка!
Погляди скорей в оконце,
Ярко светит солнце!“
А мышка с кровати
Не может привстать,

Ей дремлется сладко,
Ей хочется спать.
„Отойди, синица!
Что мне торопиться?
Вьюга поле замела,
Нет у солнышка тепла...
Дай поспать хоть сто денечков,
До зелененьких листочков;
Подними меня с постели
В месяце апреле!“»

⟨1908⟩

454. ИГРА

Детки песенку поют,
Друг за дружкой идут,
Раздается звонкий смех,
Глазки искрятся у всех...

«Стук-стук у ворот:
Пропустите в огород!..
В огороде мак стоит —
Красная головка;
Под листком огурчик спит,
Прячется морковка.

Есть горошек, есть и боб,
Свеколка, петрушка,
Репка, спаржа и укроп,
Лук и сельдерюшка!

Стук-стук у ворот!
Пропустите в огород!

Будем овощ выбирать,
Вправо, влево станем,
Кого больше — целовать,
Кого меньше — щекотать,
Долго не отстанем!..»

Растворились ворота,
Пуще крик и суета!..

Пенье, говор, шум и смех,
Глазки искрятся у всех...

⟨1908⟩

Л. Чарская (Л. А. Чурилова)

455. КУВШИНКИ

В углу пруда кувшинки расцвели,
Зелено-белые над речкою хрустальной...
О дети вод, далекие земли,
Мне мил ваш вид холодный и печальный!..
Нет аромата в вас, нет прелести живой,
И красотой вы взора не пленили,
Но тайной странною, красивой и немой,
Меня безмолвно вы, невольно умилили...
В тиши речной таите, мнится мне,
Волшебный мир веленьем странным рока.
И часто по ночам вы снитесь мне во сне,
Как духи светлые хрустального потока...

⟨1907⟩

456. СКАЧИ, МОЙ КОНЬ...

Скачи, мой конь, во весь опор,
В простор живых лугов,
Где пышный стелется ковер
Из радужных цветов!

Какой простор! Какая тишь!
Нарядна вся земля...
Кругом — куда ни поглядишь —
Цветут луга, поля...

Туда направь свой быстрый бег,
О конь мой вороной!
Еще недавно белый снег
Лежал там пеленой.

Еще недавно я и ты
Там мчались как-то раз,
От мрачной зимней красоты
Не отрывая глаз.

Теперь ликующий апрель
Шлет радостный привет
И птиц восторженная трель
Звучит ему в ответ...

Скачи, мой конь, во весь опор
В простор живых лугов,
Где пышный стелется ковер
Из радужных цветов!

⟨1912⟩

457. ЗИМА

Кто в пуховой шубке белой
Легкой поступью и смелой
Вышел в час утра?
На кудрях ее пушистых
Много блесков золотистых,
Много серебра.
Эти локоны седые,
Крупно в кольца завитые,
Бьются о плечо.
На губах зари багрянец,
На щеках живой румянец
Пышет горячо.
Рукавичкою взмахнула —
Раз! Куда бы ни взглянула,
Застлан бел ковер...
Новый взмах — и речка стала,
Та, что звонко лепетала
С давних пор.
Кверху руку поднимает —
Вмиг деревья накрывает
Чистым серебром.
По вершинам бродят взоры —
И роскошные узоры
Вытканы кругом!

Эта белая шубейка
Всем знакома, чародейка,—
Матушка-зима.
С легкой поступью небрежной,
С пеленою белоснежной,—
Вот она сама!
Припасайте ж в эту пору
Снеговую, детки, гору,
На реке каток,
Благо солнечный и ясный,
Чуть морозный, но прекрасный
Выдался денек!

⟨1912⟩

И. А. Бунин

458. ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Высоко́ полный месяц стоит
В небесах над туманной землей,
Бледным светом луга серебрят,
Напоенные белою мглой.

В белой мгле на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только черный засохший камыш
Да верхушки раки различить.

И река в берегах чуть видна...
Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... Ночь тиха и бледна,
Высоко́ полный месяц стоит.

1887

459

Помню — долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина;
Тускло льется свет лампы,
Буря плачет у окна.

Я лежу в своей кроватке,
Истомленный и больной,
Мать с безмолвной, тайной грустью
Наклонилась надо мной.

«Дорогой мой,— шепчет тихо.—
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрым и веселым
Завтра утром быть опять,—

Позабудь, что воеет вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихий шепот леса
И полдневный летний зной;

Вспомни, как шумят березы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!»

И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,
Забываться начинал.

Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкиванье грез —
Шепот зреющих колосьев
И невнятный шум берез...

1887

460. НА ПРУДЕ

Ясным утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги крылом.

На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега.

И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.

Облака там нежней и белей,
Глубина — бесконечна, светла...
И доносится мерно с полей
Над водой тихий звон из села.

1887

461. ВЕСНА

Спят поляны снеговые, спит безмолвно темный лес,
Только звезды золотые смотрят ласково с небес,
Только скоро сад зеленый зашумит своей листвою,
Зажурчит ручей студень серебряною струей.
Скоро теплый ветер юга всё пробудит ото сна,
Скоро степи запестреют, скоро светлая весна!
Подожди, дитя родное! После темных зимних дней
Будет лето золотое вдвое краше и милей!

В старый сад, где, расцветая, уж покажутся цветы,
Снова в день веселый мая беззаботно выйдешь ты,
Вновь услышишь, как до света в тихом сумраке ночей
В чаще липовой аллеи будет шелкать соловей.
И сквозь спущенные шторы, проплывая над землей,
Рисовать свои узоры станет месяц молодой...
Подожди, дитя родное! После темных зимних дней
Будет лето золотое вдвое краше и милей!

<1888>

462—463. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

1

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса,
Прошел внезапный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синеют небеса
Над освеженными лесами.

Тепло и влажный блеск. Запахли медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березках у межи,
Беспечно иволги болтают.

И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

1889—1895

2

Туча растаяла. Влажным теплом
Веет весенняя ночь над селом;
Ветер приносит с полей аромат,
Слабо алеет за степью закат.

Тонкий туман над стемневшей рекой
Лег серебристою нежной фатой,
И за рекою, в неясной тени,
Робко блестят золотые огни.

В тихом саду замолчал соловей;
Падают капли во мраке с ветвей;
Пахнет черемухой... Сладостным сном
Веет в затишье ночном...

1888

464. ПЕРВЫЙ СНЕГ

Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглись
Пред закатом небеса.

Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На пруды, на сад пустынный
Первым снегом понесло.

И сегодня над широкой
Белой статуртью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.

1891

465. АНГЕЛ

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний ангел пролетал.

Он видел сумрак предзакатный,—
Уже синел вдали восток,—
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.

Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая —
Невинной, неземной души.

«Благослови меньшого брата,—
Сказал господь.— Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»

И ангел светлую улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.

И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине,
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

1891

466. ЛЕТНЕЕ УТРО

Еще от дома на дворе
Синеют утренние тени
И под навесами строений
Трава в холодном серебре,
Но уж сияет яркий зной;
Давно топор стучит в сарае
И голубей пугливых стаи
Сверкают снежной белизной.

С зари кукушка за рекою
Кукует звучно вдалеке,
И в молодом березняке
Грибами пахнет и листвою.
На солнце светлая река
Трепещет радостно, смеется,
И гулко в роще отдается
Над нею ладный стук валька.

1892

467. В ПОЕЗДЕ

Всё шире вольные поля
Проходят мимо нас кругами;
И хутора и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

Давно за ними потонул
Наш городок на горных склонах;
Давно под этот мерный гул
Несемся мы в степях зеленых.

И как хорош в них летний день,
Как сердце радуют равнины
И отдаленных деревень
Родные, милые картины!

Вот под горою скит святой
В бору белеет за лугами...
Вот мост железный над рекой
Промчался с грохотом под нами...

А вот и лес! И гул идет
Под стук колес в лесу зеленом;
Берез веселый хоровод,
Шумя, встречает нас поклоном.

И всё темней за ними лес;
А сосен красные колонны
Под голубым шатром небес
Над ним свои возносят кроны!

От паровоза белый дым,
Как хлопья ваты расплзаясь,
Плывет, цепляется по ним,
К земле беспомощно склоняясь...

И в лес манит он за собой,
Где звонко иволга болтает,
Туда, где свежесть и покой
В зеленых чащах обнимает...

Но уж опять кусты пошли,
Опять деревьев строй редееет,
И бесконечная вдали
Степь развернулась и синеет.

Опять привольные поля
Проходят мимо нас кругами,
И хутора и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

1893

468. НОЧЬ

Ночь идет — и темнеет
Бледно-синий восток...
От одежд ее веет
По полям ветерок.

День был долог и зноен...
Ночь идет и поет
Колыбельную песню
И к покою зовет.

Грустен взор ее темный,
Одинок ее путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь.

1893

469. РОДИНА

В стороне далекой от родного края
Снится мне приволье тихих деревень,
В поле при дороге белая береза,
Озими да пашни — и апрельский день.
Ласково синее утреннее небо,
Легкой белой зыбью облака плывут,
Важно грач гуляет за сохой на пашне,
Пар блестит над пашней... А кругом поют
Жаворонки в ясной вышине воздушной
И на землю с неба звонко трели льют.

В стороне далекой от родного края
Девушкой-невестой снится мне Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный стан высокий, русая коса.
Весело ей в поле теплым, ясным утром!
Мил ей край родимый — степь и тишина,
Мил ей бедный север, мирный труд крестьянский,
И с приветом смотрит на поля она:
На устах улыбка, а в очах раздумье —
Юности и счастья первая весна!

1893

470. МАТЬ

И дни и ночи до утра
В степи бураны бушевали,
И вешки снегом заметали,
И заносили хутора.
Они врывались в мертвый дом —
И стекла в рамах дребезжали,
И снег сухой в старинной зале
Кружился в сумраке ночном.

Но был огонь — не угасая,
Светил в пристройке по ночам,
И мать всю ночь ходила там,
Глаз до рассвета не смыкая.
Она мерцавшую свечу
Старинной книгой заслонила
И, положив дитя к плечу,
Всё напевала и ходила...

И ночь тянулась без конца...
Порой, дремотой обвевая,
Шумела тише вьюга злая,
Шуршала снегом у крыльца.
Когда ж буран в порыве диком
Внезапным шквалом налетал,
Казалось ей, что дом дрожал,
Что кто-то слабым, дальним криком
В степи на помощь призывал.
И до утра не раз слезами
Ее усталый взор блестел,
И мальчик вздрагивал, глядел
Большими темными глазами...

1893

471. МЕТЕЛЬ

Ночью в полях, под напевы метели,
Дремлют, качаясь, березки и ели...
Месяц меж тучек над полем сияет,—
Бледная тень набегает и тает...
Мнится мне ночью: меж белых берез
Бродит в туманном сиянье Мороз.

Ночью в избе, под напевы метели,
Тихо разносится скрип колыбели...
Месяца свет в темноте серебрится —
В мерзлые стекла по лавкам струится...
Мнится мне ночью: меж сучьев берез
Смотрит в безмолвные избы Мороз.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя замечает ночная,

Спят твои села под песни метели,
Дремлют в снегу одинокие ели...
Мнится мне ночью: не степи кругом —
Бродит Мороз на погосте глухом...

1887—1895

472—473. НА ПРОСЕЛКЕ

1

Веет утро прохладой степною...
Тишина, тишина на полях!
Заросла повиликой-травую
Полевая дорога в хлебах.

В мураве колен утопают,
А за ними, с обеих сторон,
В сизых ржах васильки зацветают,
Бирюзовый виднеется лен,

Серебрится ячмень колосистый,
Зеленеют привольно овсы,
И в колосьях брильянты росы
Ветерок зажигает душистый,

И вливает отраду он в грудь,
И свекает с души он тревоги...
Весел мирный проселочный путь,
Хороши вы, степные дороги!

1895

2

Гаснет вечер, даль синееет,
Солнышко садится,
Степь да степь кругом — и всюду
Нива колосится!
Пахнет медом, зацветает
Белая гречиха...
Звон к вечерне из деревни
Долетает тихо...

А вдали кукушка в роще
Медленно кукует...
Счастлив тот, кто на работе
В поле заночует!

Гаснет вечер, скрылось солнце,
Лишь закат краснеет...
Счастлив тот, кому зарею
Теплый ветер веет;
Для кого мерцают кротко,
Светятся с приветом
В темном небе темной ночью
Звезды тихим светом;
Кто устал на ниве за день
И уснет глубоко
Мирным сном под звездным небом
На степи широкой!

1892

474—477. В КРЫМСКИХ ГОРАХ

1

Здесь осень светлая и тихая стоит...
У нас, на севере, теперь зима уж скоро
И северных лесов угрюмый, строгий вид
Багряною листвою не утешает взора.

Цветов и певчих птиц давно уж в чашах нет,
И гулко каждый звук по чашам раздается...
В полуоткрытый верх деревьев грустно льется
Осенний полусвет;

А в северных полях, пустынных и туманных,
В такие дни еще тоскливей и грустней —
Лишь караваны туч седых и оловянных
Плывут над скучною пустынею полей.

Когда же гаснет день и сумерки скрывают
Безмолвные поля в свою густую тень —
Печально огоньки среди лесов мерцают
Из бедных деревень...

Но далеко от нас всё это...
 Здесь ночи звездны, ясны дни.
 И сколько в них тепла и света,
 Как упоительны они!

Ни тучки нет на небосклоне.
 Проснешься утром — тишина,
 Тень от деревьев на балконе
 Прохладой бодрою полна.

В долинах пар на солнце блещет,
 Синют влажно цепи гор,
 Под ними золотом трепещет
 Морской лазоревый простор.

И там, где с ласкою прощальной,
 Белея, тонут паруса,—
 Чертою призрачно-хрустальной
 Слилися с морем небеса...

И в горы я с утра с двухстволкой ухожу;
 Там воздух по утрам еще свежей и чище,
 И целый день один я в тишине брожу
 Среди пустынных гор, как будто на кладбище.

На скатах тут видны лишь камни да трава,
 И кажется внизу, в долинах меж горами,
 Что неба яркая, густая синева
 Отрезана сверху песчаными скалами.

И я иду туда, к той светлой вышине,
 Не отрываю глаз от синего простора,
 Но тонут небеса в воздушной глубине,
 Уходят медленно от взора.

Зато какая даль открылась надо мной!
 Извивы рек, леса, кустарник ярко-алый,
 Долины, цепи гор, вершины, перевалы,
 А там и ширь полей — дорога в край родной!

Степь равниной пожелтевшею,
 Безграничною лежит,
 И в дали воздушной марево
 Над равниною дрожит.

И курганы одинокие,
 Молчаливые видны,
 И какой-то грустной думою
 О бывалых днях полны.

И в выси небесной с севера,
 Чуть заметные вдали,
 Над степями, над курганами
 Тихо тянут журавли.

К нам летят они станицами,
 К морю теплому, на юг,
 От ненастья от осеннего,
 От холодных зимних выюг.

И скликаются, и слышится
 В переключках их печаль...
 Не родимого ли севера
 Перелетным птицам жаль?

Не о нем ли над безмолвную
 Степью слышится их стон
 И уходит в небо синее,
 В безграничный небосклон?

Если так, снесите к северу,
 Возвращаясь по весне,
 И мою печаль о родине,
 Мой поклон родной стране!..

*Осень 1896
 На Черном море*

478. ПОЛАЯ ВОДА

С каждым днем синее мягче
 Даль оттаявших полей,
 Солнце в небе светит выше,
 Воздух — легче и теплей.

От чернеющих проталин
Влажный серый пар идет,
Ярко блещут в лужах воды,
Мокрый снег в луга ползет.
По лугам и по оврагам
Уж опять поток, клубясь,
Роет землю и в каскадах
Вдаль уносится, резвясь...

Он гудит,— и как люблю я,
Посреди лугов глухих,
Этот гул неясный, мерный,
Шум обвалов снеговых!
Как мне радостен немолчный
В ближней роще гам грачей,
Ночи темные, немые,
Долгий, грустный крик сычей!
Я во всем ловлю приметы
Вешних дней,— во всем душа
Чует вновь, как в божьем мире
Жизнь светла и хороша!

⟨1900⟩

479—480. ⟨ИЗ «ПЕСЕН О ВЕСНЕ»⟩

1

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Весело в поле весною бродить!
Весело в небе весеннем следить,

Как серебристою, нежной чредою
Тихо плывут облака над землей!

Степь ли увижу — там радует взор
Синих полей безграничный простор;

В небо взгляну ли — там солнце сияет,
Нежным теплом мне лицо пригревает,

Глубь небосвода светла и ясна...
Как хороша ты, родная весна!

⟨1900⟩

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Вновь тучи синие нахмурились кругом,
 Вдали идет дождя туманная завеса,
 Из леса и с полей повеяло теплом,—
 И вот уже гремит весенний первый гром,
 И радуга сверкает из-за леса!

То с юга май идет по рощам и полям,—
 Как юный светлый бог, смеется и ликует,
 И пробуждает жизнь, и возвещает нам,
 Что уж настал конец последним темным дням,
 Что он весны победу торжествует!

⟨1900⟩

481. МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Помнишь, с грустным шумом рощи обнажались,
 В липовой аллее, на песке сыром,
 Желтый лист кружился и всю ночь шептались
 Тополы угрюмо под моим окном?
 Всё грустило тихо грустью одинокой,
 Обнимала душу кроткая печаль...
 Опустели дали, и поля широкой,
 Мертвою пустыней уходили вдаль.
 Бедные деревья, темные равнины,
 Голые ракиты — всё смущало взор...
 Помнишь ли ты эти грустные картины?
 Помнишь ли безлюдный и немой простор?

А теперь? Взгляни, как эта даль синееет,
 Как сияет небо ясной бирюзой!
 Точно нежный бархат, поле зеленеет,
 Точно дым, прозрачны тучки над землей.
 Уж в тенистых рощах, в уголках укромных,
 Выглянул фиалки голубой цветок,
 Соловьи вернулись, и в садах зеленых
 Тонет наш спокойный, мирный уголок.
 Молодые листья ветерок колышет
 И рябит на речке светлые струи...
 Не грусти же, сердце! Вся природа дышит
 Новой, юной жизнью счастья и любви!

⟨1900⟩

482. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел. Уж не трепещет
Тучка молнией-грозой.
Посмотри, как небо блещет
Сквозь деревья бирюзой!

От кустов ложатся тени,
А цветы полны водой;
Пахнет свежестью сирени,
Сладко пахнет резедой.

Точно замер пруд широкий;
Как в зеркальном серебре,
Отразились в нем глубоко
Избы, ивы на горе.

А вдали уже алеет
Свет заката,— и теплом
Ночь в окно порою веет,
Точно ласковым крылом.

<1900>

483. РАССВЕТ

Сквозь весенний лазурный туман,
На зеркальные воды болота,
Сквозь деревья, на зелень полян
Засверкала зари позолота.

И разлился цветов фиам,—
Тайны ночи весенней раскрылись,—
И в воде, по широким лугам,
Небеса глубоко отразились.

Улыбаясь, в них смотрят леса,
Точно снятся им юные грозы,
И горит, и сверкает роса,
Точно радости светлые грезы!..

<1900>

484. ЛЕТНЯЯ КАРТИНА

Там, где тенистыми шатрами
Склонились ивы на затон,
Весь берег с темными садами
В зеркальной влаге отражен.

Там, где широкой, легкой тенью
Сокрыта в зелени река,
Всё веет сладостною ленью
Под тихий шепот тростника.

Там, отдыхая, сердце дремлет,—
Когда закат горит в огне,—
И чутко в сонной тишине
Вечерним летним звукам внемлет.

⟨1900⟩

485. ЗВЕЗДНАЯ НОЧЬ

Звезды на небе зажглись,
Час полночный недалек...
«Звезды на небе зажглись»,—
Тихо шепчет ручеек.

От травы и от цветов
Ароматы понеслись...
Ветер веет меж кустов:
«Звезды на небе зажглись».

Ночь царит в немых полях,
И поля, и нивы спят,—
Звезды в темных небесах
Тихий сон их сторожат...

⟨1900⟩

486. УРОЖАЙ

Опять я дома. Кончен путь
И утомительный, и долгий...
Синеет мирно степь за Волгой,
И хорошо здесь отдохнуть!

От суеты столиц устав,
Попал я точно в заповедный
Край тихих рек, густых дубрав
И деревенской жизни бедной.

Привет тебе, родимый край!
Привет твоим шумящим нивам!
Пусть будет мирным и счастливым
Твой летний труд и урожай!

Гляжу и радуюсь, что ныне
К тебе так ласкова судьба,
Что небо так светло и сине
И, точно лес, шумят хлеба.

Куда ни глянь — на всем простор
Степных угодий и полей,
Желтеют волны спелых ржей,
Струясь, как золотое море.

Куда ни глянь — везде кипит
Труд благородный и веселый,
Сверкает серп, коса звенит,
В ряды ложится хлеб тяжелый...

А солнце с неба жарко льет
Свои лучи, в выси сверкая...
Привет тебе, родной народ!
Привет тебе, страна родная!

(1900)

487. ОТДЫХ

Сухо кузнечики в жнивьях трещат,
Темь над полями пустыми.
В небе немые зарницы тайком
Мягко блистают над ними.
Убраны копны. Чернеет земля,
Сумраком ночи одета.
Вынесли знойную страду поля,
Вынесли жаркое лето.

Степь обнаженная дремлет в тиши,
Пажити спят, отдыхают...
В небе немые зарницы тайком
Темную даль раскрывают.

⟨1900⟩

488. В СЕЛЕ

Вечерняя заря за лесом догорает,
Вечерний легкий свет алеет на полях;
Как золото, река среди лугов сверкает,
Как золото, блестит в зеленых камышах...
Чуть веет ветерок, чуть нива шевелится,
А лес уже затих,— зеленый, темный лес...
И вот уж на поля с востока тень ложится,
И гаснут облака под куполом небес.
Молчание и сон природу обнимает,
Туман встает в лугах, прохладный и сырой,
Погасли огоньки,— деревня засыпает,
Лишь светится окно в часовне под горой.

Вечерний полумрак мне навевает грезы
О дальних детских днях, когда в душе моей,
Далекой от забот и повседневной прозы,
Любовь к родным полям была еще живей.
Вечерний полумрак мне возвращает счастье
Жить светлою мечтой в глубокой тишине
И чувствовать полней и нежность, и участие
К безмолвным горестям в родимой стороне.
И снова душу мне, как в детстве, обнимает
Любовь ко всем, кто сир, кто обделен судьбой,
И светлая печаль в душе моей мерцает,
Как тихий огонек в часовне под горой.

⟨1900⟩

489. ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В блеске огней, за зеркальными стеклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

1887

490. РОДНИК

В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой,
Бьет из камней родник студеный:

Кипит, играет и спешит,
Крутясь хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.

А небеса и лес нагорный
Глядят, задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге голыши
Дрожат мозаикой узорной.

1900

491. КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Темный ельник снегами, как мехом,
Опушили седые морозы,
В блестках инея, точно в алмазах,
Задремали, склонившись, березы.

Неподвижно застыли их ветки,
А меж ними на снежное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный месяц глядит с небосклона.

Высоко он поднялся над лесом,
В ярком свете своем цепенея,
И причудливо стелются тени,
На снегу под ветвями чернея.

Замело чащи леса метелью,—
Только вьются следы и дорожки,
Убегая меж сосен и елок,
Меж березок до ветхой сторожки.

Убаюкала вьюга седая
Дикой песнею лес опустелый,
И заснул он, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и белый.

Спят таинственно стройные чащи,
Спят, одетые снегом глубоким,
И поляны, и луг, и овраги,
Где когда-то шумели потоки.

Тишина,— даже ветка не хрустнет!
А, быть может, за этим оврагом
Пробирается волк по сугробам
Осторожным и вкрадчивым шагом.

Тишина,— а, быть может, он близко...
И стою я, исполнен тревоги,
И гляжу напряженно на чащи,
На следы и кусты вдоль дороги.

В дальних чашах, где ветви и тени
В лунном свете узоры сплетают,
Всё мне чудится что-то живое,
Всё как будто зверьки пробегают.

Огонек из лесной караулки
Осторожно и робко мерцает,
Точно он притаился под лесом
И чего-то в тиши поджидает.

Бриллиантом лучистым и ярким,
То зеленым, то синим играя,
На востоке, у трона господня,
Тихо блещет звезда как живая.

А над лесом всё выше и выше
Всходит месяц,— и в дивном покое
Замирает морозная полночь
И хрустальное царство лесное!

1886—1901

492. В ЛЕСУ

Тропинкой темною лесною,
Где колокольчики цветут,
Под тенью легкой и сквозною
Меня кустарники ведут.

Здесь полусвет и запах пряный
Сухой листвы, а вдалеке
Лес расступается поляной
К долине мирной и реке.

Садится солнце, даль синее,
Кукушка стонет, а река
Уже от запада алеет
И отражает облака.

Вокруг меня деревья стройно
Уходят к ясной вышине,
И сердце радостью спокойной
Полно в вечерней тишине.

Пора и горе, и ненастье,
И зиму темную забыть,—
Одно есть только в мире счастье —
Весь божий свет душой любить!

1901

493

Какая теплая и темная заря!
На дальнем западе кресты монастыря;
И черные зубцы его стены старинной
Смешались с сумраком за тихо долиной.
Несмело там алел закат из-за лесов,
Дремотно прогудел звон башенных часов,
И все покрыла ночь, беззвучная, немая,
Молчаньем ласковым долины обнимая.

Над садом облака, нахмурившись, стоят.
Весенней сыростью наполнен старый сад.
Белеет тускло пруд за садом под горою,
И звезды из-за туч сверкают в нем порою.
А в чашах, где, сокрыв весенние цветы,
Склонились кущами зеленые кусты,—
И темь, и теплота... Всё дремлет и покорно
Ждет ливня шумного и бури животворной!

1888—1901

494. ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Звезда над темными далекими лесами
Всех ярче искрится, прекрасна и грустна.
В прозрачном сумраке царит под небесами
Ночная тишина.

Как откровению, я тишине внимаю,
Не отрывая глаз от звездной вышины,
И мнится, что опять душою постигаю
Таинственную речь и звезд, и тишины,—

Опять, как в те часы, когда глядел, бывало,
Ребенком я в ночной, весенний небосклон
И реял надо мной спокойно и устало
Безгрешный детский сон,

А за плечом моим, в одеждах белоснежных,
Стоял хранитель мой, — и кроткая печаль
Была в его очах, задумчивых и нежных,
Безмолвно устремленных вдаль...

1901

495—497. <ИЗ ЦИКЛА «НА ЮГЕ»>

1

УТРО

Светит в горы небо голубое,
Молодое утро сходит с гор.
Далеко внизу — кайма прибоя,
А за ней — сияющий простор.

С высоты к востоку смотрят горы,
Где за нежно-млечной синевой
Тают в море белые узоры
Отдаленной цепи снеговой.

И в дали, таинственной и зыбкой,
Из-за гор восходит солнца свет —
Точно горы светлую улыбкой
Отвечают братьям на привет.

1901

2

У ЗАЛИВА

Над морем дремлют, зеленеют
Меж скал цветущие сады.
Лучи полдневные их греют,
Им слышен тихий плеск воды.

Здесь даже зимнею порою,
Среди и лавров и олив,
Под неприступною горою
Стоит, как зеркало, залив.

В затишье расцветают розы,
И кипарис в полдневный зной
Внимает, погруженный в грезы,
Как говорит волна с волной.

И смотрит вдаль, где, утопая
В лазурном море, паруса
На солнце искрятся, сверкая,
И точно манят в небеса.

1901

3

ВЕЧЕР

Светит алым светом,
Светит, догорая,
Далеко за морем
Полоса зари.

Каждый день с закатом
Прихожу я к морю,
Каждый вечер вижу,
Как, белея, меркнут
В море паруса.

И знакомой грустью
Сладко сердце ноет:
Мнится мне, что снова
Еду я проселком
По родным степям,—

И закат далекий
Долго-долго светит
Над стемневшим морем
Зреющих хлебов!

1901

498. ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой —
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

1903—1906

П. С. Соловьева (Allegro)

499. НОЧЬ И ДЕНЬ

Ночь зимой — как черный кот,
День — как серенькая мышь,
Но весна, весна идет,
Ярко, звонко каплет с крыш.
Уж морозу не сдержат
Шумной радости ручьев,
Стали птицы прилетать,
Звонче щебет воробьев.
Исчезают тьма и тишь,
И теперь наоборот:
Ночь — как серенькая мышь,
День — большой, блестящий кот.

⟨1906⟩

500. ПОДСНЕЖНИК

В саду, где березки столпились гурьбой,
Подснежника глянул глазок голубой.
Сперва понемножку
Зеленую выставил ножку,
Потом потянулся из всех своих маленьких сил
И тихо спросил:
«Я вижу, погода тепла и ясна;
Скажите, ведь правда, что это весна?»

⟨1906⟩

1

Погляди, в саду дорожки
 Поседали от луны.
 Табаки раскрыли звезды,
 Ароматны и бледны.
 Из травы скакнув, лягушка
 Возле клумбы замерла,
 Рядом с нею неподвижным
 Бугорочком тень легла.
 Засыпая, о прохладе
 Влажно шепчет ветерок...
 Спать пора: в соседней даче
 Потушили огонек.
 Сказка-сон тебе приснится
 Этой ночью голубой.
 Я тихонько дверь закрою,—
 Спи, дитя, Христос с тобой!

2

Ночь и тишина.
 Полная луна
 Лишь одна не спит,
 Ходит да глядит,
 Как в лесу глухом,
 Под корявым пнем,
 Мох зашевелился —
 Гриб на свет явился.

⟨1906⟩

503. МОШКИ

«То налево, то направо,
 Вверх и вниз, туда-сюда,
 Мы летать имели право,
 Но пришла на нас беда:

С каждым днем все холоднее
Ветер дует, дождь идет,
И становится грустнее
Наш веселый хоровод».—

На спине, задравши ножки
Над поникшей головой,
Засыпают тихо мошки
На листьях и под травой.

Буря, мертвый лист вздымая,
Песнь осеннюю поет...
Снится мошкам вечер мая
И веселый хоровод.

⟨1907⟩

504. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Баюшки-баю!
Песенку спою
Про заморский край,
Если будешь пай.
Расскажу и сказочку
Про звезду-алмазочку,
Про улитку рогатую
И про белочку хвостатую.
Ты же засыпай,
Баю-баю-бай!

⟨1907⟩

505. ОРЕХИ

Я недавно видел сам,
Как в оврагах, по лесам
Вам, ребята, для потехи
На кустах растут орехи.
Дни их летние пригрели,
И орехи загорели.
Позапрятались комочком
Под шершавым под листочком

По два, по три, по пяти...
Как бы нам их всех найти!
Подходите ближе, детки,
Я нагну пониже ветки,
Вы же шарьте по ветвям,
Вверх, и вниз, и там, и сям.
Да смотрите не зевайте:
Белкам меньше оставляйте!
Раздаются крики, смех:
«Вот орех, еще орех!..»
Ты, малыш, тянись скорее,
Эти рви, что поспелее...
Проглядел внизу опять:
Видишь — три, а рядом пять.
Затолкали вы девчонку...
Тише, сыпьте в рубашонку,
Кто корзин не захватил.
Тот за пазуху набил,
Тот горой насыпал в шапку,
Этот маленький в охапку
Чуть не целый куст схватил,
А сорвать-то нету сил.
Громче крики, звонче смех:
«Вот еще, еще орех!..»
Будет! Много есть у всех.
Ну, а те, что здесь останутся,
Белкам рыженьким достанутся.

⟨1907⟩

506. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ДОЖДЯ

Дождь осенний зашептал
И твердит одно:
«Бедный лес, ты так устал,
О покое ты мечтал,
Ты мечтал давно.

Не струится сок к листьям,
Им зимой не жить.
Волю дам своим слезам
И корням твоим я дам
Перед смертью пить.

Спи... Тебя водой небес
Я пою, пою.
Сладко спи, родной мой лес,
И весенних жди чудес.
Баю-бай-баю!»

⟨1909⟩

507. БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК

Сегодня две недели,
Что я лежу в постели,
И очень скучно мне,
Хоть развлечений много:
На простыне дорога,
Фигурки на стене.
Обои все в цветочках,
И в палочках, и в точках,
И в них живет народ
С огромными ушами,
С гусиными ногами,
Смешной такой урод!
Пока не потемнеет,
Никто слезать не смеет:
Они боятся дня.
И только лишь порою,
Когда глаза прикрою,
Косятся на меня.
Но лишь огни зажгутся,
Фигурки шевельнутся,
Зашепчут на стене.
И за ногою ногу
Спускают на дорогу,
На простыню ко мне.
Кривляются, смеются,
Вдоль простыни несутся,
Поднимут шум и гам.
То к голове подскочат
И за ухом щекочат,
То бросятся к ногам.
А ноги им — что горы,
И складки — как заборы.

Вот — катятся с колен,
К подъему подбегают,
На пальцы залезают,
Мизинец взяли в плен.
Но если входит мама,
Они с простынки прямо
На стенку — раз, два, три!
Больших они боятся
И на меня косятся:
«Не выдавай смотри!»
И я их понимаю
И маме отвечаю
Всё то же каждый раз:
«Дремал, мне что-то снилось...
Ты, мама, не ложились?
Который пробил час?» —
«А ты заснешь?» — «Да, скоро!»
Там, где белели горы,
Рука ее лежит.
«Укрой мне, мама, ноги».
Я знаю: вдоль дороги
Никто не побежит.
Дремлю. Кругом молчанье,
Чуть слышное шептанье
Глубокой тишины.
Лучится пламя свечки...
Смешные человечки
Кивают со стены.

⟨1910⟩

508. КУКУШКА И СОРОКА

К у к у ш к а

Полечу я на реку,

Ку-ку!

Там я сяду на суку,

Ку-ку!

Чем развеять мне тоску?

Ку-ку!

Сорока

Не свила себе гнезда,
Да-да!
И не вывела детей,
Ей-ей!
Так и нечего кричать,
Чать-чать!

(1910)

509

Там, на речке, где лесок,
А за лесом и полянка,
Вырос желтенький цветок —
По прозванию Одуванка.

Был он ярок, золотист,
Словно маленькое солнце,
Кверху поднял длинный лист,
Как резное веретенце.

От берез ложилась тень,
Мошкара кругом плясала.
Одуванка целый день
До упаду хохотала:
«Ха-ха-ха-ха! Хи-хи-хи!
Как смешны седые мхи!
Старички ужасно строги.
Как смешны поганок ноги...
Шляпки — словно крыш верхи...
Ха-ха-ха-ха! Хи-хи-хи!»

Старый дедушка седой,
Одуванчик родом тоже,
Смех услышал золотой
И ворчит: «На что похоже!
Что за глупый этот смех! —
Головой качает строго. —
Так смеяться даже грех:
Старость тоже ведь от бога».

«Как смешно-то, ой-ой-ой! —
Одуванка повторяет.—
Дед качает головой
И сединочки теряет».

«Погоди,— промолвил дед,—
Одуванка золотая,
Золотой недолог цвет:
Тоже будешь вся седая».

В ту же ночь сбылись слова:
Пробуждается полянка,—
Смотрят мхи, кусты, трава —
Вся седая Одуванка.
«Ах, беда моя, беда! —
Горько плачет хохотушка.—
Засыпала молода,
А проснулась я — старушка».

⟨1913⟩

510

Уж ты бабушка Улита,
Ты впусти котов в калитку.
Под березой там кровать,
На ней сладко почивать.
Та кроватка нова-нова,
А подушечка пухова.
Ветер листья шевелит,
На кроватке Маша спит.
Спи, малютка, почивай,
Светлых глаз не открывай.
Коты-котики идут,
Они Машу стерегут,
На нее со всех сторон
Нагоняют сладкий сон.

⟨1913⟩

511. УТКИНЫ ПОДАРКИ

Старая утка пошла по базару,
Детям своим накупила товару.
 Старшему сыну
 Купила корзину,
Чтобы ходить за грибами.
 Второму сыночку
 Купила цепочку,
Да не одну, а с часами.
 Третьему сынишке
 Купила штанишки
 Новые и с полосами.
 Меньшие птенцы
 Получили леденцы:
 По два леденца
 На птенца.
 Последнему утенку
 Купила гребенку,
Желтый чесать хохолок,
А он его в пруд уволок.
Было бы гребня мне жалко,
Да пчелы жужжали и осы,
Что гребень тот самый русалка
 Поймала
 И стала
Чесать им зеленые косы.

<1913>

512. ЛЯГУШКИ-МУЗЫКАНТЫ

У леса на опушке,
Посреди лужайки,
Три старые лягушки
Бренчат на балалайке.
Их лапочка умело
По струнам ударяет.
Лягушки то и дело
Припевы повторяют:
«Кокс, кваки-кваки, квакс!
Коакс, ква-ква, коакс!»
Их слушают букашки
И хлопают в ладошки,

Улитка им из кашки
Выказывает рожки.
На мухоморах важно
Лягушки восседают,
То быстро, то протяжно
Звенят, бренчат, играют.
И слышат вправо, влево
Все жители лужайки
Веселые припевы
И звуки балалайки:
«Кокс, кваки-кваки, квакс!
Коакс, ква-ква, коакс!»

⟨1913⟩

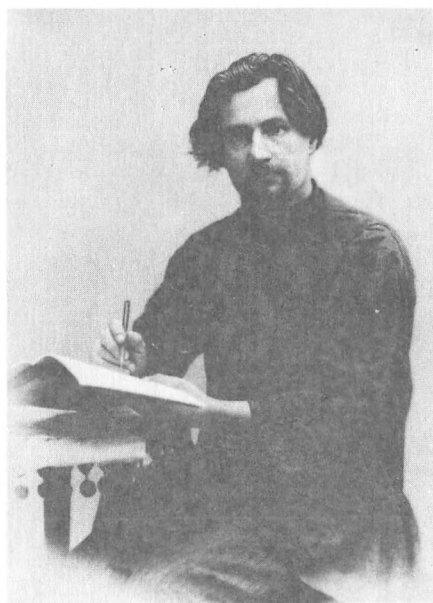
513. ВЕСЕЛЬЕ

Тара-ра-ли! Тара-ра!
Как сегодня-то с утра
У нашего господина
Разыгралася скотина,
Сорок маленьких телят
Все копытцами стучат.
Побежали во лесочки,
Обглодали ветки, кочки.
Пришел черный таракан
И ударил в барабан.
Собрала утятку утка,
Заиграла громко в дудку.
Сарафан коза надела
И плясать с козлом хотела.
А козел-то в сапогах
И с кафтаном на плечах.
Овца в валенках
На проталинках.
Как пошли они плясать,
Да ушами потрясать,
Да копытцами стучать —
Их никто не мог унять.

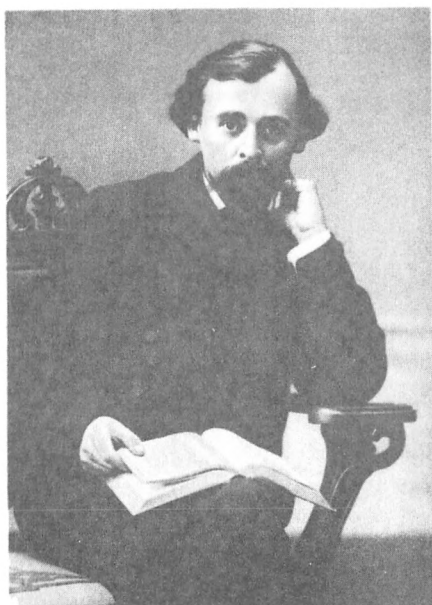
⟨1913⟩

К. Льдов

С. Д. Дрожин

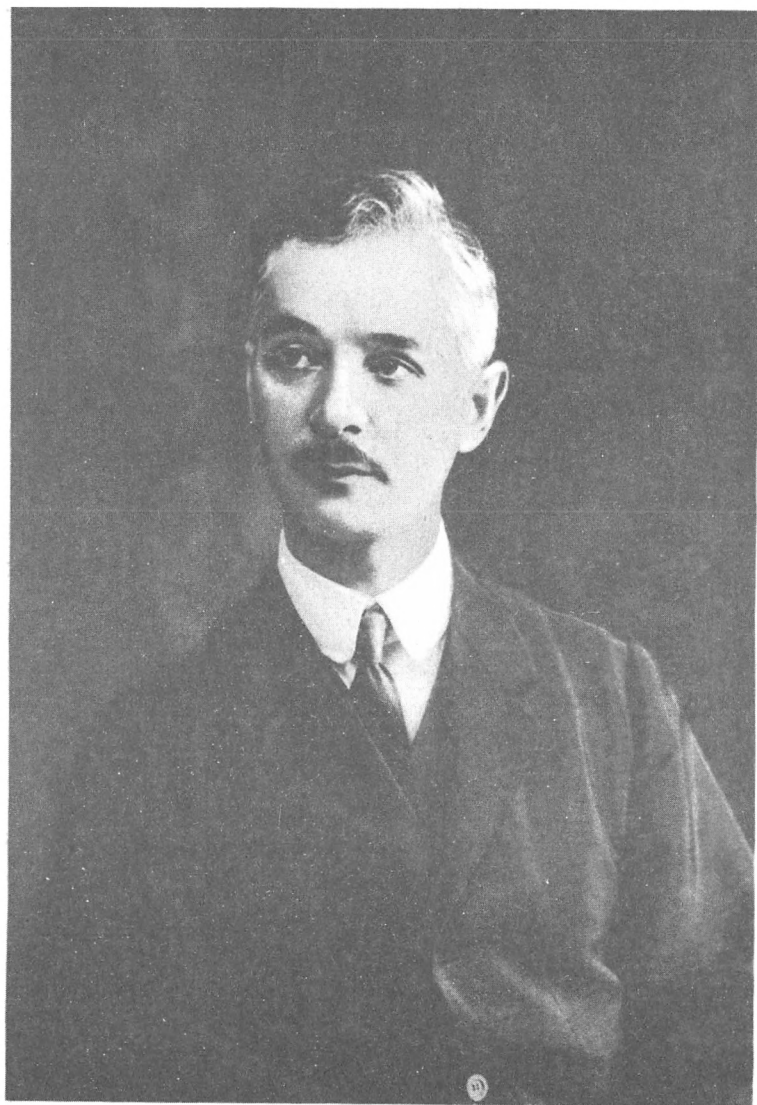
И. А. Белоусов

Е. Е. Нечаев

Ф. С. Шкулев

Саша Черный

А. М. Ремизов

514. ЗАКЛИНАНИЕ ВЕТРА

Ты скрипишь,
Ты гудишь,
Ты в окошко стучишь —
Мы окно закрыли.

Ты в трубе,
Ты ворчишь —
Печку затопили.

Не стучи ты,
Не кличь —
Разбудишь Наташу!
Крепко пальчики сложила,
Губки алые раскрыла,
Тихо-тихо дышит.

Но придет твоя пора,
Позову тогда тебя.
Ты возьмешь ее на плечи,
Унесешь с ней далече.
Ветер, ты ей всё скажи,
Все песчинки покажи.
А потом, когда вернешься,
Свечи мы засветим —
Ветер!
Ветер, ты уймешься!

<1906>

515. НАТАШЕ

Засни, моя деточка милая!
В лес дремучий по камушкам мальчика-с-пальчика,
Накрепко за руки взявшись и птичек пугая,
Уйдем мы отсюда, уйдем навсегда.
Приветливо нас повстречают красные маки,
Не станет царапать дикая роза в колючках,
Злую судьбу не прокаркнет птица-вещунья,

Осел, козел,
олень да лев,
медведюшка —
звери страшные,
звери важные,
сам с усам,
сам с рогом.
Трам-там-там,
трам-там-там.

У меня бал.

— Я пес.

— Я бас.

— Я баран.

Это ноты.

Барабан.

Трам-там-там,
трам-там-там,
там-там.
там.

⟨1917⟩

С. М. Соловьев

517. СМЕРТЬ ПТИЧКИ

Взял умирающую птицу я в руки,
Видел я трепет последний крыла,
Было в глазах выражение муки,
Свесив головку, она умерла.

Наземь сложив еще теплое тело,
Долго и молча смотрел я в тоске...
Небо сквозь ветви дерев голубело,
Облак недвижно застыл вдалеке.

Ветер над мертвою пел свои ласки,
Пух ее перьев слегка подымал,
И бесконечные милые сказки,
Старые сказки лесные шептал.

Листьями пахло гнилыми. В древесной
Выси ходил несмолкаемый свист.
Ярко желтея в лазури небесной,
Падал, кружился сорвавшийся лист.

⟨1906⟩

518. ГОЛУБИ

Весна, и снег растаял в желобе.
Синеет небо. Вот взвились,
Летят серебряные голуби,
Пронзив улыбчивую высь.

Летите, белые! Мгновение —
И в небе ваш растает след.
Вам, вам — мое благословение,
Мой грустный, ласковый привет!

О, если б мог оставить тело я
И кануть в синей глубине!..
Летите, юные, летите, белые,
К благословенной стороне.

⟨1906⟩

519. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОШКИ

Как возили навоз
Осенним деньком,
Возле белых берез,
За самым гумном,
Закинули кошечку —
Золотенькую мордочку.
А как Марья домой пришла,
Тоска ее злая взяла:
Зачем закинула кошечку,
Закинула золотенькую мордочку,
Пустила ее на все четыре сторонки.
Заливаются слезами девчонки:
Не с кем теперь побегать-поиграть,
Некому щелчков надавать,
Некого молочком попить!

Только вот в один из темных вечеров,
Под самый, кажись, праздничек Покров,
Слышит Лизутка: скребется в дверь,
Должно быть, какой заблудший зверь.
Слезла Сашка с печи, говорит: «Лизутка,
Пойдем-ка вдвоем, чтоб не стало жутко,—
Посмотрим, кто к нам во двор залез:
Коли серый волк, то прогоним в лес,
Коль чужой щенок, хлеба дадим,
Коль котеночек, молоком напоим!»
Вышла в сени со свечой Лизутка,
Да как крикнет: «Маменька! Маменька!
Это кошечка наша дорогу нашла,
Наша золотенькая мордочка пришла!
Это она во дворе помурлыкивает,
Золотым усом подергивает,
К ногам моим ластится,
На мои руки просится!»
Ну Марья с кошкой возиться,
За хлебом по столу рыться:
«Подставляй-ка, Лиза, корытце,
Наливай молока!»

(1906)

520. БАБУШКА И ВНУЧКА

Колдует над полянами веселая весна,
А бабушка молитвенник читает у окна.

И забывдки нежные, в тени зеленых ив,
Смеются, глазки синие над озером склонив.

Земля под маргаритками, как в розовом снегу,
А девочка веселая играет на лугу.

Вся — маленькая, легкая, лазоревый глазок...
Заговорит, и кажется: воркует голубок.

Бежит из лесу к девочке знакомая семья.
«Ах, здравствуйте, голубчики, любимые друзья!»

Лисичка-вертихвосточка, ты все еще жива?
А вы как зиму прожили, синичка и сова?

Ты, рыбка красноперая, не любящая зим,
Как весело ты хвостиком сверкаешь золотым!

Плыви скорее к берегу и жди у тростника,
Тебе я в грядках вырою большого червяка!»

И вскрикнула, и кинулась, откинув волоса,
И смех, как звон серебряный, под небом разлился.

А бабушка молитвенник читает сквозь очки,
Каштан склонил над окнами зеленые сучки.

Синичка, рыбка, совушка, примите мой поклон!
Должно быть, в детстве радостном я видел этот сон.

⟨1914⟩

К. Д. Бальмонт

521. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Легкий ветер присмирел,
Вечер бледный догорел,
С неба звездные огни
Говорят тебе: «Усни!»
Не страшись перед судьбой,
Я, как няня, здесь с тобой,
Я, как няня, здесь пою:
«Баю-баюшки-баю».

Тот, кто знает скорби гнет,
Темной ночью отдохнет.
Всё, что дышит на земле,
Сладко спит в полночной мгле,
Дремлют птички и цветы;
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здесь пропою:
«Баю-баюшки-баю».

⟨1895⟩

522. ГЛУШЬ

Луг, болото, поле, поле,
Над рекою — ивы.
Сладко дышится на воле!
Все цветы красивы.

Всё здесь нежит глаз и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала где-то муха,
Шмель гудит тяжелый.

Всюду — божие коровки,
Розовые кашки,
Желто-белые головки
Полевой ромашки.

Нежны, тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, разве есть страданье?
Разве есть печали?

⟨1899⟩

523—528. ИСПАНСКИЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ¹

1

Засыпает роза,
Вся в росе блестя,
Наступает вечер.
Спи, мое дитя!

2

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что с тобою будет,
Если я умру?

¹ Предлагаемая песенка народного происхождения.

3

Спи, мое дитяtko малое,
Нежу я детку мою,
Вот колыбель закачалася...
Баюшки-баю-баю.

4

Ребенку мать «усни» твердит,
Ребенок на нее глядит,
В одном его глазке «кис! кис!»,
В другом его глазенке: «брысь!»

5

Спи, дитяtko родное,
Спи, деточка,— уснула,
С открытыми глазами,
Как боязливый зайчик.

6

Спи, моя деточка,
Ты, незаметная,
Спи, моя звездочка,
Спи, предрассветная!

⟨1900⟩

529. ФИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Нинике

Спи, моя деточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя деточка, птичка моя полевая,
Светлоголовка, усни, хорошо тебе будет,
Спи, моя деточка, бог тебя завтра разбудит.

Птичке своей он навеет воздушные грезы,
Сплел колыбель ей он нежно из листьев березы,
Сон наклонился с дремотой и шепчет сквозь ветку:
«Есть ли здесь деточка? Я убаюкаю детку.

Спит ли здесь деточка в мягкой своей колыбельке?
Славно ли, деточка, в теплой уютной постельке?
Спи, моя деточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя деточка, птичка моя полевая».

⟨1904⟩

530—540. С В Е Т Л Ы Й М И Р

1

С В Е Т Л Ы Й М И Р

Тонкий, узкий, длинный ход
В глубь земли мечту ведет.
Только спустишься туда,
Встретишь замки изо льда.

Чуть сойдешь отсюда вниз,
Разноцветности зажглись.
Смотрит чей-то светлый глаз —
Лунный камень и алмаз.

Там опал снежит, а тут
Расцветает изумруд.
И услышишь в замках тех
Флейты, лютни, нежный смех.

И увидишь чьих-то ног
Там хрустальный башмачок.
Льды, колонны, свет, снега,
Нежность, снежность, жемчуга.

Тонкий, узкий, длинный ход
В этот светлый мир ведет.
Но, чтоб знать туда пути,
Нужно бережно идти.

2

П Р О Г У Л К А Ф Е И

Фея в сад гулять пошла,
Так нарядна и светла,
Говорит с цветами;
Ей цветы: «Будь с нами.

Фея, будь, как мы, цветок,
Развернись как лепесток.
Будь рябинкой дикой
Или повиликой.

Будь анютиным глазком,
Или синим васильком,
Иль еще — малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетит на лепесток
Желтокрылый мотылек,
Хоботком коснется,
Фея улыбнется.

Прилетит к тебе пчела,
Прожужжит: «Не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Мед приготавливаю».

Покачнув на тине хмель,
Прогудит мохнатый шмель:
Ну-ка, поцелую
Фею молодую.

А когда придет закат,
Все цветы проговорят:
В росах умываться,
Спать приготавливаться».

Фея слушала цветы,
Фея нежила листы.
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

«Или я на мотылька
Променяю светлячка?
Не хочу меняться» —
И давай смеяться.

Скрылась в замке под листком,
Забавлялась с светляком,
Цветиком не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ В ГНЕВЕ

Фея в печку поглядела,
 Пламя искрилось и рдело.
 Уголочки от осины
 Были яркие, как рубины.

И сказала Фея: если,
 Здесь, пред пламенем горящим,
 Я сижу в узорном кресле
 И довольна настоящим,—

Вечно ль буду я довольна,
 Или краток будет срок?
 И вскричала тотчас: «Больно!» —
 Пал ей в ноги уголек.

Фея очень рассердилась,
 Кресло быстро откатилось.
 Отыскав в углу сандала,
 Фея ножку врачевала.

И, разгневавшись на печку,
 Призывает Фея гнома.
 Приказала человечку
 Делать, что ему знакомо.

Тот скорее сыпать сажу,
 Всё погасло в быстрый срок.
 Так темно, что страшно даже.
 Был наказан уголек.

ЧАРЫ ФЕИ

Я шел в лесу. Лес темный был
 Так странно зачарован.
 И сам кого-то я любил,
 И сам я был взволнован.

Кто так разнежил облака, —
Они совсем жемчужны?
И почему ручью река
Поет: «Мы будем дружны?»

И почему так ландыш вдруг
Вздыхнул, в траве бледнея?
И почему так нежен луг?
Ах, знаю! Это — Фея.

5

ФЕЯ И СНЕЖИНКИ

Катаясь на коньках,
На льду скользила Фея.
Снежинки, тихо рея,
Рождались в облаках.
Родились — и скорей
Сюда, скорей, скорее.
Из мира снежных фей
К земной скользящей Фее.

6

ФЕЯ И БРОНЗОВКА

Бронзовка — жук изумрудный,
Очень приятный для взгляда.
В дружбе он жил обоюдной
С Феей волшебного сада.

Вместе по дикой рябинке
В час проходили урочный.
Вместе вкушали росинки,
С пылью мешая цветочной.

Вместе дождались расцвета
Яркого пышного мая
И с наступлением лета
Скрылись из этого края.

У ЧУДИЩ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все, как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке,
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму, и скрылся в дымке,
И вот со смехом кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею,
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны — и был таков.

КОШКИН ДОМ

Мышка спичками играла,
Загорелся кошкин дом.
Нет, давай начну сначала,—
Мышка спичками играла
Перед Васькой, пред котом.

Промякнул он на мышку,
А она ему: «Кис-кис».
«Нет,— сказал он,— это — лишку»,—
И за хвостик хватъ плутишку,
Вдруг усы его зажглись.

Кот мяукать, кот метаться,
Загорелся кошкин дом.
Тут бы кошке догадаться,
А она давай считаться,
Всё поставила вверх дном.

Погубила ревность злая,
Кошкин дом сгорел дотла.
«Этой мышке помогла я»,—
Спичка молвила, пылая.
Мышка до сих пор цела.

ГНОМЫ

На лугу большие кучи
 Свежевырытой земли.
 Лето. Жарко. Полдень жгучий.
 Дым стоит вдали.

Кто здесь рылся? Может, гномы,
 Всей смешной толпой своей,
 Строят нижние хоромы
 Для своих царей?

Города во тьме возводят,
 Строят замки под землей
 И, уродливые, ходят
 Под моей ногой?

Зажигают вырезные
 Лампы в царстве темноты?
 Нет, ошибся. То — слепые
 Черные кроты.

ТРЯСОГУЗКА

Трясогузка, возле лужи,
 Хвост тряся исподтишка,
 Говорила: «Почему же
 Всем стихи,— мне нет стишка?»

Я ли бегаю не прытко?
 Я ли мошек не ловлю?
 Иль стихам нужна улитка?
 Вот уж гадость. Не терплю».

Трясогузка, чудо-птица,
 Ты милей мне ярких звезд.
 Ты... но скрылась баловница,
 Повернув свой быстрый хвост.

ЗА ГРИБАМИ

Вот мы дружную семьей —
За грибами, в лес.
Я да он, да ты со мной,
Старый лес воскрес.

Был он тихий — темный бор,
Пасмурно глядел.
А как наш раздался хор,
Весь он загудел.

Закрутился тенор твой,
Загремел мой бас,
Наш товарищ фистулой
Подбодряет нас.

Белка слушала в сосне,
И с размаху — прыг.
Там сорока в вышине
Подняла свой крик.

Можжевельник зашуршал,
Вон, там чей-то глаз.
Это Леший побежал,
Испугавшись нас.

Ну, товарищи, вперед,
Врассыпную вдруг.
Тот, кто первый гриб найдет,
Он мой лучший друг.

Только, братцы, примечай,
Вот вам уговор:
Чтобы этот гриб пускай
Был не мухомор.

⟨1905⟩

1

ДЕТСКИЙ МИР

Белки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки и кроты,
Как вы вновь мне стали близки,
Снова детские цветы.

Незабудки расцветают,
Маргаритки щурят глаз,
Подорожники мечтают —
Вот роса зажжет алмаз.

Вплоть до самой малой мошки
Близок стал мне мир живых,
И змеистые дорожки
Повели к кустам мой стих.

А в кустах, где всё так дико,
Притаился хмурый еж.
Вон краснеет земляника,
Сколько ягод здесь найдешь.

Все цветы на зов ответят,
Развернув свои листки.
А в ночах твой путь осветят
Между травок светляки.

2

СКАЗОЧКИ

Помнишь, миленький дружок,
Помнишь, деточка моя:
«Петушок да петушок,
Золотой он гребешок»,—
Сказку сказывал я.

Засмеялась ты в ответ,
Засмеялась: «Ха-ха-ха!
Вот какой смешной поэт,
Не хочу я, нет, нет, нет,
Говорить про петуха».

Я про козлика тогда
Начал сказку говорить,
И журчала нам вода:
«Если б, если б нам всегда
В этих сказочках быть!»

3

ЗАИНЬКА

Заинька беленький хвостиком моргал,
Заинька в садике вкусного искал.
Заиньку в садике садовник увидал,
Выстрелил в зайку, выстрел не попал.

Заинька прочь ушел, пошел он в огород,
В грядках капустных стал сильный недочет.
Заиньку отдали амке под надзор,
Амкает амка, но зайка ловкий вор.

Заиньку белого вьюга бережет,
Заиньку полночь в обиду не дает.
Заиньку белого ежели убьют,
Что же нам песенки веселые споют?

4

СМЕШНОЙ СТАРИК

Вот какой смешной старик,
Школьный дядька наш.
Дал нам много скучных книг,
Но забыл смешной старик
Дать цветочных чаш.

Вот мы книги в тот же миг —
Раз, и пополам.
Тут поднялся смех и крик,
Позабыл смешной старик,—
В сад скорей, к цветам.

Книги пусть читает он,
У него очки.

Он так стар и так учен,
Нам приятней видеть клен,
Хмель и васильки.

Книги пусть читает он
И сидит в шкафах.
Мы же любим небосклон,
Вольных смехов светлый звон,
Сад в живых цветах.

⟨1905⟩

545—549. ⟨ИЗ ЦИКЛА «БЫЛИНКИ»⟩

1

КАК Я ПИШУ СТИХИ

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая.
Мелькает третья ей издалека,
Четвертая смеется, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом,
И право никогда — не сочиняю.

2

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Анютины глазки,
Жасмин, маргаритки,
Вы буквы на свитке
Поблекнувшей сказки.

Вы где-то дышали,
Кому-то светили,
Без слез, без печали
Вы жили, вы были.

И вот грез мечтанья
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сиянья,
Дарите улыбки.

Вы шлете мне ласки
В бессмертном избытке,
Жасмин, маргаритки,
Анютины глазки.

3

ОСЕНЬ

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море,
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется,
И заплачет спросонья.

4

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ

Тане П.

Радость может ждать на каждом повороте.
Не грусти. Не надо. Посмотри в окно.
Осень в желтых листьях, в нежной позолоте
Медленно колдует. Что нам суждено?

Разве мы узнаем? Разве разгадаем?
Будем ждать, что чары улыбнутся нам.
Пляска мертвых листьев завершится маем.
Лютики засветят снова по лугам.

Даже и сегодня... Ум предав заботе,
Шел я хмурый, скучный по лесной глуши,
Вдруг на самой тропке, да, на повороте,
Красный цвет мелькнул мне в ласковой тиши.

Спелая рябина прямо предо мною,
Алая калина тут же, рядом с ней.
Мы нарвем ветвей их на зиму с тобою,
Пред окном повесим комнатки твоей.

Прилетит снегирь смешной и неуклюжий,
Раза два чирикнет, клюнет — да и прочь.
И метель завоюет, всё затаяет стужей,
Но зимой, пред лампой, так уютна ночь.

И пока на всполье будут свисты вьюги,
Сон тебя овеет грезой голубой.
«Милый, что я вижу! Лютики на луге!
Хороводы травок! Ах, и я с тобой!»

5

К ЗИМЕ

Лес совсем уж стал сквозистый,
Редки в нем листья.
Скоро будет снег пушистый
Падать с высоты.

Опушит нам окна наши
В детской и везде.
Загорятся звезды краше,
Лед прильнет к воде.

На коньках начнем кататься
Мы на звонком льду.
Будет смех наш раздаваться
В парке на пруду.

А в затишье комнат — прятки,
В чет и нечет — счет.
А потом настанут святки,
Снова Новый год.

⟨1905⟩

550. ТРАВКИ

Детям Полиевковым

Мане, Оле, Ане, Пете.
Много травок есть на свете.
Но нельзя узнать, какая
Вправду лучше, чем другая.

Вдруг травинка молвит Мане:
«Я, мол, всех на свете краше».
Тут другая скажет Оле:
«Всех я лучше в чистом поле».

Третья в слезках молвит Ане:
«Я нежнее всех в тумане».
Та еще лепечет Пете:
«Цвет всех лучше — в первоцвете».

В каждой травке цвет приятен.
День веселый ароматен.
Маше, Оле, Ане, Пете.
Травки — сестры. Травки — дети.

<1906>

551. ПОСВИСТ

Посвист, Посвист, с кем несешься,
Споришь, сердишься, шумишь?
Над осокою трясешься,
Над иссохшей, чахлой вьешься,
Шорох льешь в лесную тишь.

Сук зацепишь, сук застонет,
Можжевательник шелестит.
Хлыст незримый листья гонит,
Сумрак сосен свист хоронит.
Свист бессмертен. Чу, свистит!

В осень, в зиму с снегом сивым,
С снегом чистым вступит в спор.
Летом, змей, грозитя нивам:
Колос, колос, будь спесивым,
Серп придет — и смят узор.

Расшаталась застреха,
Шепчет ветер, бьет, свистит.
Там, в овраге, стонет эхо,
Ближе, дальше звуки смеха,
Посвист, Посвист шелестит.

⟨1906⟩

552. БРАТ И ДВЕ СЕСТРЫ

Говорит нам старина:
Раньше, в радостях игры,
Днепр, Волга и Двина
Были брат и две сестры.

Беден был отец у них.
Чуть родив, скончалась мать,
Дом был пуст, и дом был тих.
Вот, отправившись гулять,

Побродила их мечта,
Походила далеко —
Все хотят найти места,
Чтоб разлиться широко.

Как-то раз среди болот
Ночевать они легли.
Брат уснул, во сне поет,
Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрей
И, как длилась темнота,
Взяли в хитрости своей
Все отлогие места.

Брат проснулся поутру —
Серебрится яркий свет.
Кликнул старшую сестру,
Кликнул младшую, — их нет.

Рассердился, дрогнул брат,
Шумный ток — как бег врага,
Струи пенные кипят,
Рвут крутые берега.

В буераки мечут гул
Силой гневностей своих,
Вот и море, он вздохнул,
Он ровней пошел, утих.

В это время две сестры
Разбежались от него,
Были вместе до поры,
Будет розно торжество.

Оттого-то у Днепра
Рукавов, порогов рой,
И быстра его игра
Перед Волгой и Двиной!

⟨1906⟩

553. ОБЛАЧНАЯ ЛЕСТНИЦА

Если хочешь в край войти вечно золотой,
Облачную лестницу нужно сплести мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

А и спать не нужно нам, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю света полосу
И, скрепивши облачко месячным лучом,
В путь иди, не думая больше ни о чем.

⟨1907⟩

554. ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Зима отъехала от нас,
Телега скрылась вдалеке.
Весна подходит. В добрый час!
Весна всегда ласкает нас.
И Лето едет в челноке.
Прощайте, снежности Зимы,
Бурлит и пенится разлив.
Из теста жаворонков мы
Печем, им клюв позолотив
И крылья золотом покрыв,
Чтоб клюв по-солнечному был
И к нам Весну поторопил,

Сусальным золотом крыло
Скорей Весну сюда влекло.
Еще мы круглый хлеб печем,
С хлеб-солью выйдем пред Теплом.
И стелем новый холст в полях,
Кладем пирог на тех холстах.
И, обратившись на восток,
Поем обрядовый намек:
«Весна красна, Весна красна,
Приди к нам поскорей.
Гори, любовь, приди, Весна,
К нам с милостью своей.
Будь Ладой к снам, усладой нам,
Побольше дай цветов».
Весна идет и нам поет:
«Уж луг цвести готов».
— «Весна красна, Весна красна,
Березка нам нужна».
Весна идет и нам поет:
«Уж липкий сок течет».
— «Весна красна, Весна красна,
Красивы глазки льна».
— «Я дам вам лен и коноплю,—
Весна поет,— люблю».

⟨1907⟩

555. ОТ ПТИЦЫ К ПТИЦЕ

Ласточка день начинает весенний,
Летнюю ночь завершит соловей.
Пенься, мгновение, будь многопенней,
Свежих мгновений нам, ветер, навей.

Ранняя ласточка — год нам счастливый,
Слезы зимы до последней доплачь.
Тешиться будем разливатой нивой,
Ночью — затянет скрипящий дергач.

Жаворонок вызвенит песни хрустально,
Скажет кукушка — жить много ль нам дней.
Мы приобщимся к земле изначально,
В осень же спросим про всё — журавлей.

⟨1907⟩

556. АЛАЯ ПАРЧА

Солнышко красное, взгляни из-за горы,
Солнышко-ведрышко, мы вышли из норы.
Норы нам зимние прискучили теперь,
К Солнышку хочется, в Зиме разбита дверь.

Видело ль, Солнышко, ты Красную Сестру?
Тут она румянилась даже ввечеру.
Встретила ль Братика Красная Весна?
Зори тут нежные пестила она.

Видело ль, Солнышко, ты Ведьму-Зиму,
Старую Ягу, возлюбившую тьму?
Видела лютая, что талый есть снежок,
Стужу собирать пошла, затискала в мешок.

Встретила Красную, скорей от ясной прочь,
Стужу рассыпала, провалилась в ночь.
Ночь разорвалася и тает на луче,
Ты показалась в алой нам парче.

⟨1907⟩

557. ПОШУТИТ...

Пошутит Водяной — измочит;
Пошутит Леший — закружит;
Русалка шутит — защекочет;
Пошутит Ночь — заморозит.

⟨1907⟩

558. СОЛНЫШКО-ВЕДРЫШКО

Солнышко-ведрышко, красная дѣвица, ходит по синему
полю.
Ходит по небу, а смотрит на землю: хочет сменить свою
долю.
«Будет,— сказала,— мне синего поля, хочется мне
изумруда».
Солнышко-ведрышко с неба уходит, хочет спуститься
оттуда.

Красная дѣвица сверху нисходит — алый сильнее румянец.
Воды на море от радости пляшут — белый затеяли танец.
Рощи и доли в цветах золотятся, сердце распелось у птицы.
Красная дѣвица вся закраснелась: к ночи готовы —
зарницы.

⟨1907⟩

559. СРЕТЕНЬЕ

На Сретенье встречаются
Две женщины в лесу.
И солнце расцветается,
Увидя в двух красу.

Две женщины те смелые
По-разному во всем.
Одна — как птицы белые,
Другая — цвет цветком.

Чуть две врагини встретятся —
В лесу зачнется бой,
И глубь огнем отметится
В палатке голубой.

Одна врагиня — снежная,
Метели за нее.
Другая — сказка нежная,
Цветы хранят ее.

И слышны заклинания
Из-за горы-горы.
И долгие стенания
Кружатся до поры.

Идет метель, свирепится,
Другая с ней метель.
Да вдруг к ним цвет прилепится,
Да вдруг поет свирель.

Метели осыпаются,
Как вишенья, на льду.
Врагини вновь встречаются
Подругами — в саду.

⟨1908⟩

560. УЗОРНЫЙ САРАФАН

Осень ходит, леса расцветила: —
«Я поля в сарафан наряжу».
А Зима проворчала уныло:
«Под холстинку я их положу».

Ветерок пролетал. Покричали.
А шутник целый гул развернул.
«Как мне Осень прикажет», — вначале,
А потом: «Как Зима», — он шепнул.

Завилял, закрутился, двуличный,
И завел на полгода метель.
Глядь, грачи, вместе с пташкой различной
Заплясали тут Март и Апрель.

Потеплели под утро туманы,
В сердце сладкою веет весной.
И по всей-то земле — сарафаны,
И какой их узор — расписной!

⟨1908⟩

561—562. ИСПАНСКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

1

Мотылек, мотылек,
Роза с головы до ног,
Был крылат и был ты смел,
Вот на свечку налетел.
Мотылек здесь? — Я здесь.
Ишь ты, как наряжен весь.

Рубашонок сшил? — А вот.
Ну, теперь начнем мы счет.
Сколько сшил? — Всего одну.
Это, значит, на луну.
Целых две. Для солнца — три.
Ну, сочти их и бери.

Сестрица лягушка!
 Что надо, подружка?
 Где муж твой из вод?
 Явился и ждет.
 Наряден ли он?
 Как свежий лимон.
 К обедне пойдем,
 Не знаю я в чем.
 Пойдем под конец.
 Замкнулся ларец.
 Там пир! Где вода?
 Жбан скрылся. Беда.

⟨1908⟩

563. ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Осень обещала: «Я озолочу».
 А Зима сказала: «Как я захочу».
 А Весна сказала: «Ну-ка, ну, Зима».
 И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютик — золотой.
 Речка серебрится и шалит водой.
 Родилась на воле, залила луга,
 Затопила поле, стерла берега.

Там, где не достала,— лютик золотой,
 Желтый одуванчик,— будет и седой.
 Осень обещала. Помогла Весна.
 Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

⟨1908⟩

564. НЕЖНЫЕ

Светлячок и с ним светлянка
 Вышли в рощу спозаранка
 И, что ночь была вначале,
 Чуть сияя, означали.
 Светлячок и с ним светлянка
 Вышли в рощу спозаранка

И к росе, в траве, припали,
И в опале засыпали.
Но светлянка прошептала:
«Мы светились слишком мало,
Светлячок ты мой сударик,
Разожги скорей фонарик».
Как сияющая ранка,
Разгорелась светлянка
И, сияя, лепетала:
«Мы светились слишком мало».
Светлячок повиновался,
Расцвечался, разгорался,
И, сияя в светлом теле,
Оба нежные сгорели.

⟨1909⟩

565. СВЕТЛОГЛАЗОЧКЕ

Милая деточка,
Малая веточка,
Светлый, родной стебелек,
Ты расцветаешь ли,
Нежно блистаешь ли?
Путь мой далек.
Вот задремалось мне,
Вот показалось мне,
Будто сверкнул уголек.
Ты ли, светляночка,
В жизни нежданочка?
Путь мой далек.

⟨1912⟩

566. КОМАРИКИ-МАКАРИКИ

Комарики неумные,
Неумные и шумные,
Столпились в целый рой,
Повисли над водой.

Веселая летуньяца,
Касатка-щебетуньяца,
Пропела комарам:
«Жужжать уж будет вам,

Любезные сударики,
Комарики-макарики,
Довольно вам летать»,—
И стала их глотать.

⟨1912⟩

567. РУЧЕЕК

Ручеек, ручеек,
Ты, как ниточка, идешь.
Под тобой блестит песок.
Весел ты, хоть неглубок.
Ручеек, ручеек,
Ты уходишь и поешь.

Вьются пчелки меж стеблей,
Прогудит мохнатый шмель.
Ты бежишь скорей, скорей.
Вдруг неволя среди камней —
Вспенясь звонче, веселей,
Зажурчишь ты: «Мель, мель, мель!»
Неширок ты, ручеек,
Неглубок ты, ну так что ж!
Ручеек, ручеек,
Ты бежишь и ты поешь!

⟨1903—1914⟩

Вяч. И. Иванов

568. МАРТ

Теплый ветер вихревой,
Непутевый, вестовой,
Про весну смутьянит, шалый,
Топит, топчет снег отталый,
Куролесит, колесит,
Запевалой голосит...

Кто-то с полночи нагреб
На проталину сугроб,
Над землю разомлелой
Пронесясь зимою белой.
Старый снег на убыль шел,—
Внук за дедушкой пришел.

Солнце весело печет,
С крыш завейных течет.
С вешней песней ветер пляшет,
Черными ветвями машет,
Понагнал издалика
Золотые облака.

⟨1906⟩

В. Пяст (В. А. Пестовский)

569. В ЛЕСУ

Тихо шел тенистой тропкой
Я, задумчивый и робкий;
Вкруг меня, седой и топкий,
Таял, таял снег.

В тонкой сети палых игол
Таял, таял снег.

Ветер ветви елок двигал,
Ветер лесом бегал, прыгал,
В спину хвоей сек.

Там вверху, где в гибкой ели
Переливчатые щели
Пробивал он, вниз глядели
Сонные лучи.

А вокруг, от ветра зыбкий,
Таял снег седой и липкий,
И отрывисто и хрипко
Каркали грачи.

⟨1906⟩

А. Белый (Б. Н. Бугаев)

570. ВЕЧЕР В ЛЕСУ

С. М. Соловьеву

Вечер. Коса золотистая,
Видишь, в лесу замелькала осиновом.
Ветка далекая
Росистая
Наклоняется
В небе малиновом.
И сорока качается
На ней белобокая.

Слежу за малюткою.
С видом задумчивым
То постоит
Над незабудкою,
То побежит
За одуванчика пухом развеянным.

Милая, ясная,
Синеокая,
Засмотрелась, как белочка красная
Проскакала по веточке, цокая.

Ласковый, розово-матовый
Вечер.
В него вознесся агатовый
Блещущий глетчер.

⟨1906⟩

А. А. Блок

571—573. ВЕСНА

**1
ВЕРБОЧКИ**

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В воскресенье вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1—10 февраля 1906

2

ВОРОНА

Вот ворона на крыше покатоЙ
Так с зимы и осталась лохматоЙ...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вот желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

22 октября 1912

3

НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,
Да где ж она сама?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

25 октября 1912

574—576. Л Е Т О

1

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

2

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.

Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждую былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898
С. Шахматово

3

БЛУДЯЩИЙ ОГОНЬ

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901

577—579. ОСЕНЬ

1

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

10 февраля 1906

2

УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идет и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

1—10 февраля 1906

3

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редет.

Сентябрь 1910

580—582. З И М А

1

СНЕГ ДА СНЕГ

Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только черные, черные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюде;
Вот и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятками кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза,—
Вот возьмет, вот ухватит в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

1—10 февраля 1906

2

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят,—
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна —
Ан уж дом растаял,
На дворе — весна!

1—10 февраля 1906

3

РОЖДЕСТВО

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали недаром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей,
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься — вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры куклам будут рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

7 ноября 1906

583. СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами свиными
В стаю легких облаков.

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, сила, побежденная
Острием моей стрелы!

Сын не забыл родную мать,
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

584. У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

585. СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

25 ноября 1909

586. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,

В небе звездочки горят,
В речке струйки говорят,

К нам в окно луна глядит,
Малым детям спать велит:

«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас.

Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан.

Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,

А под вечер брат уснет
И меня гулять пошлет.

Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

25 сентября 1904

587. СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке,
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

588. СОЧЕЛЬНИК В ЛЕСУ

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух

Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.

Октябрь 1912

589. ТИШИНА В ЛЕСУ

ПОСЛЕ НОЧНОЙ МЕТЕЛИ

Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.

Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.

И деревья торжественным строем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлую силой
Ледяной и немой белизны.

Чье там брезжит лазурное око?
Как поляна из звезд — небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идет сквозь ночные леса.

Октябрь 1912

С. М. Городецкий

590—591. **З И М А**

1

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Месяц с солнцем стал считаться,
Кому раньше подыматься,
Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел ветер полетать,
Напустил он птиц крылатых,
Облак серых и лохматых.
Запушило небосвод,
Днем и ночью снег идет,
А меж облак, под оконцем,
Плачет горько Месяц с Солнцем:
Раз-два-три-четыре-пять.
Кому тучи разгонять?

⟨1906⟩

2

ЗИМНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты устала? Я ласкаю.
Воет вьюга? Я с тобой.
Гаснут искры, улетаая,
Блекнет пепел золотой.
Хочешь сказку? Жил на свете
Белый ангел. Где? Забыл.
Помнят звезды. Знают дети.
Он всегда печален был.
Уж слезинка? Ну, не надо.
Много сказок для тебя:
Вышла козочка из сада...
Что? Обидел? Я — любя.
Воет вьюга. Потемнело.
Лето, лето... Светлый юг...
Ходит дрема и несмело
Замыкает сонный круг.

⟨1906⟩

1

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Выпал вешний денек,
 На бугре солнцепек.
 Собирайся, собирайся, народ,
 В хоровод!
 Станем кругом ходить
 Да весну веселить,
 Хоровод заведем,
 Запоем:
 Здравствуй, здравствуй, весна!
 Прилетела весна
 Впопыхах.
 Разносила красу,
 Зеленила в лесу,
 На полях.
 Ах ты, елочка-ель,
 Ах, сосна, ты сосна,
 Не одни вы теперь зелены
 У весны!
 Вешний воздух, как хмель,
 И пьянит, веселит,
 И зовет
 В хоровод.
 Будем кругом идти,
 Ты, весна, залети
 В тесный круг.
 Улыбнись, озари
 И цветами весь луг
 Убери!

⟨1906⟩

2

КОЛДУН

Колдун храпел всю зиму
 За печкой у трубы.
 Привык к парному дыму
 Натопленной избы.

Весна в окно стучится:
«Вставай, скорей вставай!»
— «Постой, дай сон доснится,
Глазам раскрыться дай».

Встает колдун сердитый,
А снега нет как нет.
В глаза ему умытый
Смеется белый свет.

Проспал, проспал уборку!
Давно прошла зима.
Бросай свою каморку,
В лесу работы тьма!

Деревья тянут воду,
Заждалися дождей,
И рвутся на свободу
Ростки из желудей.

Колдун к земле пригнулся,
Поднялся до небес,
И сразу встрепенулся,
Зацвел зеленый лес.

<1907>

3

АИСТ

Хочешь, сказку тебе расскажу
Про колдунью, про Бабу-Ягу,
Костяную ногу?
Но, по глазкам сужу,
Не до сказок тебе:
На трубе
Старый аист сидит,
Поднял ногу и в небо глядит.

<1906>

1

ДОКТОР КОЗЯВА

Выйди в лесок,
Повернись направо,
За пень, за колоду,
За стоячую воду.
Стоит бугорок,
На бугре домок,
Старый, дырявый,
С хозяином Козявой.
У Козявы нос кривой,
У Козявы рот пустой,
Золотит себе он рожки,
Чешет хвостик, скоблит ножки.
У Козявы полон дом
Всяким-всяческим зверьем:
Вот большой навозный жук,
Вот чахоточный паук,
Вот кузнечик без крыла,
Вот ослепшая пчела.
Всем лекарство и прием
Утром, вечером и днем.

⟨1910⟩

2

ЯЩЕРИЦА

Где под скалами солнце и гранит,
Ящерица юркая в щель бежит.
Стройная, зеленая, как огонь быстра,
Хвостиком мелькающим, как стрела, остра.
Если глаз твой зорок и тихи шаги,
Ты ее, пугливую, тут подстереги.
И в глаза печальные быстро загляни;
Много могут, умные, рассказать они:
В древности, за тысячи-тысячи веков,
Вся земля полна была диких голосов;
Звери небывалые, ростом до небес,
Наполняли девственный тростниковый лес.

Были рыбы с крыльями, птицы плыть могли..
Всех назвать немыслимо, чудищ той земли.
Были там и ящеры — прадеды вот той
Ящерицы маленькой с грустной красотой.
Тяжкие, огромные, как высокий дом,
Шевелили шеями, волоклись хвостом.
Но ведь жизнь меняется. Воздух стал другим.
Умерли чудовища: трудно было им.
Измельчали дети их, извелись — и вот
Ящерица малая пред тобой ползет.
Но душою ящеричной помнит старину,
Оттого в глазах ее видишь скорбь одну.

⟨1908⟩

597. В ЛЕСУ

Много в лесу
Черники; снесу
Моей маме.

Вот еще кочка.
Я не боюсь!
Нет ли грибочка?
Ну-ка, нагнись.

А вон на елке
Дятел сидит,
В дереве щелки
Важно долбит.

Видно, на ужин
Жук ему нужен
С усами.

⟨1906⟩

598. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕТРОВАЯ

Баю-баю, вею-вею
Над головкою твоею.
Баю-баю, налетаю,
Колыбель твою качаю,
Баю-баю, баю-бай.
Поскорее
Засыпай.

У меня на чистом поле
Алы цветики не спят.
У меня на синем небе
Звезды ясные блестят.
Ждут, когда к ним прилечу я,
«Спите тихо» им скажу.
Улетать-то не хочу я,
В эти оченьки гляжу.
Баю-баю, вею-вею
Над головкою твоею.
Баю-баю, налетаю,
Колыбель твою качаю.
Баю-баю, баю-бай.
Поскорее
Засыпай.

⟨1907⟩

599. ПРОСЫПАЙСЯ!

Просыпайся, подымайся
Да росую умывайся!
Оглянись
И улыбнись:
Солнце светит над тобою,
Скачет заяц за водою,
Пашет пахарь за рекою,
Ночка дремлет под горою.
Подымись
Да потрудись:
Снова божий день начался,
Сумрак в темный край умчался.

⟨1909⟩

600. ВЕЧЕРНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дай-ка в глазки погляжу,
Сказку длинную скажу
Про колдунью, про Ягу,
Деревянную ногу.
Не заснуть теперь тебе:
У соседа на избе

Галка черная сидит,
В небо синее глядит.
В синем небе ни гугу...
Баю-баю, на лугу
Ходит бабушкин козел,
Баю-баю, сон пришел...

⟨1909⟩

601. ОСЕНЬ

Осень в белые туманы
Сад хоронит по утрам.
Ни дорожек, ни поляны —
Ничего не видно нам.

Понапрасну где-то с крыши
Кукарекает петух:
Осень будто и не слышит
И туман как будто глух!

Понапрасну лает в будке
Рассердившийся Буян.
И не дует осень в дудки,
И туман — как есть туман!

Но лишь солнце острым, светлым
Первым выстрелит лучом —
Осень к речке, к старым ветлам
Подбирается бочком.

И туман снимает белый —
Полотно за полотном:
Сад умытый, свежий, целый
Вновь мы видим за окном!

⟨1909⟩

602. ПЕРВОПУТОК

Первый, щедрый, рыхлый снег
Всё засыпал, всё сровнял.
Я скорее, без помех,
Стал на лыжи. Побежал.

Там, в лесу, тропинка есть.
Летом я по ней ходил.
Чтоб жука найти и съесть,
Дятел елку там долбил.

Белка там хвостом мела,
Пели птицы, мох шуршал.
А из теплого дупла
Темной ночью сыч кричал.

Очень долго я бежал
По оврагам, по горам.
Кувырком не раз летал
На смех зимним воробьям.

Уж заря на небе шла
Край небесный зажигать...
Вдруг судьба мне помогла
Ту тропинку отыскать.

Ныли ноги и спина,
Сладко было отдохнуть.
Как ласкала тишина!
Как синел мой лыжный путь!

«Здравствуй!» — тихо я сказал.
— «Здравствуй! — скрипнул снизу снег.—
— В эту зиму прибежал
Ты на лыжах раньше всех».

<1910>

603. ЛЕТО

Я лежу на лугу.
В небесах ни гугу.
Вдаль плывут облака,
Как немая река.
А в траве, на земле,
На цветке, на стебле —
Всюду пенье и свист,
И живет всякий лист:
Тут и муха, и жук,
И зеленый паук.

Прилетела пчела
И в цветок уползла.
Тут кузнечик усы
Чистит ради красы,
И кряхтит муравей
За работой своей.
Шмель мохнатый гудит
И сердито глядит,
Где цветок посочней,
Где медок повкусней.
А комар-людоед,
Будто друг иль сосед,
Будто в гости понав,
Полетел мне в рукав.
Будет жалить и петь.
Что же! Надо терпеть:
Я убить на лугу
Никого не могу.

<1910>

604. ДАЙ МНЕ РУЧЕНЬКИ ТВОИ...

(Осенняя ласковая песенка)

Дай мне рученьки твои,
Подышу, согрею.
Что печалит, не таи,
Поделись тоской своею.

Поле сжато, скошен луг,
Васильков не видно,
Все цветы пропали вдруг,—
Это всё тебе обидно?

Жалко листьев золотых?
Леса очень жалко?
А для глазок для твоих
Вяло-скучно пляшет галка?

Но видала ты: стоит
Мельница над речкой —
Скоро тесто запыхтит
Пред натопленной печкой.

Скоро хлебец испекут,
Лакомый, душистый...
Как-то станешь плакать тут,
Что на хлебном поле чисто!

А когда мороз пошлет
Первую снежинку,
Разглядишь — и снег цветет!..
Ну, смахни ж скорей слезинку!

⟨1911⟩

605. ПОЛНОЧЬ В ЛЕСУ

Невдали от Петербурга
Реалист веселый Шурка
Жил на даче: в лес ходил,
Бил ворон, плотву удил.
Он однажды заблудился,
В диком месте очутился,
Стал под деревом и тужит.
Вдруг полез из грязной лужи
Отощавший Водяной:
«Что вы сделали со мной!
Рыбу съели, в лодку сели,
Всей водою завладели!»
Сзади Леший лезет тощий:
«Все повырубили рощи!
Зайца днем с огнем не сыщешь,
Словно мышь в ловушке, рыщешь!»
Жабы жалобно икают,
Совы глаза не спускают.
Реалист веселый Шурка
Побелел, как лунья шкурка,
Зуб на зуб не попадет:
Неужели пропадет?!

⟨1911⟩

606

Здравствуй, весенняя первая травка!
Как распустилась? Ты рада теплу?
Знаю, у вас там веселье и давка,
Дружно работают в каждом углу.

Высунуть листик иль синий цветочек
Каждый спешит молодой корешок
Раньше, чем ива из ласковых почек
Первый покажет зеленый листок.

⟨1911⟩

607. ВЕШНИЙ ДОЖДИК

Полотенце разноцветное
Разостлало в небе солнышко.
Дочки тучек вышли с лейками —
У них леечки бездонные:
Льют да льют за каплей капельку
На поля, сады и мельницу,
Мочат франта кудреватого,
Мочат модницу-бездельницу.

«Ах, какое приключение!» —
Говорят они с улыбками.
Жадно пьют деревья вешние
Воду листиками липкими...
Не скажу, в какой сторонушке
Чудеса такие деются,—
Но в счастливой, вечно праздничной
И старинной, разумеется.

⟨1912⟩

608. КОЗОЧКА

Пастуху четыре года,
Стадо — козочка одна.
День-деньской она смирна!

Но сегодня с ней невзгода:
Ни крапивой, ни метлой
Не загнать ее домой.

Сами видите: пришлось
Брата старшего позвать.
Всё умеет братец Тося:
Бегать, клеить и стрелять!
Вот и с козочкой строптивой
Расправляется он живо.

⟨1913⟩

609. КОТЕНОК

«Ты зачем, шалун котенок,
Куклу в поле утащил?
Простудиться мог ребенок,
На ветру совсем застыл!

Утро целое искала
В детской куколку свою,
А тебе и горя мало!
Слышишь, что я говорю?»

Улыбаясь виновато,
Ей в ответ котенок-плут:
«Кукле в детской скучновато,
Я играл с ней там и тут.

Кукла, глазки закрывая,
Всё мяукала со мной.
Думал я: она живая,
Прибежит сама домой!»

<1913>

610. ПЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ЩЕНЯТ

Пять маленьких щенят!
Хоть им тепло в соломе,
Как детям в зимнем доме,
Но всё они пищат.
Я знаю почему:
Когда их мать ласкает,
Она их называет,
Но как — я не пойму.
У них одно желанье:
Чтоб дали им прозвание —
Светляк, Любимчик, Скок,
Шалунья и Снежок.

<1913>

611. ДЕД-МОРОЗ НА ПЕРЕВОЗЕ

Рано утром Дед-Мороз
Прибежал на перевоз.
Палкой длиною грозит
И кричит: «Перевези!»
А паромщик говорит:
«Ты мне, старый, не грози!..
Видишь сам, что всемером
Мы уж стали на паром:

Три тут Вани, три тут Мани,
В школу все они спешат;
Если кто еще к нам станет,
Доски сразу затрещат.
Перевоз наш очень старый,
Лошадей не сдержит пары!
Ты, мой милый, рассуди,
Не сердись и подожди!»

Дед-Мороз сверкнул очами,
Засмеялся под усами,
Свистнул, крякнул, затрещал,
Мигом реку оковал
Льдом прозрачным, синим, звонким,
Сверху снегом припушил,
Будто ковриком покрыл,
И пропал на той сторонке.

А паром на полдороге
Примерзает крепче, крепче...
Перевозчик детям шепчет:
«Экой дед! Какой он строгий!
Рассердился не на шутку!
Кабы знал, что он Мороз,
Сразу б деда перевез!
Ну, слезай-ка, детвора,
Да беги по первопутку!
В школу всем давно пора.
А уж, видно, мой паром
Зазимует подо льдом».

⟨1913⟩

НЕВИДИМОЧКА

Кто не слышал, не видал
Невидимочку-красу,
Тот, по правде, не бывал
Ни в лесочке, ни в лесу.

Шелест, шорох, тишина.
Тихо, тихо — шелест вдруг.
Это все шалит она,
Всех шалуний лучший друг.

Если ветка захлестнет
Ни с того да ни с сего
Или шишка упадет
Вдруг с насеста своего —

Это значит: близко тут
Невидимочка сидит,
Ветки сетку ей плетут,
А она в нее глядит.

И сквозь эту можно сеть,
Если ростом ты высок,
Потихоньку подглядеть
Синий маленький глазок.

А повыше, над глазком,
Поправей и полевей,
Кудри русые тайком
Чуть сверкают меж ветвей.

Если очень ты счастлив,
Ты услышишь голосок,
Тих он, звонок и смешлив,
Как весенний ручеек.

Но как только вздрогнешь ты
Иль погромче чуть вздохнешь —
Все пропало! На листы
Набегают тихо дрожь.

Кто увидел только раз
Невидимочки лесной
Кудри русые и глаз —
Лес тому навек родной.

Кто не слышал, не видал
Невидимочку-красу,
Тот, по правде, не бывал
Ни в лесочке, ни в лесу.

〈1909〉

2

ГРИБОВНИЦА

Старая грибовница,
Добрых сов питомница,
Листика и камушка,
Всякой травке мамушка,—
Вышла погулять.
Ей грибочки алые
Будто дети малые,
Дружные, умильные,
От дождя обильные,—
Их нельзя срывать.
Юбка вся заплатана:
В ней была сосватана
Лешему пригожему
(На козла похожему)
В годах молодых.
Мчался к свадьбе с зорюшкой,
Да случилось горюшко:
Под его копытами
Повалились сбитыми
Семь семей грибных.
Добрая грибовница,
Старых сов питомница,
Очень рассердилася,
С женихом простилася,—
Стала жить одна.

М. А. Пожарова

616. ДЕД И ВНУК

«Дедко-дедок!»
— «Что, мой сынок?»
— «Рыжий зверок
Больно обидел!
Грыз я орех,
В листьях-то смех:
Зверь, как на грех,
С ветки увидел!
Хвост распушил,
Глазом водил,
Зубы точил...
Жаль мне ореха!
Прыгнул на сук,
Выбил из рук!..
В сетке паук
Трясся от смеха...»
— «Надо простить,
Горе забыть.
Хочешь испить
Влаги медвяной?
Дай принесу:
Ночью в лесу,
Взял я росу
С кашки румяной».

⟨1908⟩

617. ПРИШЛА ВЕСНА

Шумят леса, цветет земля,
Поет-звенит ручей:
«Пришла весна, пришла весна —
В одежде из лучей!»

Ликуют детские сердца,
Стремясь в простор лугов:
«Пришла весна, пришла весна
В гирлянде из цветов!»

⟨1909⟩

618. ДЕВОЧКА В ЛЕСУ

«О чем ты плачешь, девочка,
В задумчивой глуши,
У озера, где зыблятся
Седые камыши?»

Зачем слезинки вспыхнули
И льются на траву?»
— «Я жду к себе русалочку,
Зову ее, зову!

Никто не откликается —
И скучно мне одной!
Вокруг так неприветливо,
И лес — такой пустой».

— «Забудь про слезы, девочка,
Взгляни повеселей:
Хоть нет в лесу русалочки,
Но много есть друзей!

Вон — пташка заливается,
Вот бабочки летят,
Стрекозы золотистые
На солнышке блестят.

Букашка пестрокрылая
По веточке ползет,
И каждый ландыш шепчется,
И каждый лист — живет.

Вглядись, подумай, вслушайся:
Ты больше не одна!
Друзей дарит бесчисленных
Лесная глубина».

(1909)

619. ЗАКЛИНАНИЕ ЗИМЫ

Разукрасилась Зима:
На уборе бахромы
Из прозрачных льдинок,
Звездочек-снежинок.

Вся в алмазах, жемчугах,
В разноцветных огоньках,
Льет вокруг сиянье,
Шепчет заклинанье:

«Лягте, мягкие снега,
На леса и на луга,
Тропы застелите,
Ветви опушите!

На окошках, Дед-Мороз,
Разбросай хрустальных роз
Легкие виденья,
Хитрые сплетенья.

Зачаруй сердца людей
Красотой своих затей:
Пусть вникают взоры
В светлые узоры.

Ты, Метелица, чуди,
Хороводы заводи,
Взвейся вихрем белым
В поле поседелом!

Спи, земля моя, усни,
Сны волшебные храни:
Жди, в парчу одета,
Нового расцвета!»

(1909)

**620. ПОЛЮБИ МЕНЯ ЧЕРНЕНЬКИМ,
А БЕЛЕНЬКИМ МЕНЯ ВСЯКИЙ ПОЛЮБИТ**

Забавную новинку,
Уродца-сиротинку,
Нам дедушка привез.
Едва нажмешь пружинку —
Пищит, смешит до слез.

Вся детская хохочет,
А жалости ни в ком!
Никто его не хочет
Назвать своим сынком.

Глаза — как два ореха,
Оскалились уста,
Усы — одна потеха,
Длинней, чем у кота!

Он смотрит с безнадежной
И горестной мольбой,
Как будто шепчет нежно:
«Будь ласкова со мной!

Люби меня, чернушку,
Ведь дело не в красе.
А беленьким, резвушка,
Меня полюбят все».

— «Уродец мой мохнатый,
Ведь я тебя люблю!
В кроватку мягкой ваты
Тебе я постелю.

Мой бедный, мой угрюмый,
Ты с лаской незнаком.
Усни без горькой думы
И будь моим сынком».

⟨1910⟩

621. НОВЫЙ ГОД

Полночь бьет — и в сердце трепет:
В этот вещий час
Духи светлые незримо
Окружают нас.
Вьются легким хороводом,
В очи нам глядят...
«С новым счастьем, с Новым годом!» —
Тихо говорят.

Нам вдали струит сиянье
Яркая звезда
И зовет нас в царство знанья,
Правды и труда.
С твердой верой, с новой силой
Мы пойдем вперед...
Здравствуй, гость наш легкокрылый!
Здравствуй, Новый год!

⟨1910⟩

622. ЛЕС ПРОСНУЛСЯ

Славит лес Весну-царевну:
Звонко льется смех напевный
В глубине зеленой,
Над волной студенной.

Лесовик под дубом пляшет,
Свежей веткой буйно машет.
Вьются Водяницы,
Резвые сестрицы.

В волосах речные травы,
Грудь как пена, взор лукавый,—
Любо им весною
Тешиться игрою!

Дед Космач, седой, мохнатый,
Сел верхом на пень горбатый,
А Яга-старуха
Что-то свищет глухо.

Всеми радость овладела:
В пышном блеске ночи белой
Роет Царь Болотный
Корень приворотный.

И колдует в тине зыбкой:
«Зачаруй, Весна, улыбкой
Все тропы лесные
И сердца людские!»

(1911)

623. ИРОЧКА ВЕСНОЙ

Ирочка плакала:
Укатила Зима,
Пушиста, бела,
В свои терема!
Мешком зазвякала,
В мешке увезла

И коньки, и салазки,
И блестящие связки
Сосулек хрустальных...
Бедный дед Снеговик
У крылечка поник
В думах печальных,—
Подтаял, распался...
А деточка плакала.
Вешний луч рассмеялся,
С веток закапало,
Золотые капли
Стучали, звенели,
В сердце глядели
Маленькой Ирочке,
И пела Весна,
Светозарно ясна,
О веселых лугах
И о божьих цветах!

⟨1912⟩

624. ПЧЕЛКИ

Ранним утром, втихомолку,
Разбудила пчелка пчелку:
«Не ленись, встрепенись,
В дальний путь со мной несись!»

На пригорке, за поляной,
Мне знаком цветок медвяный,—
Весь в росе, в серебре,
Он сияет на заре».

Отвечает пчелка пчелке:
«По дороге к старой елке
Залетим, пожужжим,
В тихой роще погостим.

Там, над светлыми струями,
Между древними корнями,
Возле пня, чуть звеня,
Ландыш белый ждет меня!

Скажем ландышу лесному,
Что летим к цветку другому,—
И сквозь сон молвит он:
„Отнесите мой поклон“».

⟨1912⟩

625. СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

«Сегодня» — настоящее,
Живое, говорящее;
 Оно в твоих руках.
А «завтра» — неизвестное,
Немое, бестелесное,
 В туманных облаках.

Сегодня приневолятся —
И дело будет спориться,
 И радость в нем найдешь...
Не думай, не загадывай,
Работу не откладывай,
 А завтра — отдохнешь!

⟨1913⟩

626. В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Меня сегодня солнце разбудило:
Оно, смеясь, мне в душу уронило
Свой золотой, свой радостный привет...
Ах, в сердце у меня весна, лучи и пенье:
Встречаю день надежд, день моего рожденья,—
Мне минуло пятнадцать лет!

И вот мне чудится, что, ясный и любимый,
Зовет меня, зовет простор неизмеримый,
Что весь прекрасный божий свет
Открыт моей любви, открыт моим стремленьям
И я, крылатая, с весенним вольным пеньем,
Несу к нему мои пятнадцать лет!

⟨1914⟩

627. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Серый козленок,
Желтый утенок,
Песик лохматый,
Котик усатый,
Ежик-иглун,
Зайка-скакун, —
К нам приходите,
Сон приводите,
 Баю-баю
 Детку мою!
Встаньте, зверюшки,
Ближе к подушке:
Лапки рядком,
Хвостик с хвостом!
Сон посередке,
Тихий и кроткий.
 Баю-баю
 Детку мою!

⟨1914⟩

628. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Лиловая тучка плавится
В огне румяной зари.
Из мыльной пены мне нравится
Пускать в саду пузыри.
Блестят — золотые, цветистые,
Один за другим скользит...
Колышутся клены ветвистые,
Пичуга в листьях свистит.
Из влажной зеленой хоромины
Дивится веселый снегирь,
Увидев, что с легкой соломинки
Слетает мыльный пузырь.
Без крыльев ввысь поднимается,
Стремясь в неведомый край...
Но чуть взлетит — усмехается:
«Сейчас я лопну! Прощай!..»

⟨1914⟩

629. ЛЕТОМ

Шли бабушка и бабушка,
Навстречу ручеек.
Шептал, журча у камушка:
«Зайдите в мой лесок!
Там иволги привольные
В кустах поют весь день,
Там сосны красноствольные
Кругом роняют тень.
Там с няней, на прогалинке,
Ваш Юрочка сидит
И с каждой травкой маленькой
Любовно говорит».

⟨1914⟩

630. ВО РЖИ

Радость в голосе ветра и в блеске лучей,
Радость в шуме лесном,
Радость в сердце живом!
В небе вольные тучки быстрее и быстрее
Хороводом плывут,
Душу к солнцу зовут.

С тихой песней войду в переливную рожь:
Пробегает в колосьях струистая дрожь,
Шелестит и шуршит золотая волна,
И кругом тишина
Светлой чары полна!
И, кивая в просветы, вдоль узкой межи,
Васильки-синцеветы смеются во ржи.

⟨1914⟩

631. БЕДНЫЙ ДУДУ

Я — бедный маленький Дуду,
Печальный арлекин,
Гляжу в окошко на звезду
Один, совсем один...

Как грустно мне! Как больно мне!
Я всеми позабыт,
И мой бубенчик в тишине
Обиженно молчит.

Не нужен Гане я теперь,—
Меня не любит он:
Его пленил заморский зверь —
Большой суконный слон.

Они вдвоем, всегда вдвоем,
И брошен я давно...
В сердечке кукольном моем
Тоскливо и темно.

А за окном поет, зовет
Веселый ветерок,
И месяц ласковый плывет
По небу, как челнок.

Ах, дольше ждать я не могу,
Томиться не хочу!
Я к светлым тучкам убегу
По лунному лучу!

Я уплыву в простор ночной
В небесном челноке —
И зазвенит бубенчик мой
На синем колпаке.

Быть может, Гане в этот миг
Привижусь я во сне;
Очнется он сквозь легкий крик
И вспомнит обо мне!

⟨1915⟩

632. ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Свернута из тряпки
Кукла у Параши.
Не отыщешь краше:
Руки — словно лапки,
Глазки — пара точек,
А лицо — комочек.

Кукла смотрит косо,
Взгляд ее уныл.
Кто-то вместо носа
Пуговку пришил.
Но Параша любит,
Нежит и голубит
И целует в щечку
Маленькую дочку.
(1915)

633. ТУЧКА

Смотрит Оля в окошко:
«Скоро дождик пойдет!
Я на тучку подую,
Пусть она уплывет».
Дует, вытянув губки,
Дует, машет рукой...
Крикнул папа из сада:
«Что, дочурка, с тобой?»
Скрылось милое солнце...
Слышен плач у окна:
«Ах, я тучу раздула,
Стала больше она!»
(1915)

634—635. ВЕСЕННЕЕ

1

Воробейчик, воробей,
Щебечи повеселей!
Прыгай, маленький,
У проталинки!
Ты студеною зимой
Горевал в глуши лесной,
Знался с голодом,
С лютым холодом.
Но пришла, светла, красна,
С божьей милостью весна:
У воробушки
Будут зернышки!

Как забрался в березняк
 Резвый заюшка-серяк,
 Зверь усатенький,
 Зверь мохнатенький.
 Уши кверху, скок да скок:
 «Здравствуй, вешний мой лесок!
 Пахнет почками
 Да росточками...»
 А лесок шумит в ответ:
 «С вешним праздником, мой свет,
 С утром радостным,
 С солнцем благодным!
 Я, лесок, тебя люблю,
 Вкусно, сытно накормлю:
 Будет заюшке
 Вволю травушки!»

⟨1915⟩

636. ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Вешний цветик в травке новой
 Щурит ласковый глазок.
 Сел щегленок на кленовый
 Зеленеющий сучок.

Любо птичке желтогрудой:
 В ясном блеске вышина,
 Светит солнце, радость всюду,—
 Здравствуй, милая весна!

⟨1915⟩

637. ЗАЯЧЬЯ СЕМЬЯ

Заюшка мохнатенький
 В шубке пуховой
 Прыгает заботливо
 По траве лесной.

А зайчиха рыжая,
 С беленьким брюшком,
 Прилегла с зайчатами
 Под большим кустом.

В дружбе с длинноухими
Старый еж-иглун,
Белка златошерстая,
Чижик-щебетун.

Зайнька с зайчихою
Ждут к себе гостей.
Чистенько пригласили
Мордочки детей.

«Детушки любимые,
Сядьте напоказ!
Ушками захлопайте
Дружно все зараз.

Барабаньте лапками
По лесным корням,
Поклонитесь вежливо
Дорогим гостям».

Важно скажет заюшка:
«Вот как я богат!
У меня под кустиком
Пятеро зайчат».

⟨1916⟩

638. ВЕШНИЙ САД

Здравствуй, старое крыльцо,
Мшистые ступени!
Ветер веет мне в лицо
Запахом сирени.

Как разросся пышный сад!
Всё вокруг знакомо,
Дружелюбно шелестят
Липы возле дома.

В небе — легкое крыло
Тучки золотистой...
Сколько маков расцвело
На гряде росистой!

В это утро вешний сад
Ласково-чудесен:
Каждый листик солнцу рад,
И послушай, как звучат
Хоры птичьих песен!

⟨1916⟩

639. ПОВИЛИКА

Даль воздушная прозрачна и тепла,
На лужайке повилика расцвела.
Сколько нежных, розовеющих цветов,
Гулких пчел и сизокрылых мотыльков!

Тонкий запах кружит голову мою,
Под березками я песенку пою,
Голос птички отвечает с высоты,
И колышутся и светятся кусты.

У корней журчит-звенит студеньный ключ,
В каждой струйке золотится яркий луч,
В позолоте даже старый мшистый пенек!
Нежно зыблется узорчатая тень.

Пчелка, пчелка, не лети на мой цветок!
Я на солнышке сплету себе веночек.
Слышишь песенку веселую мою?
Я про солнышко любимое пою.

Дай набегаюсь с венком на голове
По медвяной, по некошеной траве!
Высь лучистая прозрачна и светла...
Повилика, повилика расцвела!

⟨1916⟩

640. КРАЙ РОДНОЙ

Лесок веселый, родные нивы,
Реки извивы,
Цветущий склон,
Холмы и села, простор привольный
И колокольный
Певучий звон...

С твоей улыбкой, с твоим страданьем,
С твоим дыханьем
Сливаюсь я,—
Необозримый, Христом хранимый,
Мой край родимый.
Любовь моя!

⟨1916⟩

641. В ЛЕСУ

Чуть рассвело, мы вышли с кузовком.
В румянном блеске тучка проплывала,
И утренним росистым холодком
Лесная глубь навстречу нам дышала.
Раздвинули затейливую сеть
Глухих ветвей и вышли на дорожку.
Вот первый гриб! Как весело глядеть
На крепкую, приземистую ножку,
На красный бархатистый колпачок!
А там второй, забавный и пригожий,
Запратался под высохший листок!
Кусты черники у мохнатых пней
Блестят на солнце... Сколько ягод спелых!
Вот промелькнули в золоте лучей
Две бабочки на крыльях нежно-белых...
Мы надышались вереском, смолой,
Аукались из глубины зеленой...
Отяжелел наш кузовок плетеный,
И гордо мы несли его домой!

⟨1916⟩

642. НА УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Румяные, огнистые,
Клубятся облака,
Сквозь заросли росистые
Заискрилась река.

Люблю камыш мерцающий
И низкий бережок,
Малиновки порхающей
Хрустальный голосок.

Как весел, волны звонкие,
Ваш утренний рассказ!
Глядит, сквозь травы тонкие,
Цветка лиловый глаз.

И солнце поднимается,
И в поле за холмом
Овес переливается
Струистым серебром...

Блестит земля, омытая
Невысохшей росой.
В колосьях полускрытая,
Назад иду межой.

Колосья шепотливые
Качаются, шуршат.
Зернистые, дремливые,
О солнце говорят.

Кивают темно-синие
Головки васильков,
И тают легче инея
Узоры облаков...

⟨1917⟩

С. Северный (С. Н. Дурылин)

643. ПЕСЕНКА ВЕТРА

Посвящается Шурке Г.

Слышишь, как ветер в трубе
Песни поет?
Это — тебе,
Мальчик мой маленький,
Ветер несет
В теплую спаленку
Песенки-сказочки.
Мама в постельку кладет
Мальчика сонного.

«Синие глазочки.
Милый, закрой...»
Сна утомонного
Ветер седой
В поле найдет
И приведет
За собой
В спальенку тесную.
Песню сплет
Ветер чудесную.
Слышишь: шумит,
И звенит,
И поет:
«Баюшки-баюшки-бай...»
Мальчик заснет...
Ты, огонечек, мигай,
Тихий и аленький...
Баюшки! Спи! Почивай,
Мальчик мой маленький!

⟨1909⟩

644. КОЛЫБЕЛЬНАЯ КОТИКУ

Леночке Г.

Ах ты котенька-коток!
Котя серенький хвосток,
Котя розовый носок,
Кот зелененький глазок —
Кот ты серый, Котонай!
Прыгни, котик, на шесток —
Там закрой ты свой глазок,
Спрячь ты розовый носок
Да свернись-ка ты в клубок...
Баю-баю почивай,
Кот ты серый, Котонай!

⟨1909⟩

645. КАК МИШКА ПРОСНУЛСЯ

Сосет медведюшка в темной берлоге
Мохнатую лапу.
Спит, косолапый,
Не слышит весенней тревоги.
Не слышит, что мчатся ручьи
И звенят,
Что вешние гости — грачи —
Прилетели, кричат, —
Не слышит медведюшка: спит.
Времячко-время летит.
Солнца лучи,
Горячи-горячи,
Добрались до медвежьей берлоги,
По носу мишку щекочут,
Над мишкой над сонным хохочут.
Аленький лучик
Колючий
Мишку тревожит,
Спать больше мишка не может,
На бок другой повернулся,
Долго ворочался, долго кряхтел,
Хворостом хрупким хрустел —
И проснулся.
По лесу бродит —
Зимы не находит,
Хмурый со сна.
Да рассмешила весна,
Да посмеялись грачи,
Да прозвенели ручьи,
Да приласкали лучи —
Мишка тяжелый
Бродит веселый.
Далёко до зимнего сна —
Радует мишку весна.

(1909)

646. ВЕСНА

На тоненьких липках
Разбухли толстые почки.
На березках гибких
Зашевелились клейкие листочки.
Кудрявятся рыжие кочки,
И мох завивается
Тонко в лесочке.
Дни прибавляются,
Первою травка росой
Умывается.
Синей, синей красой
Полосой
Небо глядит,
Проясняется.
На льдинах Зима унеслась,
Река разлилась,
Прошумела, сбывает —
Тихо плескает
Старой привязанной лодкой.
Звон колокольный гудит,
Разливается,
Зовет и шумит,
Расплывается
Над сонной слободкой.
Весна спешит,
Возвращается.
А Год — старый дед —
На красный повышел свет,
Спину греет, стоит
Улыбается:
Рад домосед, что весна начинается,
Что весна начинается.

<1909>

647. КОТИК

Лиде Пастернак

Полно тебе, котику,
По печам лежать,
Полно тебе, серому,
День-деньской дремать,

Лапочкой по ротуку,
По усам водить!
Полно тебе, серому,
Глазки заводить!
Лучше б тебе, котуку,
Лиду укачать,
Лучше б тебе, серому,
Сказку рассказать.
Лапочкой по ротуку
Что тебе водить?
Лучше б тебе, серому,
Лиду сторожить.

⟨1910⟩

648. ВЕТЕР

Жоне Пастернак

Ходит Ветер под окном,
Бродит Ветер у ворот.
Тихий Ветер счет ведет:
Плачет кто и кто поет.
Ветер верный счет ведет
Под окном и у ворот.
А когда он всех сочтет,
Плачет кто и кто поет,
Кто не спит покойным сном,—
У ворот и под окном
Ветер песню запоем,
Укачает, приведет
Всем из радостных сторон
Тихий старый Угомон,
Сон Дремович, крепкий сон.

⟨1910⟩

649. НА СОН ГРЯДУЩИЙ

(Сказочка)

Спи, моя девочка! Баюшки-баюшки-бай!
В темном бору растет елочка,
Елочка шепчет
Маленькой девочке:
Баюшки-баюшки-бай, почивай!

Заинька-зайка под елочкой
Маленький скачет.
Серенький зайка смеется над девочкой,
Если девочка плачет.
На косматой на елочке
Прыгает белочка,
Хвостиком шишки сшибает
Еловые,
Прыгает белка по веточке —
Хозяюшка белка собирает
Орешки кедровые.
Баюшки-баюшки-бай!
Зайка под елкой на белочку зарится,
Просит у белочки
Орешков кедровых.
Что тебе, зайнька, зариться?
Все те орешки для девочки,
Маленькой ласковой девочки!
Баюшки-баиньки-бай!
Прыгает серая белочка,
Скачет-поскачет по веточке...
Заинька плачет под елочкой,
Лапками слезки стираючи...
Спи, моя девочка,—
Баюшки-баюшки-бай!

<1910>

650

Если мальчику поспится
На заре,
Сон Дремович загостится
На дворе.
Под окошками у детской
Сон стучит,
Ходит поступью турецкой
И ворчит:
«Ты на зорьке первый встань-ка!
Полно спать!
Сон Дремович я, не нянька,
Чтоб качать!
Ишь ты, к утру разоспался!
Я устал:

562

В колыбельке не качался —
Сам качал.
Я хоть Сон, да всё ведь надо
Мне поспать.
Не великая отрада
Здесь шагать.
Стар я, Сон. Устал, нет мочи...
Ой, уйду!
Рассержуся — да и к ночи
Не приду.
Тук-тук-тук! Живее встань-ка!
Полно спать!
Я тебе, ей-ей, не нянька,
Чтоб качать!» —
И сердито Сон стучится
Под окном,
Если мальчик разоспится
Долгим сном.

⟨1911⟩

651

В окна дождик гулко стучал.
Капли пели: кап-кап-кап!
Разбудили капли кукол.
Бродит Ветер-косолап
В чаще сада. Что-то ели,
Что-то липы зашумели!
Капли роем загудели:
Кап-кап-кап!
Ветру любо потолкаться
Промеж елей: скрип-скрип-скрип!
Любо золотом кидаться
С тополей и желтых лип;
Плачут быстрые капели;
Что-то липы зашумели,
Закачались, заскрипели:
Скрип-скрип-скрип!

⟨1911⟩

652. ЖМУРКИ

Мише Горбунову

Затеяли кошки играть
С мышками в жмурки.
Кликнули клич — собралась мышиная знать:
Премудрые серые шкурки.
Кликнули клич — собрались вечерок коротать
Васьки, Барсики, Мурки
Со всего двора.
Да не вышла игра:
Васька водит,
Васька ходит
С повязкой.
А мышки прысь,
От Васьки брысь
С опаской.

(1911)

653. СНЕГУРКИН ДОМ

Наташе Соловьевой

«Ты зачем в бору, Мороз,
Бродишь, ходишь ходуном?
Ты зачем промеж берез
Бьешь тяжелым обухом,
Рубишь, тешешь топором?»
— «А затем, что строю дом».
— «Дед-Мороз, ответ держи:
Для кого твой дом? Скажи!»
— «Для морозовой дочурки,
Для беляночки Снегурки
Строю домик изо льда,
В окнах — тонкая слюда,
А крылечко расписное,
Не простое: ледяное.
Крышу домика покрою
Я соломкой снеговою.
Я Снегурочку потешу —
Всю сосульками обвешу,

Подарю ей жемчуга —
Многоцветные снега,
Ледяное ожерелье.
Скоро справлю новоселье!
Приезжает завтра в ночь
К старику Снегурка-дочь».

⟨1912⟩

654. ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Плакал, плакал снег последний:
«Таю, таю, весь растаю,
Струйкой тонкою прольюсь.
Вот пролился. Убегаю.
Вместе с льдинкой, вместе с тонкой
В море дальнее умчусь
И волной морскою звонкой
К старым скалам понесусь.
И что будет здесь весной,
Не узнаю; не узнаю!»
Плакал, плакал снег последний:
«Таю, таю, уплываю,
Не вернусь!»

⟨1913⟩

П. П. Потемкин

655. ВОРОНЬЕ ПУГАЛО

На огороде за плетнем
Роняет листья красный клен.
Два воробья сидят на нем,
И каждый солнцем умилен,
Осенним, гулким, ярким днем.

Белеет иней на лугах,
А дальней речки синева
В полузамерзших берегах
И ни жива и ни мертва,
И движется едва-едва.

Воронье пугало мое
Притихло. Ветер, загуляв,
Почти сорвал с него тряпье;
Остался жив один рукав,
Да и тому уж не житье.

Среди пустых холодных гряд
Он бьется, вьется день и ночь.
Не страшен никому наряд:
Вон, даже маленькая дочь
Зайчихи не уходит прочь.

И зябнет пугало и ждет,
Когда опять наступит май,
И снова яблонь зацветет,
И огородник Николай
Ему другой пиджак найдет.

⟨1911⟩

656. ВЕТЕР

Ветры по небу гуляют,
Ветры щеки надувают;
Дуют, дуют, листья рвут,
Злятся, злятся, травки мнут.
Над рекою ивы гнутся,
На реке валы мянутся.
Жучка по полю бежит,
Шерсть на ней колом стоит.
Брат с сестрицей схоронились.
У сестрицы косы взбились.
Ветер, ветер, не замай,
Перестань! Ведь нынче май!

⟨1912⟩

657. ОТЪЕЗД НА ДАЧУ

Окончились экзамены, всё Миша сдал — и вот,
Надев подарки мамины, собрался он в поход.
Расплакались учебники: «Постой, не уходи!
Ведь мы — твои нахлебники, как быть нам впереди?»

Неучены, нечитаны, умрем мы, дорогой,
Ведь мы не так воспитаны,— возьми ты нас с собой».
Сам «греческий» старается и руки жмет ему,
Но Миша улыбается — не верит ничему.
«Нет, милые, не надо мне латинских словарей.
Смотрите, солнце радо мне и ждет меня ручей.
А вы поспите, братики,— ведь я экзамен сдал».
И «Греческой грамматике» он слезы утирал.
(1912)

658. МУХОМОРЫ

Вышли дети спозаранку
По грибы в далекий бор
И наткнулись на поганку
Да на красный мухомор.
Знай стоит среди полянки,
А вокруг — одни поганки.
Говорит сестрица братцу,
Раскрасневшись от ходьбы:
«К ним не надо прикасаться,—
Это скверные грибы!
Ни на завтрак, ни на ужин
Мухомор совсем не нужен».
Оскорбился этим словом
Гриб поганый, мухомор,
Весь распух и стал лиловым,
Вырос выше, чем забор,
В нем окошечко открылось
И старушка появилась.
Говорит она им: «Дети,
Глупы вы! И мухомор
Нужен вам как все на свете:
Он на мух наводит мор.
Мухи ведь у вас нередки
И большие надоедки.
Если б вы нас не ругали,
И в особенности вслух,
Мы б к себе вас в царство взяли,
Где совсем не видно мух.
Но за то, что вы невежи,
Заходите к нам пореже».
(1912)

659. ОХОТА

Солнце весело блестит,
Снег под валенком скрипит:
Все в снегу застыли ели,
Ветер дует еле-еле.

Хоть и щиплет нос мороз,
Но не сильно, не до слез.
Словом, чудная погода!
Вся звериная порода —
Зайцы, лисы, глухари
Встали рано, до зари —
Без забот живет, играет
И беды совсем не чает...
Вдруг охотник из кустов
Выстрелил из двух стволов
Пиф и паф раздалась звонко:
Зацепила дробь зайчонка...
Он подпрыгнул и, как ком,
Повалился под кустом;
А охотник продолжает,
Заряжает да стреляет...
Раз, два, три, четыре, пять...
Сколько раз не сосчитать —
Вот когда пришла невзгода
Для звериного народа!
Восемь зайчиков подряд
Все убитые лежат.
И еще штук семь навеки
Безобразные калеки:
У кого нога висит,
У кого весь лоб разбит,
У кого не стало уха...
Плачет старая старуха —
Умер раненый сынок,
Еле до дому добег.
Вот на тачку положили
Труп зайчонка, заскулили,
Плачут, воют, слезы льют,
Хоронить его везут.
Где его похоронили —
Мне о том не говорили;

Верно, где-нибудь в снегу,
Под березой на лугу.
Вот пришел домой с добычей
Злой охотник. Масса дичи:
Зайцы, лисы, глухари —
В общем, верно, пуда три!
Уж кухарка ножик точит,
И сынок всю хохочет,
Счастью папиному рад,—
Не добыча, просто клад!
Вот-то вкусное жаркое!
Просто прелесть что такое!
Вот сидят едят обед,
Никому и дела нет,
Что в лесу так тихо-тихо
Плачет старая зайчиха.

⟨1913⟩

В. В. Князев

660. ПЛЯСКА НОЧНЫХ МОТЫЛЬКОВ

Белы, пушисты и легки,
Под звуки гномовой шарманки
Всю ночь порхали мотыльки
По заколдованной полянке,
Туда-сюда, туда-сюда,
Резвы, как маленькие дети,
То исчезая без следа,
То вновь, при ярком лунном свете,
Кружась над зеркалом пруда...
Ай, Гном, Седая Борода!
Ведь это он (каков проказник!)
В честь Стрекозы устроил праздник.

⟨1911⟩

661. КАТИНА ПЕСЕНКА

У моей певуньи Кати
Серебристый голосок.
«Катя, полно петь в кровати,
Восемь било, — спи, дружок!»
Но проказнице нейметя,
Пусть хоть бабушка придет, —
Заливается, смеется
И, как пеночка, поет:

«По лугам струится речка,
Через речку брошен мост,
На мосту стоит овечка,
У овечки — длинный хвост.
Много люду, без различий,
Проезжало этот мост,
Но промчался городничий,
И... пропал овечкин хвост!»

У моей любимой детки
Глазки радостно горят:
Что за славные конфетки,
Что за прелесть шоколад!
Целый день она хлопочет,
Двух подружек в гости ждет, —
Заливается, хохочет
И, как пеночка, поет:

«По лугам струится речка,
Через речку брошен мост,
На мосту стоит овечка,
У овечки — длинный хвост.
Много люду, без различий,
Проезжало этот мост,
Но промчался городничий,
И... пропал овечкин хвост!»

<1912>

662. О ТОМ, КАК ГНОМ ПОСТРОИЛ ДОМ

Однажды теплым вечерком,
Когда в траве кузнечик
Лег спать, укрывшись лепестком,
Задумал гном
Построить дом
Из крохотных дощечек.
Шесть раз он бегал в темный лес,
Шесть раз на ель, как белка, лез,
Сбивая хворостинки,
А сбив, пилил, рубил, стругал,
Ему никто не помогал,
Но дело без заминки
Всё шло да шло, и, наконец
(Какой, однако, молодец!),
Работая ретиво,
Малютка-гном
Построил дом.
И вышел дом на диво!
И вот наш гном в своем дому
Справляет новоселье.
Сквозь темный лес, сквозь ночи тьму,
Со всех сторон спешат к нему
Любители веселья.
Под управленьем комара
Толпа гостей кричит: «Ура!»
Жуки крылами машут,
А мошки, вошки, пауки,
Стрекозы, осы, светляки —
Все, молодежь и старики,
Камаринского пляшут.
Лишь я, к несчастью, не плясал,
Боясь стоптать ботинки,
Но всё, что видел, записал
И посылаю на Урал
Пряательнице Нинке.

⟨1915⟩

663. СКАЗКА О ЗАЙЧИХЕ

Ой, девочки, лихо!
По чистому полю,
Толста, как купчиха,
Плетется Зайчиха
К Зиме —
Покупать полушубок
Для старого Зайца.
Пришла. У прилавка
Уселась на лавке.
Пыхтит, отдуваясь,
Сопит, озираясь...
«А ну, покажи полушубок
Для старого Зайца».
Зима ей с поклоном
(Радешенька-рада):
«Какую вам шубку,
Сударыня, надо?
Теперича в моде
Вот в этаким роде...»
— «Э,— молвит Зайчиха,
Пыхтя как купчиха: —
Подай мне такую
Надежную сбрую,
Чтоб в поле, у ветел,
Аль в роще, у елки,
Никто не приметил:
Ни лисы, ни волки,
Ни даже охотник на лыжах!»
Зима ей с поклоном
(Радешенька-рада):
«Вам *белую* шубку,
Сударыня, надо!
Теперича в моде
Вот в этаким роде...»
С покупками тихо
По чистому полю,
Толста, как купчиха,
Плетется Зайчиха,
Купив у Зимы полушубок...
Ай, славная Зайцу обновка!

⟨1915⟩

М. Л. Моравская

664—675. *(ИЗ ЦИКЛА «АПЕЛЬСИННЫЕ КОРКИ»)*

1 **РЫБОЛОВ**

Я сижу себе на лавочке,
загибаю две булабочки,
делаю крючки.
Будет удочка. Узнали?
Берегитесь все кефали,
крабы и бычки.
Только нужен тонкий волос
к каждому крючку.
Нужен очень тонкий волос,
чтобы рыбка накололась,
чтобы не был виден волос
юркому бычку.

(1914)

2 **КУПАЛЬЩИКИ**

Посвящается Янку Р.

Сижу себе на кочке
синички веселей.
Купается в песочке
серый воробей.

Ай, люлиньки-люли,
ай, люлиньки-люли,—
купаются, ныряет,
полощется в пыли.

Купался бы я тоже,
да мамки боюсь,—
расскажут ей прохожие:
измазался Петрусь...

Ай, люлиньки-люли,
ай, люлиньки-люли,—
как хочется ворочаться
на тепленькой пыли.

Смеются ребяташки,—
ай, люлиньки-люли,—
разорваны штанишки
и волосы в пыли.

Ай, люлиньки-люли,
ай, люлиньки-люли,—
разорваны штанишки
и волосы в пыли.

⟨1914⟩

3

НЕУДАЧА

Над прудом заливаются зяблики
Тоненькими голосами...
Я спускаю на воду кораблики —
С парусами!
Но лягушки мешают их плаванью,
Вечно прыгают в воду: «Бах, бах!..»
И веду я кораблики к гавани,
Чтоб они не погибли в волнах.
И стоят неподвижно кораблики...
А вверху, меж зеленых ветвей,
Надо мной издеваются зяблики:
«Что, не можешь пускать кораблей!..»
⟨1912⟩

4

МЕЧТЫ

Ах,
обижают меня постоянно...
Убегу в африканские страны,
где пахучие зреют бананы,
где катают детей на слонах.

Доберусь я до мыса Нордкапа,
превращусь непременно в арапа,
заведу себе лук и верблюда
и уже не приеду оттуда,
и домой никогда не вернусь.
Пусть!

Ну, а как же я буду в апреле
без базаров на вербной неделе?
Жалко также и новых коньков:
там, пожалуй, не будет катков...
Жалко маму, котенка и братца...
Нет, уж лучше остаться...

⟨1911⟩

5

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Это маленькая сказка без счастливого конца.
Под навесом над террасой жили-были два птенца.
Очень смирно, очень дружно жили-были два птенца.
Жил на даче мальчик Петя, шалунишка, зубоскал,
а у Пети под кроватью белый котик проживал.
Был котенок очень нежен, очень мил и очень мал.
Петя влез с котом на крышу, чтоб мурлыке показать,
что пискунья-воробиха — удивительная мать.
Но котенок — прыг к малюткам и птенца за горло — хватить!
Встал наш Петя на защиту, но не сладил с наглецом,
слез на землю с грустным сердцем и заплаканным лицом.
Это — грустная история с очень жалобным концом.

⟨1911⟩

6

АПЕЛЬСИННЫЕ КОРКИ

Горько жить мне, очень горько,—
все ушли, и я один...
Шебаршит мышонок в норке,
я грызу, вздыхая, корки,—
съел давно я апельсин.
Час я плакал длинный-длинный,
не идет уже слеза.

Соком корки апельсинной
я побрызгаю глаза.
Запасусь опять слезами,
буду плакать хоть полдня,—
пусть придут, увидят сами,
как обидели меня.

⟨1914⟩

7

БЕГЛЕЦ

Посвящается Гале Г.

Утром Гришка удрал в Америку.
Боже мой, как его искали!
Мама с бабушкой впали в истерику,
Мне забыли на платье снять мерку
И не звали играть на рояли...
Гришку целые сутки искали —
И нашли на Приморском вокзале.
Папа долго его ругал,
Путешествия называл ерундой...
Гриша ногти кусал и молчал,—
Гриша очень неловок и мал,
Но я знаю, что он — герой.
И в подарок бесстрашному Гришке
Вышиваю закладку для книжки,
Красным шелком по синему полю:
«Герою, попавшему в неволю».

⟨1911⟩

8

В НЕПОГОДУ

Всё дожди, дожди, дожди...
Опротивел сад и дом.
«Потерпи» да «подожди».
«Вредно бегать под дождем».
Всё дожди, дожди, дожди!
Скоро солнышка не жди.
Мокнет пес цепной, и кот,
и теленок у ворот...

Вот так лето! Вот так дача!
Вот немного — и заплачу!
Ногти стану обгрызать,
буду Жучке подвывать!
Если ж будет так и далее,
под кровать швырну сандалии
и по лужам скоро-скоро
без оглядки, прямо в горы
убегу я босиком
с пастушонком Васильком!..

<1912>

9

НА ВЕРБЕ

Запищали звонко свинки,
Шум, веселье, смех и вой,
И колбаски из резинки
Вьются, реют надо мной.

Но стою я сам не свой
Перед крысой заводной,
Слезы капаят в кулак,—
Потерял я свой пятак...

Я смотрел уж в оба глаза...
Где он сгинул, бог лишь весть.
Не купить мне водолаза,
Даже вафли мне не съесть...

Кто найдет, пусть пожалеет
Долю горькую мою...
Мой пятак был всех новее
И с щербинкой на краю.

<1911>

10

НА ЛЬДУ

Ах, мои коньки-летунчики
Очень звонко режут лед!
Смотрят зайки-попрыгунчики —
Удивленья их берет.

Все глазают изумленно:
Зяблик, белка златоокая,
И болтливая сорока,
И серьезная ворона.

Я несусь без остановки:
Что мне страх и что мне риск!
«Ай да ловко, ай да ловко!» —
Восхищенный слышен писк.

<1911>

11

ПЛЕННЫЙ ОХОТНИК

Я — полковник краснокожих.
Разве я стрелял в прохожих?
Я ведь в буйвола стрелял!
Ну, и в барышню попал.
В детской заперли меня
Одного и без огня.
Верно, выпустят не скоро...
А потом еще укоры:
«Ах, как стыдно, ах, как гадко!
И зачем тебе рогатка?»
Тихо скину мокасины,
Обвяжусь веревкой длинной
И спущусь с окошка в сад,—
Пусть бранят...

<1911>

12

КИТАЙЧАТА

Посвящается Аде Чумаченко

У меня четыре друга,
Все малышки-китайчата,
Очень милые ребята!
Заплетают косы туго,
Уплетают миди с рисом,
Чистят клетку белым крысам
И с шарманкой по дворам
Ходят, подымая гам.

Зазывают, нет отбою:
«Вот бумажки есть с судьбою!
Вот бумажки есть для вас,
Крыса вытащит сейчас...»

Если вам «судьбы» не надо,
Ну, так выкиньте, порвите,
Но, пожалуйста, купите:
Китайчата будут рады.

Каждый грош, смеясь, возьмут,
Даже песню вам споют,
Если досыта наелись...
Но о чем поют, не знаю.
Вероятно, славят прелесть
Разноцветного Китая.

⟨1914⟩

676—683. ⟨ИЗ ЦИКЛА «ЗВЕРИ ОБИЖЕННЫЕ»⟩

1

ПОКИНУТЫЙ

Ах, осень бесприютная!
Катится речка мутная,
плюются облака...
Ах, тяжкая годинушка,
ах, горькая судьбинушка
для дачного щенка!

Все кустики измочены,
все дачи заколочены,
куда я ни взгляну...
И вот, сижу на мостике
с розинками на хвостике
и вою на луну:

у-у-у!..

⟨1914⟩

МОКРЫЙ ЩЕНОК

Я был на улице, продрог.
 На огонек зашел.
 Я не кусаюсь, я не зол,
 я — маленький бульдог.

И пусть не дразнят все меня,
 что хвостик я повесил:
 просохнет шерстка у огня,
 тогда я буду весел.

⟨1914⟩

ВОЛЧЬЯ ТОСКА

Лишь затихнет сад звериный,
 ночью зимней, ночью длинной,
 долго, жалобно и тихо
 воеет старая волчиха:

«На родной сторонке,
 на лесной сторонке,
 нет зимою логова,
 отняли волчонка —
 сероголового...»

Долго, жалобно и тихо
 воеет старая волчиха,
 и, услышав волчий плач,
 гулко ухает пугач.

⟨1912⟩

СОВА

Я — сова.
 Я не стану ручной.
 Я — охотник лесной.
 Я — сова.

Пусть не лгут, пусть не лгут
человечьи слова,
что хороший приют —
человечий приют.
Клетка мучит меня,
все леса — для меня.
Я — сова.

Пусть не лгут, пусть не лгут
человечьи слова:
мне не нужен приют,
я — охотник лесной,
я не стану ручной,
буду злой, буду злой,—
я — сова.

<1912>

5

ОСЛЕНОК В ЗВЕРИНЦЕ

Пухлый, глупый и лохматый,
он родился лишь на днях.
Удивлялся лось сохатый,
и газель вздыхала: «Ах!
Ах, какой он безобразный,
серый весь, должно быть грязный...
Что за хвост, что за копытца,—
станет страшно, коль приснится!».
Все с мычаньем, с ревом звонким
насмехались над осленком.
Лишь бизон один решил:
«Некрасив, но очень мил».
И хоть фыркают все звери,
резв и рад осленок серый:
от звериных злых повадок,
от насмешек и нападков,
от пинков со всех сторон
бережет его бизон.

<1913>

БЕГЕМОТ

Писк и лай,
шум и гам,
воют мишки по углам;
шум и гам,
писк и лай,
перепуган попугай,
опечалены мартышки,
разбежались крысы, мышки...
Почему?
Не пойму...
Рассердился и ревет
бегемот.

〈1914〉

ЧЕРЕПАШЬЕ ГОРЕ

Я — старенькая черепаха,
Я — хворенькая черепаха,
А дети мне портят нору!..
Я, право, от злости и страха
Совсем умру!

Все косточки отсырели,
Все лапочки обомлели,—
А места сухого нет.
Ох, тягостно мне, сиротинке,
По мокрой осенней тропинке
Скитаться на старости лет.

〈1914〉

ЖАЛОБЫ СЛОНА

Для маленького Гришки
Все — мышата и мартышки —
Одинаково милы.
«Милый моржик,
Хочешь коржик,
Хочешь ломтик пастилы?»

Все Гришутке очень рады,
Писк и лай со всех сторон,
Только грустен у ограды
Старый, серый, толстый слон.

Но лишь хлебца ему дали
И спросили о печали,
Он Гришутке дал ответ:
«Не хочу, чтоб рисовали
На резинках мой портрет!..»

〈1914〉

684—689. 〈ИЗ ЦИКЛА «ЗВЕРИ ВЕСЕЛЫЕ»〉

1

ПЕРВОЕ КУПАНЬЕ

У воды,
меж высокой лебеды,
чинно выстроились в ряд
восемь желтеньких утят.
Их давненько утка-мать
собирается купать.
Но трусливый всё народ:
все стоят разинув рот,
ни один не хочет плыть,
слышно только: «Пить-пить-пить».
И смеются камыши:
«Ишь, как трусят малыши!..»

〈1914〉

2

ВЕСЕЛЫЕ КАЧЕЛИ

На скрипучие качели
сели шустрые шмели.
Повертелись, загудели,
на веревки налегли:

«Поддавай живее, братцы...
Ух, как весело качаться!
Выше, выше, посмелее,
Раз — вперед! Два — назад!»

Плохо кончились затеи —
лопнул старенький канат...
Все упали вверх тормашками
и вздыхали под ромашками:
«Ох, как лапочки болят!»
(1911)

3

МЕДВЕЖАТА

Посвящается Франкику

Много странного на земле,
чудеса как из ушата.
Ты подумай: в феврале,
в снежном, вьюжном феврале,
рождаются медвежата.
Ни травы, ни ягод нет,
а они пришли на свет.

И мне кажется порой,
что под шубкой снеговой
потеплела вся земля
с половины февраля
и всё дальше час заката
оттого, что там, в берлогах,
меж дубов и елей строгих,
рождаются медвежата.

(1914)

4

ПОПРОШАЙКИ

У решетки в ряд
мишеньки сидят.
Ноздри раздувают,
головой качают,
воют и сопят:
«Ай, ай,
сахару дай!»

Вертится в саду
белый какаду.
К мишкам подступает,
хохолком качает
и, затее рад,
дразнит медвежат:
«Ай, ай,
сахару дай!»

⟨1914⟩

5

СУСЛИК

Пред рассветом, очень рано,
вышел суслик на поляну.
Встал на холмике крутом
серым тоненьким столбом,
и стоял он долго там,
лапки вытянув по швам.
Думал: скоро ли рассвет,
будет дождик или нет?

На рассвете с кузовками
вышел Васька за грибами.
Видит, столбичек стоит,
очень маленький на вид.
Васька думает: «Постой,
захвачу его с собой,
пригодится, может быть...
Можно чушку смастерить...»

Суслик Ваську увидал —
вздрагнул, пискнул и пропал.

⟨1912⟩

6

НОВОСЕЛЬЕ

Дожди как из ушата,
Но в прудике веселье:
Лягушка Толстопята
Справляет новоселье,
И пляшут лягушата
Уж целую неделю.

А сколько песен спели!
А сколько мух поели!!
Все прыгают, все пляшут,
Все лапочками машут,
Головками качают
И звонко подпевают:
«Дан! дан! дан!»
И в листики кувшинки
Стучат для них дождевики,
Словно в барабан.

〈1912〉

690. МЕЧТЫ ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

В блаженном июне, окончив труды,
Мы скинем тяжелые ранцы
И будем свободны, смелы и горды,
Как в древности были германцы.
Поедем в деревню — я, Шурка и Коля,—
И будет веселье и вольная воля.
Мы будем по лужам бродить босиком,
Влезать на корявые груши!
И сливки для сладкого будем тайком
Таскать у кухарки Марфуши.
И будем купаться, и будем грести,
И сможем рогатки себе завести.
Пока же мы дружно засядем зубрить,
Не будем томиться, браниться и ныть,
Без охов, без писка, не вешая носа,
Отзубрим, как Генрих стучался в Каноссу,
Где Перу, где Чили, кто был Барбаросса,
Чем крыса, букашка и серна живет,
Какой и куда отправлялся народ,—
Быть может, судьба нас от двоек спасет.

〈1912〉

691. КОНОПЛЯНКА

Распеваает коноплянка
На сосне.
Снег подтаял на полянке,
Быть весне.

Ветер перышки певунье
Шевелит.
Слушай, Леня, слушай, Груня:
Пи-ли-лит!

Но весь лес немного зябкий
Поутру.
У певуньи мерзнут лапки
На ветру.

Чуб от холода взъерошен,
Петь трудней...
Будь же, солнышко, хорошим,
Отогрей
Поскорей!

⟨1914⟩

692. ХОЧУ КОТЕНКА

Кто ты? Бархатный медведь?
Ну и спи в покое.
А мне хочется иметь
Что-нибудь живое.

Надоели куклы все,
Поезд мой мудреный...
Будто белка в колесе,
Вертятся вагоны.

Пикнул птенчик заводной
Так противно-тонко...
Уберите всё долой,
Дайте мне котенка!

⟨1918⟩

693. ДВА ЖУКА

Жили-были два жука,
Два жука.
Жизнь у них была легка:
Пляшут, взявшись за бока,
Полевого трепака,
Дразнят ос и паука.

Ничегошеньки не боятся,
Всё жужжат и веселятся —
Два жука.
Два жука веселых,
В зеленых камзолах,
В красивых сапожках,
На тоненьких ножках.

⟨1918⟩

М. И. Цветаева

694. НАШИ ЦАРСТВА

Владенья наши царственно богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас. ‘
Что ясно нам — для них совсем туманно,
Как и на всё — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели,
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи — дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще не взрослой передаст ли стих?

⟨1910⟩

695. КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
«Уж поздно!» — «Мама, десять строк!..»
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома...
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бекки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраках пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1910>

696. У КРОВАТКИ

Вале Генерозовой

«Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

«Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

«Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул — и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

«Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

«Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок»...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

<1910>

697. В СУББОТУ

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесу незнакомом
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

<1912>

698. «КУРЛЫК»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной госте покажешь язык.
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fräulein в накладке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык —
Всё воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

⟨1912⟩

699. В КЛАССЕ

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг — единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...
Разве учитель узнает, какая
Боль — единица?

⟨1912⟩

700. НА БУЛЬВАРЕ

В небе — вечер, в небе — тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала.
Держат маленькие ручки
Синий шар.

Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль,
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг — и выскользнет веревка,
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала...
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

⟨1912⟩

701. «ТАК»

«Почему ты плачешь?» — «Так». —
«Плакать «так» смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец, и я не враг.
«Почему ты плачешь?» — «Так». —
«Ну какой же ты мужчина?»

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
«Почему ты плачешь?» — «Так».

⟨1912⟩

702. В СКВЕРЕ

Пылают щеки на ветру,
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
«Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!»

— «Еще простудишься!» — «Ну да!»
Как дикие бежим.
Разгорячились, — не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

«Ты рисовать умеешь?» — «Нет,
А трудно?» — «Вот так труд!
Я нарисую твой портрет».
— «А рассказать тебе секрет?»
— «Скорей, меня зовут!»

— «Не разболтаешь? Поклянись!»
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
«Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, — ну вот».

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке...
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

<1912>

703. В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически.
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всё запрет!
Так с милым детством я прощаюсь, плача,
В пятнадцать лет.

⟨1912⟩

А. Н. Благов

704. ⟨ИЗ ЦИКЛА «НА ФАБРИКЕ»⟩

Гремит станок, свистит привод,
А день так медленно идет,
Как будто нет ему конца.
Ручьями пот бежит с лица.
Куда ни взглянешь, всё одно —
Станки, ремни, да полотно,
Да лица бледные людей —
Мужчин, и женщин, и детей.

⟨1909⟩

705. ЗИМА

Не люблю тебя за то я,
Зимушка студеная,
Что заносишь снегом белым
Ты поля зеленые,
Что кудрявые дубравы
Губишь лютым холодом
Да рабочего родного
Донимаешь голодом.

⟨1910⟩

706

И печальна и бедна
У меня каморка,
Грустно окнами она
Смотрит на задворки.
Две березки под окном
Дремлют сиротливо,

Да растет большим кустом
Жгучая крапива.
А холодной зимой
Только вьюга злая
Вкруг нее ночной порой
Бродит, завывая...
Но как мил и этот кров,
Бедный и убогий,
После тяжких мне трудов
И дневной тревоги!

⟨1912⟩

707. ВОРОНКО

Из-за леса золотое
Солнышко встает.
В чистом поле за сохою
Мужичок идет.
Впереди его тащится
Старый вороной,
Режет матушку-землицу
Острою сохой.
Много лет полоской этой
Воронко ходил,
В длинный день на ней с рассвета
Много тратил сил.
Послужил он всей душою
Другу-мужику,
Покормил его с семьею
На своем веку.
И теперь, совсем без силы,
Старый и больной,
Он спокойно ждет могилы
На меже родной.

⟨1911⟩

708. ПЕСНЯ ШВЕЙКИ

Скоро полночь. Ветер злится,
Плачет за окном.
У стола сидит-томится
Швейка за шитьем.

Стук машинки раздаётся
В тишине ночной,
И уныло песня льётся
Швейки молодой:

«Помню, чуть ли не ребенком
Я тогда была,
Как с родимой я сторонки
В город жить пошла.

Горько плакала родная
Маменька моя,
На чужбину провожая
Из села меня.

Много горя испытала
Я душой в те дни,
За кусок лишь отдавала
Силы я свои.

Днем, бывало, от работы
Рук не отведешь,
Ночью темною с заботы
Часу не заснешь.

Вспомнишь мать свою старушку,
Вспомнишь дом родной,—
Смочишь за ночь всю подушку
Горькою слезой.

Крепко спит теперь в могиле
Горемыка-мать...
Над судьбой моей унылой
Некому рыдать!

Спи спокойно, дорогая,
Ты в земле сырой:
Скоро дочь твоя родная
Свидится с тобой.

Тяжело на белом свете,
Горько, горько ей
Жить без ласки и привета
Меж чужих людей».

⟨1913⟩

709. В ЗАСУХУ

Солнце жжет. В полях от зноя
Вся засохла рожь.
Что ж ты, тучка, стороною
По небу плывешь,
Иль не слышишь ты, как просит
Мужичок дождя?
Или ветер злой уносит
От полей тебя?
Ветер, ветер, занеси ты
Эту тучку к нам,
Чтоб с нуждою непокрытой
Не спознаться нам
И с семьей своей голодной
Из избы родной
Не ходить зимой холодной
По миру с сумой.

⟨1918⟩

Е. Е. Нечаяев

710. ВСТРЕЧА

Посвящается М. Л. Леонову

Выпорхнула пташка
Из неволи тесной
И взвилась свободно
В выси поднебесной.

Плавает в лазури,
Солнцем залитая,
Воздух ароматный
Грудью всей вздыхая.

Встретили подругу
Птицы дружным хором;
Зазвенела песня
Над дремучим бором.

Льется не смолкая,
Полная свободы,
О любви, о счастье,
О красе природы.

Вторит песне звонкой
Вольный, беззаботный,
Ветви колыхая,
Ветер перелетный.

Вторит лес зеленый,
Ручеек игривый,
День благословляя
Радостный, счастливый.

Так и мы встречаем,
Дети скорбной доли,
Полные восторга,
Друга из неволи.

1910

711. НОЧЬ

Посвящается И. П. Б(елусо)вой

Теплая ночка весны благовонной,
Вычурных теней узор;
Звезды алмазные в выси бездонной,
Синего неба простор;
Нежной прохлады порыв чуть заметный,
Леса таинственный шум,—
Вызвали много вы лаской приветной
Грустных и радостных дум!..
Вспомнились мне позабытые годы
Юности бедной моей:
Жизнь подневольная, стены завода,
Зной стекловарных печей,
Голод томительный, труд непосильный,
Иго насилья и зла,
Ропот на тяжкую долю бессильный,
Разум томящая мгла!..
Видится ясно забытое горе —
Скорбь наболевшей души —
Негой объятому мне, на просторе,
Здесь, в деревенской глуши...
Вспомнились мне и минуты отрады,
Ряд жизнерадостных дней,

Небо лазурное, звезд мириады,
Ширь ароматных полей;
Шелест травы и прохлады дыханье,
Волн серебристых прибой,
Где забывал я печаль и страданье,
Полный мечты золотой;
Где разгорались речи живые
Жаждающих правды друзей;
Где научился я верить впервые
В лучшую долю людей!..

<1911>

712. СТАРЫЙ БОР

Привет тебе, дремучий бор,
Отрада юных дней,
Я вновь пришел под твой шатер,
Сплетенный из ветвей...
Как и тогда в твоей тиши,
Красавец вековой,
Хочу найти покой души
Усталой и больной.
И ты, врачуя мой недуг,
Под свой радушный кров
Прими меня, как старый друг
Промчавшихся годов...
Не тот уж я, что прежде был
Десятки лет назад,
Растратил я избытки сил,
Бесценный жизни клад.
Сломили мощь нужда и зло,
И тяжести кручин
Мне наложили на чело
Глубоких ряд морщин...
А ты всё тот же, мой родной,
И молод, и могуч,
Тебе не страшны бури вой
И темь дождливых туч.
Гремит ли гром в полночный час
Подолгу над тобой,
Не трусишь ты и всякий раз
Выдерживаешь бой.

Метель ли зимняя когда
Затеять хочет спор,
Ты грудью смелою всегда
Готовишь ей отпор.
Всё так же полон красоты
Вечернею порой,
Твои зеленые листы
Лепечут надо мной.
Люблю тебя я, богатырь,
Как лучший из друзей,
Люблю красу твою и ширь,
И сень густых ветвей!..

<1911>

Ф. С. Шкулев

713. ПОЙДЕМ В ПОЛЯ...

Давно проснулася земля
И всё живет,
Пойдем, мой друг, скорей в поля,
Где хлеб растет!

Не разгибаясь день-деньской,
Там, за холмом,
Трудятся жницы полосой,
В руках с серпом...

Скорей, мой друг, в поля пойдем!
Ликует день,
У всех, у всех там за трудом
Забыта лень...

<1904>

714. ОСЕНЬ

Люблю осенний ясный день
С живительной прохладой,
Когда вокруг всех деревень
Стоят скирды-громады.

В садах повсюду, тут и там,
Краснеется рябина
И легкой дымкой к небесам
Несется паутина.
Блестит на солнце желтый лист
И кружится, спадая...
Синеет небо, воздух чист,—
И, устали не зная,
Стремятся стаей журавли
На юг, к теплу и морю,
И песня слышится вдали,
Чужда тоски и горя...
Увяла травка, нет цветов,
Природа замирает...
Но говор радостный цепов
Всех счастьем наполняет.

⟨1904⟩

715. ЗИМОЙ

Сколько снегу! Сколько снегу!
Закричала детвора
И, забрав лопаты, сани,
Побежала со двора...

Щеки их — алее зорьки,
Глазки — звездочкой горят.
И без умолку все разом
И кричат, и говорят.

Звонкий смех их раздается
По морозцу далеко...
Вот за что люблю я деток
Горячо и глубоко.

Недоели, недопили,
Но завидели простор —
Лица счастьем озарились,
Ясным солнцем вспыхнул взор.

⟨1904⟩

716. ДУБ

На горе высокой дуб растет могучий,
И над ним несутся бури, громы, тучи...
Простирая ветви к солнцу и лазури,
Он растет и крепнет, отражая бури.
Под его листвою, под широкой сенью
Травка и цветочки — всё покрыто тенью,
А в низу оврага, вечно молчаливом,
Пробегают речка шумно-говорливо.
И из этой речки корни тянут влагу,
Чтоб доставить дубу силу и отвагу,
Чтобы было больше тени под листвою —
Всем в борьбе уставшим отдохнуть душою.

⟨1909⟩

717. ВЕЛИКАН

Много было великанов
В пору старых славных лет,
Ими все гордились в мире,
Весь дивился белый свет.

Говорят про них былины,
Песни звучные поют...
А ведь эти великаны
И сейчас у нас живут.

Загляните в чисто поле:
Кто на ниве за сохой
День без усталости шагает
Разрыхленной бороздой?

Кто, как перышком, махает
На лугу стальной косой?
Кто с «Дубинушкой» по Волге
Тянет баржу бечевою?

Кто тяжелою кувалдой
И чугун, и сталь дробит?
Кто из недр земли холодной,
Точно пух, извлек гранит?

Кто железные дороги
Нам провел до дальних стран? —
Это наш родной, могучий
Трудолюбец-великан!

⟨1909⟩

718. НАБОРЩИКИ

Посвящается С. П. Кошкину

Наши братья ткут основу,
Кто кует тяжелый меч,—
Мы ж из армии свинцовой
Создаем живую речь.

Что вчера для многих тайной
Было мертвою вокруг,
То для всех сегодня ясно —
От палат и до лачуг.

Мы стоим, как часовые,
У немых наклонных касс,
Ниже строчки огневые
Из свинцовых хрупких масс.

Труд наш чист, как солнце в небе,
Ярким пламенем горит.
Всем и каждому о хлебе
О духовном говорит.

Душно, мрачно здесь в наборной,
Мы привыкли, горя нет.
Из нее не сумрак черный,
А выходит ясный свет.

Наши братья ткут основу,
Кто кует тяжелый меч,—
Мы ж из армии свинцовой
Создаем живую речь.

1910

719. КУЗНЕЦ

«Для чего,— меня спросили,—
Век я молотом стучу?»
Я ответил, ударяя:
«Есть хочу!»

«Для чего,— меня спросили,—
Плуг и грабли я кую?»
Я ответил, ударяя:
«Труд люблю!»

«Отчего,— меня спросили,—
Я в поту и изнурен?»
Я ответил, ударяя:
«Рядом горн».

«Отчего,— меня спросили,—
Праздной жизни не ищу?»
Я ответил, ударяя:
«Не хочу!»

«Кто, скажи, устроит лучше
Жизнь тяжелую твою?»
Я ответил, ударяя:
«Сам скую!»

(1911)

720. ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Снег сыпучий, будто тучи,
Расстилался по земле...
Сосны пели и шумели...
Вьюга плакала во мгле...

Легкой дымкой, невидимкой
Разгулялася пурга
И скрывала покрывалом
Холмы, доли и луга...

И шуршали, как из стали,
Оголенные кусты...
Шел обозец, а морозец
Строил крепкие мосты.

На деревне млад и древний
Жались в хатах к огоньку.
А внучатки, с речью сладкой,
Лезли с сказкой к старику...

Дед бодрился и садился;
Умолкала детвора,
Жмуря глазки... Деда сказки
Были чуть не до утра.

<1912>

721. В ДЕРЕВНЕ

Чумазый мальчик, как ты мил,
Здоров и весел с коркой хлеба:
На щечках — алая заря,
В глазах — алеет купол неба.

Порхаешь ты, как мотылек,
По травке в ситцевой рубашке;
Как пара крыльев, у тебя
Трясутся белые кудряшки.

Глядит с улыбкой на тебя
Мать из окна убогой хаты...
Вот чем бывают на Руси
Селяне бедные богаты!

<1913>

722. МОЛОТЬБА

Сжата рожь... сереет жниво,
Ощетинились поля...
Ну, зато скирды красиво
Смотрят, сердце веселя.
Люди радостны, довольны:
Не пропал их даром труд,
И повсюду с песней вольной
Раздается там и тут:

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

У скирдов вокруг ребятки
Шумно бегают, звенят.
Меж снопов играют в прятки,
То мякиною пылят...
По гумну же стройным рядом
Люди движутся с цепом,
Пот горячий льется градом,
Лица пышут их огнем...

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

И кипит, кипит работа,
Тают пышные скирды...
Облегчается забота,
Слаще кажутся труды.
Скоро праздник: с новым хлебом
Люди будут за столом...
А пока под синим небом
Раздается над селом:

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

〈1913〉

723. КРАСНЫЙ ЗВОН

Красный звон гудит и льется
Перекатною волной...
Всё, ликуя, к жизни рвется,
К жизни новой, молодой!
Воды, сбросивши постылый
Хрусталя холодный гнет,
С шумом, с треском, с мощной силой
Дружно ринулись вперед.
Лес стоит готовый к жизни:
Под душистою смолой
Почки бухнут, дождик брызни,—
Всё оденется листвою.
Огласились выси пеньем,
Обнажились поля,
Пробудившись, с нетерпеньем
Жаждет пахаря земля.

Всё, ликуя, к жизни рвется,
К жизни новой, молодой...
Красный звон гудит и льется
Перекатною волной!

⟨1913⟩

724. БУДЕШЬ ВОВЕК ТЫ ЧЕЛОВЕК...

В зори прекрасные,
В звезды лучистые,
В песни согласные,
В помыслы чистые,
В силу труда
Верь ты всегда!

К правде нетления,
К светочу знания
Все помышления,
Все упования

Ты направляй,
Жизнь всю отдай!

С доброй, пылающей
Искрой в груди
К братьям страдающим
Смело иди...

Будешь вовек
Ты человек!

⟨1915⟩

725. ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Пред закатным солнцем
Лес блестит червонцем,
Не слышать «ку-ку»...
Говор под снопами
Мужиков с цепами
Слышен на току.

По садам рябина
Рдеет... паутина
Блещет серебром...
Черной полосой
Журавли косою
Реют над селом.

Дед, качая зыбку,
Говорит с улыбкой:
«Спи, красавец внук:
Спи, пока в юдоли
Чужд ты горькой доли
И тяжелых мук...

Спи, родной, в кроватке
Крепко ты и сладко,—
Вырастешь большой,
Будь счастлив и волен,
Будь судьбой доволен,
С доброй будь душой!»

⟨1916⟩

И. Г. Эренбург

726—728. ***КОЛЫБЕЛЬНЫЕ***

1

Спи, мой Заинька,
Нежный пушок,
Серенький, маленький,
Робкий зверек.
Заиньке не спится,
Заинька боится
Увидеть во сне Лисицу.
Не бойся, Заинька,
Не бойся, маленький,
Баинька, Заинька,
Баинька, маленький!

Весной дождик шальной. Захочет — всё смочит, в шутку поплачет, слезами обманет, всех подурачит и перестанет. Только с березы, по коре седой крупные слезы бегут гурьбой.

Дождик гадкий идет да идет, из дождевой кадки через край течет.

После дождя выползут улитки, мы их с кустов соберем, у каждой улитки рожки как нитки и, чтоб прятаться, дом.

Солнце золотой шмель, но есть большой паук на свете, если дождь идет подряд несколько недель — значит, солнце попало в сети.

Лужи хлопают под ногой, мокрые воробьи хохлятся, с деревьев каплет — это всё, пока шмель золотой не порвет паутинки тоненькой лапой.

Остались на снегу заячьи следы — далеко ли было зайцу до беды?

Но заяц не боится: прилетела снежинок стая, закружились белые птицы, заячий след заметая. Напрасно собака старается распознать следы заячьи. Выбилась из сил, прибежала на старое место и думает:

«Заяц хитрый здесь был, а куда ушел неизвестно...»

<1914>

Саша Черный (А. М. Гликберг)

734. ДЕТЯМ

Может быть, слышали все вы — и не раз,
Что на свете есть поэты?
А какие их приметы,
Расскажу я вам сейчас:

Уж давным-давно пропели петухи...
А поэт еще в постели.
Днем шагает он без цели,
Ночью пишет всё стихи.

Беззаботный и беспечный, как Барбос,
Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во всё сует свой нос.

Он хоть взрослый, но совсем такой, как вы:
Любит сказки, солнце, елки,—
То прилежнее он пчелки,
То ленивее совы.

У него есть белоснежный, резвый конь,
Конь — Пегас, рысак крылатый,
И на нем поэт лохматый
Мчится в воду и в огонь...

Ну так вот,— такой поэт примчался к вам:
Это ваш слуга покорный,
Он зовется «Саша Черный»...
Почему? Не знаю сам.

Здесь для вас связал в букет он, как цветы,
Все стихи при свете свечки.
До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты...

1920

1

В РАЮ

По лиловым дорожкам гуляют газели
 И апостол Фома с бородою по грудь...
 Ангелята к апостолу вдруг подлетели:
 «Что ты, дедушка, бродишь? Расскажи что-нибудь!
 Как шалил и играл ты, когда был ребенком?
 Расскажи... Мы тебе испечем пирожок...»
 Улыбнулся апостол. «Что ж, сядем в сторонке,
 Под тенистой смоковницей в тесный кружок.

Был я мальчик румяный, веселый, как чижик...
 По канавам пускал корабли из коры.
 Со стены ребятишки кричали мне: «Рыжик!»
 Я был рыжий — и бил их, и гнал их с горы.
 Прибегал я домой весь в грязи, босоножкой,
 Мать смеялась и терла мочалкой меня.
 Я пищал, а потом, угостившись лепешкой,
 Засыпал до румяного, нового дня».

— «А потом?» — «А потом я учился там в школе,—
 Все качались и пели,— мне было смешно,
 И учитель, сердясь, прогонял меня в поле.
 Он мне слово, я — два,— и скорей за окно...
 В поле я у ручья забирался под мостик,
 Рыбок горстью ловил, сразу штук по семи».
 Ангелята спросили: «За хвостик?» — «За хвостик!»
 Ангелята вздохнули: «Хорошо быть детьми...»

<1921>

2

КОСТЕР

Эй, ребятишки,
 Валите в кучу
 Хворост колючий,
 Щепки и шишки,
 А на верхушку
 Листья и стружку...

Спички живей!
Огонь, как змей,
С ветки на ветку
Кружит по клетке,
Бежит и играет,
Трещит и пылает...
Шип! Крякс!

Давайте руки —
И будем прыгать вокруг огня.
Нет лучше штуки —
Зажечь огонь средь бела дня.
Огонь горит,
И дым глаза ужасно ест,
Костер трещит,
Пока ему не надоест...

Осторожней, детвора,
Дальше, дальше от костра —
Можно загореться.
Превосходная игра...
Эй, пожарные, пора,
Будет вам вертеться!
Лейте воду на огонь.
Сыпьте землю и песок,
Но ногой углей не тронь —
Загорится башмачок.
Зашипели щепки, шишки...
Лейте, лейте, ребятишки!
Раз, раз, еще раз...
Вот костер наш и погас.

<1911>

3

ПОЕЗД

Третий звонок. Дон-дон-дон!
Пассажиры, кошки и куклы, в вагон!
До свиданья, пишите!
Машите платками, машите!
Машинист, свисти!
Паровоз, пыхти:
Чах-тах!

Поехали-поехали,
Чах-тах-та-х!
Кочегар, не зевай!
Ч-ах-тах-та-х-тах!
Вот наши билеты —
Чурки да шкурки,
Бумажки от конфет!
Под уклон, под уклон,
Летим как пуля.
Первый вагон —
Не качайся на стуле!
Эй, вы, куда?
Кондуктор, сюда!
Вон там сзади
Взрослые дяди,
Тра-та-та, тра-та-та,
Они без билетов...
Зайцы-китайцы —
Гони их долой!
Ча-х-тах, та-х-тах,
Машинист, тормозите!
Чах-тах-та-х,
Первый звонок!
Чах-тах,
Станция «Мартышка»...
Чах-тах-тах.
Надо вылезать.

⟨1912⟩

4

ПРО КАТЮШУ

На дворе мороз,
В поле плачут волки,
Снег крыльцо занес,
Выбелил все елки...
В комнате тепло,
Печь горит алмазом,
И луна в стекло
Смотрит круглым глазом.

Катя-Катенька-Катюшка
Уложила спать игрушки:

Куклу безволосую,
Собачку безносую,
Лошадку безногую
И коровку безрогую —
Всех в комок,
В старый мамин чулок
С дыркой,
Чтоб можно было дышать.
«Извольте спать!
А я займусь стиркой...».

Ай, сколько пены!
Забрызганы стены,
Тазик пищит,
Вода болтается,
Катюша пыхтит,
Табурет качается...
Красные лапки
Полощут тряпки,
Над водою мыльной
Выжимают сильно-пресильно —
И в воду снова!
Готово!

От окна до самой печки,
Словно белые овечки,
На веревочках висят
В ряд:
Лошадкина жилетка,
Мишкина салфетка,
Собачьи чулочки,
Куклины сорочки,
Пеленка
Куклиного ребенка,
Коровьи штанишки
И две бархатные мышки.

Покончила Катя со стиркой,
Сидит на полу растопыркой:
Что бы еще предпринять?
К кошке залезть под кровать,
Забросить за печку заслонку
Иль мишку подстричь под гребенку?..

<1921>

НА ВЕРБЕ

Солнце брызжет, солнце греет.
 Небо — василек.
 Сквозь березки тихо веет
 Теплый ветерок.

А внизу всё будки, будки
 И людей — что мух.
 Каждый всунул в рот по дудке —
 Дуй во весь свой дух!

В будках куклы и баранки,
 Чижики, цветы...
 Золотые рыбки в банке
 Раскрывают рты.

Всё звончее над шатрами
 Вьется писк и гам.
 Дети с пестрыми шарами
 Тянутся к ларькам.

«Верба! Верба!» В каждой лапке
 Бархатный пучок.
 Дед распродал все охапки —
 Ловкий старичок!

Шерстяные обезьянки
 Пляшут на щитках.
 «Ме-ри-кан-ский житель в склянке
 Ходит на руках!!»

Пудель, страшно удивленный,
 Тявкает на всех,
 В небо шар взлетел зеленый,
 А вдогонку — смех!

Вот она какая верба!
 А у входа в ряд —
 На прилавочке у серба
 Вафельки лежат.

⟨1913⟩

БОБИНА ЛОШАДКА

Мальчик Боб своей лошадке
 Дал кусочек шоколадки,—
 А она закрыла рот,
 Шоколадки не берет.

Как тут быть? Подпрыгнул Бобик,
 Сам себя он хлопнул в лобик
 И с комода у дверей
 Тащит ножницы скорей.

Распорол брюшко лошадке,
 Всунул ломтик шоколадки
 И запел: «Не хочешь в рот,
 Положу тебе в живот!»

Боб ушел играть в пятнашки,
 А за полкой таракашки
 Подсмотрели и гуськом
 Вмиг к лошадке все бегом.

Подобрались к шоколадке
 И лизнули: «Очень сладко!»
 Пир горой — и в пять минут
 Шоколадке был капут.

Вот приходит Боб с прогулки.
 Таракашки шмыг к шкатулке,—
 Боб к лошадке: «Съела... ай!
 Завтра дам еще,— будь пай».

День за днем — так две недели
 Мальчик Боб, вскочив с постели,
 Клал в живот ей шоколад
 И потом шел прыгать в сад.

Лошадь кушала, старалась,
 Только кошка удивлялась:
 «Отчего все таракашки
 Растолстели, как барашки?»

<1913>

ЛЕТОМ

За селом, на полной воле
 Веет ветер-самолет.
 Там картофельное поле
 Всё лиловеньким цветет.

А за полем, где рябинка
 Вечно с ветром не в ладу,
 Сквозь дубняк бежит тропинка
 Вниз, к студеному пруду.

Сквозь кусты мелькнула лодка,
 Рябь и солнца острый блеск.
 На плоту грохочет четко
 Дробь вальков под гулкий плеск.

Пруд синее круглой чашкой.
 Ивы клонятся к воде...
 На плоту лежат рубашки,
 А мальчишки все в пруде.

Солнце брызнуло полоской.
 Тени вьются, словно дым,
 Эх, разденусь за березкой,
 Руки вытяну — и к ним!

⟨1912⟩

ИММОРТЕЛИ

Ты не любишь иммортелей?
 А видала ты у кочки
 На полянке, возле елей,
 Их веселые пучочки?
 Каждый пышный круглый венчик
 На мохнатой бледной ножке,
 Слово желтый тихий птенчик,
 А над ним — жуки и мошки...
 Мох синее сизой спинкой,
 Муравьи бегут из щелей,
 Тот с зерном, а тот с былинкой...
 Ты не любишь иммортелей?

Солнцем цвет им дан лимонный,
Елкой — смольный бодрый запах.
По бокам торчат влюбленно
Мухоморы в красных шляпах.
Розы — яркие цыганки,
Лучше, может быть, немного,—
Но и розы и поганки
Из садов того же бога...
Подожди, увянут розы,
Снег засыплет садик тощий
И окно заткнут морозы
Светлой пальмовою рощей...
И, склонившись к иммортелям,
Ты возьмешь их в горсть из вазы,
Вспомнишь солнце, вспомнишь ели,
Лес и летние проказы.

⟨1921⟩

9

**ПРО ДЕВОЧКУ,
КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ**

Мишка, мишка, как не стыдно!
Вылезай из-под комода...
Ты меня не любишь, видно?
Это что еще за мода...
Как ты смел удрать без спроса?
На кого ты стал похож?
На несчастного барбоса,
За которым гнался еж...
Весь в пылинках, в паутинках,
Со скорлупкой на носу...
Так рисуют на картинках
Только чертика в лесу.
Целый день тебя искала —
В детской, в кухне, в кладовой,
Слезы локтем вытирала
И качала головой...
В коридоре полетела,—
Вот, царапка на губе...
Хочешь супу? Я не ела —
Всё оставила тебе.

Мишка-миш, мохнатый мишка,
Мой лохматенький малыш!
Жили-были кот да мышка...
Не шалили! Слышишь, миш?
Извинись. Скажи: не буду
Под комоды залезать.
Я куплю тебе верблюда
И зеленую кровать.
Самый мой любимый бантик
Пояжу тебе на грудь:
Будешь милый, будешь франтик,—
Только ты послушным будь...
Что, молчишь? Возьмем-ка щетку —
Надо все соринки снять,
Чтоб скорей тебя, уродку,
Я могла расцеловать.

1916

10

ХРАБРЕЦЫ

У пруда по мягкой травке
Ходит маленький Васюк.
Ходит-смотрит: здесь паук,
Там дерутся две козявки,
Под скамейкой красный гриб,
На мостках сидят лягушки,
А в воде так много рыб
Мельче самой мелкой мушки.
Надо всё пересмотреть,
Перетрогать, повертеть...
Ведь лягушки не кусают?
Пусть попробуют... Узнают!

А лягушки на мостках
Не спускают глаз с мальчишки:
Страшный, толстый.... Прут в руках,
Ярко-красные штанишки...
Из-под шапочки крючком
Вьется, пляшет чубик рыжий...

Сам к мосткам бочком, бочком,
Подбирается всё ближе.
Ведь мальчишки не кусают?
Пусть попробует... Узнает!

1913

11

СНЕЖНАЯ БАБА

Воробьи в кустах дерутся.
Светит солнце, снег — как пух.
В васильковом небе вьются
Хороводы снежных мух.
Гриша дома, у окошка.
Скучно в комнате играть!
Даже, вон, лентяйка кошка
С печки в сад ушла гулять.
Няня гладит маме юбку...
«Гриша, Гриша, ты — куда?»
Влез он в валенки и в шубку,
Шапку в руки и айда!

Руки в теплых рукавчиках,
Под лопатой снег пищит...
Снег на лбу и на ресничках,
Снег щекочет, снег смешит...
Вырос снег копной мохнатой,
Гриша бегаёт кругом,
То побьет бока лопатой,
То, пыхтя, катает ком...
Фу, устал. Еще немножко!
Брови — два пучка овса...
Глазки — угли, нос — картошка,
А из елки — волоса.
Вот так баба! Восхищенье.
Гриша пляшет. «Ай-да-да!»
Воробьи от удивленья
Разлетелись кто куда.

В тихой детской так тепло,
Стекла снегом замело.
Синеглазая луна
Вылезает из окна...

Ветер прыгает по крыше...
Отчего не спится Грише?
Встал с кровати босиком
(Ай, как скользко на полу!)
И по комнате бегом
Поскорей-скорей к стеклу:
За окном — сосульки льду...
Страшно холодно в саду!
Баба, бедная, не спит,
Посинела и дрожит.

Раз! Одеться Грише — миг.
В угол шмыг,
Взял в охапку
Кофту, дедушкину шапку,
Старый коврик с сундука,
Два платка,
Чью-то юбку из фланели
(Что тут думать в самом деле!)
И скорей-скорее в сад,
Через бревна и ухабы,
Через дворницкую Шавку,
Через скользкую канавку.
Добежал и сел у бабы:
«Вот! Принес тебе наряд...
Одевайся... Раз и раз!
Десять градусов сейчас»...

Ветер смолк. В саду светло...
Гриша бабу всю закутал,
Торопился, перепутал —
Всё равно, ведь ей тепло:
Будет юбка на груди
Или кофта позади...
«До свиданья! Спи теперь».
Гриша марш домой — и в дверь,
Пробежал вдоль коридора,
Вмиг разделся, скоро-скоро,
И, довольный,— хлоп в кровать,
Спать!

⟨1917⟩

ПЛАКСА

Визг и слезы. По дорожке
 Мчатся голенькие ножки.
 Пляшут бантики на юбке,
 Нос горит, раскрыты губки.
 Вот блоха!

Уронила с маком пышку,—
 Испугалась пе-ту-ха!..
 То ли дело быть мальчишкой —
 Ха-ха-ха!

<1921>

Зимою всего веселей
 Сесть к печке у красных углей,
 Лепешек горячих поесть,
 В сугроб с голенищами влезть,
 Весь пруд на коньках обежать
 И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей
 Кричать средь зеленых полей,
 С барбоской сидеть на холме
 И думать о белой зиме,
 Пушистые вербы ломать
 И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей
 Вишневый обкусывать клей,
 Купаясь, всплывать на волну,
 Гнать белку с сосны на сосну,
 Костры разжигать у реки
 И в поле срывать васильки...

Но осень еще веселей!
 То сливы сбиваешь с ветвей,
 То рвешь в огороде горох,
 То взроешь рогатиной мох...
 Стучит молотилка вдали —
 И рожь на возах до земли...

<1921>

ИМЯ

Как назвать котенка?
 Тигром иль Мышонком?
 Пупсом или Маем?
 Или Дзинь Ли-дзянь?
 Спрашивала кукол,—
 Говорят: «Не знаем!»
 Спрашивала дядю,—
 Говорит: «Отстань!»

Целый день брожу я,
 Целый день шепчу я:
 Гришей или Мишей?
 Криксой иль Жучком?
 А ему всё шутки:
 Слезет с писком с крыши
 И бежит, как шарик,
 К блюдцу с молоком.
 Погоди, плутишка,
 Развернем-ка книжку,—
 Что нам попадетсЯ,
 Так и назовем...
 Имя по капризу!
 Третья строчка снизу —
 Раз-два-три-четыре,—
 Что-то мы найдем?
 Ха-ха-ха, коташка,
 Рыжая мордашка,—
 Будешь называться
 Ты По-но-ма-рем!

<1921>

ВОЛК

Вся деревня спит в снегу,
 Ни гугу.
 Месяц скрылся на ночлег,
 Вьется снег.

Ребятишки все на льду,
На пруду.
Дружно саночки визжат —
Едем в ряд!

Кто — в запряжке, кто — седок,
Ветер в бок.
Растянулся наш обоз.
До берез.

Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!»
Стали санки, хохот смолк,—
«Братцы, волк!..»

Ух, как брызнули назад!
Словно град.
Врассыпную все с пруда —
Кто куда.

Где же волк? Да это пес —
Наш Барбос!
Хохот, грохот, смех и толк:
«Ай да волк!»

⟨1921⟩

16

ПРИСТАВАЛКА

— Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
— Отчего у кошки
Вместо ручек ножки?
— Отчего шоколадки
Не растут на кровати?
— Отчего у няни
Волоса в сметане?
— Отчего у птичек
Нет рукавичек?
— Отчего лягушки
Спят без подушки?..

— Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка.

⟨1912⟩

НА КОНЬКАХ

Мчусь, как ветер, на коньках
 Вдоль лесной опушки...
 Рукавицы на руках,
 Шапка на макушке...
 Раз-два! Вот и поскользнулся...
 Раз и два! Чуть не кувыркнулся...
 Раз-два! Крепче на носках!
 Захрустел, закрюкал лед,
 Ветер дует справа.
 Елки-волки! Полный ход —
 Из пруда в канаву...
 Раз-два! По скользкой дорожке...
 Раз и два! Веселые ножки...
 Раз-два! Вперед и вперед...

⟨1913⟩

ПЕРЕД СНОМ

Каждый вечер перед сном
 Прячу голову в подушку:
 Из подушки лезет гном
 И везет на тачке хрюшку,
 А за хрюшкой дракон,
 Длинный, словно макарона...
 За драконом — красный слон,
 На слоне сидит ворона,
 На вороне — стрекоза,
 На стрекозке — тетя Даша...
 Чуть прижму рукой глаза —
 И сейчас же все запляшут!
 Искры прыгают снопом,
 Колесом летят ракеты,
 Я смотрю, лежу ничком
 И тихонько ем конфеты.
 Сердцу жарко, нос горит,
 По ногам бегут мурашки,
 Тьма кругом, как страшный кит,
 Подбирается к рубашке...
 Тише мышки я тогда.

Зашуршишь — и будет баня
Няня хитрая,— беда.
Всё подсмострит эта няня!
«Спи, вот встану, погоди!»
Даст щелчка по одеялу,
А ослушаешься — жди
И нашлепает, пожалуй!

⟨1921⟩

753—760. ⟨ИЗ ЦИКЛА «ЗВЕРЮШКИ»⟩

1

ЧТО КОМУ НРАВИТСЯ

«Эй, смотри, смотри — у речки
Сняли кожу человечки!» —
Крикнул чижик молодой.
Подлетел и сел на вышке,—
Смотрит: голые детишки
С визгом плещутся водой.

Чижик клюв раскрыл в волнение,
Чижик полон удивленья:
«Ай, какая детвора!
Ноги — длинные болталки,
Вместо крылышек — две палки,
Нет ни пуха, ни пера!»

Из-за ивы смотрит заяц
И качает, как китаец,
Удивленной головой:
«Вот умора! Вот потеха!
Нет ни хвостика, ни меха...
Двадцать пальцев! Боже мой...»

А карась в осоке слышит,
Глазки выпучил и дышит,—
«Глупый заяц, глупый чиж!..
Мех и пух, скажи пожалуй...
Вот чешуйки б не мешало!
Без чешуйки, брат, шалишь!»

⟨1921⟩

ГАЛЧАТА

На заборе снег мохнатый толстой грядочкой лежит.
Налетели вмиг галчата... Ух, какой серьезный вид!

Ходят боком вдоль забора, головенки изогнув,
И друг дружку скоро-скоро клювом цапают за клюв.

Что вы ссоритесь, пичужки? Мало ль места вам кругом —
На березовой макушке, на крыльце и под крыльцом.

Эх, когда б я сам был галкой — через форточку б махнул
И веселую нырлялкой в синем небе потонул...

⟨1921⟩

СЛОН

«Слоник, слоник, настоящий слон живой,—
Отчего ты всё качаешь головой?»

— «Оттого что, потому что, потому —
Всё я думаю, дружок, и не пойму...

Не пойму, что человек, такой малыш,
Посадил меня в клетушку, словно мышь...

Ох, как скучно головой весь день качать!
Лучше бревна дали б, что ли, потаскать...»

— «Слоник, слоник, не качай ты головой!
Дай мне лучше поскорее хобот свой...

Я принес тебе из бархата слона,
Он хоть маленький, но милый. Хочешь? На!

Можешь мыть его, и нянчить, и лизать...
Ты не будешь головой теперь качать?..»

⟨1921⟩

ВОРОБЕЙ

Воробей мой, воробьишка!
Серый, юркий, словно мышка.
Глазки — бисер, лапки — врозь,
Лапки — боком, лапки — вкось...

Прыгай, прыгай, я не трону —
Видишь, хлебца накрошил...
Двинь-ка клювом в бок ворону,
Кто ее сюда просил?

Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, еще чуть-чуть...
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку, и на грудь.

Подружись со мной, пичужка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под вьюшкой,
Будем азбуку учить...

Ближе, ну еще немножко...
Фурх! Удрал... Какой нахал!
Съел все зерна, съел все крошки
И спасибо не сказал.

<1921>

Что ты тискаешь утенка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головушку,
Рвется прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку,—
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черед?

Взял тебя бы крепко в лапу,
Языком бы стал лизать,
Ух, как стал бы звать ты папу,
И брыкаться, и кричать!..

Ты снеси утенка к утке,
Пусть идет купаться в пруд,—
Лапы мальчика не шутка,
Чуть притиснешь — и капут.
<1921>

6

ЖЕРЕБЕНОК

Хвост косичкой,
Ножки — спички,
Оттопырил вниз губу...
Весь пушистый,
Золотистый,
С белой звездочкой на лбу.
Юбку, палку,
Клок мочалки —
Что ни видит, всё сосет.
Ходит сзади
Тети Нади,
Жучку дразнит у ворот.
Выйдет в поле —
Вот раздолье!
Долго смотрит вдаль — и вдруг
Взвизгнет свинкой,
Вскинет спинкой
И галопом к маме в луг.
<1921>

7

ТЕЛЕНОК СОСЕТ

Пришла во двор корова:
«Му! Я здорова,
Раздуты бока,—
Кому молока?»
Прибежал теленок.
Совсем ребенок:
Лбом вперед,
Мордой в живот,
Ножками пляшет,
Хвостиком машет...

Сосет!
То мимо, то в рот.
Недовольна корова,
Обернулась к нему
И смотрит сурово:
«Му-у!
Куда ты спешишь,
Глупыш?..»
(1921)

8
КТО?

«Ну-ка, дети!
Кто храбрее всех на свете?»
Так и знал — в ответ все хором нараспев:
«Лев!»
— «Лев? Ха-ха... Легко быть храбрым,
Если лапы шире швабры.
Нет, ни лев, ни слон... Храбрее всех малыш —
Мышь!
Сам вчера я видел чудо,
Как мышонок влез на блюдо
И у носа спящей кошки
Не спеша поел все крошки.
Что!»

(1921)

761—767. **〈ИЗ ЦИКЛА «ПЕСЕНКИ»〉**

1
ВЕЧЕРНИЙ ХОРОВОД

Добрый вечер, сад-сад!
Все березы спят-спят,
И мы скоро спать пойдем,
Только песенку споем.

Толстый серый слон-слон
Видел страшный сон-сон,
Как мышонок у реки
Разорвал его в клочки...

А девочкам, дин-дон,
Пусть приснится сон-сон,
Полный красненьких цветов
И зелененьких жучков!

До свиданья, сад-сад!
Все березки спят-спят...
Детям тоже спать пора —
До утра!

<1912>

2

МАМИНА ПЕСНЯ

Синий-синий василек,
Ты любимый мой цветок!
У шумящей желтой ржи
Ты смеешься у межи,
И букашки над тобой
Пляшут радостной гурьбой.

Кто синее василька?
Задремавшая река?
Глубь небесной бирюзы?
Или спинка стрекозы?
Нет, о нет же... Всех синей
Глазки девочки моей:

Смотрит в небо по часам,
Убегает к василькам.
Пропадает у реки,
Где стрекозы так легки,—
И глаза ее, ей-ей,
С каждым утром всё синей.

<1921>

3

ПЕСНЯ ВЕТРА

В небе белые овечки...
Гу! Я дунул и прогнал.
Разболтал волну на речке,
Ветку с липы оборвал...

Покачался на осинке —
Засвистал и марш вперед.
Наклоняй-ка, лес, вершинки —
Еду в город на восход!

Вею-рею,
Вверх за тучу, вбок и вниз...
Дую-вею,
Вот и город. Эй, очнись!

Дал старушке под коленку,
С визгом дунул через мост,
Грохнул вывеской о стенку,
Завернул собаке хвост.
Эй, горбун, держи-ка шляпу...
Понеслась вдоль лавок в грязь!..
Вон, вытягивая лапу,
Он бежит за ней, бранясь.

Вею-рею!
Раскачал все фонари!
Дую-вею!
Кто за мною? Раз, два, три!..

Здравствуй, Катя! Ты из школы?
Две косички, кнопкой нос.
Я приятель твой веселый...
Сдернуть шапочку с волос?
Взвею фартучек твой трубкой,
Закручу тебя волчком!
Рассмеялась... Ну и зубки...
Погрозил кулачком...

Вею-рею!
До свиданья. Надо в лес...
Дую-вею!
Через крыши, вверх всё выше,
Вверх всё выше, до небес!

<1921>

ДОЖДИК

Летний дождик хлещет в крышу
 По железным по листам.
 Слышу, слышу!
 Тра-та-та-та, трам-там-там!

Скину тесные сапожки
 И штанишки засучу...
 По канавке вдоль дорожки
 С визгом рысью поскачу.

Эва! Брызги, словно змейки!
 Вся канава в пузырях,
 Дождик пляшет на скамейке,
 Барабанит в лопухах.

Поливалкою колючей
 Промочил меня насквозь...
 Солнце вылезло из тучи!
 Солнце высушит — не бойсь!

<1921>

СВЕРЧОК

Что поет сверчок за печкой?
 «Тири-тири, надо спать!»
 Месяц выбелил крылечко
 И взобрался на кровать...
 Он в лицо Катюше дышит:
 «Ты, коза, — закрой глаза!»
 Катя слышит и не слышит.
 За окном шуршит лоза.
 Кто там бродит возле дома?
 Мишка с липовой ногой,
 Дочка сна, колдунья-дрема?
 Черт ли с Бабою-Ягой?
 Ветер просит за трубою:
 «Ты! Мне холодно! Пусти!..»
 Это что еще такое?
 В лес на мельницу лети...

Катя ждет, поджав коленки.
Тишина... И вот опять
Друг-сверчок запел со стенки:
«Тири-тири... надо спать!»

⟨1921⟩

6

КОНЦЕРТ

Мы — лягушки-кваксы,
Ночь чернее ваксы...
Шелестит трава.
Ква!

Раззевайте пасти,—
Больше, больше страсти!
Громче! Раз и два!
Ква!

Красным помидором
Месяц встал над бором.
Гукает сова...
Ква!

Под ногами кочки,
У пруда — цветочки.
В небе — синева.
Ква!

Месяц лезет выше.
Тише-тише-тише,
Чуть-чуть-чуть-едва:
Ква!..

⟨1921⟩

7

ЗЕЛЕННЫЕ СТИХИ

Зеленеют все опушки,
Зеленеет пруд.
А зеленые лягушки
Песенку поют.

Елка — сноп зеленых свечек,
Мох — зеленый пол.
И зелененький кузнечик
Песенку завел...

Над зеленой крышей дома
Спит зеленый дуб.
Два зелененькие гнома
Сели между труб.

И, сорвав зеленый листик,
Шепчет младший гном:
«Видишь? Рыжий гимназистик
Ходит под окном.

Отчего он не зеленый?
Май теперь ведь... Май!»
Старший гном зевает сонно:
«Цыц! Не приставай».

<1921>

768. ДЕТИ

Ах, сколько на свете детей!
Как звезд на небесном челе...
По всей необъятной земле
Кружятся, как стаи чижей...

Япончата,
Китайчата,
Англичане и французы,
Узкоглазые тунгузы,
Итальянцы и испанцы,
Арапчата, негритята,
Португальцы,—
Перебрали мы все пальцы,
На ногах еще ведь есть,
Да не стоит — всех не счесть.

Все любят сласти, игры и сказки,
Все лепят и строят — подумай, дружок.
У каждого ясные детские глазки,
И каждый смеется и свищет в свисток.

Ах, когда б собрать всех вместе,
Верст на двести
Растянулся б хоровод...

Завертеться б, закружиться,
Сразу всем остановиться,
Отдышаться всем на миг —
И поднять веселый крик.
Птицы б с веток все слетели,
Солнце б дрогнуло вверху,
Муравьи б удрали в щели,
Ветер спрятался б во мху.

⟨1921⟩

С. А. Есенин

769. СЕЛО

(Из Тараса Шевченко)

Село! В душе моей покой.
Село в Украине дорогой
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темно-голубом
Сам бог витает над селом.

⟨1914⟩

770. МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.

Молитва старушки сына поминает,
Сын в краю далеком родину спасает.

Молится старушка, утирает слезы,
А в глазах усталых расцветают грезы.

Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.

На груди широкой брызжет кровь, что пламя,
А в руках застывших вражеское знамя.

И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

⟨1914⟩

771. СИРОТКА

(Русская сказка)

Маша — круглая сиротка.
Плохо, плохо Маше жить,
Злая мачеха сердито
Без вины ее бранит.

Неродимая сестрица
Маше места не дает,
Плачет Маша втихомолку
И украдкой слезы льет.

Не перечит Маша брани,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.

Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда,
И ребята не глядят.

Ходит Маша в сарафане,
Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке
Бусы с серьгами гремят.

Сшила Маша на подачки
Сарафан себе другой
И на голову надела
Полушалок голубой.

Хочет Маша понарядней
В церковь божию ходить
И у мачехи сердитой
Просит бусы ей купить.

Злая мачеха на Машу
Засучила рукава,
На устах у бедной Маши
Так и замерли слова.

Вышла Маша, зарыдала,
Только некуда идти,
Побежала б на кладбище,
Да могилки не найти.

Замела седая вьюга
Поле снежным полотном,
По дороженькам ухабы,
И сугробы под окном.

Вышла Маша на крылечко,
Стало больно ей невмочь.
А кругом лишь воеет ветер,
А кругом лишь только ночь.

Плачет Маша у крылечка,
Притаившись за углом,
И заплаканные глазки
Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа.
Злится Дедушка-Мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,
Ярким светом заиграл.
Видит Маша — на приступке
Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья
Маша глазки подняла
И застывшими руками
Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко
Отворяет дверь рукой —
А с высокого сугроба
К ней бежит старик седой.

«Эй, красавица, постой-ка,
Замела совсем пурга!
Где-то здесь вот на крылечке
Позабыл я жемчуга».

Маша с тайною тревогой
Робко глазки подняла
И сказала, запинаясь:
«Я их в фартук собрала».

И из фартука стыдливо,
Заслонив рукой лицо,
Маша высыпала жемчуг
На обмерзшее крыльцо.

«Стой, дитя, не сыпь, не надо,—
Говорит старик седой,—
Это бисер ведь на бусы,
Это жемчуг, Маша, твой».

Маша с радости смеется,
Закраснелась, стоит,
А старик, склонясь над нею,
Так ей нежно говорит:

«О дитя, я видел, видел,
Сколько слез ты пролила
И как мачеха лихая
Из избы тебя гнала.

А в избе твоя сестрица
Любовалася собой
И, расчесывая косы,
Хохотала над тобой.

Ты рыдала у крылечка,
А кругом мела пурга,
Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.

За тебя, моя родная,
Стало больно мне невмочь
И озлобленным дыханьем
Застудил я мать и дочь.

Вот и вся моя награда
За твои потоки слез...
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь Дедушка-Мороз».

И исчез Мороз трескучий...
Маша жемчуг собрала
И, прислушиваясь к вьюге,
Постояла и ушла.

Утром Маша рано-рано
Шла. могилушку копать,
В это время царедворцы
Шли красавицу искать.

Приказал король им строго
Обойти свою страну
И красавицу собою
Отыскать себе жену.

Увидали они Машу,
Стали Маше говорить,
Только Маша порешила
Прежде мертвых схоронить.

Тихо справили поминки,
На душе утихла боль,
И на Маше, на сиротке,
Повенчался сам король.

⟨1914⟩

772. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В этот лес замороженный,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше — лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..

<1914>

773. ЧЕРЕМУХА

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень прятая
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

⟨1915⟩

774. ПОБИРУШКА

Плачет девочка-малютка у окна больших хором,
А в хоромех смех веселый так и льется серебром.
Плачет девочка и стынет на ветру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает капли слез.

Со слезами она просит хлеба черствого кусок,
От обиды и волненья замирает голосок.
Но в хоромех этот голос заглушает шум утех,
И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех.

⟨1915⟩

775. БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели...
Ну а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж, сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело,—
Говори да говори.

⟨1915⟩

1

ВОРОБЫШКИ

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

<1910>

2

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

⟨1914⟩

3

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

⟨1916⟩

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

<1913>

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

〈1914〉

6

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

〈1916〉

7

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

〈1914〉

По́ лесу леший кричит на сову.
 Прячутся мошки от птичек в траву
 Ау!

Спит медведиха, и чудится ей:
 Колет охотник остройгой детей.
 Ау!

Плачет она и трясет головой:
 «Детушки-дети, идите домой».
 Ау!

Звонкое эхо кричит в синеву:
 «Эй ты, откликнись, кого я зову!»
 Ау!

⟨1916⟩

За рекой горят огни,
 Погорают мох и пни.
 Ой, купало, ой, купало,
 Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —
 Жалко летошней весны.
 Ой, купало, ой, купало,
 Жалко летошней весны

А у наших у ворот
 Пляшет девок корогод.
 Ой, купало, ой, купало,
 Пляшет девок корогод.

Кому горе, кому грех,
 А нам радость, а нам смех.
 Ой, купало, ой, купало,
 А нам радость, а нам смех

⟨1916⟩

МОЛОТЬБА

Вышел зараня дед
 На гумно молотить:
 «Выходи-ка, сосед,
 Старику подсобить».

Положили гурьбой
 Золотые снопы.
 На гумне вперейбой
 Зазвенели цепи.

И ворочает дед
 Немолоченый край:
 «Постучи-ка, сосед,
 Выбивай каравай».

И под сильной рукой
 Вылетает зерно.
 Тут и солод с мукой,
 И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
 Эта доля дана.
 Тучен колос сухой —
 Будет брага хмельна.

<1916>

786

Заметает пурга
 Белый путь.
 Хочет в мягких снегах
 Потонуть.

Ветер резвый уснул
 На пути;
 Ни проехать в лесу,
 Ни пройти.

Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил,
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к березоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

⟨1918⟩

В. Ф. Ходасевич

787. АНГЛИЙСКАЯ ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Если б было нам дано
Все моря вместить в одно,—
Вот бы вышел океан!
Вот бы встал над ним туман!
Если б только мы могли
Изо всех дерев земли
Сделать дерево одно,—
Вот бы высилось оно!
Топоры бы все собрать
Да из всех один сковать,
С рукояткою одной,—
Вот бы был топор большой!

Если б разом волшебство
Превратило бы в одно
Всех людей из разных стран,—
Вот бы вышел великан!
Если б *этим* топором
Это дерево потом
Подрубил бы великан
Да столкнул бы в океан,—
Вот ужасный был бы треск!
Вот бы громкий вышел всплеск!
<1917>

788. РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕКА С МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ЕСТ ЕГО КНИГИ

Мой милый книжник, ты совсем
Опять изгрыз два тома. Ловок!
Не стыдно ль пользоваться тем,
Что не люблю я мышеловок!

Хоть бы с меня пример ты брал!
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве ты хоть раз видал,
Что я грызу их, как коврижки?

Из книг мы знаем, как живут
Индейцы, негры, эскимосы;
В журналах люди задают
Друг другу умные вопросы:

Где путь в Америку лежит?
Как ближе: морем или сушей?
Ну, словом,— вот тебе бисквит,
А книг, пожалуйста, не кушай.

<1918>

В. Я. Брюсов

789—793. <ИЗ ЦИКЛА «КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ»>

1

ЗЕЛЕНый ЧЕРВЯЧОК

Как завидна в час уныный
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колышет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежимся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,
Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь — свободна, смерть — легка.

Нынче — зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.

13 июня 1900

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал,— свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше — утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

КОЛЯДА

Б а б а - Я г а

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века — ага! ага!

К о щ е й

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да щей
Ем стрекоз и мышей.

С о л н ц е

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.

Утренняя звезда
Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

Месяц

Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Всё давно приметил,
Сам и зорок и светел.

Звезды

Мы звездочки частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.

Радуга

Распустив волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.

Дед

Мы пришли,
Козу привели,—
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

4

УТРО

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.

Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!

Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.

25 июня 1900

5

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

В миг пред грозой набегающий трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.

Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Всё на земле в ожиданье, в тревоге.
В небе и блеск и величье.

Капель начальных послышится лепет,
Волен, певуч, многовесен...
В миг пред грозой набегающий трепет —
Это ль предчувствие песен?

Июнь—июль 1900

794. ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что́ под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

795. ДВЕ ГОЛОВКИ

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки — праздные,
Как цветки на взгляд.

Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.

Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.

Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий,—
Шелк головок двух!

15 июля 1915
Бурково

1

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад,—
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все во всем — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,
Старше в круге нет...

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей,
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней,—

Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновец сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить.

И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждется на вас!

Июль 1918

2

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роше робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Ты не бойся, здесь кроватка,
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

1919

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании делается первая попытка выделить из общего фонда русской поэзии одну ее область — поэзию, обращенную к детям. В издательской практике, начиная с XIX в., имелись поэтические сборники, адресованные юному читателю. Обычно они включали не только стихи, написанные специально для детей, но гораздо более широкий круг поэтических произведений, которые — по мысли составителей — представляли интерес для детского читателя и были ему доступны. Так, одна из первых книг подобного рода — «Цветник. Избранные стихотворения в пользу и удовольствие юношеского возраста» (М., 1816) — содержала «взрослые» стихи К. С. Шахматова, Д. И. Хвостова, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Ф. Глинки и др. Еще больше расширил круг имен издатель «Русской стихотворной хрестоматии для юношества» В. Золотов (М., 1829): здесь русская поэзия представлена именами М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского и др. Огромное количество книг разного объема, обращенных и к самым маленьким, и к более старшим читателям, выходило в конце XIX — нач. XX в. Среди них были издания, подготовленные с большим вкусом, носившие отпечаток большой культуры («Избранные стихотворения для детей» / Сост. Н. Ф. Езерский. Спб., 1911; «Жемчужины русской поэзии» / Сост. М. Лемке. Спб., 1913), были и такие, которые отличались случайным подбором и невысоким уровнем стихов. Но так или иначе все они носили характер антологий и имели точную и определенную цель: познакомить детей с образцами русской поэзии начиная со стихов Державина, Крылова и Пушкина и кончая произведениями поэтов начала XX в.

Перед составителем настоящей книги стояла другая задача: выявить и представить в определенной системе русскую поэзию, обращенную непосредственно к детской аудитории. Основным критерием, по которому стихи определялись нами как детские, предназначенные детям, была публикация их авторами в специальных изданиях для детей. В первую очередь речь идет здесь о многочисленных журналах (начиная с первого — «Детское чтение для сердца и разума», 1875—1889), получивших особенное распространение в конце XIX — нач. XX века; адресованным детям альманахах, сборниках, авторских книгах. Таким образом, настоящая книга сложилась из материала, изначально предназначенного детям, рассчитанного на детское сознание, детский слух и восприятие. Исключение составляет несколько стихотворений XIX века, напечатанных первоначально в изданиях для «взрослых», но ставших со временем в сознании любого читателя (и взрослого тоже) подлинно детскими: без них трудно представить себе русскую поэзию для детей, в детской среде они

приобрели характер как бы народных. Это «Птичка» Ф. А. Туманского, «Нива» Ю. В. Жадовской, «Крестьянские дети» Н. А. Некрасова, «Кот поет, глаза прищуря...», «Мама, глянь-ка из окошка...», «Рыбка» А. А. Фета, «Месяц и солнце» Я. П. Полонского, «Детство веселое, детские грезы...» И. С. Никитина, «Вот моя деревня...» И. З. Сурикова. Характерно в этом смысле замечание, сделанное современником Туманского, Д. Языковым, о его «Птичке»: «Поэт Туманский (...) Это имя мало знакомо для людей взрослых или основательно позабыто. Но назовите его ребенку, начинающему учиться, успевшему осилить букварь и приняться за первую хрестоматию, и если этот читатель от природы внимателен, вдумчив, то он вам скажет, что Туманский написал „Птичку“».

Представленный корпус текстов обусловлен ограниченными возможностями настоящего издания, за пределами его оставлено множество произведений, обладающих не меньшими достоинствами. По той же причине оказалось невозможным привести все варианты, которые значительно обогатили бы представление о содержании и поэтических особенностях многих текстов. Лишь в редких случаях приводятся в примечаниях фрагменты, дополняющие публикуемые тексты.

Книга открывается текстами из народной поэзии и в дальнейшем строится по основным историческим периодам. Границы между разделами, конечно, условны. Рубежом является Октябрь: с этого времени начинается новый этап в истории детской литературы, детской поэзии.

В книге с большим количеством авторских имен всегда возникает проблема расположения их в определенной последовательности: ориентиром здесь, как правило, служило начало вступления поэта на литературный путь или принадлежность его к определенному кругу поэтов. Иногда это правило нарушалось несоответствием начального периода творчества поэта и вовлечением его в работу для детей: в подобных случаях мы руководствовались последним обстоятельством. Внутри каждого авторского раздела стихотворения расположены в хронологическом порядке. Исключением являются случаи, когда автор в изданиях для детей располагал их в иной последовательности. Дата написания стихотворения ставится или по авторскому указанию, или, если его нет, по времени первой публикации, в угловых скобках.

При подготовке раздела «Из народной поэзии» главная задача состояла в том, чтобы дать образцы всех основных жанров и жанровых разновидностей русского детского фольклора, отобрав при этом из массы поэтического материала разного качества тексты, наиболее типичные для классической фольклорной традиции, художественно полноценные и в то же время отвечающие требованиям научной достоверности и надежности записи. Источниками для отбора явились классические фольклорные собрания XIX—XX веков (Бессонов, Шейн-1, Шейн-2, Виноградов-1, Виноградов-2),¹ публикации подлинных фольклорных записей в научной периодике, областные фольклорные сборники нашего времени (Акимова, Тонков, Бахтин, Фридрих). При отборе тех или иных текстов, особенно старых записей, составитель частично опирался на суждения о них авторитетных специалистов по детскому фольклору (труды О. И. Капицы, Э. С. Литвин, А. Н. Мартыновой, М. Н. Мельникова, М. Ю. Новицкой).

Знакомство с многочисленными источниками выявило один огорчительный факт в собирании и публикации детского фольклора: ряд произведений (считалок, игровых песен и т. п.), хорошо известных едва ли

¹ Расшифровку сокращенных ссылок см. в списке условных сокращений, с. 664.

не каждому по детским воспоминаниям, входивших в детский репертуар многих поколений, тем не менее не отражен в известных нам публикациях и потому не мог войти в настоящее издание. Пробел в этом отношении частично восполняет недавний сборник В. Бахтина, откуда нами взято много текстов, более нигде не публиковавшихся.

Фольклорные тексты сгруппированы по их жанровой принадлежности. Порядок расположения отчасти соответствует возрастной градации «адресатов» произведений (колыбельные, пестушки и потешки адресованы младенческому возрасту, другие виды — младшему и среднему), отчасти отражают наличие между ними функциональных и поэтических связей. В разделе «Обрядовые. Заклички» сначала помещены тексты, исполнявшиеся в определенное время года и относящиеся к календарным датам, затем — тексты, содержание которых было связано с явлениями природы и типовыми бытовыми событиями.

Во всех случаях, когда тексты песен, стихов связаны с типовыми обстоятельствами детского быта, с играми и т. п., в примечаниях приводятся соответствующие пояснения, взятые из тех же источников, откуда и сами тексты.

Следует иметь в виду, что в живом бытовании одни и те же песни и стихи могли выступать в разных ситуациях и выполнять различные функции (игровые становились считалками, могли утрачивать связь с игрой и т. д.), при этом содержание их варьировалось, возникали различные контаминации. Отсюда — условность отнесения некоторых текстов к определенному жанру.

При подготовке раздела «XVII — начало XVIII века» основным источником явились учебные книги — «Буквари», находящиеся в Рукописном отделе и Отделе редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), использовались тексты, впервые опубликованные А. М. Панченко в книге «Русская силлабическая поэзия» (Л., 1970. «Б-ка поэта». БС).

При подготовке раздела «XVIII — начало XIX века» помимо стихотворений из таких изданий, как «Детское чтение для сердца и разума» или «Детская библиотека» Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова (1773—1775), в корпус книги были введены стихотворения поэтов XVIII в., взятые из собраний сочинений или других сборников стихотворений, обращенные к детскому или юношескому возрасту, такие, как, например, «Письмо к девицам г-же Нелидовой и г-же Борщовой» А. П. Сумарокова, «Послание к детям Николушке и Грушеньке» Г. А. Хованского и т. д.

При подготовке раздела «XIX — начало XX века» были обследованы многочисленные журналы, альманахи, сборники, книги, издаваемые для детского читателя (особенно здесь надо выделить журналы «Родник», «Детское чтение», «Задушевное слово»). В результате этой работы были извлечены забытые стихи, малоизвестные имена, а также страницы в творчестве известных поэтов, не обращавшие на себя внимания.

Большое количество произведений поставило составителя перед проблемой отбора. Критерием здесь служил в первую очередь художественный уровень, но, вместе с тем, учитывалась и степень популярности тех или иных стихов, которые десятилетиями бытовали в детской среде. Неизбежным оказалось большое разнообразие авторов и произведений, иначе трудно было бы увидеть и понять, из чего и как складывалась поэзия для детей, каким путем происходило ее развитие, на каких традициях развивалась она в дальнейшем.

По ходу работы неоднократно возникала следующая текстологическая проблема: обычно решающим аргументом при выборе стихотворения из разных его редакций является то авторское издание, в котором текст

окончательно установился. При подготовке текста для данного издания дополнительная сложность заключалась в следующем: перепечатывая стихотворение, уже опубликованное в журнале для детей, в собр. соч. или в сб. ст-ний, автор подчас вносил изменения, выводящие произведение из круга детского чтения, обращающие его к взрослому читателю. Такие переделки имели место, к примеру, у Бунина, который, скажем, в «Листопаде» или Полн. собр. соч. печатал те же стихи иначе, чем в журнале «Детское чтение». И наоборот: в свою книгу «Сказки. Стихи для детей» А. Блок включил произведения, уже печатавшиеся ранее в других изданиях. Но, придавая им более «детский» характер, внес ряд изменений, в результате чего одно и то же стихотворение стало существовать в двух вариантах. В этих и подобных случаях принимается редакция детского издания. Это не касается стилистических или смысловых авторских поправок.

В подаче текста составитель придерживался принципов «Библиотеки поэта», следуя правилам современной графики, орфографии и пунктуации, но сохраняя фонетические особенности и архаичные формы там, где они имеют смысловое или стилистическое значение.

Справочный аппарат тома состоит из биографических справок об авторах и примечаний к каждому произведению, куда входят сведения библиографического и текстологического характера, а также необходимые комментарии к забытым именам, понятиям, словам. В тех случаях, когда речь идет об известных писателях, биографические сведения ограничиваются минимальной справкой с отсылкой к специальной работе об авторе, преимущественно к изданиям Большой серии «Библиотеки поэта». Вместе с тем вошли имена малоизвестных авторов, сведения о которых приводятся впервые. В некоторых случаях необходимых сведений обнаружить не удалось.

В общий список сокращений выделены только те названия, которые проходят через весь корпус или раздел. Библиографические сведения о каждом отдельном авторе указаны (полностью или в сокращении) в биографических справках или примечаниях к данному автору.

Приношу благодарность Б. Н. Путилову, А. М. Панченко, В. А. Западому за помощь в работе над разделами «Народная поэзия», «XVII — начало XVIII века», «XVIII — начало XIX века»; Л. М. Лотман и зав. читальным залом Рукописного отдела ПД А. Д. Алексею за постоянные консультации; а также сотрудникам Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в особенности — заведующему Отделом обработки и каталогов В. Л. Парийскому, библиографу Л. Ф. Капраловой, заведующей Отделом русского журнального фонда Н. Ф. Сорокиной.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

- Акимова — Фольклор Саратовской области. / Составление Т. М. Акимовой. Саратов, 1946. Кн. 1.
Бахтин — «Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным». Л., 1982.
Бессонов — Бессонов П. Детские песни. М., 1868.
ВЕ — «Вестник Европы».
Вербочки — «Вербочки: Весенний альманах». М., 1913.
Виноград-1 — Виноград Г. «Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии)». Сибирская Живая старина». Этногра-

- фический сборник под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Иркутск, 1934. Вып. 2.
- Виноградов-2 — Виноградов Георгий. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. Кн. 1.
- ВО — «Воспитание и обучение»: Педагогический журнал. Спб., 1866—1917.
- Всх — «Всходы»: Илл. журнал для детей школьного возраста. Спб., 1896—1917. С 1903 г. подзаголовок: Илл. журнал для семьи и школы.
- Галч — «Галчонок»: Детский журнал. Приложение к журналу «Новый Сатирикон». Спб., 1911—1913.
- ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ДДр-1 — «Детский друг»: Журнал для младшего возраста. М., 1904—1907.
- ДДр-2 — «Детский друг»: Журнал для старшего возраста. М., 1904—1907.
- ДлД — «Для детей»: Приложение к журналу «Нива». Пг., 1917.
- ДлМ — «Для малюток»: Приложение к журналу «Игрушечка». Спб., 1889—1891.
- ДМ — «Детский мир»: Литературно-художественное и популярно-научное издание для старшего возраста. Приложение к журналу «Женщина». Спб., 1907—1908.
- ДО — «Детский отдых»: Журнал для детей школьного возраста. М., 1881—1907.
- ДП — «Друг просвещения»: Журнал литературы, наук и художеств. М., 1804—1808.
- ДрД — «Друг детей»: Иллюстрированный журнал для чтения в семье и школе. М., 1902—1907.
- ДСад — «Детский сад»: Приложение к журналу «Воспитание и обучение». Спб., 1873—1887.
- ДУ — «Доброе утро»: Журнал для детей. М., 1909—1918.
- ДЧт — «Детское чтение для сердца и разума». М., 1786—1789.
- ДЧт-1 — «Детское чтение»: Иллюстрированный журнал. Спб., 1869—1906.
- ЕжПД — Ежегодник рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- Елка-18 — «Елка»: Книжка для маленьких детей. «Парус». Пг., 1918.
- Жв — «Жаворонок»: Журнал для детей. Пг., 1913—1923.
- ЖдД — «Журнал для детей». Спб., 1886—1890.
- ЖСт — «Живая старина». Периодическое издание отделения этнографии Русского географического о-ва. Спб., 1890—1917.
- Зв-1 — «Звездочка»: Журнал для детей младшего возраста, посвященный благородным воспитанницам институтов, издаваемый Александрой Ишимовой. Спб., 1845—1849.
- Зв-2 — «Звездочка»: Журнал для детей, посвященный благородным воспитанницам институтов, издаваемый Александрой Ишимовой. Спб., 1850—1863.
- ЗД — «Золотое детство»: Журнал для детей. Спб., 1907—1917.
- ЗСл-1 — «Задушевное слово»: Чтение для детей младшего возраста. Спб., 1876—1917.
- ЗСл-2 — «Задушевное слово»: Чтение для детей старшего возраста. Спб., 1876—1917.
- Игр — «Игрушечка»: Журнал для детей младшего возраста, илл. изд., Спб., 1880—1912.

- Капица — Детский быт и фольклор. Сб. первый. Под ред. О. И. Капицы Л., 1930.
- КЗ — «Красные зори»: Журнал для детей. Пг., 1904—1919.
- КнН — «Книжки недели».
- Кудрявцев — Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. // Нижегородский сб., 1871. Т. 4.
- Машкин — Материалы по этнографии Курской губернии / Подгот. к печати В. И. Резанов. Ч. 3. // «Курский сборник». 1903. Вып. 4 (сборники А. С. Машкина).
- Маяк — «Маяк»: Журнал для детей старшего и среднего возраста с отделом для маленьких. М., «Посредник», 1909—1918.
- Мельников — Мельников М. Н. Русский детский фольклор: Учебное пособие для педагогических институтов. М., «Просвещение», 1987.
- МЖ — «Московский журнал».
- Мирок — «Мирок»: Ежемесячный детский журнал. М., 1902—1917.
- Мл — «Малютка»: Журнал для маленьких детей. М., 1896—1917.
- НДБ — «Новая детская библиотека». Спб., 1827—1830, 1832—1833.
- НП — «Новые поэты». Сборник избранных стихотворений современных поэтов для детей. М., 1907.
- НшД — «Нашим детям». Илл. научно-лит. сб., изд. А. Н. Якоби. Спб., 1873.
- Ог — «Огоньки»: Рождественский альманах для детей младшего возраста. М., 1912.
- ОЗ — «Отечественные записки».
- ОРЯС — сб. Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.
- П — «Подснежник»: Журнал для детского и юношеского возраста. Спб., 1858—1862.
- ПД — Рукописный отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- ПиП — «Приятное и полезное препровождение времени». М., 1794 — 1798.
- ПО — «Путеводный огонек»: Художественно-литературный и научный журнал для среднего возраста. Спб., 1904—1918.
- Покровский — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887.
- Пр-1 — «Проталинка»: Журнал для детей. М., 1914—1917.
- Пр-2 — Сб. стихотворений для детей: Приложение к журналу «Проталинка». М., 1914.
- РВ — «Русский вестник».
- Рдн — «Родник»: Журнал для детей школьного возраста. Спб., 1882—1917.
- РСл-1 — Ушинский К. Д. «Родное слово: Год первый». Спб., 1864.
- РСл-2 — Ушинский К. Д. «Родное слово: Год второй». Спб., 1864.
- Ручеек — «Ручеек»: Детский альманах. М., 1904.
- Св — «Светлячок»: Журнал для детей младшего возраста. М., 1902—1920.
- СВ — «Семейные вечера». Спб., 1864—1898.
- Серебренников — Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебренников. Пермь. 1964.
- Слн — «Солнышко»: Журнал для начальных школ и младшего возраста. Спб., 1905—1917.
- Соболев — Соболев А. Н. Детские игры и песни / Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1914. Кн. XVI.

- СС — «Северное сияние». Пг., 1919—1920.
 СШ-1 — «Семья и школа». Спб., 1871—1888.
 СШ-2 — «Семья и школа». М., 1905—1917.
 Тонков — Фольклор Воронежской области. / Составил В. А. Тонков. Воронеж, 1949.
 Тр — «Тропинка»: Илл. журнал для среднего возраста. Спб., 1906—1912.
 Тр ЭО ОЛЕАЭ — Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
 Фридрих — Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. / Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972.
 Цв — «Цветник». Избранные стихотворения в пользу и удовольствие юношеского возраста. М., 1816.
 Чернышев — Чернышев В. Материалы для изучения говоров и быта Мещевского уезда. // ОРЯС. 1901, т. 70, № 7.
 Шейн-1 — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Часть 1 М., 1870 // ОРЯС. 1901. Т. 70, № 7.
 Шейн-2 — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Спб., 1898. Т. 1, вып. 1.
 ЭО — «Этнографическое обозрение». Издание Этнографического отдела ОЛЕАЭ.
 ЮР — «Юная Россия»: Илл. журнал. Спб., 1906—1918.
 ЮЧ — «Юный читатель»: Илл. журнал для детей старшего возраста. Спб., 1899—1906.

СТИХОТВОРЕНИЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

1. «Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия, вып. 1 (Песни обрядовые)». М., 1911. *Сон, Дремота* (чаще — Дрема) — персонифицированные образы сна, в древних своих истоках — мифические существа. В колыбельных песнях эти персонажи способствуют спокойному состоянию убаюкиваемого, их призывают прийти ребенку «в голова», они сами ищут ребенка, чтобы убаюкать его. *Браный* — из узорочной ткани.

2. ПД. Р. V, колл. 261, п. 1, № 222.

3. ЭО, 1890, кн. 3, в статье: Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии. *Бука* — в колыбельных персонаж, мешающий ребенку спать. Возможно, имеет мифологическое происхождение (одно из названий домового). *Угомон* — покой, отдых, усвоение.

4. Шейн-1.

5. Тонков.

6. ЖСт., 1903, вып. 1—2, в статье: Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда. В источнике в со-

ответствующих местах для имени ребенка оставлено место. Здесь имя вставлено составителем.

7. Тонков.

ПЕСТУШКИ

8. Акимова. Пестушку этого типа приговаривали, поглаживая потягивающегося после сна ребенка.

9. Тр ЭО ОЛЕАЭ. 1877, кн. 4, в статье: Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях.

10. Шейн-1. Посадив ребенка на руку, качали вверх-вниз под мерный напев.

11. Бахтин. Под эти слова ребенка подбрасывали на коленях, а затем делали вид, что роняли.

12. Серебренников. См. примеч. 11.

13. Тонков, в разд. «Тутушкальные» (от «тютюшкать» — пестовать). См. примеч. 11.

14. Шейн-1. Покачивали на коленях, припевая.

15. Бахтин. Приговаривая, пошлепывали ребенка по губам и щеке.

16. Шейн-1, без последних 4-х ст. - Шейн-2. Приговаривая, ребенка водили вдоль лавки, взяв под мышки или за руки. В вар. (Бессонов) после ст. 10: «Топы́, топы́ по лавочке, Цапы, цапы за лапочки».

ПОТЕШКИ

17. Бессонов. Под эту песенку берут обе руки ребенка и хлопают ими в ладоши. При заключительных стихах руки разводят и закидывают за голову.

18. Бессонов. При проговаривании ст. 1—12 водят послуявленным пальцем по ладони ребенка; со ст. 13—16 перебирают по очереди большой, указательный, средний, безымянный пальцы; при словах «этому не досталось» грозят мизинцу. Вар. (Машкин) имеют другое окончание: со словами «тут пень, тут колода, тут мох, тут болото» касаются руки ребенка в разных местах, слегка щекоча; со словами «тут студеная водица!» щекочут под мышкой.

19. Шейн-2. Приговаривают или припевают речитативом, при этом изображают пальцами рога и слегка щекочут ребенка.

ОБРЯДОВЫЕ. ЗАКЛИЧКИ

20. Виноградов-1. На Новый год ребята вдвоем-втроем ходили по домам, пели — «подсевали», получая от хозяев подарки. Песни этого типа сходны с колядками. Наряду с пожеланиями песни могли содержать

«угрозы». Вар. (Виноградов-1): «Не дадите пятака — мы корову за рога, Не дадите гривну — мы коня за гриву».

21. Акимова. Эта и следующая песни по происхождению своему входили в обряд «закликания» весны, который со временем превратился частично в детскую игру: в день 9 марта пекли «жаворонков», «куликов», дети забирались с ними на крыши сараев, на стога, деревья и проч., бегали, размахивая привязанными к шестам «птицами», или подбрасывали их, при этом «закликали» весну. Вар. к ст. 4—7 («Вестник Оренбургского учебного округа», 1915, № 3): «Ручки, ножки познобила, Всю скотину заморила».

22. Чернышев. *Чувиль-виль-виль* — обычное в песнях подражание птичьим голосам. См. примеч. 21.

23. «Труды Курской архивной комиссии». Курск, 1911. Вып. 1, в статье: Рязанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии. Песня типа «веснянок». Их выкрикивали с какого-нибудь высокого места.

24. Бахтин. Этот и аналогичные детские тексты (см. № 25) восходят к древним обрядовым заклинаниям солнца в начале весны.

25. Бессонов.

26. Виноградов-1. Восходит к древним обрядовым закличкам. Дети исполняли обычно, когда дождь начинался или шел слабо. Вар. (Машкин) к ст. 1: «Дождь, дождь, припусти. А мы сядем под кусты». Вар. (Шейн-2) к ст. 5—6: «Дадим тебе ложку, Хлебай понемножку».

27. Бессонов. *Запирала ворота*. В вар. чаще «отпирала»: «Отпирала ворота Крючком, сучком, Подворотничком» (там же).

28. Бессонов.

29. Виноградов-1. Когда дети караулили цыплят, они, завидев коршуна или ястреба, выкрикивали закличку. Вар. песни исполнялись также во время игры в «Коршуна», смысл которой заключался, в частности, в том, что «коршун» при заключительных словах песни должен был поймать «матку».

30. Тр ЭО ОЛЕАЭ. 1878. Кн. 5, вып. 2, в монографии: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Образчик местной (северной) заклички.

31. Бахтин. При этих словах осторожно клали божью коровку на ладонь, приговаривая, пока она не улетала.

СЧИТАЛКИ И ЖЕРЕБЬЕВЫЕ СГОВОРКИ

32. Покровский.

33. Соболев.

34. Виноградов-2.

35. Виноградов-2.

36. Бахтин.

37. Чернышев. Этот и следующий тексты — образчики считалок, в которых ряд слов выступает в специфически искаженной форме, грамматические и смысловые связи нарушены, нет единого сюжета и содержание распадается на отдельные элементы, причем в вариантах смысл этих элементов и даже одинаковых слов меняется. *Первѣнчики, Дружѣнчики* — характерная для считалок форма порядковых числительных: первый, второй. *Трѣнцы* — третий. *Волынцы* — четвертый. *Шѣман* — седьмой. *Тыкинъ, выкинъ* — характерное для считалок парное сочетание слов, из которых одно представляет искаженную форму другого.

38. ЖСт. 1890, вып. 4, в статье: Нечаев И. Игры и песни деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии. *Перводан, Другодан* — первый, второй. *На колоде угадал* — возможно, имеется в виду карточная колода. Ср. вар. (Виноградов-2): «На колоде сыграл, Пятьсот снял». *Пятьсот судьѣ, Пономарь лодѣ* — частично разъясняется через вар. (Шейн-2): «Пятьсот судьев, Пономарь Ульев, Прели-горели, За море летели». *Шшел, вышел* — парное сочетание, где первое слово представляет искаженную форму второго.

39. Соболев.

40. Бахтин.

41. Бахтин. Текст произносится, когда перед игрой формируются две команды. В зависимости от ответа каждый попадает в одну из команд.

42. Бахтин. Текст связан с игрой, при которой, называя одно из предложенных слов, отвечающий попадает в соответствующую команду. См. также № 43.

43. Бахтин. См. примеч. 42.

ИГРОВЫЕ

44. Соболев. Текст выкрикивали или припевали во время игры в горелки. При последних словах очередная пара играющих должна была бежать из ряда, а «горевший» старался помешать им соединиться. В случае, если ему это не удавалось, его дразнили припевкой: «Ярка — не ярка...» (ст. 13—16).

45. Бессонов. Зимняя домашняя игра крестьянских детей: «Позабавиться Захаркой». Дети зажигали лучинки, садились против печки или бегали по избе, размахивая лучинками. Приговорки повторялись, пока лучинки не сгорали. Вар. (Бессонов) к ст. 4—5: «Жена на корове, Дети на телятках, Слуги на собачках».

46. Акимова. Весенняя хороводная игра «Заинька». Текст исполнялся как диалог Заиньки, ходившего внутри круга, с хороводом.

47. Бахтин. Играющие в круг (или в цепочке) под текст производили соответствующие движения.

48. Бахтин. Вариант игры в «Ворота»: играющие цепочкой проходили под «воротами», составленными из двух пар сплетенных рук; в известный момент, совпадающий со словами песни, «ворота» закрывались, кто-либо из участников отсекался от цепочки.

49. Бахтин. Текст открывал игру, в ходе которой отвечавший на вопросы ведущего не должен был улыбаться, говорить «да» и «нет», называть черный и белый цвет. Вопросы задавались до тех пор, пока отвечавший не нарушал условий. Ст. 3—6 употреблялись также в считалках (ср. № 43). Возможно, что они восходят к тексту водевильной песенки («В этой свадебной корзинке Есть помада и косынки...») из водевиля «Узкие башмаки» (пер. с франц. П. С. Федорова). Спб., 1859 (Виноградов-2, С. 132).

50. Виноградов-2. Дети садились в кружок, должны были молчать, даже не улыбаться. Один произносил текст, тому, кто не выдерживал условий игры, кричали: «Съел, съел!» Вар. к началу (там же): «Тише, тише, Кот на крыше, Кошку за уши ведет, Кошка драна, Хвост облез...»

ПЕСНИ-ДИАЛОГИ. СКАЗКИ В СТИХАХ

51. Серебренников.

52. Шейн-2.

53. Кудрявцев. В вар. (Тонков) вместо «люди» — «медведь».

54. РСл-1, с указ.: «Нар. песня». - Бессонов. Печ. по РСл-1, где содержится наиболее популярный вар. Текст, по-видимому, литературно-происхождения. Сюжет «Козлика» привлекал многих авторов. Например, П. А. Висковатов опубликовал большое ст-ние «Бабушкин козлик» с множеством дополнительных подробностей (см.: «Бабушка Татьяна: Люшина первая книжка». Спб., 1899). Вар. Бессонова:

Жил-был у бабушки
Серенький козлик,
Жил-был у бабушки
Серенький козлик,
Вот так,
Вот сяк,
Серенький козлик.

Вздумалось козлику
В лес погуляти,
Вот так,
Вот сяк,
В лес погуляти.
Съели там козлика
Серые волки,
Вот так,
Вот сяк,
Серые волки.

Остались бабушке
Хвостик да рожки,
Вот так,
Вот смяк,
Хвостик да рожки.
На помин к бабушке
Съехались гости,
Вот так,
Вот смяк,
Съехались гости.
Съехались гости,
Хлоп козлик во ши,
Вот так,
Вот смяк,
Хлоп козлик во ши.

55. Бессонов. Образчик так наз. «докучных» сказок, которые строились по принципу возвращения от конца к началу и бесконечных повторений текста. См. также №№ 56, 57.

56. Мельников. См. примеч. 55.

57. Мельников. См. примеч. 55.

ШУТОЧНЫЕ И НЕБЫЛИЧНЫЕ ПЕСНИ

58. Бессонов.

59. Капица.

60. Бессонов.

61. Акимова.

62. Кудрявцев.

63. Бессонов.

64. Фридрих.

ДРАЗНИЛКИ

65. Шейн-2.

66. Бахтин.

67. ОРЯС. 1904, т. 76, № 4, в статье: Тиханов П. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии.

68. Бахтин.

69. Шейн-2.

СКОРОГОВОРКИ

70. Капица.
71. Капица.
72. Фридрих.

ПРИБАУТКИ

73. Капица. Ст. 1—2 использованы А. Т. Твардовским в поэме «Дом у дороги». *Филипповки* — Филиппов пост накануне рождества.

74. Капица. *Жамульки* — род пряников.

XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА

В. Ф. БУРЦЕВ

Василий Федорович Бурцев-Протопопов (даты рожд. и смерти неизвестны) — мастер книжного печатного азбучного дела. С 1633 г., по указанию патриарха Филарета, поступил на московский печатный двор, где получил звание подьячего азбучного дела. Бурцев создал для печатания особый шрифт и азбуку. Из семнадцати книг, на которых стоит его имя («Святцы», «Псалтырь», «Часослов» и др.), наиболее популярным был «Букварь», напечатанный в 1634 г. трудами «многогрешного Василия Федорова, сына Бурцова и прочих трудившихся». В подзаголовке стояло: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания». В течение XVII в. «Букварь» несколько раз переиздавался и в значительной степени положил начало обучению детей. В настоящем издании публикуется часть из «Букваря» — начало, характерное для многих последующих «Букварей» и «Азбук».

75. «Букварь». М., 1634. - - М., 1637. Хранится в ГПБ. *Бысть* — была, был, было. *Дидаскал* — учитель. *Вья* — шея. *Вяци* — больше. *Дражае* — дороже. *Аще* — если. *Аки* — как.

САВВАТИЙ

Савватий (даты рожд. и смерти неизвестны) в течение восемнадцати лет, с 1634 по 1652, служил справщиком (редактором) в Книжной справе московского печатного двора. Есть предположения, что еще до зачисления его в Книжную справу Савватий был известен при дворе. В последние годы ученые обнаружили его многочисленные стихотворные послания (см.: Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия. Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. М.; Л., 1965. Т. 21). Савватий, крупнейший деятель просвещения 1630—1640 гг., участвовал в составлении многих книг, в том числе для детей, таких как «Азбука отпуская», «Прещение вкратце о лености и нерадении». В настоящем издании печатается отрывок из большого стихотворения, содержащий типичное обращение к ученику.

Подробнее см.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Панченко, общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).

76. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. Савватий был домашним учителем князя Михаила Никитича Одоевского (ум. 1653). *Обаче* — впрочем, тем не менее. *Крепостне* — крепче, сильнее, тверже. *Отревати* — отгонять, отвергать. *Паче* — более. *Понеже* — потому что, так как. *Бессмертная наша царица* — душа. *Горé* — вверх, ввысь. *Зде* — здесь. *Таяжде* — потом, затем, после того. *Ти* — тебе. *Зело* — сильно, очень.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Самуил Емельянович Ситнианович-Петровский (1629—1680), уроженец г. Полоцка, двадцати семи лет принял монашество под именем Симеона. Автор более 2000 проповедей, составивших книги «Обед душевный» и «Вечера душевная», произведений драматургического характера, огромной стихотворной энциклопедии «Вертоград многоцветный». Симеон Полоцкий был первым профессиональным писателем в Московском государстве, одним из основоположников силлабического стихосложения. Образованнейший человек своего времени, на протяжении всей жизни он осуществлял огромную просветительскую программу. Многие годы Симеон Полоцкий занимался педагогической деятельностью: учительствовал в братской школе Полоцка, обучал молодых подьячих латыни, грамматике, поэтике, риторике в Заиконоспасском монастыре в Москве; был учителем детей царя Алексея Михайловича — Алексея и Федора, участвовал в воспитании царевны Софьи. Автор многих учебных пособий, среди которых особое место занимает тщательно и любовно сделанный «Букварь» — книга, обращенная к детям.

Подробнее см.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.; Л., 1953.

77. «Букварь». М., 1679. Хранится в ГПБ. *Выну* — постоянно, всегда. *Раны* — удары. *Лепота* — красота. *Велмы* (вельми) — очень, много. *Ю* — ее. *Яже* — которые. *Делеса* — дела. *Всяцей* — всяческой.

78—80. «Русская силлабическая поэзия XVII—XIX веков». Л., 1970 (Б-ка поэта, БС). Здесь высказана идея, характерная для учения Полоцкого: поучающий словом ведет долгим путем, дающий пример делом наставляет кратким путем. *Поучай* — поучающий. *Даяй* — дающий.

КАРИОН ИСТОМИН

Карион Истомин-Заулонский (сер. XVII в.— 1717 или 1722) родился в Курске. В конце 1670-х годов, приняв монашество, поселился в Москве. Указом государя и с благословения патриарха Карион Истомин был назначен в 1682 г. справщиком печатного двора. Там же, в типографской школе, он исполнял должность учителя греческого языка. Проповедник, переводчик, историограф, в последнее десятилетие XVII в. Карион Истомин выделился в Москве на поэтическом и педагогическом поприще. Он создает для детей энциклопедию «Полис» и «Книгу вразумления стихотворными словесы» (была поднесена Петру I, когда ему исполнилось 11 лет). Наибольший успех выпал на долю «Лицевого букваря». Первый рукописный его вариант был поднесен в 1692 году вдове царя Ивана Алексеевича царице Прасковье Федоровне, у которой было три дочери (на главном листе есть указание о том, что он предназначен для отроков и отроковиц). Второй — царице Наталье Кирилловне

для внука, Алексея Петровича. В 1696 г. «Букварь» был напечатан с картинками, резанными на меди известным гравером ружейной палаты Леонтием Бунным. «Букварь» переиздавался много раз, вплоть до XX века. Одна из больших работ Кариона — книга в стихах «Домострой»: вопросы воспитания и поведения детей занимают в нем едва ли не самое большое место.

Подробнее см.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Панченко, общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: РСП.

81. «Лицевой букварь». М., 1694. Хранится в ГПБ. *Лицевой* — иллюстрированный, с картинками. «Лицевой букварь» строился на принципе наглядности. Каждая буква в букваре помещалась на отдельной странице. Рядом с причудливым изображением заглавной буквы шли славянские, греческие, латинские, польские ее изображения. Ниже были нарисованы разные предметы, названия их начинались с буквы, которой была посвящена страница. Глядя на картинку, ученик легко угадывал букву. Расстояние между столбцами служит для обозначения цезуры (паузы) в середине строки. *И в диадимах в благой жизни славни*. Имеются в виду люди державной власти. *Како* — название буквы «К». *Кокошь в требу* — петух для жертвоприношения. *Присно* — навсегда.

82. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1862—1863 годы». Спб., 1862. Вып. 2. -- Печ. по РСП. Это произведение является стихотворным переложением «Домостроя» XVI в. В наст. изд. печатаются вступление, строфы 1, 2, 7, 12, 13, 14 и заключение. В конце каждой строфы указывается количество «наказаний чаду» — поклонов перед иконой. *Дицица* — доска. *Десница* — правая рука. 1. *В своем веце* (веке) — здесь: в определенном возрасте, в свое время. 2. *Елико мощно* — насколько возможно. *Сице* — так. 3. *Брашно* — пища, еда. *Вежство* — вежливость, воспитанность. *Честен явися* — будь почтенным. *Не обращайся* — здесь: не вертись. 5. *Возрастный* — взрослый. *Мечик* — мячик, делался из тряпок или кожи, набивался тряпками, плелся из лык в северных губерниях, из овечьей шерсти. *Кубарь* — небольшой деревянный шар или цилиндр на короткой ножке, который заставляют вертеться, подхлестывая кнутиком. *Городи* — вероятно, игра в мяч, где играющие делятся на две партии и чертится «город», а вне его — «поле». При игре одна партия становится в «город», другая в «поле». Другой вар.: городился «городок» из бабок или пыжей, в виде шестиугольников: «бабий городок» надо было разбить свинцовым или чугунным битком. *Клетки* (или «цари», «царства», «котлы») — «классы», игра с камешком: на гладко утоптанном месте чертится четырехугольник, расчерчивается внутри линиями. С помощью камешка, толкая его и прыгая на одной ноге, надо пройти все расчерченное пространство, пытаясь избежать испытаний в виде «ада», «котла» и т. д. Другой вар.: игра в мяч, когда играющие, кроме одного, водящего, делали каждый для себя круг или «клетку» и перебрасывались мячом. Водящий должен поймать или подобрать упавший мяч, успев запятнать мячом разбегающихся игроков и занять чью-то «клетку». *Плетут*. Имеется в виду игра-путаница, когда один ряд переходит в другой, ряды переплетаются. *Мещут сетки*. Имеется в виду игра, связанная с метанием камешка из самодельной «пращи» (чаще всего делалась из гибкого прута). На Кавказе «праща» — сетка — плетется из шелковых или шерстяных ниток, с ее помощью сбиваются орехи (подробнее см.: Терещенко А. Быт русского народа. Спб., 1848,

Ч. 4; Покровский). *Крат(о)ба* — мошенничество. 6. *Винный, поклоны творя, да не ропщет*. Карион Истомир выступает здесь противником физического наказания, заменяя его поклонами, которые надо было бить перед иконами, сопровождая чтением молитвы. *Бесстрашие* — здесь: свобода от пороков. *Семь тысящ двесте четвертого лета* — дата по древнерусскому, унаследованному от Византии летосчислению «от сотворения мира», соответствует 1696 г. (для перевода на современный календарь следует из числа «от сотворения мира» вычесть 5508 для января — августа или 5509 для сентября — декабря).

Ф. П. ПОЛИКАРПОВ

Федор Поликарпович Поликарпов (род. в конце 1660-х — нач. 1670-х гг.) происходил из «простых» людей, т. е. из служилого сословия. Десяти лет поступил, в числе первых учеников, в греческую типографскую школу (открылась в 1681 г.), где обучался греческому и славянскому чтению и письму. Из числа наиболее способных был переведен в Славяно-греко-латинскую академию, в течение нескольких лет был там учителем. В дальнейшем прошел путь от справщика печатного двора до директора типографии. Писал syllабические стихи, переводил с греческого и латыни, составлял учебники, словари и т. п.

83. «Букварь». М., 1701. Хранится в ГПБ.

Л. Ф. МАГНИЦКИЙ

Леонтий Филиппович Магницкий (1669—1739) — математик, учился в Славяно-греко-латинской академии. После открытия в Москве (1701) школы «математических и навигационных наук» был назначен преподавателем арифметики, геометрии и тригонометрии. Магницкий был известен не только математическими познаниями, но и как человек, образованнейший в различных науках. Его «Арифметика» была необычайно популярна, по существу она является своеобразной учебной энциклопедией.

84. «Арифметика». М., 1708. *Обтицяя* — обтекая, т. е. посещая, обходя. *Верг* (вертоград) — сад. *Штука* — здесь: искусство, прием. *Вредно* — здесь: ошибочно, неточно. *В поли* — здесь: в сражении. *Крин* — лилия.

(ИЗ ВИРШЕЙ ВЫГОЛЕКСИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ)

Старообрядческий монастырь на реке Выге (Олонецкая губерния) в течение полутора веков (1695—1885) был духовным и культурным центром раскольничьего Севера. Выголексинские старообрядцы завели школы, собрали богатейшую библиотеку, устроили книжную мастерскую. Из среды выголексинских старообрядцев выделились писатели, оставившие богатое наследство: проповеди, трактаты, послания, исторические сочинения. Особенное внимание привлекают братья Андрей (1674—1730) и Семен (1682—1741) Денисовы Вторушины-Мышецкие, поддерживающие в своем творчестве традиции syllабического стиха.

Подробнее см.: Русская syllабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Панченко, общая редакция В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970 (Б-ка поэта. БС). Ниже сокращенно: РСРП.

85. «Старообрядческая библиотека. Стихи. Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы». Собрал В. З. Яксанов. Саратов. 1916. Вып. 2, ч. 1, под назв. «Об управлении юности». - - РСП, с незначительными изменениями (где текст печ. по рукописи ПД), приписывается Андрею Денисову.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

86. «Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова». Л., 1934. - - Печ. по РСП. *Выну* — постоянно. *Аки* — как. *Виноград* — здесь: сад. *Живот* — здесь: жизнь. *Забрало* — городское укрепление; стена. *Рало* — соха, плуг. *Оброк* — здесь: приобретение, достаток. *Семидальный* — сделанный из тончайшей муки. *Оцет* — укус. *Воспитахом* — мы воспитали. *Вдохом* — мы дали, мы вложили. *Гроб* — здесь: могила.

XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА

А. П. СУМАРОКОВ

Александр Петрович Сумароков (1717 или 1718 — 1777) — один из основоположников русского классицизма. Писал в разных жанрах, популярных до XVIII в., — лирических (элегия, эклога, песня), сатирических (басня, притча), драматических (трагедия и комедия). Драматические сочинения Сумарокова положили начало русской трагедии и комедии. При создании постоянного Российского театра (1756) был назначен его директором.

Несколько ст-ний Сумароков посвятил воспитанницам Смольного института и той программе воспитания и образования, которую наметила для молодых девиц Екатерина II («Стихи господам девицам первого возраста, воспитываемым в Новодевичьем монастыре, на присутствии их в первый раз в саду ее императорского величества дома», Спб., 1773). Особенный интерес Сумарокова вызывали спектакли на сцене Смольного института. Воспитательная тенденция Сумарокова отчетливо видна в его «Эпистоле Павлу Петровичу 1761 года», обращенной к семилетнему наследнику.

Подробнее см.: Сумароков А. П. Избр. произведения/Вступ. статья, составление и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Берков.

87. Отд. изд. [Спб., б. г.]. В рукописных журналах академической комиссии за 1774 г. это издание указано как уже напечатанное (Берков. С. 565). Ст-ние обращено к воспитанницам Смольного института, созданного указом Екатерины II в 1764 г. при Вознесенском Смольном Новодевичьем монастыре под названием «Воспитательное общество благородных девиц». В программе образования видное место занимало обучение смолянок различным искусствам, всячески культивировалось участие воспитанниц в концертах, пасторальных играх, драматических представлениях. Спектакли и концерты в Смольном институте выявили у нескольких воспитанниц настоящие сценические дарования (см. об этом: Черепнин Н. П. Императорское воспитательное о-во благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914. Спб., 1914. Т. 1—3). В 1773—1776 гг. по заказу И. И. Бецкого (о нем см. ниже) художник Д. Г. Левицкий создал портретную галерею наиболее отличившихся воспитанниц («венки славы смолянок») и изобразил маленьких актрис в обстановке

сцены, в маскарадных костюмах. *Нелидова* Екатерина Ивановна (1758—1839) — камер-фрейлина двора. *Борщова* Наталья Семеновна (в первом браке Мусина-Пушкина, во втором — фон дер Ховен, 1756—1843) — фрейлина двора. *Российская Паллада* — здесь: Екатерина II. *Питомцы возлюбленные муз*. Имеется в виду участие смолянок в спектаклях и концертах на школьной сцене. *Не маня* — не лгья. *Геройски драмы слезны* — трагедии. *Играющим в трагедии моей*. Речь идет о трагедии Сумарокова «Семира», сыгранной смолянками в 1772 г. В «Семире» нашла выражение характерная для трагедий Сумарокова идея подчинения «страсти» — разуму, чувства — долгу. Судя по тексту стихотворения, *Рубановская* Елизавета Васильевна (175?—1797), одна из лучших учениц Смольного института, впоследствии вторая жена А. Н. Радищева, играла заглавную роль. По пьесе она любит отнявшего у ее брата престол Ростислава, роль которого исполняла *Алексеева* Наталья Александровна (в замужестве Буксгевден, 1758—1808), ее муж, граф Ф. В. Буксгевден, был губернатором Петербурга и Риги. *Раздоры* отражают коллизии между этими персонажами: Семира должна все время выбирать между любовью и гражданским долгом. *Молчанова* Екатерина Ивановна (в замужестве Олсуфьева, 1758—1809), впоследствии фрейлина двора, и *Львова* Александра Петровна играли брата Семиры и отца Ростислава. *Арсеньева* Евдокия Дмитриевна (в замужестве Цурькова) *век старый избирает* — играет роль старухи. *Алымова* Глафира Ивановна (в первом замужестве Ржевская, во втором — Маскле, 1758—1826) — фрейлина двора, автор мемуаров о Смольном институте (см. «Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольного монастыря» // «Рус. архив». 1871, кн. 1, вып. 1. С. 2—51). *Левшина* Александра Петровна (в замужестве Черкасская, 1757—1782) — любимица Екатерины II, фрейлина двора. *Заира* — героиня одноименной трагедии Вольтера. *Крин* — цветок лилии. *Лафон* — Софья Ивановна де Лафон, директориса Смольного института. *Бецко* Иван Иванович (1704—1795) — видный деятель просвещения, учредитель ряда сословных воспитательных учреждений, президент Академии художеств (1763—1794), куратор Смольного института. По должности числился начальником «Канторы от строений домов и садов ее величества».

Я. Б. КНЯЖНИН

Яков Борисович Княжнин (1740—1791) — драматург, поэт, переводчик, автор множества тираноборческих антикрепостнических трагедий и комедий и первых музыкальных трагедий («Вадим Новгородский», «Несчастье от кареты», «Орфей», «Титово милосердие» и др.). Многие годы служил секретарем у И. И. Бецкого (см. о нем примеч. 87), принимал участие в руководстве учебными и воспитательными делами Сухопутного шляхетного корпуса, Смольного института, Академии художеств. Публикуемое ст-ние является программным, обобщающим взгляды Княжнина на воспитание молодого поколения.

Подробнее см.: Княжнин Я. Б. Избр. произведения // Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Кулакова.

88. «Утра». 1872, август, подп. «***». -- Собр. соч. Спб., 1787. Т. 3. По замечанию Л. И. Кулаковой, «Послание» развивает идеи, высказанные Княжнинным в «Речи, говоренной в публичном собрании императорской Академии художеств при выпуске из оной питомцев в 1779 году» (Кула-

кова. С: 747). В ГПБ хранится копия «Послания...» под загл. «Епистола к российским питомцам свободных художеств», текст которой является, по-видимому, первонач. ред. ст-ния (см. там же). *Под сению спокойства*. Россия не вела войн с 1775 по 1787 г. *Пигалл* (Пигаль) *Жан Батист* (1714—1785) — французский скульптор. *Минерва* — здесь: Екатерина II. *Север* — здесь: Россия. *Апелл* (Апеллес, IV в. до н. э.) — древнегреческий художник, по преданию, был другом Александра Македонского.

М. Н. МУРАВЬЕВ

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) — поэт, переводчик, государственный деятель. Был учителем великих князей Константина и Александра Павловичей, в царствование Александра I — статс-секретарь императора. С 1803 года товарищ (заместитель) министра народного просвещения и попечитель Московского университета.

Семья Муравьевых дала России замечательных людей, участников декабристского движения. Среди них — сыновья М. Н. Муравьева Никита и Александр, племянник М. С. Лунин; три брата Муравьевы-Апостолы. При жизни Муравьева была опубликована лишь небольшая часть его литературного наследства, между тем, Муравьев одним из первых разрабатывал новые жанры лирической поэзии: элегии, баллады, дружеские послания (он оказал большое влияние на развитие поэтических склонностей своего племянника и воспитанника К. Н. Батюшкова). Муравьев не раз обращался к юному поколению со стихами («Храм Марсов», «Зила»), где на высоких примерах говорил о достоинстве и назначении человека.

Подробнее см.: Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС).

89. «Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева 1775 года», (Спб.). *Довлеет* — должно, надо. *Как сколько* — чем сколько. *Товарищ Фабиев* — Марк Минуций Руф, помощник Квинта Фабия Максима (ум. 203 до н. э.), избранного диктатором Рима в 217 г. до н. э. для борьбы с карфагенским полководцем Ганнибалом (ок. 247—183 до н. э.). Фабий придерживался целесообразной тактики затяжной войны, которая вызвала недовольство римлян. Получив права второго командующего, Минуций перешел к активным действиям, попал в засаду и был разгромлен Ганнибалом.

М. М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) — поэт, драматург, переводчик, издатель. Большая часть его жизни связана с Московским университетом, с 1763 г. он занимает должность директора, с 1778 г. куратора университета. Писал драматические произведения, эпические и дидактические поэмы («Россияда», «Чесмесский бой»), автор поэтических книг «Новые оды», «Философские оды или песни». В них много рассуждений о человеческих добродетелях, но к теме детства поэт обращается по-настоящему лишь в предлагаемом стихотворении.

Подробнее см.: Херасков М. М. Избранные произведения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. В. Западова. Л., 1961 (Б-ка поэта. БС).

90. Цв. Первая публикация не обнаружена.

Г. А. ХОВАНСКИЙ

Григорий Александрович Хованский (1767—1796) — поэт, переводчик, сотрудник журналов И. А. Крылова «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Среди разного рода «Посланий» одно обращено к детям.

91. «Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах». Спб., 1793. - - «Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах». М., 1795.

Н. С. СМЕРНОВ

Николай Семенович Смирнов (1767—1800) — сын крепостного, управляющего именьями князей Голицыных, получил разностороннее домашнее образование, знал несколько иностранных языков. Чтобы избавиться от крепостного состояния, просил об отдале его в солдаты. Получив отказ, бежал, был схвачен, посажен в тюрьму и сдан солдатом в воинские команды Тобольска. С 1788 по 1796 г., в звании сержанта преподавал в солдатских училищах. За три года до смерти был переведен в Иркутск, для работы на суконной фабрике. Свои оригинальные стихотворения и переводы Смирнов печатал в журналах конца XVIII в.: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (Тобольск) и «Приятное и полезное препровождение времени» (Москва).

Подробнее см.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. статья и составление Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки, биографические справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Б-ка поэта, БС). Публикуемое стихотворение в этом изд. отсутствует.

92. Пип. 1795, ч. 5, подп. «Даурец Номохон». - - Цв., подп. «Номохон».

П. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829) — поэт, переводчик. С 1798 года назначен одним из кураторов Московского университета, с 1810 г. — его попечителем. Был членом «Беседы любителей русского слова». В трехтомном «Собрании стихотворений» Голенищева-Кутузова (М., 1803—1804) довольно много стихотворений на темы детства. Большинство из них представляют собой поздравления по случаю дня рождения дедушки, почти идентичные по содержанию («Песенка Дуняшина в день рождения дражайшего дедушки 31 дня 1796 года», «Эпистола IX от Дуняши и Ванюши к дражайшему дедушке 1797 года» и т. д.), где автор изъявляет от имени детей их чувства к дедушке.

Подробнее см.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. статья и составление Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки, биографические справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Б-ка поэта, БС).

93. ДП. 1804. Ч. 4, под загл.: «Баякальная песенка 1794 года». - - Цв., подп.: П. Г.-Кутузов.

94. «Собр. стихотворений». М., 1803. Ч. 1., загл.: «Пятилетнему мальчику, сочинено в селе Успенском июля 21, 1795». - - Цв., подп.: П. Г.-Кутузов.

Александр Семенович Шишков (1745—1841) — поэт, драматург, переводчик, государственный деятель. Во время Отечественной войны 1812 г. — статс-секретарь при Александре I. С 1824 г. министр народного просвещения, с 1813 по 1841 г. — президент Российской академии. Один из основателей «Беседы любителей русского слова», автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803).

В 1777 г. Шишков издал для русского читателя пользовавшуюся большим успехом в разных странах «Детскую библиотеку» немецкого педагога И. Г. Кампе (1746—1818): ее составляли преимущественно рассказы познавательного характера и стихотворения для маленьких детей. В предисловии к 4-му изданию под загл. «Детская библиотека, или Собрание детских повестей» (1806—1807) Шишков писал: «Книга сия на Российском языке давно уже известна под названием детской библиотеки. Она есть отчасти перевод, отчасти же подражание изданной от господина Кампе на немецком языке книги («Kleine Kinder Bibliothek»). Я переложил оную еще в молодости моею, по просьбе бывшего тогда президента Академии Сергея Герасимовича Домашнева. Потом отдал оную заступившему место его президенту ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой, по приказанию которой и была она напечатана. В течение 16—17 лет троекратно издана, ибо принята была благосклонно». С. Т. Аксаков свидетельствует, что когда ему, пяти-шестилетнему ребенку, попала в руки «Детская библиотека», он пришел от нее в восхищение и вскоре знал наизусть многие стихи. Работая в 1850-е годы над повестью «Детские годы Багрова-внука», он перечитал эту книгу и снова, уже в преклонном возрасте, посчитал, что она «до сих пор остается лучшею детскою книгою» (Аксаков С. Т. Собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 361). Книга Шишкова выдержала десять изданий. Первое: «Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного перепечатанная г. ***». Спб., 1773. Ч. 1; Спб., 1785. Ч. 2, с посвящением Е. Р. Дашковой. Два последних иллюстрированных издания (Спб., 1820; Спб., 1846) — «Детская библиотека, или Собрание детских повестей, басен, разговоров и сказочек, в стихах и прозе, изданная на немецком языке Г. Кампе, а с оного переведена А. С. Ш.». Ниже сокращенно: ДБ.

Подробнее см.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. статья и составление Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Б-ка поэта, БС).

95. ДБ. Ч. 1. Спб., 1773.

96, 97. Там же.

98. Там же. Ч. 2, Спб., 1785.

99. НДБ. 1827, № 2, с подзаг. «Перевод с французского Ал-дром Семеновичем Шишковым».

Н. М. КАРАМЗИН

Николай Михайлович Карамзин (1776—1826) принял активное участие в создании первого русского журнала для детей «Детское

чение для сердца и разума» (1785—1789), издателем которого был известный просветитель Н. И. Новиков. В «Детском чтении» Карамзин печатает не только свои стихи и прозаические произведения, но и знакомит юного читателя с именами Жанлис, Геснера, Томсона, Попа, Боннета. Карамзин стал одним из самых читаемых писателей. В круг детского чтения вошли исторические повести «Наталья — боярская дочь», «Остров Борнгольм»; по свидетельству современников, дети плакали, «сходили с ума», читая «Бедную Лизу», поэтическую балладу «Раиса». Карамзин сыграл видную роль в последующем развитии детской литературы XIX в., с его именем связано целое литературное направление в прозе и поэзии для детей, продолженное В. А. Жуковским, А. А. Погорельским, В. Ф. Одоевским. В 1780—1790 годы многие стихи Карамзин печатал под псевдонимом или без подписи. Некоторые из них он не включал в Собр. соч.: после московского пожара 1812 г. он сам не знал точного списка своих ст-ний.

Подробнее см.: Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта. БС). Ниже сокращенно: Карамзин.

100. ДЧт. 1789, ч. 18. В Собр. соч. не включалось. Строфы 9—10 (с некоторыми разночтениями) включены в письмо к И. И. Дмитриеву (от 22 марта 1788 г.), им предшествовали строки: «Надеюсь, что приближение весны имеет целебное влияние на твоё здоровье. Все скоро оживится. Скоро птицы, соединясь в хоры, воспоют хвалебную песнь весне. Мой друг! Неужели мы с тобой будем ходить повеся голову? Неужели не возьмем участия во всеобщей радости...» (Карамзин. С. 379).

101. ДЧт. 1789, ч. 18. В Собр. соч. не включалось. *Петров Александр Алексеевич* (1766—1793) — друг Карамзина, переводчик, редактор ДЧт. *Филомела* (греч. миф.) — соловей. *Томсон* (1700—1748) — английский поэт.

102, 103. ДЧт. 1789, ч. 18, без подп. Принадлежность последних двух ст-ний Карамзину подтверждается широким кругом данных (см.: Карамзин. С. 403). В эти годы Карамзин был чуть ли не единственным поэтом, чьи стихи печатались в ДЧт.

И. И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) — поэт, баснописец, переводчик, драматург, автор и собиратель многих популярных песен. Постоянный участник «Московского журнала» Н. М. Карамзина и других его альманахов. В баснях Дмитриева часто возникает образ ребенка («Горлица и мальчик», «Дети и мыльные пузыри», «Дитя на столе», «Отец с сыном»), но самостоятельного значения он не имеет. В ряде ст-ний Дмитриев противопоставляет счастливое время детства и юности («Воздушные замки», «Юность, юность! веселись...») суровому настоящему. С наибольшей полнотой эта тема выражена в предлагаемом ст-нии.

Подробнее см.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС).

104. МЖ: 1792, ч. 8, декабрь, подп.: «И». -- И мои безделки. М., 1795.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

105. ДП. 1806, ч. 5. --- Цв.

ХІХ — НАЧАЛО ХХ ВЕКА

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) — поэт, переводчик, известный критик и теоретик литературы, автор книги «Народные песни», многие из которых сохранились в современном репертуаре. Профессор Московского университета, лекциями которого заслушивалась молодежь (среди них П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов).

Детская тема занимает в поэзии Мерзлякова значительное место. Он обращается к читателю-ребенку, внушая ему мысль о единстве природы и человека, о необходимости взаимной любви между людьми, о верности, дружбе («Утро»). Рядом с этими стихотворениями, имеющими несколько дидактический характер, стоят такие, где мир ребенка представлен во всем его богатстве, полноте чувств и проявлений. Предлагаемые стихи не перепечатывались.

Подробнее см.: Мерзляков А. Ф. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л., 1958 (Б-ка поэта, БС).

106. ВЕ. 1811, № 13 подп.: Мрзлкъвъ. *Аз, Буки, Глаголь, Како, Слово* — названия букв церковнославянского алфавита (а, б, г, к, с). *Крепость Кериман* — предположительно речь идет об Аккермане (в ряде случаев писалось Аккерман — «белый город»). Во время русско-турецких войн крепость Аккерман несколько раз переходила то к русским, то к туркам. В 1811 г. причислена к ряду русских крепостей. *На дворе овечка спит* — цитата из стиха А. С. Шишкова «Колыбельная песенка...» (см. № 95). Это стихотворение привлекло внимание пушкинистов. Комментируя стихотворение А. С. Пушкина «К Наталье» (1815), Б. В. Томашевский установил в нем фразеологическое заимствование из баллады П. Катенина «Наташа» (1815):

Ах! жила-была Наташа,
Свет Наташа, красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла, как мечта?

см.: Пушкин А. С. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 2 (Б-ка поэта, БС). Указывая на это замечание Б. В. Томашевского, М. А. Цявловский в свою очередь ссылается на высказывание С. М. Бонди, считавшего, что «оба стихотворения — и Пушкина, и Катенина — восходят к стихотворению А. Ф. Мерзлякова «Хор детей маленькой Наташе», припев которого начинается стихами: „О, Наташа, Радость наша...“» (Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 88).

107. «Амфион». 1815, № 5, подп.: Мрзлкъв. *Вот тебе книжечка*. Подарок девочки характерен для того времени. С середины XVIII в. входят в моду альбомы, записные книжечки. На их страницы обычно заносились цитаты из любимых авторов, моралистические сентенции, изречения. Для 1810-х гг. характерен интимный альбом, в него записывались размышления, пожелания родных и подруг, стихи. Позднее содержание альбома расширяется, он становится отражением жизни общества (см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в Собрании Пушкинского дома (1750—1840-е годы) // *ЕжПД* на 1977 год. Л., 1979. С. 3—57).

Б. М. ФЕДОРОВ

Борис Михайлович Федоров (1798—1875) — плодovitый стихотворец, за стихами которого современники не признавали художественных достоинств. В 1840-е гг. становится добровольным осведомителем III отделения, особенным «вниманием» его пользуются журналы «Современник», «Отечественные записки» и деятельность В. Г. Белинского. Б. Федоров автор огромного количества стихов и рассказов для детей, в 1856 г. вышел отдельный сборник «Стихотворения для детей», составленный в массе из похвальных и назидательных стихов. В статьях «Три розы. Книжка для детей, изданная Б. Федоровым» (1840), «Сто новых детских повестей с нравоучениями в стихах» (1845) Белинский писал о дурмане резонерства, об отвлеченных сентенциях, о воинствующей бесталанности сочинений Б. Федорова для детей (Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 280—281; М., 1955. Т. 9. С. 24—27). Резко критиковал поэзию Б. Федорова как лишенную какого бы то ни было художественного и нравственного уровня Н. А. Добролюбов в статье «Стихотворения для детей от младшего до старшего возраста» (Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 311—312). Однако в начале своей работы для детей, когда он был издателем НДБ, некоторые его стихи пользовались популярностью.

Подробнее см.: Поэты 1820—1830-х годов / Вступ. статья и общая редакция Л. Я. Гинзбург. Биографические справки, составление, подготовка текста и примеч. В. Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1 (Б-ка поэта, БС).

108. НДБ. 1828, № 11.

109. НДБ. 1828, № 7.

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

Федор Антонович Туманский (1799—1853) вошел в литературу как автор нескольких элегий. Своему творчеству сам он не придавал серьезного значения, до нас дошло не более десяти его стихотворений. Особой популярностью у современников пользовалась его «Птичка». Стихотворение это стало поистине народным.

Подробнее см.: Поэты 1820—1830-х годов / Вступ. статья и общая редакция Л. Я. Гинзбург. Биографические справки, составление, подготовка текста и примеч. В. Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Вацуро.

110. «Северные цветы на 1827 г.». Спб., 1827. Положено на муз. Ц. Кюн, В. И. Ребиковым и др. В. Э. Вацуро приводит указание (в неизданном альбоме Е. П. Ростопчиной) на то, что стихи «Птичка» было написано для своего рода поэтического конкурса между Пушкиным

(«Птичка»), Дельвигом («К птичке, выпущенной на волю!») и Т(уманским). Современники ставили «Птичку» Т(уманского) выше пушкинской (Вацура. С. 734).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Произведения Василия Андреевича Жуковского (1773—1852), особенно баллады, «Спящая царевна» (1831), «Сказка об Иване-царевиче и сером волке» (1845), пользовались необычайной популярностью в детской аудитории. Собственно для детей Жуковский написал лишь несколько ст-ний и посвятил их своим детям — Павлу (1845—1912) и Александре (1842—1895). Дети Жуковского от его брака с Елизаветой Рейтерн (1821—1851) родились и жили в Германии.

Подробнее см.: Жуковский В. А. Соч.: В 3-х т. / Вступ. статья, составление и примеч. И. Семенко. М., 1980. Ниже сокращенно: Семенко.

111. «Муравейник». 1831, № 5. В ст-нии описывается «детский остров» на озере в дворцовом парке Царского Села (ныне г. Пушкин), где было много развлечений для царских детей: канал, паром и т. д. В бумагах Жуковского сохранилось ст-ние «Детский остров» (см.: Семенко. С. 422).

112—115. Отд. изд. Карлсруэ, 1852. Положены на музыку: 1, 3 — А. С. Аренским, В. И. Ребиковым; 2 — А. М. Бюхнером, П. А. Карасевым, Ц. Кюи; 4 — В. А. Калининковым, Ц. Кюи, А. Г. Рубинштейном.

К. А. ПЕТЕРСОН

Карл Александрович Петерсон (1811—1890) — переводчик, поэт, прозаик. Сын министра при одном из второстепенных германских дворов. Мать К. А. Петерсона, Элеонора Петерсон, рано овдовела и вышла вторично за находившегося на службе в Мюнхене двадцатитрехлетнего Ф. И. Тютчева. Поездки в Россию сначала носили эпизодический характер, но, по существу, почти всю взрослую жизнь Петерсон провел в России. В 70-е годы, в звании камергера, он занимал высокую должность при министерстве иностранных дел. Литературная деятельность Петерсона началась в 40-е годы: время от времени он выступал в печати, преимущественно в журналах «Современник» и «Библиотека для чтения» с очерками, статьями, переводами. В эти же годы он стал постоянным автором журнала «Звездочка», печатая там стихотворения нравоучительно-назидательного характера («Прилежное дитя», «Песня для девочек в Приюте» и др.). Известность ему принесло ст-ние «Сиротка».

116. Зв-1. 1843, № 9, под загл. «Молитва». - «Альманах для детей». Спб., 1845. В ряде сб. под загл.: «Бог не оставляет сирот». Положено на музыку А. М. Бюхнером, А. Е. Лозовым и др.

Я. К. ГРОТ

Яков Карлович Грот (1812—1893) — академик, автор исследований по мифологии, по грамматике русского языка: с его именем связаны существовавшие до 1918 года нормы правописания; исследователь русской литературы XVIII в.

Был постоянным автором журнала «Звездочка», печатал «Письма о Русской истории», исторические очерки, стихи, рассказы, чаще всего

дидактического характера, где выступал с серьезными, проникновенными советами о том, как надо учиться, как надо поступать («Из писем учителя к ученикам», «Письмо к маленькому Саше от его дяди»). Много позднее он собрал свои публикации в «Звездочке» в отдельную книгу: «Стихи и проза для детей» (Грот Я. Стихи и проза для детей. Спб., 1889, 2-е изд.— Спб., 1891, 3-е изд.— Спб., 1892). В предисловии к третьему изданию он высказал надежду, что его произведения служили к «пробуждению в подрастающем поколении добрых чувств и благородных стремлений».

117. Зв-1. 1845, ч. 2.

118. Зв-1. 1845, ч. 5, подп. «Я. Г.». Положено на музыку А. Е. Лозовым.

119. Зв-2. 1845, ч. 15.

120. Зв-2. 1846. № 18, подп. «Я. Г.».

121. Зв-2. 1846. № 18, подп. «Я. Г.».

122. Зв-2. 1854, ч. 16, подп. «Я. Г.».

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Среди обширного наследия Владимира Федоровича Одоевского (1803—1863) — писателя, драматурга, ученого — особое место занимают «Сказки дедушки Иринея» (1838), которые чрезвычайно высоко оценил В. Г. Белинский, видя в них образец того, как надо писать для детей. В числе разных должностей Одоевского было и место правителя дел попечительства детских приютов, он сам принимал серьезное участие в организации приютов и больниц для детей. Наряду с трудами философскими, музыковедческими он оставил много работ в области педагогической, преимущественно в сфере дошкольного воспитания. Он сделал попытку создать такого рода стихи и песни («мнемонические»), которые хорошо сочетались бы с работой, облегчали бы усвоение детьми правил поведения и обучения, тренировали память. Так возникла его книга «Сборник детских песен дедушки Иринея, составленный князем В. Ф. Одоевским» (Спб., 1847. Ниже сокращенно: ДП). Стихи пользовались успехом, перепечатывались в хрестоматиях, книгах для чтения, однако вызвали резко отрицательную оценку Белинского (Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 150—151). Отвечая Белинскому, Одоевский взял под защиту свой сб. (см.: «Избранные педагогические соч. В. Ф. Одоевского» / Вступ. статья, составление, примеч. В. Я. Струmlinского, М., 1955. С. 354).

123, 124, 125. ДП, с музыкой В. Ф. Одоевского. Каждой песне соответствовало нотное сопровождение. В последующих перепечатках составители книг для чтения публиковали только тексты. Иногда менялось название.

Элиза Эльген (род. ок. 1824) — дочь пастора, в 1840 году, шестнадцати лет, выдержала экзамен в С.-Петербургском университете на должность домашней наставницы (см.: Голицын Н. Библиографический словарь русских писательниц. Спб., 1889). Есть предположение, что в дальнейшем служила воспитательницей детей в семье помещика Д. Н. Суходольского в селе Ясырки Воронежской губ. (см.: Госуд. архив Воронежской обл. Фонд 29, оп. 139, ед. хр. 259^а л. № 93 / об.) Опубликовала под псевдонимом «Э.» в журн. «Звездочка» и «Лучи» несколько поэм («Записки Кости», «Графская степь», в центре их — ребенок, подросток) и ст-ний. Наиболее популярным стало публикуемое ниже ст-ние «Птичка».

126. Зв-2. 1851, № 1, подп. «Э.». Положено на музыку И. Корниловым. Вошло в РСл-1, затем в хрестоматию и песенники для детей в объеме 16 ст. (без ст. 17—28). Авторство ст-ния ошибочно приписывалось К. П. Медведскому (см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.): Справочник // Составитель Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1. С. 216). *Катя Суходольская* (р. 1844) — дочь Д. Н. Суходольского, воспитанница Э. Эльген.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

127—131. Степка-Растрепка. Спб., 1849. - Спб., 1857, перевод книги Генриха Гофмана Доннера (1809—1894) «Der Struwwel Peter. Lustige Geschichten und drullige Bilder Dr. Heinrich Hoffmann» (1845). Книга имела огромный успех в разных странах. В русском переводе растрепанный Петер (Штруввельпетер) превратился в Степку-Растрепку. Первое изд. вышло без указания имен издателя и переводчика. Начиная со 2-го изд. и далее издателем книги указывается М. О. Вольф. Следом за «Степкой-Растрепкой» в этом же изд. вышло еще семь книг с указанием: «Текст автора „Степки-Растрепки“». Есть предположение, что автором (переводчиком) этих книг был Д. Д. Минаев (подробнее об этом см.: Путилова Е. Тайна авторства «Степки-Растрепки» // «Нева». 1985, № 12. С. 194—197; Саксонова И. Х. Разгадана ли тайна? // «Нева», 1987, № 7. С. 207). «Степка-Растрепка» вызвал интереснейшие суждения А. Блока (см.: Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 270—271; Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 68—69). Есть много свидетельств популярности «Степки-Растрепки» в детском чтении конца XIX — начала XX века (см., например: Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 14; Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 1. С. 223—224). В наст. изд. печатаются №№ 1, 3, 6, 8, 9 (в тексте нумерация изменена).

А. А. ПЧЕЛЬНИКОВА

А. А. Пчельникова (наст. имя — Августа Андреевна Цейдлер, 1830—1891) — жена известного педагога П. М. Цейдлера. Большинство ее книг, написанных для детей, носят познавательный характер. В предисловии к наиболее значительному, трехтомному, изданию «Беседы с детьми» (Спб., 1858—1860, ниже сокращенно: БсД) автор указывала на поставленную цель: помочь воспитанию детей с учетом «потребностей сердца» и «потребностей ума». По типу своему БсД — своеобразная

энциклопедия, где знания об окружающем мире (от предметов обихода до французского и английского языков) даются в увлекательной и развлекательной форме. О БсД трижды писал Н. А. Добролюбов. Он причислял их к самым лучшим детским книгам, существующим на русском языке, отмечал способность автора применяться к интересам детей, учитывать их естественные наклонности. Особенное внимание он обратил на песенки, приятные для детей, «тем более, что пение их должно быть соединено с играми и движением, приуроченным к содержанию песен» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 162; 1963. Т. 6. С. 75). Такую же детскую энциклопедию представляют собой и другие ее книги: «Путешествие для открытий, предпринятое Настей и ее двоюродным братом Колей» (Спб., б. г.), «Забавы и рассказы» (Спб., 1863—1867) и др.

132. БсД. 1859, ч. 5. Вошло в РСЛ-1, с указ. на источник: «Из дет. журн. Пчельниковой», под загл. «Пойманная птичка», с вар., ошибочно приписывалось А. У. Порецкому, как и другие произведения А. А. Пчельниковой (см.: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. статья, подготовка текстов и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965. (Б-ка поэта, БС). С. 754, 1050). Положено на музыку П. А. Карасевым, М. А. Слоновым, А. М. Бюхнером.

133—136. БсД. 1860. Ч. 7. Вошло в РСЛ-2, с указ. на источник: «Перед(елана) из журн. Пчельниковой», под загл. «Песенки цветов», выборочно. В отличие от публикаций К. Д. Ушинского, напечатавшего в РСЛ «Пойманную птичку» и «Песенки цветов» как ст-ния, Пчельникова в обоих случаях давала игровой текст. В первом случае дети, сомкнув круг, держали в плену «птичку», велся диалог, «птичка» в конце его прорывала круг и убежала; начинала водить следующая и т. д. Во втором случае дети делились на две группы: одна представляла хор, другая «цветы». Каждый «цветок», выходя, рассказывал о себе, хор принимал или отвергал его (как некрасивый, колючий и т. д.). Постепенно хор принимал отвергнутых, игра возобновлялась. Положено на музыку М. И. Ипполитовым-Ивановым, А. С. Аренским, В. И. Ребиковым.

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Юлия Валериановна Жадовская (1824—1883) — автор нескольких сборников стихотворений, отмеченных высокой оценкой современной критики; многие ее стихи были положены на музыку, получили широкую известность; писала повести, романы, рассказы. Лирика Жадовской носила преимущественно глубоко личный характер, но были стихи и гражданского звучания, входившие в круг детского чтения. Особенный успех выпал на долю стихотворения «Нива»: оно стало хрестоматийным.

Подробнее см.: Поэты 1840—1850-х годов / Вступ. статья и общая редакция Б. Я. Бухштаба. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Э. М. Шнейдермана. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

137. «Сын отечества». 1857, № 13. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, П. А. Карасевым, В. И. Ребиковым и др.

Ф. Б. МИЛЛЕР

Федор Богданович Миллер (1818—1881) — переводчик, поэт, прозаик, переводил на русский язык Шиллера, Гейне, Шекспира. Основная деятельность Ф. Миллера — педагогическая: почти тридцать лет он преподавал в кадетском корпусе немецкий, а потом русский язык и словесность. С начала издания журнала «Подснежник» (1858) Миллер постоянный его автор. К самому маленькому читателю обращены его стихотворные «Подписи к картинкам» (и по сей день огромной популярностью пользуется ст-ние «Раз, два, три, четыре, пять...»). Острым социальным протестом звучит ст-ние «Труженики-дети» (1876). Наиболее полное изд. — шеститомное «Собрание стихотворных переводов и оригинальных стихотворений» (М., 1872—1881)

Подробнее см.: Поэты 1840—1850-х годов / Вступ. статья и общая редакция Б. Я. Бухштаба. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Э. М. Шнейдермана. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

138—142. Стихотворения: 2-е изд. М., 1880. Т. 6.

5. П. 1858, № 9, загл. «Трубочист». 1. Ст-ние про зайчика имело множество подражаний и переделов. В 1901 г. П. А. Висковатов выпустил книжку «О Зайце и охотнике», расцветив сюжет дополнительными подробностями и приключениями. После революции большой популярностью пользовалась безымянная книжка «Зайчик. Детская сказка» (Пг., 1923), богато иллюстрированная В. Е. Ермолаевой. Исследователь детского фольклора Г. М. Виноградов приводит десятки вар. «Зайчика», созданных детьми (Виноградов Г. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930).

143. П. 1858, № 4.

144. П. 1858, № 9.

С. Т. АКСАКОВ

Тема детства занимала особенное место в творчестве Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859), поэта русской природы, замечательного стилиста. Наибольшую известность принесли ему «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», написанные на основе воспоминаний и семейных преданий. В детской среде неизменной популярностью пользуется его сказка «Аленький цветочек».

145. ДО. 1881, № 11. Это ст-ние, как и ряд других, было передано в редакцию журнала ДО внучкой писателя Ольгой Григорьевной Аксаковой (1820—1891). См. примеч. 146, 148. В дальнейшем не перепечатывалось.

К. С. АКСАКОВ

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860), сын С. Т. Аксакова, — публицист, критик, поэт, крупный исследователь в области лингвистики, посвятивший много работ изучению грамматического строя русского языка. В детских изданиях при жизни не печатался.

Подробнее см.: Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. статья, подготовка текста и примечания С. И. Машинского. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Машинский.

146. ДО. 1881, № 1. Одновременно: Чайковский П. И. Детская песенка. М., 1881. И в журнальной публикации, и в песенке имя «Марихен» заменено на «Лизочек». Можно предположить, что это шуточное ст-ние девятнадцатилетнего поэта было посвящено его восемнадцатилетней кузине Марии Григорьевне Карташевской (дочь сестры С. Т. Аксакова). Судя по их переписке, имевшей место в 1836 г. (см.: «Переписка К. С. Аксакова с М. Г. Карташевской» // ЕжПД за 1973 г. Л., 1976), Аксаков испытывал к своей кузине нежные чувства и посылал ей стихи. Публикуемое ст-ние, возможно, находилось среди тех ст-ний, которые О. Г. Аксакова принесла в ДО из семейного архива (см. примеч. 145, 148). Среди редакторов ДО был Н. Д. Кошкин, один из самых близких друзей Чайковского. Сохранилось ответное письмо Чайковского к Кошкину, который обращался к композитору от имени редакции с просьбой написать музыку на ст-ния для ДО (см.: Чайковский П. И. Литературные произведения и переписка. М., 1966. Т. 10. С. 240). Письмо Чайковского Кошкину датировано 12 окт. 1881 г., но не исключено, что это была не первая просьба. Замена «Марихен» на «Лизочек», по предположению А. А. Гозенпуда, связана с именем Елизаветы Андреевны Лавровской (по мужу кн. Цертелева, 1845—1919), одной из самых знаменитых оперных артисток, исполнительницы ведущих партий в ряде опер Чайковского. Композитор посвятил ей шесть романсов, он высоко ценил ее вокальное дарование. Е. А. Лавровская отличалась очень маленьким ростом и необычайной молодавостью: она была неподобна в ампула трагедии.

147. ДО. 1881, № 10. В дальнейшем не перепечатывалось. *Перо сильнее топора* — ср.: «Написано пером, не вырубить и топором» (Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 419).

148. ДО. 1894, № 9, с примеч. «Редакция приносит глубокую благодарность многоуважаемой Ольге Григорьевне Аксаковой за доставление печатаемого стихотворения покойного К. С. Аксакова». Ст-ние находилось в альбоме О. Г. Аксаковой (см. примеч. 145, 146). В дальнейшем не перепечатывалось.

Л. Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

Лев Николаевич Модзалевский (1837—1896) — отец известного историка литературы Б. Л. Модзалевского. Кончил филологический ф-т Петербургского университета. В 1861 г. был приглашен преподавателем языка и словесности в Смольный институт, где встретился с К. Д. Ушинским, в те годы инспектором этого института. Вокруг Ушинского собралась плеяда молодых ученых, педагогов и писателей, увлеченных делом воспитания и обучения детей. Особенно важным считалось преподавание родной словесности и литературы. По воспоминаниям современников, «уроки Л. Н. Модзалевского, молодого, талантливого преподавателя, волновали всех. Идеалы 60-х гг. увлекали молодые головы: о прочитанном спорили, восхищались (...) Л. Н. приезжал в Смольный и по вечерам, читал воспитанницам старших классов произведения русских писателей» (Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914. Спб., 1914. Т. 11. С. 314—315). Модзалевский серьезно занимался делом воспитания глухонемых детей, много сделал для развития женского образования, ратовал за подготовку хорошего учителя. Автор работ по вопросам педагогики, в

частности «Очерков истории воспитания и обучения с древнейших времен и до нашего времени» (Спб., 1866).

Долгие годы Модзалевский активно печатался под псевдонимом «Л. Гарский» в различных газетах Кавказа (с 1867 г. он жил преимущественно в Тифлисе). В литературу Модзалевский вошел как автор многих стихотворений для детей, большинство из них он создавал специально для книги К. Д. Ушинского «Родное слово» (1864), они часто шли без подписи, как иллюстративный материал к определенной теме или заданию книги, пользовались широкой известностью.

Основные изд. ст-ний Л. Модзалевского: Свирель. Сб. детских песен, муз. В. Кюнера. Тифлис, 1878; Спб., 1900; М., 1908. Ниже сокращенно: Св.; Для детей. Стишки Л. Н. Модзалевского. Пг., 1916, рис. Е. Нарбута. Ниже сокращенно: ДлД.

149. РСл-2, без подп., напеч. прозаич. строкой. - - Св. Положено на музыку В. И. Ребиковым, А. Бюхнером, П. А. Карасевым и др. После смерти Ушинского (1870) ошибочно печаталось под его именем, вероятно на основании примеч. к оглавлению РСл, где Ушинский сделал след. указание: «Все неподписанные в оглавлении статейки принадлежат составителю». Трудно сказать, что имелось здесь в виду под словом «статейки», но без подписи автора в РСл помешались и другие ст-ния Модзалевского, а также ст-ния В. А. Жуковского, Н. А. Огарева и др. Поводом для того, чтобы считать автором этого ст-ния Ушинского, мог служить и черновой автограф, состоящий из двух строф, написанный рукой Ушинского. Остается предположить, что Модзалевский диктовал свои стихи Ушинскому, или видит здесь следы их совместной работы. Об этом свидетельствует черновой автограф ст-ния «Кончил дело — гуляй смело», в углу которого стоят две подп. «К. У.» и «Л. М.» (см.: Ушинский К. Д. Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 112, 117). Ст-ние ошибочно приписывалось также П. А. Вяземскому. Основанием служили многочисленные сб. детских песенок конца XIX в., где автором текста значился П. А. Вяземский (см.: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. статья, подготовка текстов и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1965 (Б-ка поэта, БС). С. 302; Русская поэзия в отечественной музыке. Справочник: Составитель Г. К. Иванов. М., 1966, С. 89). Возможность установить авторство ст-ния дает большая посмертная публикация «Из педагогической автобиографии Л. Н. Модзалевского» с библиографией печатных работ и примеч. ред.: «Список работ с 1861 по 1883 г. составлен в 1894 г. по указаниям Л. Н. Модзалевского» («Русская школа», Спб., 1897. Кн. 3, 4). В списке перечислены ст-ния, вошедшие в РСл; и назван сб. «Свирель», который составлен из этих ст-ний композитором В. Кюнером и издан во время пребывания Л. Н. Модзалевского в Тифлисе, с указанием лишь на автора музыки (с В. Кюнером Л. Модзалевский создал там же, в Тифлисе, оперу «Тарас Бульба»). О том, что «Свирель» составлена из ст-ний Модзалевского, печатавшихся прежде в РСл, пишет современник Модзалевского, известный педагог Д. Д. Семенов. Он рассказал также и историю создания ст-ний: «Чтобы пополнить пробелы в некоторых отделах своей книги, он (К. Д. Ушинский.— Е. П.) обратился за содействием к Л. Н.»; все его ст-ния были опубликованы или «под буквами Л. Н. или даже анонимно». Д. Д. Семенов перечисляет наиболее удачные ст-ния и среди них все те, которые представлены в наст. изд. (см.: Семенов Д. Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта // «Вестник воспитания». 1897, № 2, С. 185—186).

150. РСл-2, подп. «Л. М.», подзаг.: «С немецкого», прозаической строкой.- - Св.

151. РСл-1, без подп.

152. РСл-2, без подп., как диалог между мальчиком и мотыльком.- - Св.

153. РСл-2, подп.: «Л. М.», прозаич. строкой.- - Св.

154. РСл-2, без подп., прозаич. строкой.- - Св.

155. РСл-2, подп.: «Л. М.».- - Св. Положено на музыку Ц. Кюи, В. И. Ребиковым, Н. Н. Черепнинным и др.

156, 157. ДлД.

158—165. Св.

Н. А. НЕКРАСОВ

В огромном и разнообразном наследии Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877) особое место занимает тема детства. Собственные впечатления детства и наблюдения над жизнью детей из разных социальных слоев, размышления над их настоящим и будущим нашли отражение в поэмах «Саша», «Мороз, Красный нос», «Дедушка», «Кому на Руси жить хорошо» и во многих стихах. Стихотворение «Железная дорога» (1864) первоначально имело подзаголовок «Посвящается детям». Некрасов намеревался принять участие в создании специальной книги для детского чтения, о чем свидетельствуют авторские примеч. к ряду стихов 1867—1873 гг. В этой работе должен был участвовать М. Е. Салтыков-Щедрин. В 1869 г. Салтыков-Щедрин начал печатать в ОЗ сатирический цикл «Для детей», в предисловии к которому он писал: «Автор настоящих рассказов предполагает издать книжечку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихов, последние принадлежат Н. А. Некрасову, но предварительно желал бы знать мнение публики, насколько намерение его осуществимо и полезно». (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1969. Т. 7. С. 637). Публикуя свои стихи в ОЗ с указанием: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения», Некрасов, вероятно, тоже предварительно отдавал их на суд широкого читателя. Стихи высоко оценены Салтыковым-Щедринным. Своими впечатлениями он поделился с Некрасовым в письме от 17 июля 1870 г.: «Стихи Ваши прелестны» (там же. Т. 18, кн. 2. С. 52) и с А. М. Жемчужниковым: «Есть у него несколько готовых детских стихотворений (прелестных), может быть он и ограничится их помещением» (там же. Т. 7. С. 58). Намеченная книжка не состоялась.

Министерство народного просвещения не включало стихов Некрасова в школьную программу. Одним из первых, кто ратовал за введение поэзии Некрасова в круг детского чтения, был Н. А. Добролюбов. В рецензии на адресованный детям «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей» (бесплатное приложение к журн. «Подснежник», 1859) критик упрекнул издателей в плохом подборе поэзии и рекомендовал включить в очередное изд. стихи Некрасова — из «Саши», «Школьник», «Несжатая полоса», «Внимая ужасам войны...» (Доб-

ролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 355). Во втором выпуске «Сборника...» (1860) все названные ст-ния были помещены. Многие сделали для пропаганды Некрасова в детской аудитории К. Д. Ушинский (РСЛ, 1964), А. Д. Галахов («Полная русская хрестоматия», Спб., 1861), И. Пальсон («Книги для чтения», Спб., 1861). Но и здесь произведения Некрасова печатались в отрывках, с купюрами. Наиболее полно они изданы сестрой поэта А. А. Буткевич в сб. «Русским детям» (Спб., 1881) — см.: Кужелева Н. А. Н. А. Некрасов в дореволюц. изданиях для детей (1849—1917). Труды Ленингр. гос. библиотечн. ин-та им. Н. К. Крупской. Л., 1959. Т. 5.

Подробнее см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти т. Л., 1981—1985. Т. 3.

166. «Время». 1861, № 10. В автографе ПД — первонач. загл. «Детская комедия» и дата: «1861. Грешнево, 14 июля».

167—172.

1—3. ОЗ. 1868, № 2, с авторским примеч.: «Из приготовляемой к печати книги стихотворений для детского чтения». - Стихотворения. Спб., 1869. Ч. 4.

1. Положено на музыку П. Г. Чесноковым, П. Н. Ренчицким. *Сбоина макова* — сладкий жмых из семян мака.

3. *Шкалик* — мера вина, осьмушка, т. е. восьмая доля штофа (станкан). *С железом губа*. Ручным медведям, которых водили по деревням, продевали через губу кольцо для цепи. *Рады* — рады. О фольклорных источниках и вар. ст-ния см: Гин М. Сюжет детского стихотворения // Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 152—161.

4. ОЗ. 1871, № 1, с подзаг.: «Из стихотворений, посвященных русским детям (1870)». - Стихотворения. Спб., 1873. Т. 3. Ч. 5. *Малые Вежи* — дер. Костромской губ., где часто охотился Некрасов. *Понимает* — покрывает, заливает. *Пуделять* — давать промах из ружья. *Затравка* — запал, скважина в стволе ружья.

5. ОЗ. 1870, № 10, с подзаг.: «Из стихотворений, посвященных русским детям». - Стихотворения. Спб., 1873. Т. 3. Ч. 5.

6. НшД, с датой: 20 марта 1873 и подзаг.: «Из стихотворений, посвященных русским детям». Это ст-ние Некрасов послал издательнице сборника А. Н. Якоби (см. примеч. 228), видимо по ее просьбе. В сборнике участвовали видные ученые и писатели: А. М. Бутлеров, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, Г. И. Успенский, иллюстрации к произведениям были выполнены В. М. Васнецовым, Г. Г. Мясоедовым, Ф. А. Бруни и др. *Светлый праздник* — пасха. *Ростов Великий* — город (ныне в Ярославской обл.). На пути между Ростовом и Ярославлем лежало имение Некрасова Карабиха. *Страстная суббота* — суббота накануне пасхи. *Святая* — пасхальная неделя, начинающаяся с воскресенья.

А. Н. МАЙКОВ

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) вырос в семье, проявлявшей глубокий интерес к искусству и литературе. В доме отца, Н. А. Майкова, академика живописи, собирались художники, музыканты, литераторы. Близкий друг, И. А. Гончаров, занимался с юным А. Н. Майковым литературой. Вся семья участвовала в создании рукописных журналов «Подснежник» (1836—1838) и «Лунные ночи» (1839): отец делал иллюстрации, мать и два сына — Аполлон и Валериан — писали стихи и прозу. Через двадцать лет, в Петербурге, начал выходить журнал для детей и

юношества «Подснежник» (1858—1862), издателем его был третий брат, Владимир Майков. Стихи А. Н. Майкова, опубликованные в «Подснежнике», принадлежат к лучшим образцам его пейзажной лирики. Составляя Полн. собр. соч. (первое изд. — Спб., 1884), Майков сгруппировал стихи, относящиеся к детской теме, и расположил их так (независимо от времени написания), что они составляют тематические циклы. Мы сохраняем этот порядок.

Подробнее о нем см.: Майков А. Н. Избранные произведения/Вступ. статья Ф. Я. Приймы, составление и примеч. Л. С. Гейро. Л., 1977 (Б-ка поэта, БС).

173. П. 1858, № 2. Текст этого стиха частично вошел в стихотворение «Н. А. Некрасову. По прочтении его стихотворения „Муза“» (1853). Для публикации в детском журнале Майков сделал соответствующие переработки.

174—178. Полн. собр. соч. Т. 1, в цикле «Дѣла».

1. П. 1862, № 5/6.

2. «Нива», 1880, № 19. *Коля Трескин* — сын Н. А. Трескина, цензора Московского цензурного комитета, крестник брата поэта — Л. Н. Майкова.

3. Полн. собр. соч. Т. 1.

4. П. 1858, № 1. Положено на музыку К. Реймерсом, Б. А. Михайловским.

5. П. 1858, № 1. Положено на музыку А. Бюхнером, А. Е. Лозовым, М. А. Слоновым, П. А. Карасевым, В. И. Ребиковым и др.

179—181. Полн. собр. соч. Т. 1, в цикле «Новогреческие песни».

1. РВ. 1861, № 1, с примеч. Майкова: «Этой песни нет ни в одном сборнике. Я слышал ее в 1858 году на острове Милосе, к сожалению, не записал и по памяти передаю теперь ее содержание». В дальнейшем примеч. было снято.

2. РВ. 1861, № 1.

3. П. 1858, № 2. Стихотворение представляет собой переложение новогреческой обрядовой песни. Песни, в которых говорится о прилете ласточки, и по сей день поют в Греции 1 марта дети, совершая обход селения с изображением ласточки в руках. Считается, что исполнение песни перед каждым домом должно обеспечить ему благополучие на год вперед. Хозяева в ответ одаривают детей подобно тому, как в русских деревнях одаривали колядовщиков — исполнителей обряда, близкого по происхождению описанному. Обходы домов с песней о ласточке известны на территории Греции с античной эпохи (см.: Анфертьев А. Н. К истории мартовских обрядов в Греции//Сов. этнография. 1979, № 1. С. 133—139). Упоминание в тексте стихотворения персонафицированных месяцев (февраль и март) восходит к распространенному в европейском фольклоре представлению о том, что неустойчивость весенней погоды связана с поведением одного из этих месяцев или их взаимоотношениями.

182. НшД, под загл. «Легенда». Публикуя стихотворение в Полн. собр. соч. (без всяких изменений), Майков неверно датирует его 1876 г., забыв, вероятно, о первой публикации.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) не обращался в своей лирике специально к детям, но есть несколько ст-ний, где он рисует ребенка в обстановке детской комнаты, в играх, в единении с природой. Фет вспоминает о том, как воспринял одно из таких ст-ний поэт и критик Ап. Григорьев: «Помню, в какое восхищение приводило его маленькое стихотворение «Кот поет, глаза прищуря», над которым он только восклицал: „Боже мой, какой счастливец этот кот и какой несчастный мальчик!“» (Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 152—153).

Подробнее см.: Фет А. А. Стихотворения и поэмы/Вступ. статья, составление и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986 (Б-ка поэта, БС).

183. «Москвитянин». 1842, № 1.

184. «Современник». 1858, № 9. *Бурмитское зерно* — крупный жемчуг.

185. «Русское слово». 1860, кн. 2.- - Фет А. А. Стихотворения: В 2-х т. М., 1863.

186. «Нива». 1890, № 16. *Тороватый* — щедрый, великодушный.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

Среди обширного и разнообразного поэтического и прозаического наследия Якова Петровича Полонского (1819—1899) произведения для детей занимают значительное место. Полонский был близок журналу «Родник» (это название придумал он), внимательно следил за его жизнью, журнал постоянно знакомил читателя с творчеством поэта; Полонский печатался в «Задушевном слове», принимал участие в специальных сборниках для детей. Опубликованная в журнале «Семейные вечера» «Драматическая фантазия для детского театра „Лесные чары“» (1881) — одна из первых пьес этого рода. В ней, как и в других произведениях для детей, Полонский вводит ребенка в таинственный, фантастический мир природы: мотивы сказочного, чудесного характерны для его стихотворений детям. Ряд ст-ний перепечатывается впервые.

Подробнее о нем см.: Полонский Я. П. Стихотворения/Вступ. статья, подготовка текста, примеч. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1954 (Б-ка поэта, БС).

187. «Москвитянин». 1841, № 2. Ч. 1. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, В. И. Ребиковым. В своих воспоминаниях о студенческих годах Полонский писал: «Из числа моих стихотворений наибольший успех выпал на долю моей фантазии «Солнце и месяц», приуроченной к детскому возрасту: его заучивали наизусть, в особенности дети» («Мои студенческие воспоминания»//Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1898 год, № 12. С. 658).

188. «На праздник». Лит. сб. для детей/Изд. А. Н. Плещеева и Н. Александрова. Спб., 1877. *Святая* — см. примеч. 167—172 (6) *Святки* — рождественско-новогодние праздники (с 24 декабря по 6 января). В эти дни собирались на посиделки, проводились игрища с ряжеными, гадания, устраивались праздничные обходы домов с пением — «колядки».

189. НшД.- Полн. собр. соч. Спб., 1886. Т. 2.

190. Рдн. 1891, № 12.

191. Рдн. 1908, № 2, с примеч. ред.: «Это стихотворение было написано покойным поэтом в детский альбом его сына и в печати никогда еще не появлялось».

192—194. Длд. 1917, № 9, 11, 12, с примеч. от ред.: «Вы, конечно, слышали, дети, о русском знаменитом поэте, Якове Петровиче Полонском. Кто из вас не заучивал его задушевных стихов! Когда вы вырастаете большие и прочтете все его книги, вы поймете, почему мы, взрослые, так любим его. Это был светлый человек, с душою мудреца и ребенка. На этой странице мы печатаем его стишки, которые еще никогда не были напечатаны. Он писал их для своих детей. Таких стихотворений накопилось несколько. Мы рады, что можем напечатать их в нашем журнале».

Д. Д. МИНАЕВ

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889), поэт некрасовской школы, переводчик и автор многих пародий; вошел в историю литературы как сатирик, ведущий сотрудник журналов «Искра» и «Гудок»; был признанным «королем рифмы», мастером эпиграммы. Казалось бы, ничто не связывало его с поэзией для детей. Устойчивый и уже непреходящий интерес к детской литературе проявился у него в последнее десятилетие творческой работы. Одна за другой вышли: «Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах Д. Д. Минаева» (Спб., 1880), четырехтомное издание «Д. Д. Минаев. Народные русские сказки для детей в иллюстрациях» (Спб., б. г.), «Новые новинки — книжки да картинки» (Спб., 1882), «Теплое грездышко» (Спб., 1882) — ниже сокращенно: ТГ. Начиная с 1881 г. стихи Минаева стали систематически появляться в журналах для детей, преимущественно в «Задушевном слове», в дальнейшем почти не перепечатывались (за исключением № 195, 199, 200, 205 — см.: «Нева», 1985, № 12).

Подробнее см.: Поэты «Искры»: В 2-х т./Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 2 (Б-ка поэта, БС).

195—203. ТГ.

204. ЗСл-2. 1883, № 1.

205. Игр. 1884, № 1.

206. ЗСл-1. 1885, № 21.

207. ЗСл-1. 1887, № 10.

208. ЗСл-1, 1887, № 26.

И. С. НИКИТИН

Иван Саввич Никитин (1824—1861) посвятил свою поэзию судьбе труженика, деревенского бедняка, создал образ крестьянина, близкий сознанию ребенка («Лысый, с белой бородой Дедушка сидит...»). Ст-ние «Детство веселое, детские грезы...» — одно из самых лирических и проникновенных в русской поэзии.

Подробнее см.: Никитин И. С. Полн. собр. стихотворений/Предисловие Н. И. Рыленкова. Вступ. статья и примеч. Л. А. Плоткина. Подготовка текста М. И. Маловой. Л., 1965 (Б-ка поэта, БС).

209. Полн. собр. стихотворений. Пг., 1918.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

В творческой жизни Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893) поэзия для детей занимает значительное место. Он был постоянным автором журналов «Детское чтение», «Семья и школа», «Родник», «Игрушечка». Участвовал в создании двух сборников для детей: Плещеев А. Берг Ф. Детская книжечка. М., 1861; Плещеев А. Н., Александров Н. На праздник: Литературный сборник для детей. Спб., 1873. Для детей составил, включив и стихи из других своих изданий, две книги: «Подснежник. Стихотворения для детей и юношества А. Н. Плещеева». Спб., 1878 (ниже сокращенно: П-78); «Дедушкины песни. Стихотворения для детей и юношества А. Н. Плещеева». М., 1891 (ниже сокращенно: ДП).

Подробнее см.: Плещеев А. Н. Полн. собр. стихотворений/Вступ. статья, подготовка текста и примеч. М. Я. Полякова. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: ПССст.

210. «Стихотворения А. Н. Плещеева». М., 1861.- ДП, с ценз. изъятием двух последних строк. - - ПССст.

211. Первый оттиск без загл. листка. Спб., 1870 (см. ПССст. С. 389). - - ДЧ-1. 1871, № 1. Положено на музыку О. Л. Климовой. В ряде изд. под загл. «Ожидание».

212. ОЗ. 1873, № 1. - П-78. Положено на музыку О. Л. Климовой.

213. СШ. 1872, № 2. Положено на музыку П. И. Чайковским, В. И. Ребиковым и др.

214. ДЧ-1. 1872, № 2. Положено на музыку А. Е. Лозовым, П. И. Чайковским, В. И. Ребиковым.

215. ДСад. 1873, т. 1, под загл. «Житейское».- Стихотворения А. Н. Плещеева 1846—1886. М., 1887. Положено на музыку П. И. Чайковским (без ч. 1), О. Л. Климовой.

216. СШ. 1874, № 11. Положено на музыку П. И. Чайковским.

217. СШ. 1875, № 3. *Ларионов Иван Петрович* (1830—1889) — журналист, музыкальный критик.

218. СШ. 1877, № 3. Положено на музыку Н. С. Потоловским.

219. СШ. 1877, № 5.

220. П-78. Положено на музыку П. И. Чайковским.

221. Игр. 1880, № 12. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

222. Рдн. 1882, № 4.

И. З. СУРИКОВ.

Жизнь Ивана Захаровича Сурикова (1841—1880) прошла в тяжелой работе и борьбе с нуждой. Поэтический дебют его состоялся лишь в конце 60-х годов, когда А. Н. Плещеев заметил талантливую самоучку. В своем творчестве Суриков продолжал традиции Кольцова и Никитина, в его лирике нашла отражение жизнь крестьянской и ремесленной бедноты. В поэтическом наследии Сурикова стихи для детей занимают большое место: здесь, вероятно, тоже сыграл немаловажную роль Плещеев. Связанный работой со многими детскими журналами, он хотел привлечь к этому делу и Сурикова, которому он писал в 1872 г.: «Не найдется ли у вас каких-нибудь стихотворений, которые по содержанию своему могли бы напечатаны в журнале для детей, т. е. чтобы мотив был взят из природы или чтобы они были сказочного содержания, но с какой-нибудь мыслью, имеющей воспитательное значение. Я сотрудник двух очень хороших журналов в этом роде — „Семья и школа“ и „Детское чтение“» (цит. по: Плещеев А. Н. ПСССт. С. 390).

Именно с этого времени, с начала 70-х годов, Суриков становится активным автором журналов «Детское чтение», «Воспитание и обучение», «Детский сад» и др. Он хорошо знал жизнь крестьянского ребенка и, продолжая традиции Н. А. Некрасова, стремился изобразить ее во всей полноте, с разных сторон. Многие стихи Сурикова для детей стали хрестоматийными.

Подробнее о нем см.: Суриков И. Собрание стихотворений/Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. Дымшица. Л., 1951 (Б-ка поэта, БС). Письма Сурикова печатаются по изд.: Суриков И. З. Полн. собр. стихотворений. М., 1884. Ниже сокращенно: Письма.

223. «Иллюстрированная газета». 1871, № 13. Положено на музыку И. С. Ходоровским, С. А. Гилевым.

224. Сб. «Рассвет». 1872, вып. 1, под загл. «Грамотей». - ДЧт-1. 1874, № 12. Положено на музыку А. Е. Лозовым.

225. «Дело». 1874, № 5. Это ст-ние и два следующих — «У пруда» и «На реке» — должны были составить, по замыслу Сурикова, своеобразный цикл, рисующий участие детей в крестьянской жизни.

226. «Стихотворения». М., 1877. Судя по письму Сурикова А. Н. Якоби от 28 сентября 1875 г., ст-ние «У пруда» было написано раньше, чем «На реке»: «Исполняю ваше желание (...) посылаю новое стихотворение «У пруда». Если найдете его удобным, то поместите в вашем сборнике» (Письма. С. 41). В следующем письме 1875 г. (без точной даты) Суриков писал: «Я обещался написать для сборника еще стихотворение, кроме посланного «У пруда», — обещание это выполнил — написал стихотворение «На реке» (...) С большим удовольствием написал бы для вашего сборника детей-юношей стихотворение по мысли, изложенной вами в письме; но, как я уже вам сказал, что торговые мои занятия мне очень мало уделяют свободного времени для литературы, то едва ли я успею что-нибудь написать» (там же). Якоби Александра Николаевна (1842—1918) — детская писательница (печаталась под псевдонимами А. Толиверова, А. Пешкова), общественный деятель, издатель. В 1873 г. А. Н. Якоби издала научно-лит. сб. «Нашим детям», в котором приняла участие известные писатели. Она планировала продолжить издание, однако второй сб. не вышел, и Суриков опубликовал оба ст-ния в других изд.

Неудача со вторым сб. огорчила Сурикова, и он писал А. Н. Якоби 7 декабря 1875 г.: «Я сейчас только получил ваше письмо и вместе с вами горюю о погибшем сборнике. Что остается делать? — Прекраснодушеествовать. Но едва ли это нам возможно? Ни по складу нашего ума, ни по вашему характеру мы под эту меру не подойдем» (Письма. С. 44).

227. ДСад. 1876, отд. «Для детей младшего возраста». В письме к Н. А. Соловьеву-Несмелову Суриков подробно рассказывал о задуманном А. Н. Якоби (см. примеч. 226) втором сб., об участии в нем видных поэтов — Н. А. Некрасова, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева и др. и о ее просьбе о его участии. Он делится с Соловьевым-Несмеловым замыслом ст-ния «На реке»: «Я хочу написать поэтическую картину «На реке». Это — ночная рыбная ловля, «лучение рыбы». Не знаю, как оно у меня выйдет, а задумано поэтично. Действующие лица в этой картине будут — старый рыбак и 12-летний мальчик: борьба света с ночной тьмой, фантастические картины ночи...» (Письма. С. 22). Суриков несколько раз переделывал это ст-ние и, наконец, в ноябре 1875 г. писал Соловьеву-Несмелову: «А. Н. Якоби осталась очень довольна моим стихотворением „На реке“» (Письма. С. 24). Соловьев-Несмелов Николай Александрович (1849—1901) — детский писатель, общественный деятель, издатель. Ему принадлежит заслуга в изучении и пропаганде наследия Сурикова. Под его редакцией вышло впервые наиболее полное издание Сурикова (М., 1884).

228. ДСад. 1876, отд. «Для старшего возраста». - - «Стихотворения». М., 1877. В журн. вар. в первой строфе отсутствуют два последних ст. В различн. вар. пользовалось до революции популярностью в качестве народной песни.

229. ВО. 1877, Т. 2, отд. «Для младшего возраста». 27 апр. 1877 г. Суриков писал А. Н. Якоби, жалуясь на обострение болезни: «На этих днях только что принялся за перо (...) для М. К. Цебриковой написал стихотворение «Клад (Бабушкина сказка)»; она мне отвечала, что стихотворение это по объему своему не по средствам журнала. Да разве я за него назначал цифру гонорара? Сколько М. К. будет угодно за него заплатить, столько я и возьму, считаться с нею я не могу» (Письма. С. 46). Цебрикова Мария Константиновна (1835—1917) — детская писательница, организатор детской литературы и детского чтения, критик.

230. ВО. 1879. Т. 2, отд. «Для младшего возраста». В дальнейшем печаталось без загл. 14 мая 1878 г. Суриков писал Соловьеву-Несмелову: «Для журнала «Обучение и воспитание» я начал писать стихотворение, но оно за моим отъездом, вероятно, так и останется неоконченным, а м. б. его окончу в степи, — план увезу в голове. Мне советую перед М. К. Цебриковой, — дал ей обещание написать стихотворение и постараюсь это исполнить» (Письма. С. 32). Трудно сказать, о каком ст-нии могла идти речь. Весной 1878 г. Суриков, тяжело больной, по совету врачей отправился на кумыс, в Самарскую степь. Ст-ние «Ласточка» явно навеяно этими впечатлениями.

231. ВО. 1880, № 2, отд. «Для детского чтения». Над этим ст-нием Суриков работал уже тяжело больным. 19 июня 1879 г. он писал из Крыма И. И. Барышеву: «Жена моя опасается моей слабости, боится, что не догадит меня до Москвы в целости (...) «Дед Клим» мой стал, прах его возьми. И где же? В сосновом лесу я заблудился, хотя и описал этот лес

хорошо» (Письма. С. 69). О замыслах «Деда Клима» Суриков писал А. Н. Якоби еще в письме от 27 апр. 1877 г. Кроме этого ст-ния он собирался писать для ВО еще и сказку. Об этом он сообщил Соловьеву-Несмелову в письме от 14 окт. 1878 г.: «М. К. Цебрикова просила меня письмом, чтобы я что-нибудь написал для ее журнала Воспитание и обучение, — думаю изобразить сказку — «Сумка»; материал для этой сказки у меня есть — и хороший» (Письма. С. 35—36).

232. ВО. 1880, № 6/7, отд. «Для детского чтения». Положено на музыку В. И. Ребиковым.

233. Игр. 1880, № 14. Под текстом примеч. Н. А. Соловьева-Несмелова: «Продиктовано за несколько часов до смерти, в среду, вечером. Уже окончательно обессиленный физически, вспомнил, что дал нам слово, при первой возможности, прислать для нового журнала «Игрушечка» хотя бы небольшую поэтическую картину в несколько строф... Это — вот эти шесть строк специально для них (молодых читателей), высказанных умершим...» Текст в дальнейшем не перепечатывался.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

Леонид Николаевич Трефолев (1839—1905) как сатирический поэт выступал в журналах «Искра», «Будильник», «Осколки». Без имени автора стали популярными песни на его стихи «Дубинушка», «Песня о камаринском мужике», «Когда я на почте служил ямщиком» и др. Теплая дружба, построенная на общих интересах к судьбе крестьянства, связывала его с И. З. Суриковым. Учителяствуя в ярославской воскресной школе, он сблизился с детьми, старался, как вспоминал впоследствии, вглядываться в «маленькие горести и радости» детей, с высоким уважением относился к деятельности К. Д. Ушинского. Трефолев часто обращался к известным фольклорным сказочным сюжетам, однако такие его стихотворения, как «Два Мороза Морозовича», «Песня о Дрёме и Ерёме», переводы из бр. Гримм и Андерсена «Три лентяя», «Княжна на горошине», «Маргаритка», переосмыслились, включая в себя элементы злободневной сатиры.

Подробнее см.: Трефолев Л. Стихотворения/Вступ. статья, подготовка текста и примеч. И. Айзенштока. Л., 1951 (Б-ка поэта, БС).

234. СШ. 1873, № 3, кн. 1. Впоследствии не перепечатывалось.

Д. Н. САДОВНИКОВ

Дмитрий Николаевич Садовников (1847—1883) — поэт, фольклорист, этнограф. Большая дружба связывала его с Я. П. Полонским, который ввел его в круг ведущих русских писателей. Садовников пронес через всю жизнь серьезный интерес к Пушкину; многие годы он посвятил собиранию фольклора (широко известны его сборники «Загадки русского народа», «Сказки и предания Самарского края»). Творчество Садовникова больше всего связано с Волгой (детство и многие годы он провел в Симбирске), ей он посвятил множество стихов, особенно выделяется цикл, обращенный к Стеньке Разину. Органичен интерес Садовникова к детской литературе. Он собирал и записывал детский фольклор (см. его работу: «Этнографические материалы Поволжского края» / «Симбирские губернские ведомости», 1874, № 46, 47), записывал и обрабатывал для детей сказки, народные предания, писал для детей рассказы, был постоянным

автором журналов «Игрушечка», «Детское чтение», «Семейное чтение» Стихи Садовникова для детей не перепечатывались.

Подробнее см.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов/Вступ. статья Б. Л. Бессонова. Биографические справки, подготовка текстов и примеч. В. Г. Базанова и А. М. Бихтера. Л., 1968 (Б-ка поэта, БС).

235. ВЕ. 1877, № 4.

236. Игр. 1880, № 6.

237. ДЧт-1. 1882, № 1.

238. Игр. 1892, № 4, с примеч.: «Это восьмистишие — свежая, поэтическая картинка с берегов Поволжья, — взято из небольшой тетрадки стихов, сохранившихся у детей покойного поэта и не попавших в печать при его жизни».

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

Александр Львович Боровиковский (1844—1905), сын известного украинского поэта и фольклориста, юрист по профессии, крупный ученый в области уголовного права, пользовался славой справедливого судьи и прекрасного адвоката. Не раз выступал в качестве защитника на политических процессах, проявляя свои демократические убеждения. Боровиковский был близок к Некрасову, высоко ценившему его творчество, сотрудничал в «Отечественных записках». Некоторые его произведения пользовались широкой известностью в среде революционной молодежи. В наиболее интенсивные годы работы он проявил серьезный интерес к детской литературе, в 1880-е годы печатался в детских журналах, преимущественно в «Игрушечке».

Подробнее см.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов./Вступ. статья Б. Л. Бессонова. Биографические справки, подготовка текста и примеч. В. Г. Базанова и А. М. Бихтера. Л., 1968. (Б-ка поэта, БС).

239. Игр. 1880, № 13. Это и три следующие стихотворения впоследствии не перепечатывались.

240. Игр. 1880, № 16. См. примеч. 239.

241. Игр. 1880, № 21. См. примеч. 239.

242. Игр. 1881, № 22. См. примеч. 239.

243. «Русская мысль». 1882, № 2. *31 января 1881 г.* — день похорон Ф. М. Достоевского в Петербурге.

А. МИХАЙЛОВ (А. К. ШЕЛЛЕР)

Александр Константинович Шеллер (1838—1900) — прозаик, поэт, переводчик, публицист. Начало его творчества падает на 1860-е годы, без ведома автора его стихи были опубликованы в «Современнике» за подписью: А. Михайлов. Его большие романы, а в дальнейшем и Собрание сочинений, печатались под фамилией Шеллер-Михайлов. Детская литература в творчестве Шеллера-Михайлова занимала серьезное и значительное место. Он принимал участие в судьбе обездоленного ребенка и сделал

попытку организовать общедоступную школу для бедных детей. Активно печатался в различных детских журналах. В произведениях для детей проявились его демократические устремления и идеалы.

Подробнее см.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов/Вступ. статья Б. Л. Бессонова. Биографические справки, подготовка текста и примеч. В. Г. Базанова и А. М. Бихтера. Л., 1968 (Б-ка поэта, БС).

244. СШ. 1873, кн. 1. Положено на музыку В. И. Ребиковым, А. Е. Лозовым, И. С. Ходоровским.

245. СШ. 1875, № 4.

246. СШ. 1875, № 8, кн. 1.

247. ВО. 1878, отд. «Детское чтение для старшего возраста», в цикле «Из песен о городе».

248. Рдн. 1882, № 3.

249. Игр. 1884, № 42/43.

250. Игр. 1884, № 47.

251. Игр. Юбилейный сб. 1880—1890. Спб., 1890.

С. Я. НАДСОН

Семен Яковлевич Надсон (1862—1887) начал печататься в 1885 г. Первая его книга «Стихотворения» (Спб., 1885) была удостоена Пушкинской премии. Поэзия Надсона пользовалась популярностью и в то же время вызывала полемику. Стихи его часто перепечатывались в детских журналах, но специально для детей он почти не писал.

Подробнее см.: Надсон С. Я. Стихотворения/Вступ. статья Г. А. Бялого, подготовка текстов и примеч. Ф. И. Шушковой. Л., 1962 (Б-ка поэта, БС).

252. Дчт-1. 1884, № 3.

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828—1905) в историю литературы вошел прежде всего как переводчик с французского, немецкого и английского языков (переводил Шекспира, Гейне, Байрона, Лонгфелло, Бодлера). В 1890 г. ему была присуждена Пушкинская премия за перевод пьес Шекспира «Ричард II» и «Антоний и Клеопатра».

Михаловский был близок журналам «Современник» и «Отечественные записки», там были напечатаны почти все его произведения. Оригинальных стихов у Михаловского было немного, чуть более десяти стихотворений написал он для детей: они печатались в «Игрушечке» и «Детском чтении». Стихи эти пользовались популярностью, неоднократно переиздавались в различных книгах для детского чтения, вошли в кн.: Михаловский Д. Л. Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения. В 2-х т. Спб., 1896.

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов/Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические

справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

253. Дчт-1, 1885, № 3.

254. Игр. Юбилейный сб. 1880—1890. Спб., 1890. Положено на музыку А. Е. Лозовым.

255. Игр. 1892, № 5, без загл. - ДрД. 1903, № 1.

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

Константин Константинович Случевский (1837—1904) дебютировал в поэзии с двадцати лет, в 1860-е годы печатался в «Современнике» и «Отечественных записках». Современник Тургенева, Некрасова, Фета, Случевский был одним из тех, кто соединил в своем творчестве признаки поэзии XIX и XX вв. Напряженная, философская лирика Случевского, казалось бы, не могла быть близкой детям. Но в 1890 г. Случевский принял издание журнала «Книжки моих старших детей», ниже сокращенно: КМСД. Название, вероятно, условное, так как его сыну Константину (впоследствии он печатался под псевдонимом «Лейтенант С», погиб в Цусимском сражении) исполнилось к тому времени лет шесть, дочь Александрина была совсем маленькой. Издание, составленное полностью из его сочинений, преследовало широкие задачи. Судя по прозе, автор стремился дать читателю глубокие представления из истории, из жизни природы и т. п. Вошедшие в КМСД стихотворения в большинстве отобраны из уже опубликованных. Сохраняя без изменения текст, автор давал стихам новые названия. В наст. изд. стихотворения печатаются в той последовательности, в какой они были в КМСД.

Подробнее см.: Случевский К. К. Стихотворения и поэмы/Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. В. Федорова. Л., 1962 (Б-ка поэта, БС).

256. «Современник». 1860, № 2.

257. РВ. 1884, № 12, без загл. - КМСД. Т. 1, кн. 4.

258. ОЗ. 1860, № 5, под загл. «Утро в деревне». - КМСД. Т. 1, кн. 5.

259. Стихотворения. Спб., 1890. Кн. 4, без загл. - КМСД. Т. 1, кн. 6.

260. РВ. 1883, № 10, без загл. - КМСД. Т. 1, кн. 7.

261. КМСД. Т. 1, кн. 8. Впоследствии не перепечатывалось.

262. «Иллюстрация». 1859, № 83, без загл. - КМСД. Т. 1, кн. 9.

263. Стихотворения. Спб., 1880, без загл. - КМСД. Т. 1, кн. 10.

И. И. КОСЯКОВ

И. И. Косяков с середины 1880-х годов постоянно печатался в «Задуманном слове». Выпустил две книжки стихов: Детвора. Одесса, 1898; Стихотворения для детей. Спб., 1907. Многие из его стихов пользовались

большой популярностью, перепечатывались в различных сб. без имени автора.

264. ЗСл-1. 1886, № 2. Положено на музыку А. А. Балабановым.

265. ЗСл-1. 1889, № 22, под загл. «Она». - Стихотворения для детей. Спб., 1907. Положено на музыку Ц. Кюи, Н. С. Потоловским и др.

266, 267. «Детвора». Одесса, 1898.

А. В. КРУГЛОВ

Александр Васильевич Круглов (1852 или 1853—1915) родился в Великом Устюге Вологодской губернии. После нескольких неудачных выступлений в литературе он издал книгу рассказов «Живые души» (Спб., 1875), вызвавшую одобрительный отзыв Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Круглов много печатался, но вошел в литературу главным образом как писатель для детей. Его стихи, рассказы и повести печатались из номера в номер на страницах «Задушевного слова», «Семьи и школы», «Игрушечки», «Светлячка». Отдельными изданиями вышли его книги: Зимние досуги. Спб., 1880; Подарок на елку. Спб., 1880; Рассказы и сказки для маленьких детей. Спб., 1885; Вечерние досуги. Спб., 1885; Незабудки. Спб., 1885; Детям. Спб., 1894; Доброе слово. Спб., 1902; На скользком пути. М., 1903. Теоретическим вопросам он посвятил книгу: «Литература „маленького народа“». М., 1884.

Подробнее см.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов/Вступ. статья Б. Л. Бессонова. Биографические справки, подготовка текста и примеч. В. Г. Базанова и А. М. Бихтера. Л., 1968 (Б-ка поэта, БС).

268. ДЧт-1. 1876, № 5.

269. Игр. 1880, № 36.

270. ЗСл-2. 1886, № 7.

271, 272, 273, 274. Детям. Спб., 1894.

275. Игр. 1896, № 7.

276. ДЧт-1. 1901, № 6.

С. Д. ДРОЖЖИН

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848—1930) родился в семье крепостного, его образование — «две неполных зимы» в школе. Более тридцати лет скитался в поисках заработка по России, сменил множество профессий. С конца 90-х годов большей частью жил в родной деревне Низовка Тверской губернии, занимался сельским трудом и литературой.

Едва ли не большая часть поэзии Дрожжина вошла в детское чтение. Далеко не полностью собраны его стихи, рассыпанные по множеству детских журналов. Отдельными изданиями для детей вышли: «Год крестьянина. Стихотворения С. Д. Дрожжина. Для детей и юношества». М., 1899; «Родная деревня. Стихотворения С. Д. Дрожжина для детей и юношества». М., 1905 (ниже сокращенно: РД); «Четыре времени года. Сельские идиллии для детей». М., 1914 (ниже сокращенно: ЧВГ).

Подробнее о нем см.: Дрожжин С. Стихотворения/Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Л. Ильина. Л., 1949 (Б-ка поэта, МС).

277. СВ. 1878, № 10.-- Стихотворения. 1866—1888. Спб., 1889.

278. СВ. 1878, № 9.- - РД.

279. ДЧт-1. 1897, № 5, без загл.- - РД.

280. ЗСл-2. 1884, № 18, под загл. «В летнюю пору».- - РД.

281. Игр. 1882, № 3, под загл. «Птичка-синичка».- - ЧВГ. Положено на музыку Ц. Кюи.

282. ДЧт-1. 1884, № 1.

283. ЗСл-1. 1884, № 12. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

284. ЗСл-2. 1887, № 21. Положено на музыку Н. С. Потоловским.

285. ЗСл-2. 1884, № 3.

286. ДЧт-1. 1888, № 7.

287. ДЧт-1. 1890, № 4, под загл. «Царство вешних дней».-- РД.

288. Песни крестьянина. М., 1898. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

289. Песни крестьянина. М., 1898.

290. ДЧт-1. 1892, № 5.

291. ДЧт-1. 1897, № 4.

292. ДМ. 1898, № 6. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

293. ЗСл-1. 1900, № 25.

294. СШ. 1905, № 2. «Весна идет, весна идет» — цитата из стиха Ф. Тютчева «Весенние воды».

295. ЧВГ. *Всё зазеленело* и т. д. Ср. стих А. Н. Плещеева «Травка зеленеет...» из цикла «Сельские песни».

296. ДрД. 1905, № 22.

297. Мл. 1916, № 10.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — поэт, прозаик, драматург, один из зачинателей русского декаданса. В 1920 г., враждебно встретив революцию, Мережковский, вместе с женой, поэтессой З. Н. Гип-

пиус, эмигрировал во Францию, умер в Париже. Мережковский изредка печатался в журналах для детей: «Игрушечка», «Родник», в сборниках.

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов/Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

298. Игр. 1885, № 5.

К. ЛЬДОВ (К. Н. РОЗЕНБЛЮМ)

Литературный путь Константина Льдова (наст. имя — Витольд-Константин Николаевич Розенблюм, род. 1862) начался сразу же после окончания Петербургской гимназии. Он активно печатался во многих журналах и газетах, за поэтический сборник «Отзвуки души» (Спб., 1889) был удостоен почетного отзыва имени А. С. Пушкина Академии наук. В 1917 или 1918 г. Льдов уехал за границу, дальнейшая судьба его неизвестна.

Льдов был самым популярным автором «Задушевного слова»: чуть ли не в каждом номере печатались его стихи. В отличие от лирики для взрослых, преимущественно философской и любовной, его стихия для детей носила чаще всего юмористический характер. Они вошли в книги: «Мяу, мяушки, мяу» (Спб., 1900), «Собачкины шалости» (Спб., 1901), «Веселый цирк клоуна Фипса» (Спб., 1903), «Двадцать проказников и десять шалунов» (Спб., 1915) и др. Льдов познакомил русского читателя с творчеством немецкого писателя В. Буша («Веселые рассказы про шутки и проказы». Спб., 1890). Многие стихи в дальнейшем не перепечатывались.

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов/Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

299. ЗСл-1. 1883, № 26.

300. ЗСл-2. 1884, № 13.

301. ЗСл-1. 1884, № 18.

302. ЗСл-1. 1885, № 6.

303. ЗСл-1. 1886, № 13. Положено на музыку А. А. Балабановым.

304. ЗСл-1. 1886, № 18.

305. ЗСл-1. 1887, № 7.

306. ЗСл-2. 1887, № 26.

307. ЗСл-2. 1889, № 1.

308. ЗСл-2. 1898, № 4.

309. ЗСл-1. 1899, № 15—16.

310. ЗСл-2. 1900, № 17.

311. ЗСл-2. 1900, № 35.

312. «Собачкины шалости: Веселые рассказы в стихах». Спб., 1901.

313. ЗСл-1. 1903, № 19.

И. А. БЕЛОУСОВ

Иван Алексеевич Белоусов (1863—1930) — сын мелкого ремесленника, владелец небольшой портновской мастерской в Москве.

Был участником «Суриковского литературно-музыкального кружка», объединявшего писателей-самоучек, после смерти Сурикова стал его руководителем. Личная дружба связывала его с А. П. Чеховым, И. А. Буниним, Л. Андреевым, Н. Д. Телешовым, Е. Грузинским. Книги Белоусова «Ушедшая Москва» (1924), «Литературная Москва» (1926), мемуары и обширная переписка с писателями представляют интерес для знакомства с целой эпохой литературной жизни Москвы. Большинство произведений Белоусова адресовано ребенку: они печатались из номера в номер, ежемесячно, в разных журналах для детей, многие были положены на музыку. В большинстве ст-ния эти не перепечатывались. Другие ст-ния вошли в издания: Из песен о труде. М.: Изд. журн. «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1897; Малыши: Рассказы и стихи. Спб., 1893; Моим деткам: Рассказы и стихи. М., 1898; Весенние гости. М., изд. журн. «Детское чтение» и «Педагогический листок». 1905 (ниже сокращенно: ВГ); Ласточки. Сб. стихотворений для детей младшего возраста. М., 1908.

314. ДЧт-1. 1898, № 2.

315. Игр. 1901, № 4.

316. Игр. 1902, № 6. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

317. ВГ. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

318. Слн. 1905, № 1. Положено на музыку Н. А. Маныкиным-Невструевым, Н. С. Потоловским.

319. КЗ. 1905, № 8.

320. СШ. 1905, № 2.

321. СШ. 1905, № 8.

322. Тр. 1907, № 13.

323. Св. 1907, № 15.

324. ЗД. 1907, № 18.

325. Слн. 1909, № 6. Положено на музыку Ц. Кюи.

326. ЮР. 1911, № 5.

327. ДУ. 1913, № 3.

М. П. ЧЕХОВ

Михаил Павлович Чехов (1865—1936), брат А. П. Чехова, — автор водевилей, повестей. Книга «Очерки и рассказы» (Спб., 1904) была удостоена «почетного отзыва имени А. С. Пушкина» Академии наук. М. П. Чехов был первым биографом А. П. Чехова, известностью пользуются его книги «Вокруг Чехова» (М., 1933), «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте» (совм. с М. П. Чеховой. М., 1937). С 1922 г., вместе с М. П. Чеховой, принимал участие в создании Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, был его хранителем.

Впервые к детской литературе обратился в 1880-е годы.

В журнале «Детское чтение» он опубликовал несколько рассказов под псевдонимом «М. Богемский» (А. П. Чехов шутливо называл этот период в жизни брата «детскобогемским»). В 1907—1917 гг. М. П. Чехов издавал в Петербурге двухнедельный журнал «Золотое детство» (ниже сокращенно: ЗД). Раздел поэзии в нем вели, за редким исключением, два автора под псевдонимами Кузнечик и Ирис. В разделе прозы их было семь-восемь: за каждым из них было закреплено свое амплуа. М. Богемский и М. Б-ский печатали приключенческие повести; из номера в номер шли построенные на увлекательном сюжете рассказы о животных разных стран, их писал С. Вершинин. Новеллы бытового содержания принадлежали перу К. Треплева. Над заметками, эссе, другого рода публикациями трудились М. П., М. Ч., К. Тр. Двести сорок номеров было сделано руками этого авторского коллектива, за которым стоял один человек — М. П. Чехов. Ст-ния из журнала в дальнейшем не перепечатывались.

328. ЗД. 1907, № 19, подп. Кузнечик.

329. ЗД. 1907, № 23, подп. Кузнечик.

330. ЗД. 1909, № 22, подп. Кузнечик.

331. ЗД. 1910, № 2, подп. Кузнечик.

332. ЗД. 1911, № 8, подп. Ирис.

333. ЗД. 1913, № 11, подп. Ирис.

334. ЗД. 1913, № 15, подп. Кузнечик.

335. ЗД. 1914, № 2, подп. Кузнечик.

О. А. БЕЛЯЕВСКАЯ

Ольга Александровна Беляевская (даты жизни неизвестны) начала печататься в конце 1880-х гг., последние ее публикации относятся

к 1918 г. Писала преимущественно для детей, но участвовала и в сборниках для взрослых («Волны вечности в русской художественной литературе». Киев, 1914 и др.). Беляевская была постоянным автором «Тропинки», печаталась также в журналах «Детское чтение», «Солнышко», «Читальня народной школы» и др. Отдельными изд. вышли ее книги: «Капель». Спб.: Изд. журн. «Тропинка». 1908; «Золотой поясок». Спб.: Изд. журн. «Тропинка», 1914 (ниже сокращенно: ЗП). Ст-ния, не вошедшие в эти книги, не перепечатывались.

336. ДЧт-1. 1888, № 6.

337. ДЧт-1. 1890, № 1.

338. ДЧт-1. 1890, № 7.

339. Тр. 1907, № 22.

340—343. Капель. Спб., 1908.

1. Тр. 1907, № 16. Положено на музыку Ц. Кюи.
2. Капель. Спб., 1908. Положено на музыку Ц. Кюи.
3. Тр. 1907, № 23.
4. Тр. 1906, № 22.

344. Тр. 1909, № 7.

345. Слн. 1912, № 4.

346. Слн. 1913, № 5.

347—352. ЗП.

1. Слн. 1913, № 3.
2. ЗП.
3. Тр. 1911, № 16.
4. Тр. 1912, № 9.
5. ЗП.
6. Тр. 1908. № 24.

353—356. ЗП.

1. Слн. 1910, № 3.
2. ЗП.
3. Слн. 1910, № 1. Положено на музыку Ц. Кюи.
4. Тр. 1912, № 12.

357. Рдн. 1915, № 3.

С. Г. ФРУГ

Семен Григорьевич Фруг (1860—1916) родился на Украине, в еврейской земледельческой колонии Бобровый Кут Херсонской губернии. С детства он выучил русский язык, хорошо знал русскую поэзию. Стихи Фруга — о сострадании к угнетенным, романтические поэмы о библейских пророках. В 1904—1905 гг. вышло пятитомное Полн. собрание соч.—итог его двадцатилетней работы.

Фруг был постоянным автором «Задушевного слова» и «Детского чтения», писал и для младшего и для старшего возраста. Стихи Фруга для детей не перепечатывались.

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

358. ЗСл-1. 1885, № 19, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

359. ЗСл-2. 1886, № 3, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

360. ЗСл-1. 1886, № 5, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

361. ЗСл-2. 1886, № 17, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

362. ДЧт-1. 1888, № 3.

363. ДЧт-1. 1888, № 6.

364. ЗСл-1. 1888, № 9.

365. ЗСл-1. 1888, № 13, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

366. ЗСл-2. 1888, № 14. Эпиграф из «Евгения Онегина» (гл. 7, XLIV).

367. ЗСл-1. 1889, № 9.

368. ЗСл-1. 1889, № 12, подп.: С. Ф. Бобров-Кутский.

369. ЗСл-1. 1889, № 14.

370. ЗСл-2. 1889, № 19.

371. ЗСл-1. 1890, № 7.

372. ЗСл-2. 1916, № 48. В ст-нии использованы мотивы Ветхого завета (кн. Исаяи, гл. XI, ст. 6 и след.). *Книга древняя* — Библия.

К. М. ФОФАНОВ

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) долгое время оставался незамеченным в литературе, служил газетным и журнальным поденщиком. Благодаря отзыву С. Я. Надсона вызвал интерес, привлек внимание Я. П. Полонского, И. Е. Репина. Фофанов — один из самых плодовитых поэтов, но стихи его, разбросанные по многочисленным журналам и разные по художественному уровню, не собраны до конца. Фофанов хорошо знал и понимал психологию детства: он печатался в «Задушевном слове», «Игрушечке», «Журнале для детей» и др. журналах. Стихи (за исключением № 373, 377, 379) не перепечатывались.

Подробнее см.: Фофанов К. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Г. М. Цуриковой. Составление, подготовка текста и примеч. В. В. Смирнского. Л., 1962 (Б-ка поэта, БС).

373. Игр. 1895, № 8. В «Маленьких поэмах» (Спб., 1887) ошибочно датировано: 1887. Положено на музыку Н. Черепнинным.

374. ЖдД. 1886, № 5.

375. ЖдД. 1886, № 12.

376. ЗСл-2. 1887, № 8.

377. ЗСл-2. 1887, № 10.

378. ЗСл-2. 1887, № 12.

379. Стихотворения. Спб., 1889.

380. Игр. 1893, № 12.

381. Игр. 1896, № 2.

382. СС. 1920, № 1/6. М. Горький, редактор этого первого после революционного журнала для детей, высоко ценивший Фофанова, вероятно, получил это стихотворение от его детей или близких. В стихотворении использован мотив сказки Г. Х. Андерсена «Снежный человек».

А. М. ФЕДОРОВ

Александр Митрофанович Федоров (1869—1949), сын крепостного крестьянина, одиннадцати лет остался круглым сиротой. Одаренность проявилась вначале в его театральных увлечениях: с конца 1880-х гг. он несколько лет скитался по театральной провинции, играл самые различные роли. С начала 1880-х гг. Федоров полностью отдается литературе, сближается с Бунинным, Купринным, Чеховым. С конца 1890-х гг. выходят книги его стихов, прозы, пьес, переводов. В 1911—1913 гг. он издает в Москве Собрание сочинений. В годы революции Федоров уезжает за границу и живет, работая преподавателем русского языка и литературы, до самой смерти в Болгарии. Федоров много писал для детей, печатался в «Роднике», «Задушевном слове», «Игрушечке» и др. Стихотворения, представленные в наст. изд. (за исключением № 385, 388), не перепечатывались.

Подробнее о нем см.: Поэты 1880—1890-х годов/Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, библиографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

383. Игр. 1891, № 9.

384. Рдн. 1903, № 12.

385. Рдн. 1904, № 16, - Собр. соч. Т. 4.

386. Рдн. 1905, № 13.

387. КЗ. 1905, № 24.

388. Рдн. 1906, № 24.
 389. Рдн. 1908, № 1.
 390. Рдн. 1908, № 7.
 391. Рдн. 1910, № 1.
 392. ЗСл-2. 1911, № 19.
 393. ЗСл-2. 1911, № 30.
 394. Рдн. 1916, № 4.
 395. Рдн. 1916, № 6.

А. А. КОРИНФСКИЙ

Аполлон Аполлонович Коринфский (1868—1937) происходил из семьи крестьянина-мордвина Варенцова. Дед поэта Михаил Варенцов был отправлен учиться на казенный счет в Петербургскую академию художеств. За архитектурный проект, выполненный в коринфском стиле, был награжден золотой медалью, званием академика и получил фамилию Коринфского. Детство А. А. Коринфского прошло в Симбирске, семь лет он учился в одном классе с Владимиром Ульяновым и опубликовал в 1918 г. воспоминания о гимназических годах В. Ульянова и о жизни в симбирской гимназии 1880-х гг. («Вечернее слово», 1918, 1 июня).

Начало литературной деятельности А. А. Коринфского относится к середине 1880-х гг. Он — активный сотрудник многих журналов в Петербурге; одна за другой выходят его книги стихов, литературно-критические этюды о писателях. Коринфский серьезно интересуется фольклором — собирает, изучает сказания, поверья, календарные праздники, особенно Поволжья. Из работ в этой области («Бывальщины», «Песенные сказы», «Трудовой год русского крестьянина») особенно выделяется книга «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901). После революции он занимался только переводами и умер в Твери, в неизвестности.

Значительное место в творчестве Коринфского занимала поэзия для детей: с середины 1890-х гг. он активно печатался почти во всех детских журналах. Его стихи собраны в книги: «На ранней зорьке. Сб. стихотворений для детей». Спб., 1896 (ниже сокращенно: НРЗ); «В детском мире: Второй сб. стихотворений для детей». М., 1909 (ниже сокращенно: ВДМ); «В родном краю: Новый сб. стихотворений для детей». Спб., 1911 (ниже сокращенно: ВРК). Стихи Коринфского детям в дальнейшем не перепечатывались.

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

396. Игр. 1890, № 1, под загл. «Осенью», с посвящ. Н. А. Соловьеву-Несмелову. - НРЗ (см. примеч. 227).

397. ДМ. 1892, № 1, с посвящ. Ванюше Белоусову.--НРЗ. Ванюша Белоусов — сын писателя И. А. Белоусова, см. с. 707.

398. ДМ. 1895, № 1, без загл.--НРЗ.

399. ДЧт-1. 1895, № 9.

400. Игр. 1896, № 1.

401, 402, 403, 404, 405, 406. НРЗ.

407, 408, 409. ВДМ.

410, 411. ПО. 1910, № 10.

412. ВРК.

413. ЮР. 1911, № 5.

414. ЮР. 1912, № 5. *Веснянки* — старинные обрядовые песни, посвященные призыванию и встрече весны. Чаще всего их исполнение приурочивали к различным дням марта и апреля. *Как замочат росы у Алены косы — Дружно сеют лен*. Согласно народным представлениям, майские росы благодворны для посевов. Поэт использует народные пословицы: «Длинные дни — Еленины косы», «На Олену сей лен», «Сеян лен у семи Ален». *Пойте песню-льнянку*. В этот день девушки собирались в хоровод и пели песни о льне, передавая словами и жестами весь процесс от сеяния льна до шитья из льняного полотна.

415. ЮР. 1912. № 6. *К макушке лета*. В старой народной традиции макушкой лета считался июль (пословицы: «Плясала бы баба, да макушка лета настала»; «Всем лето пригоже, да макушка лета тяжела»). *День Петров пришел — опало По листу с дерев...* Петров день отмечался 29 июня, считался переломным с весны на лето («С Петрова дня — красное лето, зеленый покос»), но одновременно поворотом солнца к зиме. *Как Илья остудит воду — Опадет и два*. Согласно народным представлениям, после Ильина дня вода холодеет («Илья бросил кусочек льда»; «Олень копыто обмочил»), и купаться уже нельзя («До Ильи мужик купается, а с Ильи с водой прощается»). Ильин день знаменует поворот на осень. Образ опадающих листьев взят поэтом из народных песен и пословиц. *Июнь-розанцвет* — народная характеристика месяца (ср. в пословицах: «Пришел июнь — розанцвет, отбою от работы нет»; «В июне есть нечего, да жить весело: цветы цветут, соловьи поют»).

416. ЮР. 1915, № 9. «*Кузьминки*» считаются началом зимы, днем первых морозов, веселым праздником молодежи. *Зиньки-синички* — вид синичек, самые мелкие птицы в Европейской части России. *День зинovieв — им праздничек свой*. День Зиновия (30 октября) считался именинным для зинск-синичек (пословицы: «На Зиновья-Зину праздник зинек-синичек»; «Не велика зинька-синичка, а и та свой праздник имеет»). *За морем пышно синичка жила...* — измененное начало популярной народной песни: «За морем синичка не пышно жила, Не пышно жила, пиво варивала» (см. «Великорусские праздничные песни». Изданы А. И. Соболевским. Спб., 1897. Т. 3. № 295 и др.).

417. ЮР. 1916, № 5. *Утренники* — ночные заморозки (до восхода солнца).

Г. ГАЛИНА (Г. А. ЭЙНЕРЛИНГ)

Г. Галина — псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг (в замужестве Гусева-Оренбургская, 1873—1942?). Сведения о ней очень скупы. Она окончила в Петербурге гимназию, служила на телеграфе, позднее сотрудничала в петербургских газетах и журналах. До революции Галина выехала с мужем за границу.

Стихи, написанные ею в начале века, привлекли внимание демократической части общества, за стихотворение «Лес рубят» она была подвергнута в 1901 г. административной ссылке. Многие ее стихи положены на музыку. Внимание привлекли ее переводы из Шекспира, Байрона, Ибсена. Значительная часть творчества Галиной посвящена детям; ее прозаические произведения для детей частично вошли в отдельные книжки: «Сахарный принц и пряничная принцесса» (Спб., 1903), «Сказки для детей» (Спб., 1909), «Что говорят цветы» (Спб., 1909). Стихи, публиковавшиеся в различных журналах для детей, входили в сборники и книги для детского чтения, но большинство осталось в пределах журнальных публикаций.

Подробнее см.: Революционная поэзия (1890—1917) / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. Л. Дымшица. Л., 1954 (Б-ка поэта, БС).

418. Всх. 1901, № 21.

419. Всх. 1904, № 1.

420. Всх. 1904, № 3.

421. Всх. 1904, № 5.

422. Всх. 1904, № 11.

423. Ручеек.

424. ЗСл-1. 1906, № 27. *Дрема* — см. примеч. 1.

425. ЗСл-1. 1906, № 35. В этом ст-нии использованы мотивы фольклорных игровых песенок, ср. № 50.

426. ЗСл-1. 1906, № 44.

427. Всх. 1907, № 2.

428. ЗСл-2. 1907, № 7.

429. ЗСл-2. 1907, № 26.

430. НП.

431. ЗСл-1. 1908, № 3.

432. Всх. 1908, № 7.

433. Св. 1908, № 6.

434. ЗСл-1. 1908, № 17. В ст-нии использованы мотивы сказки Г. Х. Андерсена «Снеговик».

435. ЗСл-1. 1908, № 44.

436. ЗСл-1. 1908, № 46.

437. ЗСл-2. 1909, № 7.

438. Св. 1909, № 7.

439. ЗСл-1. 1909, № 24. См. примеч. 26.

440. Всх. 1910, № 1.

441. ЗСл-1. 1910, № 12.

442. ЗСл-1. 1910, № 13.

443. ЗСл-1. 1911, № 19.

444. ЗСл-1. 1911, № 23.

445. ЮР. 1916, № 5.

Р. А. КУДАШЕВА

Раиса Адамовна Кудашева (1878—1964) родилась в семье служащего Московского почтамта. После окончания гимназии работала гувернанткой, учительницей городской школы; библиотекарем. Первые ее стихи появились в 1896 г., с этого времени она была постоянным автором журналов «Малютка», «Светлячок», «Солнышко», где подписывала свои стихи, сказки и рассказы (а их около 200) псевдонимами «А. Э.», «А. Эр.», «Р. К.».

Многие десятилетия имя ее не было известно в литературе, между тем большим успехом пользовалась созданная ею в начале века книжка-картинка «Бабушка-Забавушка и собачка Бум», подписанная инициалами: Р. К. Ее ст-ние «В лесу родилась елочка...» пели тысячи и тысячи детей, впервые под фамилией автора ст-ние было опубликовано в сб. «Елка». М.; Л., 1941 (ниже сокращенно: Елка). Спустя много лет Кудашева подготовила к печати книжку, в которую вошли и другие переработанные ею прежние стихи: «В лесу родилась елочка...». М.; Л., 1958. В 1960 г. издательство «Малыш» выпустило переработку ее старой сказки «Петушок» с рисунками Мая Митурича. Книжка переиздавалась несколько раз.

446. Мл. 1898, № 10, подп. А. Э. - - «В лесу родилась елочка...». М.; Л., 1958.

447. Мл. 1900, № 9, подп. А.Э.

448. Мл. 1903, № 12, под загл. «Елка», подп. А. Э. - - Елка. Положено на музыку Л. Бекманом. В 1-ой публикации — в виде пьески, разыгрываемой взрослыми и детьми:

ЕЛКА

Гнутся ветви мохнатые
Вниз к головкам детей;
Блещут бусы богатые
Переливом огней;
Шар за шариком прячется,
А звезда за звездой,
Нити светлые катятся,
Словно дождь золотой...
Поиграть, позабавиться
Собрались дети тут,
И тебе, ель-красавица,
Свою песню поют.
Всё звенит, разрастается
Голосков детских хор,
И, сверкая, качается
Елки пышный убор.

⟨Далее ст. 1—12 наст. изд. с незначительными вар.⟩

Веселей и дружней
Пойте, деточки!
Склонит елка скорей
Свои веточки.

В них орехи блестят
Золоченые...
Кто тебе здесь не рад,
Ель зеленая?..

⟨Далее ст. 13—24 наст. изд. с незначительными вар.⟩

Веселей и дружней
Пойте, деточки!
Склонит елка скорей
Свои веточки.

Выбирайте себе,
Что понравится...
Ах, спасибо тебе,
ель-красавица!..

449. Мл. 1904, № 2, подп. А.Э.

450. Мл. 1905, № 8, подп. А.Э.

451. Мл. 1906, № 12, подп. А.Э.

452. Мл. 1907, № 11, подп. А.Э.

453. Мл. 1908, № 4, подп. А.Э.

454. Мл. 1908, № 9, подп. А.Э.

Л. ЧАРСКАЯ (Л. А. ЧУРИЛОВА)

Л. Чарская — псевдоним Лидии Алексеевны Чуриловой (1875—1937). Родилась на Кавказе, рано потеряла мать. После окончания Павловского женского института в Петербурге (1893) не вернулась к родным, начала самостоятельную жизнь и стала принимать серьезное участие в любительских спектаклях. Была замечена и приглашена на вакантное место актрисы Александринского театра, в котором играла с 1898 по 1924 г. Последние годы она прожила в неизвестности. Умерла и похоронена в Ленинграде.

Главным делом ее жизни была литература. С начала века, из номера в номер, журнал «Задуманное слово» печатал повести, рассказы и стихи Чарской. Примерно за пятнадцать лет она написала около 80 книг, неравноценных по своему уровню. Огромной популярностью пользовались повести «Княжна Джаваха», «Люда Власовская», «Записки институтки», «Смелая жизнь», «Газават» и др. Поэзия занимает гораздо меньшее место в ее творчестве (хотя она автор более 200 стихов). Отдельными изданиями вышли две книги стихов: «Веселая дюжина: Стишки для детей младшего возраста». Спб., 1910 (книга посвящена маленькому сыну писательницы, который впоследствии погиб в гражданскую войну, в Красной Армии) и «Голубая волна. Стихи и песни для юношества». Спб., 1912 (ниже сокращенно: ГВ). Большинство ст-ний не перепечатывалось.

455. Зсл-2. 1907, № 36.

456. ГВ.

457. ГВ.

И. А. БУНИН

В ранний период своего творчества Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) многие свои стихи впервые печатал в детских журналах и изданиях для детей. Случалось и так, что публикация в детском издании была вторичной. Но в любом случае публикация в детском издании всегда носила следы специальной работы. Почти для всех стихотворений, обращенных к детскому читателю, характерно название (которое чаще всего снималось в публикации для взрослого читателя), а также объединение ряда стихотворений в циклы, например, по признаку времен года. Эти особенности сохраняются в наст. изд. В тех случаях, когда Бунин вносил в ст-ние существенные изменения, в наст. изд. принимается последняя авт. ред. Отдельными изданиями вышли: «Под открытым небом: Стихи для юношества». М.; Изд. журн. «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1898 (ниже сокращенно: ПОН); «Стихотворения и рассказы». М.; изд. журн. «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1900 (ниже сокращенно: Ст. и расск.); «Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества». М., 1901 (ниже сокращенно: ПЦв). Из публикуемых ст-ний пять впоследствии не перепечатывались (№ 461, 479, 480,

483, 487), одиннадцать перепечатаны только в указанных выше изданиях (№ 474—478, 481, 482, 484—486, 488, 497).

Подробнее см.: Бунин И. А. Собр. соч.: В 9-ти т. / Вступ. статья А. Т. Твардовского. Подготовка текста А. К. Бабореко. Примеч. О. Н. Михайлова, А. К. Бабореко. М., 1965 (ниже сокращенно: Собр. соч.). Вар. этого издания в наст. изд. не приводятся.

458. ДЧт-1. 1887, № 11, под загл. «Ночь». -- ПОН, положено на музыку В. И. Ребиковым.

459. КнН. 1889, № 1. -- ПОН, без последних трех строчек.

460. ДЧт-1. 1898, № 7, в разделе «Летние песни». -- ПОН. Положено на музыку В. Акининым, В. И. Ребиковым.

461. ДЧт., бесплатное прилож. к журн. «Родина» (Спб., 1887—1898), 1888, № 4.

462—463. ПОН.

1. «Наблюдатель». 1891, № 6, под загл. «В лесу». -- ПОН. -- Собр. соч. Положено на музыку В. И. Ребиковым.

2. ДЧт-1. 1898, № 7, в разделе «Летние песни», под загл. «После дождя». -- ПОН. Положено на музыку В. Акининым, Н. А. Остроглазовым.

464. «Стихотворения 1887—1897 гг.». Орел, 1891, без загл. -- ПОН. Положено на музыку В. Акининым, В. И. Ребиковым.

465. ДЧт-1. 1901, № 8.

466. ПОН. Печ. по Собр. соч. Положено на музыку В. Акининым, В. И. Ребиковым.

467. ДЧт-1. 1898, № 6, в разделе «Летние песни». -- ПОН. Положено на музыку В. И. Ребиковым. Об этом ст-нии М. Горький писал: «Это и есть самая чистая поэзия...» (Горький М. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 68).

468. Ст. и расск.

469. «Русское богатство». 1900, № 12, без загл. -- ПОН.

470. «Мир божий». 1898, № 1. -- ПОН. -- Собр. соч. Посвящено матери Бунина Людмиле Александровне Буниной (1834—1910). В начале 1890-х гг. родители Бунина разошлись, и мать с сыном поселились у родственников. Жена писателя В. Н. Муромцева-Бунина писала в своей кн. «Жизнь Бунина» (Париж, 1958): «Сильно страдая за мать, чувствуя, как ей тяжело жить не у себя, чтобы хоть немного порадовать ее, он написал стихи «Мать» и послал ей» (цит. по: Собр. соч. С. 529).

471. ДЧт-1. 1889, № 2, под загл. «В метель». -- Ст. и рассказы. Положено на музыку С. М. Василенко.

472—473. ДЧт-1. 1898, № 7, в разделе «Летние песни».

1. Под загл. «На проселке».

2. Под загл. «Степной вечер». -- ПОН. Положено на музыку В. И. Ребиковым, Н. С. Потоловским.

474—477. ДЧТ-1. 1898, № 10, под загл. «На юге осенью». -- Ст. и расск.

478. ДЧТ-1. 1900, № 4, в цикле «Из «Песен о весне». -- ПЦв.

479—480. ДЧТ-1. 1900, № 4.

481, 482. ДЧТ-1. 1900, № 5, в цикле «Из «Песен о весне». -- ПЦв.

483. ДЧТ-1. 1900, № 5, в цикле «Из «Песен о весне».

484, 485. ДЧТ-1. 1900, № 6, в цикле «Из «Песен о весне». -- ПЦв.

486. ДЧТ-1. 1900, № 8, в цикле «Дома». -- ПЦв.

487. ДЧТ-1. 1900, № 8, в цикле «Дома».

488. ДЧТ-1. 1900, № 8, в цикле «Дома», под загл. «Вечерняя зоря». -- ПЦв.

489. ДЧТ-1. 1900, № 9, в цикле «Дома», последние строки: «И говорят мне про юность далекую, Юные грезы и светлые дни». -- ПЦв.

490. ПЦв., первая строка: «В тайге, в глуши ее зеленой...». -- Печ. по Собр. соч.

491. ДЧТ-1. 1901, № 1.-- ПЦв., без восьмой строфы.-- Полн. собр. соч. Спб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915, без строф 6, 8, 9. -- «Перезвоны». Рига, 1926, № 9, где автор вернулся к тексту первой публикации.

492. ДЧТ-1. 1901, № 6, в разделе «Из «Летних песен». -- ПЦв.

493. Стихотворения 1881—1891 гг. Орел, 1891.-- ДЧТ-1. 1901, № 6, в цикле «Из „Летних песен“», под загл. «Перед дождем».-- ПЦв.

494. ДЧТ-1. 1901, № 1, в разделе «Из «Летних песен». -- ПЦв.

495—497. ДЧТ-1. 1901, № 7, в цикле «На юге». -- ПЦв.

498. «Журнал для всех». 1906, № 7.

П. С. СОЛОВЬЕВА (ALLEGRO)

Поликсена Сергеевна Соловьева (1867—1924) печаталась под псевдонимом Allegro. Дочь известного русского историка, ректора Московского университета С. М. Соловьева, автора многотомной «Истории России». В семье культивировался интерес к наукам, литературе, искусству. П. Соловьева проявила способности к живописи, впоследствии она оформляла книги своих стихов, делала рисунки к другим изданиям. В 1908 г. за поэтический сборник «Иней» была удостоена Академией наук «почетного отзыва имени Пушкина» и золотой Пушкинской медали.

В 1906—1912 гг., совместно с писательницей Н. И. Манасеиной, П. Соловьева издавала журнал для детей «Тропинка», была сама его постоянным автором, публиковала там стихи, поэтические и прозаические сказки, пьесы, загадки, шарады. Выпустила книги: «Елка. Стихи для детей». Спб.: Изд. журн. «Тропинка», 1907 (ниже сокращенно: Елка); Соловьева П. и Манасеина Н. Красное яичко: Рассказы, сказки, стихи. Спб.: Изд. журн. «Тропинка», 1913 (ниже сокращенно: КЯ). В последние годы жизни поэтесса активно сотрудничала в журналах «Воробей» и «Новый Робинзон» (1923—1924).

Подробнее см.: Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. статья и общая редакция Г. А. Бялого. Составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой. Л., 1972 (Б-ка поэта, БС).

499. Тр. 1906, № 8.

500. Тр. 1906, № 8. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, Н. С. Потоловским.

501—502. Тр. 1906, № 13.

503, 504, 505. Елка.

506. Тр. 1909, № 19.

507. Тр. 1910, № 7.

508. Тр. 1910, № 9.

509. Вербочки.

510, 511, 512, 513. КЯ.

А. М. РЕМИЗОВ

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957, Париж). Начал печататься с 1902 года как переводчик. В своем творчестве проявлял большой интерес к преданиям, легендам, апокрифам (это сказалось на языке его произведений), на этом материале строятся многие его сказки, притчи, легенды, романы. Ремизову был близок мир детства, он писал для детей сказки, рассказы, стихи. Публикуемые стихи не перепечатывались.

Подробнее см.: Ремизов А. М. Избранное / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примеч. Ю. А. Андреева. М., 1978.

514. Тр. 1906, № 16.

515. НП.

516. Жв. 1917, № 5/6/7.

С. М. СОЛОВЬЕВ

Сергей Михайлович Соловьев (1885—1941), поэт и литературный критик, троюродный брат А. Блока; долгие годы их связывала дружба. Стихи для детей печатал в «Тропинке», «Проталинке» и др. журналах. В дальнейшем они не перепечатывались.

517. Тр. 1906, № 3.
518. Тр. 1906, № 7.
519. Тр. 1906, № 23.
520. Пр-2.

К. Д. БАЛЬМОНТ

Среди большого и разнообразного поэтического наследия Константина Дмитриевича Бальмонта (1867—1942, Париж) стихи для детей занимают немаловажное место. Бальмонт был постоянным автором «Детского чтения» и «Тропинки», опубликовал там десятки стихотворений и стихотворных сказок. Этим стихам он придавал серьезное значение: все они, за небольшим исключением, входили потом в различные сборники поэта с незначительными вариантами. Большинство ст-ний из книги «Фейные сказки. Детские песенки». М.; Изд. «Гриф», 1905 (ниже сокращенно: ФС), тоже адресованы детям. Трудно установить, что публиковалось раньше — ФС (конец 1905 г.) или цикл «Светлый мир» (ДЧт-1. 1905, № 11), все стихотворения которого вошли в разные разделы книги. В наст. изд. сохранена композиция цикла в соответствии с публикацией для детей.

Подробнее см.: Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примеч. Вл. Орлова. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС).

521. ДЧт-1. 1895, № 7.

522. ДЧт-1. 1899, № 10. Перепечатано М. Горьким в первом советском журнале для детей СС (1919, № 3—4).

523—528. ДЧт-1. 1900, № 3. Вошли в ФС с вар.

529. ДЧт-1. 1904, № 12, без посвящ. - - Злые чары. М., 1906, в цикле «Кружевные узоры». *Ниника* — Нина Константиновна Бальмонт-Бруни (1901 — ?), дочь Бальмонта.

530—540. ДЧт-1. 1905, № 11.

4. Положено на музыку Н. Н. Черепниним.
5. Положено на музыку В. Е. Бюцовым.
6. Положено на музыку Н. Н. Черепниним.
7. Положено на музыку Н. Н. Черепниним, Е. Чикиной, А. А. Эйхенвальдом.
8. Положено на музыку Н. Н. Черепниним.
9. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, Е. Чикиной.
10. Положено на музыку Н. Н. Черепниним, Е. Чикиной.

541—544. ФС.

3. Положено на музыку М. В. Ивановым-Борецким, Н. С. Потоловским, Н. Н. Черепниним.

545—549. ФС.

2. Положено на музыку М. В. Ивановым-Борецким, Н. Н. Черепниным.

4. ФС., без посвящения. --- ДЧТ-1. 1906, № 3.

550. ДЧТ-1. 1906, № 5. В дальнейшем не перепечатывалось.

551. Тр. 1906, № 19. Вошло в сб. «Жар-птица» под загл. «Бог Посвист».

552. Тр. 1906, № 20, вошло в сб. «Жар-птица» под загл. «Сказка рек».

553. Тр. 1907, № 2.

554. ЮР. 1907, № 4. В дальнейшем не перепечатывалось.

555. ЮР. 1907, № 11.

556. ЮР. 1907, № 12.

557. Тр. 1907, № 14.

558. Тр. 1907, № 22.

559. ЮР. 1908, № 2. *Сретенье* — церковный праздник (отмечался 2 февраля) в память внесения младенца Иисуса во Храм (Еванг. от Луки, гл. 2, ст. 22 и след.). По народному поверью, «в сретенье зима с летом встречаются» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956).

560. Тр. 1908, № 5.

561—562. Тр. 1908, № 7. Вошло в кн. «Испанские народные песни». М., 1911.

563. Тр. 1908, № 10.

564. Тр. 1909, № 13. В дальнейшем не перепечатывалось.

565. Тр. 1912, № 11. В дальнейшем не перепечатывалось.

566. Тр. 1912, № 12. В дальнейшем не перепечатывалось.

567. «Только любовь». М., 1903, в цикле «Очертания снов». -- Пр-1. 1914, № 3. Из большого и разветвленного стихотворения Бальмонт оставил одну часть, один мотив «ручейка».

ВЯЧ. И. ИВАНОВ

Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — один из теоретиков символизма, автор поэтических сборников, философско-эстетических и критических работ. Предлагаемое стихотворение одно из немногих, с которыми поэт обращался к детской аудитории.

568. Тр. 1906, № 6. В дальнейшем не перепечатывалось.

В. ПЯСТ (В. А. ПЕСТОВСКИЙ)

В. Пяст (наст. фамилия Пестовский Владимир Алексеевич, 1886—1940) с 1905 г. начал печататься в символистских изданиях «Весы», «Золотое руно». Автор поэтических книг «Ограда» (1909), «Львиная пасть» (1909), «Поэма в ноннах» (1911) и др., отмеченных вниманием автора к разнообразию стихотворных форм и ритмики, что характерно и для публикуемого стихотворения, обращенного к детям.

569. Тр. 1906, № 5. В дальнейшем не перепечатывалось.

А. БЕЛЫЙ (Б. Н. БУГАЕВ)

Андрей Белый (псевд. Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934) — один из представителей символистов «младшего» поколения. Автор многих сборников стихотворений, среди которых выделяется силой поэтического таланта «Пепел», а также романов и теоретических статей.

Подробнее см.: Белый А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и составление Т. Ю. Хмельницкой. Подготовка текста и примеч. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта, БС).

570. Тр. 1906, № 18. В дальнейшем не перепечатывалось. *Соловьев* Сергей Михайлович — см. с. 720.

А. А. БЛОК

В сложном и разнообразном поэтическом мире Александра Александровича Блока (1880—1921) литература для детей занимала немаловажное место. Блок написал немало рецензий на постановки детских сказок на сцене и высказал там интересные соображения о специфике детского восприятия. В его «Записных книжках» рассыпаны значительные мысли о воспитании и детских книгах. Он был постоянным автором «Тропинки», печатался в альманахе для детей младшего возраста «Огоньки». Составил две книги: «Круглый год. Стихотворения для детей». М., 1913 (ниже сокращенно: КГ); «Сказки. Стихи для детей». М., 1913 (ниже сокращенно: ССД). В эти книги он включил стихотворения, публиковавшиеся в изданиях для детей, и те, которые отобрал из других изданий. Некоторые из них подверглись существенной правке. Мы печатаем их в том виде, в каком они вошли в указанные книги.

Подробнее см.: Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. / Под общей редакцией В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Вл. Орлова. М.; Л., 1960—1962 (ниже сокращенно: Блок).

571—573. КГ.

1. Тр. 1906, № 6, под загл. «Вербная суббота». Положено на музыку Р. М. Глиэром, А. Т. Гречаниновым, Ц. Кюи.

574—576. КГ.

1. Собр. стихотворений. М., 1911. Эпиграф—неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Песня»: «Счастливы тот, кому забавы...».

2. Тр. 1908, № 11, под загл. «Ночью». *Шахматово* — усадьба деда Блока, А. Н. Бекетова, в Клинском уезде Московской губернии.

3. Альм. «Корона», без загл.

577—579. КГ.

1. Тр. 1907, № 20, под загл. «Осень».

2. «Киевская Русь». 1908, 4 янв., под загл. «Летний вечер».

3. Сб. «Знания» XXXVIII (1912), под загл. «Осень».

580—582. КГ.

1. «Киевская весна». 1908, 7 янв.

2. Тр. 1907, № 6, под загл. «В марте».

3. Тр. 1907, № 1, под загл. «На рождестве».

583. Альм. «Белые ночи». 1907, в составе 10 строф. Учитывая сложность ст-ния, Блок внес поправки и снял две строфы в ССД.

584. «Нечаянная радость». М., 1907. Вошло в ССД.

585. «Заветы». 1912, № 2. В ССД Блок снял две последние строфы. По предположению Вл. Орлова, тема ст-ния заимствована из рассказа Л. Андреева «Ангелочек». Герой рассказа Л. Андреева, искалеченный жизнью мальчик, связывает свою мечту о возможности счастья с сусальным ангелочком, который тает возле горящей печки. Вл. Орлов указывает также и на сказку Г. Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик», как на отдаленный источник сюжета (см.: Блок. Т. 3. С. 544).

586. Тр. 1906, № 11. Положено на музыку С. В. Панченко.

587. Ог., под загл. «В детской». - - ССД.

588. Ог. *Сочельник* — канун церковных праздников Рождества и Крещенья. Вошло в ССД.

589. Тр. 1912, № 12. Вошло в ССД.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) — один из видных поэтов символизма, творчество его отличал глубокий интерес к фольклору. Постоянные и многочисленные публикации Городецкого в детских журналах были органической частью его литературной работы. Лишь часть этих стихотворений собрана в две книги (остальные в дальнейшем не перепечатывались): «Ия: Стихи для детей и рисунки сочинил и рисовал целых два года Сергей Городецкий. Эту книгу посвящаю Дочкам Ие, Тане, Нане. Также Солнцу и Луне. Детям всем на всей стране». М., 1908 (ниже сокращенно: Ия); «Ау. Стихи для детей». М., 1913 (ниже сокращенно: Ау).

Подробнее о нем см.: Городецкий С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и составление С. И. Машинского. Подготовка текста и примеч. Е. И. Прохорова. Л., 1974 (Б-ка поэта, БС).

590—591. Ия.

1. Тр. 1906, № 11.

2. Тр. 1906, № 23.

592—594. Ия.

- Н. С. Потоловским.
1. Тр. 1906, № 10. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым,
2. Тр. 1907, № 10.
3. Тр. 1906, № 9.

595—596. Ия.

1. ЗСл-1. 1910, № 4.
2. Тр. 1908, № 22.

597. Тр. 1906, № 14. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым,
Н. Н. Черепнинным.

598. Тр. 1907, № 13. Положено на музыку И. И. Корниловым.

599. ЗСл-1. 1909, № 20.

600. ЗСл-1. 1909, № 29.

601. ЗСл-2. 1909, № 51.

602. Тр. 1910, № 22.

603. ЗСл-2. 1910, № 36.

604. ЗСл-2. 1911, № 1.

605. Галч. 1911, № 7.

606. Галч. 1911, № 16.

607. Галч. 1912, № 2.

608. ЗСл-1. 1913, № 1.

609. ЗСл-1. 1913, № 3.

610. ЗСл-1. 1913, № 5.

611. ЗСл-1. 1913, № 7.

612—614. Ау.

1. ЗСл-2. 1909, № 21.
2. ЗСл-1. 1910, № 23.
3. Тр. 1908, № 3.

615. ЗСл-1. 1914, № 4.

М. А. ПОЖАРОВА

Мария Андреевна Пожарова (1884—1959) почти с детства была прикована болезнью к постели и много читала, особенно «Задушевное слово». Позднее, «Сохраняя привязанность к другу и старому товарищу-собеседнику» («Автобиография»— ПД. Ф. 240, оп. 2, № 210), стала постоянным сотрудником этого журнала; печаталась также в

«Роднике», «Солнышке», «Красных зорях», «Золотом детстве» и др. М. Пожарова преимущественно писала для детей (хотя немало ее ст-ний было опубликовано в журналах «Весы», «Аполлон», «Нива», «Заветы» и др.). Отдельным изданием вышли ее книги: «Среди детей, игрушек и зверьков». Спб.; М., 1910; «Веселый уголок. Книга рыженькой Ирочки». Спб.; М., 1914; «Бубенчики». М., Тов-во И. Д. Сытина. 1915 (ниже сокращенно: Бб).

Первую книгу, написанную после революции («Солнечный зайчик», Л., 1924), редактировал М. Горький. С 1924 по 1950 г. вышло одиннадцать книг ее ст-ний для детей, куда вошли отредактированные старые стихи и вновь написанные. Однако далеко не все ее наследство собрано. Большинство из предлагаемых ст-ний не перепечатывалось.

616. Тр. 1908, № 13, под загл. «Разговор». - - Бб.

617. ЗСл-1. 1909, № 15.

618. ЗСл-2. 1909, № 39.

619. Рдн. 1909, № 12.

620. ЗСл-1. 1910, № 11.

621. ЗСл-2. 1911, № 10.

622. ЗСл-2. 1911, № 28.

623. ЗСл-1. 1912, № 24.

624. ЗСл-1. 1912, № 37.

625. ЗСл-2. 1913, № 22.

626. ЗСл-2. 1914, № 2.

627. ЗСл-1. 1914, № 11.

628. Св. 1914, № 20.

629. ЗСл-1. 1914, № 39.

630. ЗСл-2. 1914, № 49.

631. Св. 1915, № 4.

632. ЗСл-1, 1915, № 12.

633. Бб.

634—635. ЗСл-1. 1915, № 22, под загл. «Весной». - - Бб.

636. ЗСл-2. 1915, № 29.

637. Св. 1916, № 23.

638. ЗСл-2. 1916, № 32.
639. ЗСл-2. 1916, № 35.
640. ЗСл-2. 1916, № 40.
641. ЗСл-2. 1917, № 41.
642. ЗСл-2. 1917, № 42—43.

С. СЕВЕРНЫЙ (С. Н. ДУРЫЛИН)

С. Северный — псевдоним Сергея Николаевича Дурылина (1877—1954). Начал печататься с 1906 г., сотрудничал в ряде издательств. С 1945 г. — старший научный сотрудник Института истории искусств АН СССР. Литературовед, искусствовед, театральный критик, автор работ по истории русского театра и русской литературы. Публикуемые ст-ния в дальнейшем не перепечатывались (в наст. изд. вошли все обнаруженные нами ст-ния С. Северного для детей).

643. Маяк. 1901, № 1.

644. Маяк. 1909, № 4.

645. Тр. 1909, № 8.

646. Тр. 1909, № 10.

647. Маяк. 1910, № 12. *Пастернак* Лидия Леонидовна (р. 1902) — сестра поэта Б. Л. Пастернака, с семьей которого С. Н. Дурылин был близок.

648. Маяк. 1910, № 12. *Пастернак* Жозефина Леонидовна (род. 1900) — сестра поэта Б. Л. Пастернака. В детстве ее звали *Жоня*, в тексте первой публикации опечатка — *Женя*. (Сообщено Е. Б. Пастернаком). *Угомон* — см. примеч. 3.

649. Мирок. 1910, № 12.

650. Маяк. 1911, № 8.

651. Маяк. 1911, № 9.

652. Маяк. 1911, № 10.

653. Маяк. 1912, № 11. *Соловьева* Наталья Сергеевна (1908) — дочь поэта С. М. Соловьева, см. с. 720.

654. Маяк. 1913, № 3.

Петр Петрович Потемкин (1886—1926, Париж) — сотрудник юмористических журналов «Сатирикон» (секретарь редакции с 1908 г.), «Новый Сатирикон», один из руководителей петербургского литературного кафе «Бродячая собака». Автор поэтических книг «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912). Постоянно и активно печатался в журнале «Галчонок» (1911—1913), еженедельном приложении к «Сатирикону». В эмиграции выпустил книгу для детей «Зеленая шляпа» (Берлин, 1924). Ст-ния для детей не перепечатывались.

Подробнее см.: Поэты «Сатирикона» / Предисловие Г. Е. Рыклина. Вступ. статья, биографические справки, подготовка текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л., 1966 (Б-ка поэта, БС).

655. Галч. 1911, № 4.

656. Галч. 1912, № 6, подп.: П. П.

657. Галч. 1912, № 20, подп.: П. П.

658. Галч. 1912, № 28, подп.: П. П.

659. Галч. 1913, № 6, подп.: П. П. П.

В. В. КНЯЗЕВ

Василий Васильевич Князев (1887—1937 или 1938) начал печататься с 1905 г., преимущественно в сатирических листках и журналах, выступал как автор басен, пародий, сказок, частушек антимоноархического содержания. Наиболее сильные и известные произведения Князева приходятся на время гражданской войны и послеоктябрьский период. Был постоянным сотрудником «Задушевного слова», «Галчонка», печатал там не только стихи, но и веселые подписи к рисункам. Ст-ния вошли впоследствии в его книжку «Нинкины сказочки». Спб., 1915. Известность получила его шуточная поэма о проделках гимназиста — «Боба Сквозняков» (в соавторстве с П. Потемкиным), вышедшая отдельным изданием в изд. журн. «Сатирикон», Спб., 1912. В. Князев был одним из первых поэтов, стихи которого Горький опубликовал в «Северном сиянии» (1919). После революции, в 20-е годы, вышло несколько его книг для детей.

Подробнее о нем см.: Пролетарские поэты первых лет советской эпохи / Вступ. статья и составление З. Паперного. Подготовка текста, биографические справки и примеч. Р. А. Шацевой. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС).

660. Галч. 1911, № 23.

661. Галч. 1912, № 33.

662, 663. «Нинкины сказочки». Спб., 1915.

Мария Магдалина Франческа Людвиговна Моравская (1889—1947, Чили) родилась в Варшаве. Небольшая автобиография, кончающаяся 1915 г. и посланная А. С. Венгеру по его просьбе для «Словаря русских писателей», — почти единственный источник для сведений о поэтессе (ПД, ф. 327, № 581). В России Моравская оказалась в начале 1890-х годов: после смерти матери отец перевез семью в Одессу. В пятнадцать лет Моравская ушла из дома, начала зарабатывать уроками, перепиской, занялась «вообще добыванием хлеба». В 1906—1907 гг. за участие в политических волнениях сидела в пересыльной тюрьме. Писать начала с детства, печататься с 1911 г. в журналах «Современный мир», «Вестник Европы», «Аполлон», «Новая жизнь». «Мое глубокое убеждение, — писала она в автобиографии, — что русский язык — самый музыкальный для стихов, и я очень радуюсь, что я — русский поэт». В 1914—1915 гг. в Петербурге вышли ее книги: «Цветы в подвале», «На пристани», «Прекрасная Польша». Поэзия Моравской была замечена, о ней писали В. Брюсов, Р. Иванов-Разумник, Д. Тальников. М. Моравская много работала для детей: писала прозу, стихи, сказки. Была постоянным автором журналов «Тропинка», «Родник», «Галчонок», «Солнышко», «Жаворонок» и др., часто печаталась под псевд. «Рики-Тики». Отд. изданием вышла ее книга «Апельсиновые корки. Стихи для детей», с посвящ.: «Дарю эту книжку милым братьям и сестренкам». Спб., 1914 (ниже сокращенно: АК). Для ст-ний из этой книги сохраняется авторское расположение. В 1928 г. вышло второе (сокращенное) издание АК, в наст. изд. оно не учитывается. Ст-ния № 690—693 в дальнейшем не перепечатывались.

664—675. АК.

3. Тр. 1912, № 10.

4. Тр. 1911, № 15, подп.: Рики-Тики.

5. Тр. 1911, № 13, подп.: Рики-Тики.

7. Галч. 1911, № 21.

8. Галч. 1912, № 29.

9. Галч. 1911, № 12. *Верба* — см. примеч. 735—752 (5).

10. Тр. 1911, № 2, подп.: Рики-Тики.

11. Галч. 1911, № 4.

12. *Чумаченко Ада Артемьевна* (1887—1954) — детская писательница, драматург, переводчица. *Миди* — мидии, съедобные моллюски.

676—683. АК.

1. Тр. 1911, № 7, подп.: Рики-Тики.

3. Тр. 1912, № 2.

4. Тр. 1912, № 9.

5. ДМ. 1913, № 17.

684—689. АК.

2. Галч. 1911, № 8, с вар. после ст. 12:

До луны в траве лежали,—
Ножки к брюшку прижимали,
Молча мокли под росой.
Только ночью запищали,
Подыскали костыли
И тихонько побрели
Домой...

5. Слн. 1912, № 2, с вар. после ст. 18:

Ахнул Васька: «Боже мой,
Ишь, столбец-то был живой...
Вот так, братцы, чудеса! —
Колдовские здесь леса!..»

6. Тр. 1912, № 6.

690. Галч. 1913, № 30.

691. Слн. 1914, № 5.

692, 693. Елка-18.

М. И. ЦВЕТАЕВА

Тема детства в творчестве Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941) возникала много раз. Это и стихи к дочери в кн. «Версты» (М., 1922. Вып. 1), и большой цикл «Стихи к дочери» в кн. «Психея. Романтика» (Берлин, 1923), и стихотворные обращения к сыну. Цветаеву глубоко интересовал мир детства, бережно и серьезно говорит она о жизни детской души в кн.: «Вечерний альбом». М., 1910 (ниже сокращенно: ВА); «Волшебный фонарь». М., 1912 (ниже сокращенно: ВФ).

Подробнее о ней см.: Цветаева М. Избр. произведения / Вступ. статья Вл. Орлова. Составление, подготовка текста и примечания А. Эфрон и А. Саакянц. М.; Л. 1965 (Б-ка поэта, БС).

694, 695, 696. ВА, в разд. «Детство». *Валя Генерозова* — соученица М. Цветаевой по московской гимназии Фон-Дервиз. Училась вместе с ней в 6-м классе, где они были «пансионерками» (1906/1907 учебный год). (Сообщено А. А. Саакянц).

697, 698, 699, 700, 701, 702. ВФ. В разд. «Деточки».

703. ВФ. В разд. «Дети растут».

А. Н. БЛАГОВ

Александр Николаевич Благов (1883—1961) участвовал в революционном движении ивановских рабочих. Начал печататься с 1909 г., главная тема его стихов и поэм — жизнь рабочих-текстильщиков. Много писал для детей, был постоянным, активным автором журнала «Маяк». Основные сб. ст-ний Благова вышли после Октябрьской революции, наиболее полный: «Избранное». [Иваново], 1953.

704. Маяк. 1909, № 12, в цикле «На ткацкой фабрике».

705. Маяк. 1910, № 10.

706. Маяк. 1911, № 3, в цикле «Из песен рабочего».

707. Маяк. 1912, № 1, в цикле «Из песен рабочего».

708. Маяк. 1913, № 9, в цикле «Из песен рабочего»

709. Маяк. 1918, № 7/8/9.

Е. Е. НЕЧАЕВ

Егор Ефимович Нечаев (1859—1925) родился в семье рабочего-стекольщика, дед был крепостным. С 9 лет до 57 лет был рабочим на стекольных заводах. В 1885 году Нечаев переехал из Тверской губернии в Москву, стал участником «Московского товарищеского кружка писателей из народа» и одним из основателей «Суриковского литературно-музыкального кружка». До революции его стихи были собраны в книгу «Вечерние песни» (М., 1913), после революции — в сб. «Из песен старого рабочего» (М., 1922). Нечаев много печатался в различных журналах для детей, стихи эти, за редким исключением, в дальнейшем не перепечатывались.

Подробнее см.: У истоков пролетарской поэзии / Вступ. статья А. М. Бихтера. Биографические справки, подготовка текста и примеч. Р. А. Шацевой и О. Е. Афонинной. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС).

710. ЮР. 1910, № 4. *Леонов Максим Леонович* (1872—1929) — поэт, один из основателей «Московского товарищеского кружка писателей из народа».

711. ПО. 1911, под загл. «Думы». - - «Вечерние песни». М., 1913. *Белоусова Ирина Павловна* — жена поэта И. А. Белоусова, см. с. 707.

712. ПО. 1911, № 14.

Ф. С. ШКУЛЕВ

Филипп Степанович Шкулев (1868—1930) родился в бедной крестьянской семье под Москвой. С одиннадцати лет он на ткацкой фабрике, а потом, получив увечье, на поденной работе. Стихи начал писать с пятнадцати лет. В 1902 г. Шкулев участвовал в создании «Московского товарищеского кружка писателей из народа». С этого времени начинается его активная писательская работа. После революции вышли его книги «Гимн труду» (М., 1922, ниже сокращенно: ГТ) и «Кузнецы» (М., 1929). Многие его стихи, особенно «Кузнецы» и «Гимн коммунаров», принесли ему широкую известность. Шкулев много и разнообразно печатался в журналах для детей. За исключением № 718, 720, 722, 725, ст-ния в дальнейшем не перепечатывались.

Подробнее см.: У истоков русской пролетарской поэзии / Вступ. статья А. М. Бихтера. Биографические справки, подготовка текста и примеч. Р. А. Шацевой и О. Е. Афонинной. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС).

713. ДДр-2. 1904, № 8, отд. «Для старшего возраста».

714. ДЧт-1. 1904, № 9.

715. ДДр-1. 1904, № 12, отд. «Для младшего возраста».

716. ЮР. 1909, № 1.

717. ЮР. 1909, № 3.

718. ЮР. 1914, № 2, без последней строфы и посвящ. - - ГТ. *Кошкин Семен Павлович* (1874—1925) — наборщик, после революции — партийный и советский работник.

719. ЮР. 1911, № 3.

720. ЮР. 1912, № 3.

721. ЮР. 1913, № 4.

722. ЮР. 1913, № 8, без загл. - - ГТ.

723. Вербочки.

724. ЮР. 1915, № 6.

725. ЮР. 1916, № 9.

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Стихи для детей занимают в разнообразном творчестве Ильи Григорьевича Эренбурга (1891—1967) скромное место. Отдельным изданием вышла его книга «Детское». Paris, 1914 (ниже сокращенно: Детское). К нескольким ст-ниям из этой книги он вернулся еще раз в 1924 г., переписал их стихотворной строкой (№ 726—728). Однако, судя по его более позднему высказыванию: «Я в жизни многое перепробовал, но для детей никогда не писал» («Люди, годы, жизнь» // Собр. соч. М., 1966. Т. 8. С. 294), об этих стихах забыл.

726—728. Детское. - - «Альманах для детей и юношества», прилож. к журн. «Красная нива». М., 1924.

729—733. Детское.

САША ЧЕРНЫЙ (А. М. ГЛИКБЕРГ)

Саша Черный — псевдоним Александра Михайловича Гликберга (1880—1932, Франция, Прованс). Тема детства в творчестве Саши Черного занимала особое место. Он печатался в разных журналах для детей, издавал ст-ния отдельными книжками. Наиболее интересные из них: «Тук-тук. Стихи для детей». М., 1913 (ниже сокращенно: ТТ); «Живая азбука». Спб.; Библиотека «Жар-Птицы», изд. «Шиповник», 1914. Показательны его ст-ния детям периода эмиграции: из них видно, насколько необходим ему был собеседник-ребенок, с которым поэт делил свои немногие радости и свою трагедию. В эмиграции Саша Черный составил двухтомную хрестоматию. «Радуга. Русские поэты для детей» (Берлин, 1922) и книгу «Детский остров» (Данциг, 1921), с илл. Б. Григорьева (ниже сокращенно: ДО). В эту книгу он собрал изданные ст-ния и добавил много новых.

Подробнее см.: Саша Черный. Стихотворения / Вступ. статья

и общая редакция К. Чуковского. Критико-биографический очерк, подготовка текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Саша Черный. Там же приводятся др. ред. и варианты.

734. ДО.

735—752. ДО.

2. «Киевская мысль». 1911, № 238.

3. Сб. «Жар-Птица». Спб., 1912. Положено на музыку Ю. Д. Энгелем.

5. ТТ, др. ред. *Верба* — здесь: Вербное воскресенье, последний воскресный день великого поста, перед пасхой. В этот день устраивались базары, шумные ярмарки с многочисленными развлечениями, шла торговля сладостями. «*Верба! Верба!*» Ветки вербы, которой в древности приписывались магические свойства, являлись непременной обрядовой принадлежностью праздника, ими шутя били друг друга, сопровождая это различными обрядовыми приговорами.

6. ТТ, с вар.: ст. 26—28:

Боб лошадке, встав с постели,
Клал в животик шоколад
И потом шел с песней в сад.

Ст. 30: Только лошадь удивлялась.

7. «Современник». 1912, № 12, др. ред.

8. *Иммортели* — цветы-бессмертники.

9. ДлД. 1917, № 1.

10. ДО.

11. ДлД. 1917, № 3.

14. *Пономарь* — церковнослужитель, который зажигает свечи, готовит кадило, звонит в колокола.

16. Сб. «Жар-Птица», кн. 1. 1912, с вар. ст. 13—14: «Оттого, что у тебя, дочка, Рот без замочка». Положено на музыку Ю. Д. Энгелем.

17. ТТ, др. ред.

753—760. ДО.

761—767. ДО.

1. «Голубая книжка». Спб., 1912.

768. ДО.

С. А. ЕСЕНИН.

В начале своего творчества Сергей Александрович Есенин (1895—1925) писал стихи для детских журналов — «Мирок», «Доброе утро», «Жаворонок», «Проталинка». В 1916 г. он составил макет сборника для детей (состоит из автографов или авторизованных вырезок журнальных публикаций отобранных стихов) под загл. «Зарянка» (ПД, ниже сокращенно: Зарянка). В итоговое авторское Собрание стихотворений 1926 г. вошла лишь часть стихов этого сборника, некоторые впервые опубликованы в разных изданиях 1940-х — 1950-х гг. В наст. изд. представлены варианты текстов и композиция Зарянки. После революции поэт написал «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» («Пионер», 1925, № 23).

См. также: Есенин С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья И. С. Эвентова. Составление и подготовка текста И. С. Эвентова и И. В. Алексахиной. Примеч. И. В. Алексахиной. Л., 1986 (Б-ка поэта, БС). Ниже сокращенно: Есенин.

769. «Мирок». 1914, № 3. Вольный перевод из поэмы Т. Г. Шевченко «Княжна» (1858). Об этом см.: Есенин. С. 391.

770. Прт. 1914, № 10. - - ДУ. 1915, № 11.

771. «Мирок». 1914, № 12.

772. «Мирок». 1915, № 1.

773. «Мирок». 1915, № 3. - - ЗСл-2. 1915, № 24. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, М. И. Карасевым (под загл. «Весной»), З. А. Левиной, В. Н. Салмановым, Г. М. Шантырем (под загл. «Весна»).

774. ДУ. 1915, № 16. Положено на музыку А. И. Гаршнеком, Ю. Я. Ищенко.

775. ДУ. 1915, № 5/6.

776—785. Как цикл печ. впервые по автографу.

1. «Мирок». 1914, № 2. - - Собр. стихотворений. М.; Л., 1926. Т. 1, без загл., дата: 1910. Автограф ПД (Зарянка). В «Мирке» ст. 1—3:

Пришла зима морозная,
Подула выюга грозная,
Застынула река.

Положено на музыку А. Я. Лепиным, В. Н. Салмановым, Г. В. Свиридовым, Н. И. Сильванским и др.

2. «Мирок». 1914, № 2. Автограф ПД (Зарянка), где вар. ст. 11: «А под густою макушкой». Положено на музыку Э. С. Елисейвой-Шмидт, Э. Д. Заграничным, Т. Б. Назаровой, А. Г. Флярковским, В. Г. Шафранниковым.

3. «Нева». 1955, № 3, по автографу ПД (Зарянка). Печ. по этому автографу, где вар. ст. 2: [Липнет] в окно. *Взрыкает* (от «взрыкивать») — здесь: взвизгивать, поскрипывать. *Тропарь* — церковное песнопение, молитвенная песнь, подчиняющаяся определенному ритму.

4. «Мирок». 1914, № 1, подп.: Аристон. Положено на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем, Ю. Г. Крейном, Н. В. Сильвинским, А. Г. Флярковским и др.

5. «Мирок». 1914, № 4, под загл. «Пасхальный благовест», вар. ст. 10: [Бледная] луна. Печ. по журн. вырезке ПД (Зарянка) с правкой в ст. 10. Вошло в Собр. стихотворений 1926. Т. 4, подготовленный после смерти Есенина, где печ. по тексту «Мирка».

6. Есенин С. Избранное. М., 1952, где по автографу ПД. (Зарянка). Печ. по этому автографу. Положено на музыку В. Н. Салмановым.

7. «Мирок». 1914, № 7. Положено на музыку О. В. Барсковым, А. И. Белашем, Ю. А. Дунаевым, Г. М. Шантырем (под загл. «Лето») и др.

8: «Костер». 1946, № 7, по автографу ПД (Зарянка). Печ. по этому автографу.

9. Есенин С. Избранное. М., 1952, по автографу ПД (Зарянка) Печ. по этому автографу, где вар. ст. 14: «А [мне] радость, а [мне] смех». Положено на музыку А. И. Гаршнеком (под загл. «Ночь под Ивана Купала»), М. Я. Магиденко, Г. В. Свиридовым. Ст-ние навеяно впечатлениями народного праздника Ивана Купалы (24 июня ст. ст.): в праздничную ночь жгли костры, девушки водили хороводы; предполагалось, что в эту ночь вокруг разгуливает нечистая сила. *Ой, купало, ой, купало*. Здесь в качестве припева использован характерный для народных песен мотив. В этих обращениях Купала может выступать и как название праздника и как фантастическое существо (подробнее см.: Тавлай Г. В. «Белорусское купалье». Минск. 1986). *Корогод* — хоровод.

10. «Костер». 1946, № 7, по автографу ПД (Зарянка). Печ. по этому автографу. Положено на музыку М. Я. Магиденко, Г. В. Свиридовым.

786. «Новая жизнь». 1917, 24 дек. (1918, 6 янв.). - - Жв. 1918, № 1, без ст. 25—28. -- «Радуница». М.: Моск. труд. артель художников слова [1918]. Положено на музыку В. Я. Кручининим (под загл. «Пурга»), Г. А. Светловым и др. *Забегала Коляда на село*. В народных колядках, составляющих часть обряда колядования (обряд исполнялся накануне Рождества), постоянно говорится о приходе коляды: «Приходила Коляда накануне Рождества»; «Коляда-моляда, Ты пришла на двор...»; «Как пошла Коляда По улице гулять» и т. д. В славянском фольклоре Коляда являлась воплощением новогодних праздников и, возможно, мифическим существом, с приходом которого связывались надежды на благополучие в начинавшемся году. Мотив усмирения Колядой непогоды в русском фольклоре неизвестен. Подробнее см.: Поэзия крестьянских праздников/Вступ. статья, составление, подготовка текста и примеч. И. И. Земцовского. Общая ред. В. Г. Базанова. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939, Париж) — поэт, критик, переводчик. До революции вышли его стихотворные книги «Молодость» (М., 1908), «Счастливый домик» (М., 1914) и др. Автор книг «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924), «О Пушкине» (1937), «Державин» (1931). Изредка печатался в детских изданиях, писал для детей стихи и прозу.

787. Длд-1. 1917, № 1. Перевод восходит к ст-нию из английской народной поэзии «If all the seas were one sea...». Это ст-ние в 1941 г. перевел также С. Маршак (в публикации 1945 г. загл. «Если бы да кабы...», см.: Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. Л., 1973. Б-ка поэта, БС. С. 831).

788. Елка-18.

В. Я. БРЮСОВ

Среди огромного и разнообразного наследия Валерия Яковлевича Брюсова (1873—1924) произведения для детей занимают небольшое, но существенное место. К теме детства он обращался несколько раз: и

в самом начале пути (90-е годы), и чуть ли не в самом конце. Последние его стихи для детей датируются 1918—1919 гг.

Подробнее см.: Брюсов В. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и сост. Д. Е. Максимова. Подг. текста и примеч. М. И. Дикман. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).

789—793. *Tertia vigilia* (Третья стража). М., 1900.

2. Положено на музыку Ц. Кюи. Перепечатывалось во многих книжках для детей.

3. В ст-нии почти отсутствуют какие-либо связи с мотивами народных колядок (см. примеч. 786). *Козу привели*. Во время святок имел место обычай вождения козы: водили животное или одного из участников обряда наряжали козой. Этот образ мог сопровождать колядование.

4, 5. Пути и перепутья (1892—1901). Собр. стихотворений. М., 1908. Т. 1.

794. *Ugbi et ogbi* (Граду и миру). Стихотворения. 1900—1903. М., 1903. Перепечатывалось во многих сб. для детей. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, В. И. Ребиковым.

795. «Семь цветов радуги»: Стихотворения. 1912—1915. М., 1916. В цикле «Детский блеск очей», с эпиграфом «Я вижу детский блеск очей» из ст-ния А. Фета «Ребенку».

796—797. Последние мечты: Лирика 1917—1919 гг. МСМХХ.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Между с. 256—257

- 1—4. Карион Истомин. Лицевой букварь. ГПБ.
5. Симеон Полоцкий. Гравюра. ПД.
6. А. П. Сумароков. Портрет. ПД.
7. Н. М. Карамзин. Портрет. ПД.
8. А. С. Шишков. Портрет. ПД.
9. Я. К. Грот. Фото. ПД.
10. В. Ф. Одоевский. Фото. ПД.
11. Ф. Б. Миллер. Фото. ПД.
12. Л. Н. Модзалевский. Фото. ГПБ.
13. Н. А. Некрасов. Фото. ПД.
14. Для детей. Стишки Льва Николаевича Модзалевского. Пг., 1916. Обложка книги. Рис. Е. Нарбута.
15. И. З. Суриков. Фото. ПД.
16. А. Н. Майков. Фото. ПД.
17. А. Н. Плещеев. Фото. ПД.
18. Д. Н. Садовников. Фото. ПД.
19. Журнал «Родник». 1883, апрель, № 4. Обложка. Рис. Н. Каразина. ГПБ.
20. А. В. Круглов. Фото. ПД.
21. К. К. Случевский. Фото. ПД.

Между с. 480—481

22. К. Льдов (К. Н. Розенблюм). Фото. ПД.
23. С. Д. Дрожжин. Фото. ПД.
24. И. А. Белоусов. Фото. ПД.
25. К. М. Фофанов. Фото. ПД.
26. С. Г. Фруг. Фото. ПД.
27. Обложка журнала «Детское чтение». ГПБ.
28. А. А. Коринфский. Фото. ПД.
29. А. М. Федоров. Фото. ПД.
30. Г. Галина (Г. А. Эйнерлинг). Фото. ПД.
31. М. Моравская. Фото. ПД.
32. Л. Чарская (Л. А. Чурилова). Фото. ПД.
33. М. А. Пожарова. Фото. ГПБ.
34. Р. А. Кудашева. Фото. ГПБ.

35. Обложка журн. «Тропинка», 1907, 1 января, № 1. ГПБ.
36. К. Д. Бальмонт. Фото. ПД.
37. А. М. Ремизов. Фото. ПД.
38. А. А. Блок. Фото. ПД.
39. П. С. Соловьева. Фото. ПД.
40. С. М. Городецкий. Фото. ПД.
41. Е. Е. Нечаев. Фото. ПД.
42. Ф. С. Шулев. Фото. ПД.
43. Саша Черный (А. М. Гликберг). Фото. ПД.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская поэзия — детям. Вступительная статья Е. О. Путиловой	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

1. «Ходит Сон по сеньюшкам...»	51
2. «Уж ты котя, коток...»	52
3. «Бай-бай-бай...»	52
4. «Баюшки-баю...»	52
5. «Баю-баюшки-баю...»	53
6. «О лю-лю, мое дитятко...»	53
7. «Уж ты петя-петушок...»	54

ПЕСТУШКИ

8. «Тянушки-потянушки...»	54
9. «Тюшки, тютюшки...»	55
10. «А тари-тари-тари!..»	55
11. «Ехали гусары, гусары, гусары...»	55
12. «Едет-гонит на пегом коне...»	56
13. «А ту-ту, ту-ту...»	56
14. «Скок-поскок...»	56
15. «Мишка, Мишка, где штанишки?...»	56
16. «Три-та-та, три-та-та!..»	57

ПОТЕШКИ

17. «Ладушки, ладушки!..»	57
18. «Сорока, сорока...»	57
19. «Идет коза рогатая...»	58

ОБРЯДОВЫЕ. ЗАКЛИЧКИ

20. «Сею-вею, подсеваю...»	58
21. «Жаворонки, прилетите...»	59
22. «Чувиль-виль-виль, жаворóночек!..»	59
23. «Весна красна! На чем пришла?..»	59
24. «Солнышко, распеколнышко...»	59
25. «Солнушко, вёдрушко...»	60
26. «Дождик, дождик, пуше!..»	60
27. «Дождик, дождик, перестань...»	60
28. «Уж ты радуга-дуга...»	60
29. «Коршун, коршун, колесом...»	61
30. «Чайца, чайца...»	61
31. «Божья коровка...»	61

СЧИТАЛКИ И ЖЕРЕБЬЕВЫЕ СГОВОРКИ

32. «Заяц белый...»	61
33. «Огурец, огурец...»	62
34. «Раз, два, три, четыре...»	62
35. «Раз, два, три, четыре...»	63
36. «Ехал Ваня из Казани...»	63
37. «Первёнички, Друженчики...»	63
38. «Перводан, Другодан...»	64
39. «Тани, Вани...»	64
40. «Аты-баты — шли солдаты...»	65
41. «Катилася торба...»	65
42. «На золотом крыльце сидели...»	65
43. «Дора, Дора, помидора...»	65

ИГРОВЫЕ

44. «Гори, гори ясно...»	66
45. «Гори, гори жарко...»	66
46. «Зайнька серенький, где ты был?..»	67
47. «Баба сеяла горох...»	67
48. «Золотые ворота...»	68
49. «Шла торговка мимо рынка...»	68

50. Молчанка («Кошка сдохла...»)	68
--	----

ПЕСНИ-ДИАЛОГИ. СКАЗКИ В СТИХАХ

51. «Кысонька-мурысонька...»	69
52. «Стучит-брячит по улице...»	69
53. «Пошел козел по лыки...»	70
54. «Жил-был у бабушки Серенький козлик...»	71
55. «Жил Кутырь да Мутырь...»	72
56. «Пришел медведь к броду...»	72
57. «У попа была собака...»	72

ШУТОЧНЫЕ И НЕБЫЛИЧНЫЕ ПЕСНИ

58. «Гуси-лебеди летели...»	73
59. «Чигарики-чок-чигары...»	74
60. «Уж ты жор-журавель...»	74
61. «Туру-туру, пастушок...»	75
62. «Из-под вяза, вяза...»	75
63. «Ульяна, Ульяна...»	76
64. «Ехала деревня...»	76

ДРАЗНИЛКИ

65. «Андрей-воробей!..»	77
66. «Коля, Коля, Николай...»	77
67. «Иван-болван...»	77
68. «Катя, Катя, Катюха...»	78
69. «Как по речке, по реке...»	78

СКОРОГОВОРКИ

70. «Пришел Прокоп — кипит укроп...»	78
71. «Свинья тупорыла...»	78
72. «Ехал Грека через реку...»	79

ПРИБАУТКИ

73. «Коси, коса, пока роса...»	79
74. «Семечки — Сенечке...»	79

ХVII — НАЧАЛО ХVIII ВЕКА

В. Ф. БУРЦЕВ

75. <Из «Букваря»> 80

САВВАТИЙ

76. <Из «Наставления ученику»> 81

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

77. <Из «Увещания»> 81
78—80. <Из «Вертограда многоцветного»>
1. <Из цикла «Нрав»> 82
2. Розга 83
3. Учение 83

КАРИОН ИСТОМИН

81. <Из «Лицевого Букваря»> 83
82. <Из «Домостроя»> 84

Ф. П. ПОЛИКАРПОВ

83. <Из «Букваря»> 86

Л. Ф. МАГНИЦКИЙ

84. <Из «Арифметики»> 87

<ИЗ ВИРШЕЙ ВЫГОЛЕКСИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ>

85. «Увеселение есть юноши премудрость...» 87

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

86. <Из «Виршевого Домостроя»> 88

XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА

А. П. СУМАРОКОВ

87. Письмо к девицам г-же Нелидовой и г-же Борщовой 90

Я. Б. КНЯЖНИН

88. Послание к российским питомцам свободных художеств 92

М. Н. МУРАВЬЕВ

89. Ода седьмая 94

М. М. ХЕРАСКОВ

90. К дитяти 95

Г. А. ХОВАНСКИЙ

91. Послание к детям Николушке и Грушеньке 96

Н. С. СМЕРНОВ

92. Покинутое дитя. *Песенка* 97

П. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

93. Баюкальная песенка 98

94. Пятилетнему мальчику 99

А. С. ШИШКОВ

95. Колыбельная песенка, которую поет Анята, качая свою куклу 100

96. Песенка на купанье 100

97. Добросердечная Наташа 102

98. Николашина похвала зимним утехам 103

99. Нищенская 105

Н. М. КАРАМЗИН

100. Весенняя песнь меланхолика	106
101. Анакреонтические стихи	107
102. Вздох	109
103. На смерть девицы * *	110

И. И. ДМИТРИЕВ

104. К младенцу	110
---------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

105. К осемилетнему мальчику	112
--	-----

ХІХ — НАЧАЛО ХХ ВЕКА

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

106. Хор детей маленькой Наташе	114
107. От Аннушки маменьке при подарке альбома	120

Б. М. ФЕДОРОВ

108. Завтра (<i>Подражание немецкому</i>)	122
109. Мороз	123

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

110. Птичка	124
-----------------------	-----

В. А. ЖУКОВСКИЙ

111. Остров	125
112—115. Четыре стихотворения для детей	
1. Птичка	126
2. Котик и козлик	126
3. Жаворонок	126
4. Мальчик-с-пальчик. (<i>Сказочка</i>)	127

К. А. ПЕТЕРСОН

116. Сиротка	129
------------------------	-----

Я. К. ГРОТ

117. Зимнее веселье	129
118. Труд	130
119. Порядок	131
120. К другу	132
121. Письмо из деревни	133
122. Желание	134

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

123. Утренняя песня	134
124. Рукодельная песня	135
125. Песня при входе в класс парами	137

ЭЛИЗА ЭЛЬГЕН

126. Птичка	137
-----------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

127—131. Степка - Растрепка	
1. Степка-Растрепка	138
2. Престрашная история о спичках	138
3. История о мальчике, который не хотел кушать супу	140
4. Андрей-ротозей	140
5. Петр-самолет	142

А. А. ПЧЕЛЬНИКОВА

132. Птичка	142
133—136. Игра в цветы	
1. Роза	144
2. Репей	144
3. Лилия	144
4. Резеда	145

137. Нива	145
---------------------	-----

Ф. Б. МИЛЛЕР

138—142. Подписи к картинкам	
1. «Раз-два-три-четыре-пять...»	146
2. «На базаре нет прохода...»	146
3. «Вот идет старик седой...»	146
4. «Жил-был глупый мальчик Федя...»	147
5. «Няня, няня, посмотри-ка...»	147
143. «Ты приобрел сокровище земное...»	147
144. «Хочешь ли счастьем земным...»	148

С. Т. АКСАКОВ

145. «Прощай, мой тихий, сельский дом...»	148
---	-----

К. С. АКСАКОВ

146. «Мой Марихен так уж мал, так уж мал...»	149
147. Племяннице	150
148. Детская доля	150

Л. Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

149. Приглашение в школу	151
150. Кончил дело — гуляй смело	151
151. Борзый конь	152
152. Мотылек	153
153. Рыбка	153
154. Ожидание весны	154
155. Вечерняя заря весной	154
156. Жаворонок	155
157. Вечер	155
158. Под липой	155
159. Прогулка	156
160. Времена года	156
161. Появление весны	157
162. Соловей	157

163. Воробьи	158
164. К солнцу	158
165. Песня	159

Н. А. НЕКРАСОВ

166. Крестьянские дети	159
167—172. Стихотворения, посвященные русским детям	
1. Дядюшка Яков	166
2. Пчелы	169
3. Генерал Топтыгин	170
4. Дедушка Мазай и зайцы	173
5. Соловьи	178
6. Накануне светлого праздника	180

А. Н. МАЙКОВ

173. Пейзаж	183
174—178. (Из цикла «Дома»)	
1. Мать	184
2. Весна	185
3. Вербная неделя	186
4. Летний дождь	186
5. Сенокос	186
179—181. (Из цикла «Новогреческие песни»)	
1. Колыбельная песня	187
2. Мать и дети	188
3. Ласточка (<i>Народная новогреческая песня</i>)	188
182. Сказание о 1812 году	189

А. А. ФЕТ

183. «Кот поет, глаза прищуря...»	191
184. Рыбка	191
185. Мотылек мальчику	192
186. «Мама! Глянь-ка из окошка...»	192

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

187. Солнце и месяц	193
188. Елка	194
189. Мишенька	198

190. Родник	209
191. «Борис — борись...»	209
192—194. <Из детского альбома>	
1. Барбос	210
2. «Вот-те на! Разбила чашку!...»	210
3. «Не будьте эту девочку...»	210

Д. Д. МИНАЕВ

195. «Гонялся кот за воробьями...»	211
196. «Как из лейки дождик льется...»	211
197. «Внучка маленькая смело...»	211
198. «Скачет маленький ездо...»	212
199. «Не троньте майского жучка...»	212
200. «Зимы уж нет. Небесный свод...»	212
201. «Слушает башмачник старый гусенят...»	212
202. Две овечки	213
203. «Воздух вечера чист...»	213
204. Стужа	213
205. В детском кругу	214
206. Спи, дитя (<i>Колыбельная песня</i>)	215
207. Когда ребенок не хочет спать	215
208. Дайте нам дорогу!	216

И. С. НИКИТИН

209. «Детство веселое, детские грезы...»	217
--	-----

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

210. Нищие	218
211. Ожидания	219
212. Детство	220
213. Зимний вечер	222
214. В бурю	224
215. Из жизни	225
216. На берегу (<i>Картинка</i>)	229
217. Завтра (<i>Сценка из повседневной жизни</i>)	231
218. Старик	234
219. Ненастье (<i>Картинка</i>)	236
220. Бабушка и внучек	238
221. «Огни погасли в доме...»	242
222. Былое	243

И. З. СУРИКОВ

223. Детство	244
224. Горе	247
225. В ночном	249
226. У пруда	250
227. На реке	253
228. Зимой	256
229. Клад (<i>Бабушкина сказка</i>)	257
230. Ласточка (<i>Степная картинка</i>)	266
231. Дед Клим	267
232. Зима	270
233. «Над большим селеньем...»	271

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

234. Девочка со спичками (<i>Из Андерсена</i>)	271
--	-----

Д. Н. САДОВНИКОВ

235. Ребенку	275
236. Весенняя сказка	276
237. Хитрый заяц (<i>Побасенка</i>)	279
238. На Волге	280

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

239. Утро в деревне	281
240. В дорогу!..	282
241. Дуб	283
242. Соловьи	284
243. 31 января 1881 года	284

А. МИХАЙЛОВ (А. К. ШЕЛЛЕР)

244. Школа	286
245. Пророк	288
246. Дети нищих	293
247. Щепки	294
248. Детям	295
249. Туча	296
250. «Вечер зимний, вечер скучный...»	296
251. В непогоду	298

С. Я. НАДСОН

252. У кровати	299
--------------------------	-----

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

253. За уроком	300
254. Два друга	301
255. Цветок	304

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

256. Бандурист	305
257. Полдневный час	306
258. Рассвет в деревне	307
259. Дубок	307
260. Пруд	308
261. Первое тепло	308
262. Две тучи	310
263. Памяти отца	311

И. И. КОСЯКОВ

264. Чик-чирик!	311
265. Всё она	311
266. Наседка	312
267. Промахнулся	313

А. В. КРУГЛОВ

268. В бабки	314
269. После бури	315
270. Без дела	316
271. Старый рыболов	317
272. «Снег да снежные узоры...»	318
273. Эскиз	319
274. Маленькая няня	319
275. С дороги	320
276. Жизнь и книга	321

С. Д. ДРОЖЖИН

277.	В крестьянской семье	322
278.	Детские годы	323
279.	Пахарь	324
280.	Летом	325
281.	«Птичка-синичка...»	326
282.	«Вьюга злится за окном...»	326
283.	Птичка	327
284.	Первая борозда	327
285.	Зимой	328
286.	Песня Микулы Селяниновича	329
287.	Весеннее царство	330
288.	«Я для песни задушевной...»	331
289.	Под черемухой	331
290.	Весеннее утро	332
291.	«Растаял снег среди полей...»	332
292.	Гнездо ласточки	333
293.	В деревне	333
294.	Зимний сон	334
295.	«Всё зазеленело...»	335
296.	Воля	335
297.	Моей внучке Марусе	336

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

298.	После грозы	337
------	-----------------------	-----

К. ЛЬДОВ (К. Н. РОЗЕНБЛЮМ)

299.	Саша-замарашка	337
300.	Рыболовы	338
301.	Коля-бездельник	339
302.	Вот так франт!	339
303.	Господин учитель Жук	339
304.	Кто прав?	340
305.	По первопутку	340
306.	Деревенские дворцы	341
307.	Барabanщик	342
308.	Путешествие вокруг света	342
309.	Спор	343
310.	Лошадь пала	344
311.	Воробьи	344
312.	Странная встреча	345
313.	Жуки	345

И. А. БЕЛОУСОВ

314. Ранняя птичка	346
315. Игра в городки	347
316. «Мирную песенку зяблика...»	347
317. Весенняя гостья	348
318. Осень	348
319. «Увяла елочка! Она...»	349
320. «Всё, во что я верил свято...»	349
321. На реке	350
322. В лесу	351
323. Ласточка	351
324. Летом	352
325. В лесу	352
326. «Приходи пораньше утром...»	353
327. Детская весенняя песенка	353

М. П. ЧЕХОВ

328. Перед осенью	354
329. Уж рамы вставили...	354
330. Теперь уж скоро!	355
331. В город!	356
332. Я жду	356
333. В деревне	357
334. В сенокос	357
335. Всё дождь и дождь	358

О. А. БЕЛЯЕВСКАЯ

336. Ива и тополь	358
337. Елка	359
338. Бабушка и внучка	360
339. В печке	360
340—343. <Из книги «Капель»>	
1. Золотой звон	361
2. Вербочки («Золотые зайчики...»)	361
3. Зимняя сказочка	362
4. Сон-Дрема	362
344. Апрель	363
345. Весенние вести	363
346. Весенние листья	364
347—352. <Из книги «Золотой поясок»>	
1. Вербочки («Вербочки, вербочки, снег по полям...»)	364
2. Весенние вести	365

3.	По грибы	365
4.	Осенние хлопоты	366
5.	Осень	366
6.	Снегурочка	367
353—356.	〈Из цикла «Для самых маленьких〉	
1.	Кто это?	368
2.	А это?	368
3.	Воробышки	369
4.	Почему черепаха свой дом на спине носит	369
357.	Весной	370

С. Г. ФРУГ

358.	Барабан	371
359.	Зимнее утро	371
360.	Катанье с горки	372
361.	Для бедных	372
362.	Детство	373
363.	«Меж сосной и елью осенью глухою...»	374
364.	На катке	375
365.	Легкая работа	375
366.	Мой портрет	376
367.	На морском берегу	377
368.	Скрипка	377
369.	Прогони безделье!	378
370.	Кобзарь	378
371.	Где царство сказок?	379
372.	Золотой век	379

К. М. ФОФАНОВ

373.	«Свечка догорела; спать давно пора бы...»	381
374.	Первый дождь	381
375.	Триолет	382
376.	«Нарядили елку в праздничное платье...»	385
377.	В ожидании отца	385
378.	Фальшивые аккорды	385
379.	Стансы сыну	386
380.	Дары водяного	386
381.	«Дитя мое, вокруг уже темно...»	389
382.	«На дворе играя, дети...»	390

383. Облачко	391
384. «Еще вчера, пустынно голы...»	392
385. Колыбельная песня («Засыпает сынок... засыпает...»)	393
386. «Зной полуденный струится...»	394
387. Колыбельная песня («Спи, мой маленький сынок...»)	394
388. «По дороге степной воз лениво скрипел...»	395
389. Сыну	396
390. Весеннее	397
391. У окна	397
392. «Плачет зима, горько плачет, холодная!..»	398
393. Ручей	399
394. Больному ребенку	399
395. «От луны в аллее тени...»	399

А. А. КОРИНФСКИЙ

396. Прощайте, птички...	400
397. Белый дед	402
398. Одеядьце	404
399. Осенью	404
400. Труд и отдых	405
401. На ранней зорьке	407
402. Лес в половодье	408
403. Летней ночью	409
404. На ниве	409
405. Горе-богатырь	410
406. Малолетка	411
407. Детский мир	412
408. Мой лужок	412
409. «Зябликам навстречу...»	413
410. Смерть зимы (<i>Из «Сказок весны»</i>)	413
411. Моя мать	414
412. Бабье лето	415
413. <Из «Песен о весне»>	417
414. <Из цикла «Майские веснянки»>	418
415. <Из цикла «Июньские сказы»>	419
416. <Из «Октябрьских напевов»>	419
417. В лучах весны (<i>Из «Майских песен»</i>)	420

418.	Дары осени	421
419.	Песня Золушки	422
420.	Солнце и зима	423
421.	Смерть сосны	423
422.	Мое царство	424
423.	Шарманщик	424
424.	Спи, сын!	424
425.	Песня мышек	425
426.	Летний дождик	425
427.	Зимой	426
428.	Утром	426
429.	На весенней заре	427
430.	Сказка леса	428
431.	Утренняя песенка	428
432.	Над рекою	429
433.	Колыбельная песня	429
434.	Снегур (<i>Зимняя сказка</i>)	430
435.	Васильки	431
436.	Зайчата	431
437.	Иней	432
438.	Веселый бал	432
439.	Дождик	433
440.	Елка	433
441.	Дядина сказка	434
442.	С добрым утром	434
443.	Гном и белка	435
444.	На ослике в горах	435
445.	«В мире великом много чудес...»	436

Р. А. КУДАШЕВА

446.	Тройка	436
447.	Два зайчика	437
448.	В лесу родилась елочка	438
449.	Гусенок пропал	439
450.	В поле	440
451.	Зимняя песенка	441
452.	〈Школа〉	441
453.	Это было в декабре	442
454.	Игра	443

455. Кувшинки	444
456. Скачи, мой конь...	444
457. Зима	445

И. А. БУНИН

458. Осенняя ночь	446
459. «Помню — долгий зимний вечер...»	446
460. На пруде	447
461. Весна	448
462—463. После дождя	
1. «Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»	448
2. «Туча растаяла. Влажным теплом...»	449
464. Первый снег	449
465. Ангел	450
466. Летнее утро	451
467. В поезде	451
468. Ночь	452
469. Родина	453
470. Мать	453
471. Метель	454
472—473. На проселке	
1. «Веет утро прохладой степною...»	455
2. «Гаснет вечер, даль синеет...»	455
474—477. В крымских горах	
1. «Здесь осень светлая и тихая стоит...»	456
2. «Но далеко от нас всё это...»	457
3. «И в горы я с утра с двухстволкой уйду...»	457
4. «Степь равниной пожелтевшею...»	458
478. Полая вода	458
479—480. <Из «Песен о весне»>	
1. Апрельский день	459
2. Первый гром	460
481. Майский полдень	460
482. После дождя	461
483. Рассвет	461
484. Летняя картина	462
485. Звездная ночь	462
486. Урожай	462
487. Отдых	463
488. В селе	464
489. Полевые цветы	464

490. Родник	465
491. Крещенская ночь	466
492. В лесу	467
493. «Какая теплая и темная заря!..»	468
494. Вечерняя звезда	468
495—497. <Из цикла «На юге»>	
1. Утро	469
2. У залива	469
3. Вечер	470
498. Детство	470

П. С. СОЛОВЬЕВА (ALLEGRO)

499. Ночь и день	471
500. Подснежник	471
501—502. В летнюю ночь	
1. «Погляди, в саду дорожки...»	472
2. «Ночь и тишина...»	472
503. Мошки	472
504. Колыбельная песня («Баюшки-баю! Песенку спою...»)	473
505. Орехи	473
506. Колыбельная песенка дождя	474
507. Больной мальчик	475
508. Кукушка и сорока	476
509. «Там, на речке, где лесок...»	477
510. «Уж ты бабушка Улита...»	478
511. Уткины подарки	479
512. Лягушки-музыканты	479
513. Веселье	480

А. М. РЕМИЗОВ

514. Заклинание ветра	481
515. Наташе	481
516. У меня бал	482

С. М. СОЛОВЬЕВ

517. Смерть птички	483
518. Голуби	484
519. Возвращение кошки	484
520. Бабушка и внучка	485

521. Колыбельная песня («Легкий ветер присмирел...»)	486
522. Глушь	487
523—528. Испанские колыбельные песни	
1. «Засыпает роза...»	487
2. «Я тебя ласкаю...»	487
3. «Спи, мое дитяtko малое...»	488
4. «Ребенку мать «усни» твердит...»	488
5. «Спи, дитяtko родное...»	488
6. «Спи, моя деточка...»	488
529. Финская колыбельная песня	488
530—540. Светлый мир	
1. Светлый мир	489
2. Прогулка Феи	489
3. Фея в гневе	491
4. Чары Феи	491
5. Фея и снежинки	492
6. Фея и бронзовка	492
7. У чудищ	493
8. Кошкин дом	493
9. Гномы	494
10. Трясогузка	494
11. За грибами	495
541—544. <Из цикла «Детский мир»>	
1. Детский мир	496
2. Сказочки	496
3. Зайнька	497
4. Смешной старик	497
545—549. <Из цикла «Былинки»>	
1. Как я пишу стихи	498
2. Аютины глазки	498
3. Осень	499
4. Осенняя радость	499
5. К зиме	500
550. Травки	501
551. Посвист	501
552. Брат и две сестры	502
553. Облачная лестница	503
554. Праздник весны	503
555. От птицы к птице	504
556. Алая парча	505
557. Пошутит	505
558. Солнышко-ведрышко	505

559. Сретенье	506
560. Узорный сарафан	507
561—562. Испанские детские песенки	
1. «Мотылек, мотылек...»	507
2. «Сестрица лягушка!..»	508
563. Золотое слово	508
564. Нежные	508
565. Светлоглазочке	509
566. Комарики-макарики	509
567. Ручеек	510

ВЯЧ. И. ИВАНОВ

568. Март	510
---------------------	-----

В. ПЯСТ (В. А. ПЕСТОВСКИЙ)

569. В лесу	511
-----------------------	-----

А. БЕЛЫЙ (Б. Н. БУГАЕВ)

570. Вечер в лесу	512
-----------------------------	-----

А. А. БЛОК

571—573. Весна	
1. Вербочки («Мальчики да девочки...»)	512
2. Ворона	513
3. На лугу	513
574—576. Лето	
1. «Я стремлюсь к роскошной воле...»	514
2. «Полный месяц встал над лугом...»	514
3. Блудящий огонь	515
577—579. Осень	
1. Зайчик	515
2. Учитель	516
3. Осенняя радость	517
580—582. Зима	
1. Снег да снег	517
2. Ветхая избушка	518
3. Рождество	519
583. Сын и мать	520
584. У моря	521
585. Сусальный ангел	522

586. Колыбельная песня («Спят луга, спят леса...»)	522
587. Сны	523
588. Сочельник в лесу	524
589. Тишина в лесу	525

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

590—591. З и м а	
1. Первый снег	526
2. Зимняя колыбельная	526
592—594. В е с н а	
1. Весенняя песенка	527
2. Колдун	527
3. Аист	528
595—596. Л е т о	
1. Доктор Козява	529
2. Ящерица	529
597. В лесу	530
598. Колыбельная ветровая	530
599. Просыпайся!	531
600. Вечерняя колыбельная	531
601. Осень	532
602. Первопуток	532
603. Лето	533
604. Дай мне рученьки твои... (<i>Осенняя ласковая песенка</i>)	534
605. Полночь в лесу	535
606. «Здравствуй, весенняя первая травка!..»	535
607. Вешний дождик	536
608. Козочка	536
609. Котенок	537
610. Пять маленьких щенят	537
611. Дед-Мороз на перевозе	538
612—614. <Из книги «Ау»>	
1. Невидимочка	539
2. Грибовница	540
3. По бруснику!	541
615. Кто это?	541

М. А. ПОЖАРОВА

616. Дед и внук	542
617. Пришла весна	542
618. Девочка в лесу	543

619. Заклинание Зимы	543
620. Полюби меня черненьким, а беленьким меня всякий полюбит	544
621. Новый год	545
622. Лес проснулся	546
623. Ирочка весной	546
624. Пчелки	547
625. Сегодня и завтра	548
626. В день рождения	548
627. Колыбельная песенка («Серый козленок...»)	549
628. Мыльные пузыри	549
629. Летом	550
630. Во ржи	550
631. Бедный Дуду	550
632. Тряпичная кукла	551
633. Тучка	552
634—635. Весеннее	
1. «Воробейчик, воробей...»	552
2. «Как забрался в березняк...»	553
636. Здравствуй, весна!	553
637. Заячья семья	553
638. Вешний сад	554
639. Повилика	555
640. Край родной	555
641. В лесу	556
642. На утренней заре	556

С. СЕВЕРНЫЙ (С. Н. ДУРЫЛИН)

643. Песенка ветра	557
644. Колыбельная Котику	558
645. Как Мишка проснулся	559
646. Весна («На тоненьких липках...»)	560
647. Котик	560
648. Ветер	561
649. На сон грядущий (<i>Сказочка</i>)	561
650. «Если мальчику поспится...»	562
651. «В окна дождик гулко стучал...»	563
652. Жмурки	564
653. Снегуркин дом	564
654. Последний снег	565

П. П. ПОТЕМКИН

655. Воронье пугало	565
656. Ветер	566
657. Отъезд на дачу	566
658. Мухоморы	567
659. Охота	568

В. В. КНЯЗЕВ

660. Пляска ночных мотыльков	569
661. Катина песенка	570
662. О том, как гном построил дом	571
663. Сказка о зайчихе	572

М. Л. МОРАВСКАЯ

664—675. <Из цикла «Апельсинные корки»>	
1. Рыболов	573
2. Купальщики	573
3. Неудача	574
4. Мечты	574
5. Грустная история	575
6. Апельсинные корки	575
7. Беглец	576
8. В непогоду	576
9. На вербе	577
10. На льду	577
11. Пленный охотник	578
12. Китайчата	578
676—683. <Из цикла «Звери обиженные»>	
1. Покинутый	579
2. Мокрый щенок	580
3. Волчья тоска	580
4. Сова	580
5. Осленок в зверинце	581
6. Бегемот	582
7. Черепашье горе	582
8. Жалобы слона	582
684—689. <Из цикла «Звери веселые»>	
1. Первое купанье	583
2. Веселые качели	583
3. Медвежата	584
4. Попрошайки	584
5. Суслик	585
6. Новоселье	585

690. Мечты перед экзаменами	586
691. Коноплянка	586
692. Хочу котенка	587
693. Два жука	587

М. И. ЦВЕТАЕВА

694. Наши царства	588
695. Книги в красном переплете	589
696. У кровати	589
697. В субботу	590
698. «Курлык»	591
699. В классе	591
700. На бульваре	591
701. «Так»	592
702. В сквере	592
703. В пятнадцать лет	593

А. Н. БЛАГОВ

704. <Из цикла «На фабрике»> («Гремит станок, свистит при- вод...»)	594
705. Зима	594
706. «И печальна, и бедна...»	594
707. Воронко	595
708. Песня швейки	595
709. В засуху	597

Е. Е. НЕЧАЕВ

710. Встреча	597
711. Ночь	598
712. Старый бор	599

Ф. С. ШКУЛЕВ

713. Пойдем в поля...	600
714. Осень	600
715. Зимой	601
716. Дуб	602
717. Великан	602
718. Наборщики	603
719. Кузнец	604
720. Зимой в деревне	604
721. В деревне	605

722. Молотьба	605
723. Красный звон	606
724. Будешь вовек ты человек...	607
725. Осень в деревне	607

И. Г. ЭРЕНБУРГ

726—728. Колыбельные	
1. «Спи, мой Зайныка...»	608
2. «Спи, неугомонная...»	609
3. «Тише, глупая, тише!...»	609
729—733. На даче	
1. «Воробьи прыгают по березам...»	609
2. «Весной дождик шальной...»	610
3. «Дождик гадкий идет да идет...»	610
4. «Солнце золотой шмель...»	610
5. «Остались на снегу заячьи следы...»	610

САША ЧЕРНЫЙ (А. М. ГЛИКБЕРГ)

734. Детям	611
735—752. <Из цикла «Веселые глазки»>	
1. В раю	612
2. Костер	612
3. Поезд	613
4. Про Катюшу	614
5. На вербе	616
6. Бобина лошадка	617
7. Летом	618
8. Иммортели	618
9. Про девочку, которая нашла своего мишку	619
10. Храбрецы	620
11. Снежная баба	621
12. Плакса	623
13. «Зимой всего веселей...»	623
14. Имя	624
15. Волк	624
16. Приставалка	625
17. На коньках	626
18. Перед сном	626
753—760. <Из цикла «Зверюшки»>	
1. Что кому нравится	627
2. Галчата	628
3. Слон	628

4. Воробей	629
5. «Что ты тискаешь утенка?..»	629
6. Жеребенок	630
7. Теленок сосет	630
8. Кто?	631
761—767. <Из цикла «Песенки»>	
1. Вечерний хоровод	631
2. Мамина песня	632
3. Песня ветра	632
4. Дождик	634
5. Сверчок	634
6. Концерт	635
7. Зеленые стихи	635
768. Дети	636

С. А. ЕСЕНИН

769. Село (<i>Из Тараса Шевченко</i>)	637
770. Молитва матери	637
771. Сиротка (<i>Русская сказка</i>)	638
772. Что это такое?	642
773. Черемуха	642
774. Побирушка	643
775. Бабушкины сказки	643
776—785. З а р я н к а	
1. Воробышки	644
2. Пороша	644
3. «Вечер, как сажа...»	645
4. Береза	646
5. «Колокол дремавший...»	646
6. «Прячет месяц за овинами...»	647
7. С добрым утром!	647
8. «По лесу леший кричит на сову...»	648
9. «За рекой горят огни...»	648
10. Молотба	649
786. «Заметает пурга...»	649

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

787. Английская детская песенка	650
788. Разговор человека с мышкой, которая ест его книги	651

789—793. <Из цикла «Книжка для детей»>	
1. Зеленый червячок	652
2. Мыши	653
3. Коляда	653
4. Утро	654
5. Перед грозой	655
794. Детская	655
795. Две головки	656
796—797. <Из цикла «Маленькие дети»>	
1. Детская площадка	657
2. Колыбельная	658
Примечания	661
К иллюстрациям	737

Р 89 **Русская поэзия детям /** Вступ. статья, составление, подготовка текста, биографические справки и примеч. Е. О. Путиловой. Л.: Сов. писатель. 1989.— 768 с., 43 илл. (Б-ка поэта. Большая сер.). ISBN 5—265—01070—X

Книга впервые представляет читателю образцы поэтических текстов, адресованных непосредственно детской аудитории. Поэзия для детей предстает в сборнике как полноправная часть русской поэтической культуры на протяжении трех столетий.

Р 4702010102—006
083(02)—89 428—88

ББК 84.Р1

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ДЕТЯМ

ЛО изд-ва «Советский писатель», 1989. 768 стр.
План выпуска 1988 г. № 428

Художник В. В. Еремин

Худож. редактор Б. А. Комаров

Техн. редактор Е. Ф. Шареева

Корректоры Ф. С. Флейтман и Э. Н. Липпа

ИБ № 6225

Сдано в набор 28.04.88. Подписано к печати 26.01.89. М24025. Формат 84×
× 108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 42. Уч.-изд. л. 40,35. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1 — 50 000 экз.)
Заказ № 1553. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское
отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный
Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я

Третье издание

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

В двух томах

БОРИС ПАСТЕРНАК

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

В двух томах

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ КОМЕДИЯ,
КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА, ВОДЕВИЛЬ
XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

В двух томах

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

